ПОЛ БАРРЕЛ

КОРОЛЕВСКИЙ ДОЛГ

ЛЕДИ ДИАНА: ЖИЗНЬ И ЛЮБОВЬ В ЗОЛОТОЙ КЛЕТКЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Пол Баррел был больше, чем преданным дворецким леди Дианы, он был ее верным другом и доверенным лицом.

Пол Баррел был близко связан с королевской семьей более 20 лет, но она дорого отплатила ему за это. После смерти принцессы Баррел был обвинен в краже личных вещей и писем леди Ди, позже личное вмешательство королевы перкратило судебное разбирательство.

В своей сенсационной, провокационной книге Баррел, единственный человек, который может отделить вымысел от правды о принцессе, проводит читателя за дворцовые двери, чтобы рассказать удивительную историю королевского долга.

-
- Предисловие
- Глава первая
- Глава вторая
- Глава третья
- Глава четвертая
- Глава пятая
- Глава шестая
- Глава седьмая
- Глава восьмая
- Глава девятая
- Глава десятая
- Глава одиннадцатая
- Глава двенадцатая
- Глава тринадцатая
- Глава четырнадцатая
- Глава пятнадцатая
- Глава шестнадцатая
- Глава семнадцатая
- notes
    -
    -
    -
    -
    -
    -
    -
    -
    -

Посвящается моей жене,
моим детям и принцессе —
вы всегда будете со мной.

Спасибо. «В последнее время люди нередко забывают об этом коротком слове, которое так много значит», — часто повторяла принцесса.

Мне кажется, что нет на свете человека, вкладывавшего столько души и изобретательности в благодарственные письма, как моя хозяйка. Она провела немало часов за столом в гостиной Кенсингтонского дворца, выводя своей перьевой ручкой бесконечные слова благодарности за помощь, доброту, щедрость, гостеприимство, советы или дружбу.

Наверное, единственное, что я уговорил ее сделать, — это записать свои мысли и чувства на бумагу. А она привила мне веру в то, что надо всегда писать благодарственные письма. Ее приучил к этому ее покойный отец — граф Спенсер.

И теперь я хочу сказать спасибо всем, кто помогал мне создавать эту книгу, в которой я постарался запечатлеть жизнь и деятельность принцессы.

Итак, спасибо.

Во-первых, моей жене Марии и моим сыновьям: Александру и Николасу. Мы все пережили трудные времена, но ваша любовь, постоянная поддержка и понимание помогали мне и сделали меня самым счастливым мужем и отцом, который знает, что всегда может рассчитывать на помощь своих родных.

Моему другу Стиву Деннису — за то, что безотказно сопровождал меня на моем литературном пути, а также за то, что разделял мою мечту увековечить память принцессы.

Моему агенту Али Ганн — за бесценные советы, бесконечную поддержку и чувство юмора. Я навсегда останусь вашим должником.

Написание этой книги показало мне, какие титанические усилия требуются для создания произведений такого рода, и «Королевский долг» никогда не вышел бы в свет без участия Тома Уэлдона — моего издателя, которому я хочу сказать огромное спасибо за ум и проницательность, а самое главное — за то, что он поверил в меня и в эту книгу. Кроме того, я выражаю огромную благодарность издательству «Пенгуин» в Лондоне и Нью-Йорке, в частности моему редактору Хейзел Орм — за внимательность, Дженевьев Пегт, Софи Брюэр и Кейт Брант — за

ваш труд и бесконечное терпение. А также американским издателям Кэрол Бэрон и Дженнифер Херши — ребята, вы супер!

Спасибо жителям ирландского города Наас, особенно Мэри Элиф, Лоре и Кевину и остальным сотрудникам отеля «Таун-Хаус» за то, что, благодаря вашим песням и вашему гостеприимству, мы со Стивом чувствовали себя как дома и не сошли с ума за те несколько месяцев

А также адвокатам и юристам, которые защищали меня в суде и смогли отвести от меня несправедливые обвинения: лорду Карлайлу, Рэю Херману, Эндрю Шоу и их помощникам Лесли и Шоне. Никакими словами не описать, как ваша вера в меня помогла мне в те ужасные времена.

И наконец, спасибо близким друзьям принцессы: нет смысла называть ваши имена, вы сами поймете, что это о вас. Я никогда не забуду вашу безграничную поддержку и бесстрашие, с которым вы защищали меня в суде. Мы знаем, что, защищая меня, вы защищали память замечательной женщины, чьи дружба и тепло коснулись всех нас.

Вы держите в руках книгу, которую хотели уничтожить, написанную человеком, которому хотели заткнуть рот. Эта книга — дань памяти принцессе.

Пол Баррел
октябрь 2003

Предисловие

Принцесса скончалась в четыре часа утра в парижской больнице, в воскресенье 31 августа 1997 года. Последний раз я видел ее в живых в пятницу 15 августа, когда она махала мне из окна БМВ, отъезжая от ворот Кенсингтонского дворца.

За день до этого мы были в книжном магазине «Уотер-стоунз» на Кенсингтон Хай-стрит. Мы отправились туда на машине, во-первых, потому что времени было мало, во-вторых, потому что не хотелось тащить назад «обломки гранита науки», как выразилась принцесса: полдюжины книг по психологии и духовному совершенствованию. Она сложила их в багажник, сама села на переднее сиденье, и мы отправились во дворец — принцесса вместе со своей камеристкой Анджелой Бенджамин еще должна была собрать вещи для поездки. Уже у дворца, когда мы свернули на подъездную дорожку, принцесса безмятежно сказала: «Я надеюсь, что смогу хорошо отдохнуть: тишина, приятная компания, легкое чтение».

Ее подруга Роза Монктон арендовала яхту с командой из четырех человек, на которой они с принцессой провели шесть дней у греческих островов. По возвращении принцесса должна была отправиться в Милан, остановиться в отеле «Фор Снзонз» и в течение пяти дней наслаждаться прелестями Италии вместе с другой своей подругой, Ланой Маркс. Она и не думала, что проведет последнюю неделю августа с Доди Аль-Файедом. Она должна была прибыть в Италию с Ланой: номер был забронирован, билеты куплены. Но в последний момент поездка сорвалась — скоропостижно скончался отец Ланы, а принцесса не знала, чем ей заняться, пока мальчики 31 августа не вернутся в Кенсингтонский дворец. Поэтому она приняла приглашение Доди провести оставшуюся неделю на яхте «Джоникал», путешествуя по французской Ривьере и Сардинии.

Впрочем, прежде чем отправиться в эту поездку, она вернулась во дворец на один день — 21 августа — но меня там не было, потому что я как раз отправился с семьей в Ирландию, в Наас, решив, что пока не нужен принцессе, то могу провести время с детьми. 15-го августа в Кенсингтонском дворце, когда она заканчивала сборы, мы разговаривали с Розой и настроение у нас было самое радужное.

— С этим надо что-то делать. Он ей не подходит. Ты можешь как-нибудь на нее повлиять? — спросил я Розу. Я знал, что принцесса прислушивается к ее советам и еще что Розе так же, как и мне, не нравится Доди. Роза улыбнулась и кивнула. Можно

считать, что мы договорились.

Принцесса была в своей гостиной. Она разобрала бумаги на своем столе, выбросила ненужное, затем выставила корзинку с мусором на площадку, проверила сумочку. Когда мы с ней стали спускаться по лестнице, она остановилась на полпути, чтобы еще раз все проверить: «Паспорт, телефон, плеер…» — перечисляла она вслух.

Я стоял, опираясь на перила, и смотрел на нее. На ней было платье от Версаче простого покроя.

— Знаете, принцесса, вы сегодня выглядите просто волшебно! Изумительно! И зачем вам ехать загорать, у вас и так чудный загар!

Она сбежала по ступенькам, весело смеясь. В вестибюле она сказала:

— Подержи минутку, — и, вручив мне свою сумочку, пошла в туалет. Вскоре она вернулась, и мы вместе вышли на залитый солнцем двор. Она села на заднее сиденье БМВ, шофер завел двигатель. Я перегнулся через нее, чтобы пристегнуть ей ремень безопасности.

— Ты мне позвонишь, если сможешь? — спросила она.

— Конечно.

Только на этой неделе она попросила меня сменить ей номер телефона. Ее новый номер знали очень немногие.

— Счастливо тебе съездить, Пол.

Я стоял у дверей, принцесса махала мне из окна. Я глядел, как машина исчезает за поворотом, увозя ее в Хитроу. Она должна была лететь в Афины.

Мы с Марией и детьми поехали на четыре дня в Наас к ее родственникам — Косгроувам. Мы осмотрели замок в Килкенни, посетили деревушку, в которой снимался сериал «Ангел Балликисс», зашли в знаменитый «Паб Фитцджеральда». Мария строго-настрого велела мне забыть о работе и принцессе.

— Ты можешь хоть в эти четыре дня полностью посвятить себя семье? — сказала она.

Но я обещал принцессе позвонить. Она заметила бы мое четырехдневное молчание, поэтому я убедил Марию, что мне нужно прогуляться одному. Когда я позвонил, принцесса и Роза были на палубе. Она сказала, что у них жарко и ярко светит солнце. Я рассказал ей, как в Ирландии дождливо и скучно. Она закончила читать одну из книжек, что взяла с собой, и принялась за следующую. Я пообещал позвонить ей, когда вернусь домой в Фарндон, графство Чешир. К тому времени она будет уже на яхте «Джоникал» с Доди. Я сказал Марии, что после прогулки чувствую себя гораздо лучше.

21 августа принцесса вернулась в Кенсингтонский дворец и тут же поехала в аэропорт Станстед. Оттуда она вылетела в Ниццу. Там она встретится с Доди и они вместе сядут на яхту. Пока принцессы не было, в ее гостиной сделали ремонт, так что когда она заезжала во дворец, то наверняка видела новую обивку на диванах и голубые занавески.

Довольно забавно получилось, что в гостиной сделали ремонт, потому что принцесса, просмотрев журналы о недвижимости в Америке, решила купить дом в Калифорнии, принадлежащий актрисе Джулии Эндрюс [1]. Она надеялась, что там, на берегу океана, она начнет новую жизнь. Правда, не предполагалось, что этот дом станет ее постоянной резиденцией, — принцесса собиралась проводить там полгода. А Кенсингтонский дворец должен был остаться ее лондонской штаб-квартирой.

О переезде в Америку речь шла еще с весны. В середине августа принцесса развернула журнал и сказала:

— Я чувствую, что Америка — это моя судьба, и если я все-таки решусь туда переехать, я хотела бы, чтобы вы с Марией и мальчиками поехали вместе со мной.

Мы сидели на полу в гостиной и рассматривали план дома и окрестные виды на снимках в журнале.

— Вот парадный зал. Тут будет комната Уильяма, тут — Гарри. А в этом крыле поселитесь вы с Марией, — говорила она, — Мы начнем здесь новую жизнь. Разве это не здорово? Америка — страна больших возможностей! Я был не прочь жить в Америке, но идея была слишком неожиданной.

— Пожалуй, слишком быстро. Даже я не поспеваю за вашими новыми планами, — ответил я, стараясь не развеять ее мечту.

В тот вечер принцесса засыпала меня вопросами.

— Может, тогда переехать на Кейп-Код? И до Лондона ближе. Мы могли бы объехать весь мир, Пол. Могли бы помогать всем нуждающимся.

Мы представляли, какой будет жизнь в Америке: утренние пробежки по берегу моря, солнце, свобода. И еще кое-что, о чем она давно мечтала, но знала, что в Кенсингтонском дворце это просто невозможно:

— Мы могли бы завести собаку, — сказала она.

Она давно мечтала о черном Лабрадоре. Она так радовалась возможности переехать в Штаты.

— Разве я не говорила тебе, что мы обязательно переедем в Америку? — спрашивала она.

Принцесса всегда быстро принимала решения. В тот вечер мы обсудили еще очень многое. Но я обещал ей, что никому не

расскажу. Это наша тайна, которую я унесу с собой в могилу. В этой книге я могу сказать только, что впереди нас ждали всякие неожиданности, и это очень радовало принцессу.

Когда мы вернулись из Нааса, я звонил принцессе почти каждый день, но никогда не звонил из дома. Когда мы разговаривали, она либо загорала на палубе «Джоникала», либо была в каюте. С первой же нашей беседы, я понял, что ей уже надоела эта поездка.

— На палубе жарко как в печке, а в каютах — морозильник! Я уже на стенку лезу! — жаловалась она.

Доди подарил ей серебряную рамочку для фотографии, в которую был вставлен листок со стихотворением.

— Умное и полное глубокого смысла произведение, — пошутил я, когда она мне зачитала эти стихи. — Нет, — засмеялась она. — Просто милое и романтичное.

А еще он подарил ей колье и серьги.

— Кажется, я ему правда нравлюсь! — хихикала она.

Я отлично понимал, что происходит: Она наслаждалась новым романом, приятным кокетством, ухаживаниями мужчины, влюбленного в нее по уши. В нее все влюблялись. И она уже начала к этому привыкать. Она знала, что Доли любит ее. Он сказал ей об этом за ужином. Но она не сказала ему, что тоже любит его. «Слишком рано». — объяснила она мне.

— Так что же вы ему сказали? — не сдержал я любопытства.

— Сказала: «Спасибо за комплимент».

После смерти принцессы возникло много разных слухов. В том числе самые нелепые: что они с Доди собирались пожениться и что она была беременна. Слухи о беременности — полная глупость.

Что же касается свадьбы, то мне кажется, слух пошел от друзей Доди. Он, должно быть, сказал им, что собирается сделать ей предложение. Но принцесса его бы точно не приняла. Может быть, она была счастлива, но отнюдь не потеряла голову.

В другой раз, когда она звонила с яхты, то уже рассуждала о том, что подарит ей Доди в следующий раз: не кольцо ли? Она говорила о кольце с радостью, но и с беспокойством.

— Пол, я не хочу снова замуж. Что делать, если он подарит кольцо?

— Ничего. Вежливо принять подарок и надеть кольцо на мизинец правой руки. Главное не перепутать и не надеть на соседний палец, чтобы не подать ему пустую надежду, — беззаботно посоветовал я.

«Мизинец правой руки», — повторяли мы, смеясь.

— На мизинце носят «кольцо дружбы», — пояснил я.

— Здорово! Так и сделаю. Точно, так и сделаю. Больше мы о кольце не говорили, не говорила она и о том, подарил ли ей Доди кольцо.

Но было и еще кое-что в Доди, что беспокоило принцессу.

— Он постоянно запирается в ванной. И все время чихает. Говорит, что из-за кондиционеров. Мне это не нравится. Как ты думаешь, я смогу помочь ему, Пол?

Потом она заговорила о том, как ей хочется поскорее увидеть Уильяма и Гарри. Она так скучает по ним. Ей действительно очень хотелось поскорее вернуться домой, потому что она готова была провести меньше времени с Доди, лишь бы вернуться в Лондон на два дня раньше. Она уже собиралась поменять билет на самолет, но Доди уговорил ее не делать этого.

— Пора домой, — сказала она. — Надо сходить в спортзал.

— Надоела роскошь? — спросил я. Она вздохнула. Я, как обычно, попытался угадать, о чем она думает. — А, понял. Вам неуютно на яхте, вам кажется, что он следит за каждым вашим шагом.

— Верно. Я хочу домой.

О том, что она неожиданно решила отправиться в Париж, я услышал от нее 29 августа. Она звонила с яхты «Джоникал». Это был один из последних шести звонков, которые зафиксировал ее телефон.

Я сидел на полу в гостиной в доме моего шурина Питера Косгроува в Фарндоне. Он жил всего в квартале от нашего первого дома, который мы купили как раз той весной в качестве летней виллы. Остальные — Мария, мальчики, Питер, его жена Сью и их дочери Клер и Луиза — были в кухне. Я уже сорок минут разговаривал по телефону с принцессой, и их разобрало любопытство, о чем можно говорить так долго.

Во время этого разговора она сказала, что прилетит позже, чем собиралась. Изначально предполагалось, что она вернется в Лондон в субботу 30 августа, чтобы встретить детей, которые приедут на следующий день — в воскресенье.

Но Доди нужно было в Париж, «по делам», как он ей сказал. Она не хотела с ним ехать, но он снова ее уговорил.

— Придется съездить в Париж, но, честное слово, в воскресенье я вернусь, — говорила она. — Кстати, знаешь, где я сейчас?

Я попытался угадать: на острове Сардиния?

— Нет, в Монако. И могу поспорить, что ты не угадаешь, куда я пойду завтра.

Я предположил, что в хороший ресторан.

— Нет. Я пойду на кладбище. Хочу сходить на могилу

принцессы Грейс. Для меня это очень важно.

В 1982 году она была на похоронах принцессы и с тех пор ни разу не посетила ее могилу.

— Принесу цветы и скажу несколько слов, — добавила она.

Потом она снова заговорила о делах; строила планы, давала указания: записать детей на понедельник к мистеру Куэлчу (портной Уильяма и Гарри), примерка у Арма-ни 4-го сентября. Потом спросила, что записано в ежедневнике. Я сказал, что там обед с Ширли Конран и сеанс у ароматерапевта Сью Бичи. У нее будет много свободного времени, и она сможет провести его с детьми.

Когда наш длинный и увлекательный разговор подходил к концу, принцесса сказала:

— Жду не дождусь, когда увижусь с друзьями, а Главное — с детьми. Нам с тобой надо многое обсудить, так что смотри, не опаздывай! Встретимся, я тебе много чего расскажу.

Мои родственники уже звали меня из кухни.

— Пол, ты можешь пообещать мне одну вещь? — спросила она

— Конечно.

— Обещай, что будешь на месте, — весело попросила она, и я рассмеялся: как я могу не быть на месте или опоздать? — Все равно обещай! — потребовала она. — Обещай!

Я совсем развеселился:

— Ладно, ладно, если вам так хочется: обещаю быть на месте.

Принцесса рассмеялась. А из кухни донесся дружный хохот моих родственников. До меня не сразу дошло, как пикантно звучит моя последняя реплика. Но я на всю жизнь запомнил эту фразу. Это моя обязанность: быть там, где я ей нужен, — и я никогда не подведу, даже если все остальные отвернутся от нее.

— Отлично! — ответила принцесса. — До встречи.

Это был мой самый последний разговор с принцессой.

Глава первая

ВЗРОСЛЕНИЕ

Поздно вечером двухэтажный автобус медленно взбирался по крутой узкой дороге в родной шахтерский поселок в благословенном крае — Дербишире. Похожий на пьяного шахтера, который, пошатываясь, возвращается домой из паба, автобус, казалось, не слишком спешил к своей последней остановке. В воздухе витал знакомый запах серы и дегтя из шахт, перемешанный с дымом костров. Был канун праздника Гая Фокса, около 11 ночи 1956 года.

На нижнем этаже автобуса виднелась одинокая фигура женщины в черных круглых очках. Это была Сара Кёрк. На голове у нее была черная дамская шляпка, в руках — сумочка. Она считала остановки, дожидаясь, когда можно будет сойти в шахтерском поселке Грассмур. Там она перейдет через шоссе, которое делит поселок на две части, спустится по мощенной булыжником улочке до Чапел-роуд, свернет направо и окажется перед домом № 57. Она замечательно провела свободный вечер, выпив пару бокалов пива в пабе «Под вязом», что находится в трех милях отсюда в Клэй-Кроссе.

В субботу вечером можно было повидаться со старшенькой из восьмерых детей, Долли. А еще можно было немного отдохнуть — она всю неделю ухаживала за своим больным мужем Уильямом, шахтером: у него легкие были забиты угольной пылью из-за того, что он всю жизнь провел под землей в шахте Грассмур. Сара всегда уходила из паба примерно в это время, чтобы успеть на автобус до Честерфилда. Муж ждал ее дома примерно к четверти двенадцатого, он хотел, чтобы жена поскорее вернулась. Когда автобус затормозил, Сара взяла перчатки, надела их и встала. Ну вот. Почти дома. Она вышла из автобуса и стала обходить его слева. Пар изо рта напоминал в холодном воздухе сигаретный дым. Из-за громады автобуса слева она не заметила мотоцикла. Он врезался в нее и подбросил в воздух. Это произошло вскоре после четверти двенадцатого.

Сара Кёрк была моей бабушкой, которую я никогда не видел. В тот самый вечер она умерла на мостовой, в самом начале улицы, мощенной булыжником, — именно на этой улице я и буду играть все детство. У нее было сразу несколько травм головы. Ей было шестьдесят три года.

И именно этот ужасный случай, эта страшная трагедия, произошедшая за два года до моего рождения, оказалась переломным моментом. Благодаря ей мои родители поженились,

а их женитьба, в свою очередь, круто переменила тот мир, в котором я родился.

Дедушка Уильям Кёрк, больной пневмокониозом в последней стадии, услышал шорох женских шагов по брусчатке, а потом лязг дверной задвижки. Золотые карманные часы, его гордость, показывали десять минут двенадцатого. Сара должна прийти через пять минут.

Кто-то поднялся по лестнице, и из-за двери выглянуло лицо, которое он так любил. Это была его младшая дочка — моя мать. Берил Кёрк села в ногах дедушкиной кровати и стала рассказывать ему о своем замечательном свидании с каким-то парнем из соседнего поселка Винджерворт. Она была первой девушкой Грэма Баррела.

А мой отец, которому тогда был двадцать один год, в это время шел домой — ему предстояло пройти две мили — по темной и узкой дороге. Его обогнал двухэтажный автобус, направлявшийся в Грассмур.

Отчаянный стук в заднюю дверь дома № 57 на Чапел-роуд сильно напугал отца и дочь. Сосед схватил мою мать за руку: «Несчастный случай! Быстрей! Быстрей!»

Тогда моей маме было всего двадцать. Она вскочила и почти что бегом бросилась на вершину холма. Там ее заметил кто-то из друзей и перегородил путь. Люди не хотели, чтобы она увидела жуткую сцену, но потом, когда ей рассказали, она все равно разразилась истерическими криками.

От этого удара она так до конца и не оправилась. Когда я был маленький, она частенько плакала, вспоминая мать. До конца своей жизни она каждое воскресенье ездила на кладбище Хасленд, протирала могильную плиту и клала свежие цветы. Я нередко ездил с ней. Если я когда-нибудь и верил в «жизнь после смерти», так это в детстве. Мама верила во всякое такое: она разговаривала с бабушкой на кухне и у ее могилы, рассказывая ей последние новости. Бабушка по-прежнему с нами, говорила она.

«Что же мне делать? Устроить вечеринку на свой день рождения — мне исполнится двадцать один? Или выйти замуж? Мы не можем себе позволить и то и другое», — сказала мать отцу. За несколько недель траура после той трагедии, казалось, вся романтика в ней умерла. Отца будто спрашивали, что он будет есть на обед — или за вечерним чаем, как называют обед на севере Англии. Пирог с мясом и картошкой или рагу с клецками?

Отец невозмутимо ответил: «Что ж, я думаю, лучше пожениться».

Если бы бабушка Кёрк не погибла, мои родители не поженились бы так скоро. По крайней мере, так считал мой отец.

Из-за сложившихся обстоятельств он быстро женился и стал отцом. После смерти бабушки моя мать стала хозяйкой дома № 57 — она ухаживала за дедушкой, а когда отдыхала, за ним присматривала ее сестра, тетя Пёрл, которая жила на той же улице в доме № 16.

Через четыре месяца после гибели бабушки, 25 марта 1957 года, Берил Кёрк и Грэм Баррел расписались. Это было довольно мрачное событие, и запомнилось оно скорее из-за той, которая не смогла на него прийти, чем из-за тех, кто на нем присутствовал. Сразу после свадьбы мама, все еще в свадебном платье, положила на могилу бабушки букет красных роз.

Первое свидание моих родителей состоялось четыре года назад — они прогулялись туда-сюда по Милл-лейн, которая соединяет поселки Грассмур и Винджерворт, разделенные железной дорогой Шеффилд — Лондон. В то время мама, хотя ей было всего семнадцать, уже разносила пиво в пабе «Майнорз армз», которым заведовала тетя Пёрл вместе с мужем Эрни Уокером, а днем работала помощницей повара в шахтерской столовой. Паб и шахтерская столовая располагались в противоположных концах Чепман-лейн, которая шла параллельно Чапел-роуд, одинаково далеко от дома. Вдоль обеих улиц тянулись типовые дома, в каждом проживала семья шахтера. Так что посетители паба были либо шахтерами, либо женами шахтеров. Однажды вечером, в 1952 году, — в том самом году, когда королева Елизавета II взошла на трон, — в этот паб зашел мой отец с братом Сесилом. Мама помнит, как он «уставился на нее и втюрился с первого взгляда». А папа помнит «красивую девушку, разносившую пиво».

Отцу в ту пору было восемнадцать. Он был молодой, робкий и наивный и еще не встречался ни с одной девушкой. Мы с мамой всегда считали, что, не будь он слегка пьян, он бы никогда не набрался смелости и не пригласил ее на свидание. Мама согласилась, и с тех пор всегда хранила ему верность. В семье отца кроме него было еще четверо детей. Отец вырос на небольшой ферме — со свинарниками, загонами для кур и фруктовым садом. Он не стал шахтером, но все равно работал на Национальное управление угольной промышленности, перевозя вагоны с углем на локомотиве на коксовый завод в Винджерворте. Ему всегда было страшно спускаться в ствол шахты, к тому же его не устраивало, что все вокруг прочили его в шахтеры. Пришел день, когда и я понял, что он тогда чувствовал. Впрочем, благодаря армии, ему все-таки удалось не стать шахтером: два года службы для королевы и родной страны привлекли его больше, чем жизнь, проведенная в темноте, и он отправился в

Военно-воздушные силы в Уоррингтоне, рядовым. Нам отец говорил, что подметал взлетно-посадочную полосу для бомбардировщиков «Вулкан», но на самом деле он охранял Управление воздушным движением. А в 1957 году вернулся в Дербишир.

6 июня 1958 года был обычным днем для большинства людей, но только не для моих родителей. В этот день родился я, солнечным летним утром в роддоме «Скарсдейл», что в Честерфилде, и сразу же всех удивил. Дело в том, что мама с папой ожидали, что родится девочка, и уже выбрали ей имя — Памела Джейн. О том, что я мальчик, маме сразу же сообщила акушерка. «Знаете, миссис Баррел, это никакая не Памела, — сказала она. — Это мальчик!» И меня назвали Полом.

Моя мать мечтала о ребенке с самой свадьбы. А вот отец сомневался. И это сразу же стало основным поводом для ссор в молодой семье. Мама бросила работу в шахтерской столовой и в пабе, чтобы ухаживать за дедушкой Кёрком, и часто жаловалась отцу: «Я целыми сутками не выхожу из дома. Мне было бы гораздо веселее, если бы у меня бы ребеночек, которого я могла бы кормить и купать». Мам всегда спорила с отцом по поводу ребенка в спальне, дождавшись, когда дедушка заснет, В конце концов папа уступил. Однако, когда однажды вечером, в ноябре 1957 года, она узнала, что ждет ребенка, ее охватила тревога, а вот отец, наоборот, очень обрадовался.

Мама продолжала ухаживать за своим отцом вплоть до моего рождения — усаживала поудобнее в кровати мыла его, брила, приносила еду. Конечно же, это не могло не сказаться на ее здоровье. Когда подошло время для ожидаемых родов, ее увезли в роддом с моральным и физическим истощением, да еще с высоким давлением. Папа ехал вместе с ней в скорой все шесть миль до города. В тот вечер он оставил ее в роддоме, пообещав вернуться завтра.

Но когда он снова приехал в роддом, матери в палате не оказалось. Тогда он пошел по коридору и вдруг услышал ее крики: она рожала и звала маму. Он представил себе, что вот-вот станет отцом, и ему стало страшно. Он повернулся и выбежал из здания, но не остановился, а продолжал бежать — все шесть миль, до самого дома в Винджер-ворте, где жили его родители.

Его мать отнеслась к происходящему спокойно и не стала жалеть отца. «Ну и что тут такого? Она всего лишь рожает ребенка, — сказала она. — Не раскисай».

А в это время я, совсем еще крохотный, завернутый в одеяльца, уже лежал в роддоме. В восемь часов отцу сказали, что с мамой и с ребенком все в порядке. Я появился на свет в

царствование королевы Елизаветы II.

Через шесть месяцев после того как меня принесли в дом № 57 на Чапел-роуд, дедушку Кёрка отправили в дом № 16 к тете Пёрл. Она недавно овдовела, и ей пришлось отказаться от паба «Майнорз Армз». Тетя Пёрл стала ухаживать за дедушкой, потому что моя мама очень быстро поняла, что не в состоянии справиться сразу с обоими «клиентами». Через два года она снова забеременела — на этот раз по папиной инициативе. Впрочем, им обоим очень хотелось дочку.

В это же время, только в совершенно ином месте, в мире, который так сильно отличался от нашего, другая семья очень хотела еще одного ребенка. В Парк-Хаусе, что в поместье Сандринхем, в Норфолке, жила чета Спенсеров. У них уже было две дочери — Джейн и Сара. Сын Джон умер всего через несколько часов после рождения. Все были совершенно уверены, что следующим ребенком будет мальчик — наследник виконт Альторп.

Однако в 1961 году надежды обеих семей рухнули.

30 марта родился мой брат Энтони Уильям. На этот раз маме даже не удалось доехать до роддома, она родила второго ребенка прямо у себя в гостиной, а роды принимала соседка Анни Тунниклифф. Мама с папой несмотря ни на что очень обрадовались, что у них родился еще один сын. А вот семью в Сандринхеме постигло жестокое разочарование наследника не оказалось. Вместо него родилась третья дочка — это произошло четыре месяца спустя, 1 июля. Ее назвали Дианой Франсис. В то время мне было три года.

За три месяца до рождения Энтони, в декабре 1960 года, дедушка Кёрк все-таки сдался своей ужасной болезни. Я почти не помню его похороны: гроб в главной гостиной, комната набита взрослыми, все в черном, я плачу, потому что мне не видно дедушку. Потом мама рассказывала, что на похороны пришла вся улица и во всех домах задернули шторы в знак уважения к моему деду. По обычаю, в последнюю ночь перед погребением труп умершего родственника должен лежать в освещенной свечами гостиной, чтобы родственники, друзья и соседи могли пройти мимо открытого гроба и отдать дань уважения покойному. Иногда это называют поминками. В нашем поселке это называлось «прийти домой в последний раз».

Я был слишком маленький и почти не запомнил, как мы жили в доме № 57. Пожалуй, второе мое яркое воспоминание — это как мы купаемся в задней комнате. Из прачечной притаскивали жестяное корыто, ставили возле камина, в котором горел уголь, и наливали в нее прохладной воды. Пока я в нем

сидел, мама держала полотенце возле огня, чтобы оно немного согрелось. В доме всегда было холодно. Купаться было особенно неприятно, когда мама спешила: она ставила меня в белую керамическую раковину из Белфаста, которая находилась в углу комнаты, и скребла меня штуковиной, которая по ощущениям напоминала жесткую губку для посуды, при этом я крепко держался за единственный кран с холодной водой, а тянувшаяся от него труба крепилась специальными скобами.

Вскоре после похорон дедушки мы переехали в новый дом — № 47, на этой же улице, через пять домов от нашего. Чапел-роуд была вымощена булыжником, а вдоль нее стояли черные чугунные фонари. Оба наши дома располагались в самом конце улицы, похожей на букву L, и смотрели на запад, а задние дворики граничили с полями, которые покрывали восточный склон холма до самых шахт. На Чапел-роуд было несколько магазинов: галантерейный «Харт-шорнз», в котором мама покупала шерсть для вязания; «Анти Хильдаз» с жестяными табличками на стене над навесом в бело-зеленую полоску: «Боврил», «Кэдбери» и «Оксо»; тотализатор «Флетчерз», куда папа никогда не заходил. В конце улицы, сразу за поворотом, было кафе-мороженое «Монти Уайтс» — мое любимое, — в котором за три пенни можно было получить рожок с шариками наисвежайшего мороженого. С тех пор я больше нигде не ел такого вкусного мороженого. Напротив нашего нового дома была булочная «Элдредз». Каждое утро, просыпаясь, я вдыхал аромат только что выпеченного хлеба, а на Страстную пятницу — горячих булочек с корицей. Впрочем, скоро запах серы и смолы с шахт вытеснял этот чудесный аромат. Из окна спальни я видел поля, конвейеры для шлака возле шахт и два склада за ними. В августе на полях паслись девяносто пони, которых использовали в шахтах, — их выпускали из темноты на свежий воздух, чтобы они могли наесться травы за время двухнедельного шахтерского отпуска.

Дома на этой улице были абсолютно одинаковыми по размеру и дизайну, везде окна со скользящими рамами; красный кирпич со временем почернел от грязи. Во дворе, где не росла трава, была прачечная, туалет и сарай для угля. В этом же дворе сохли на веревке белые простыни. Если посмотреть на дома с самого начала улицы — с вершины холма, то увидишь бесконечные покрытые шифером крыши, и тут и там — кирпичные зубчатые трубы. На улицах кипела жизнь рабочего класса: хозяйки в передниках и шалях, из которых они сотворяли нечто вроде тюрбанов, скребли крыльцо и ступени, бежали в магазины, болтали с соседками, перегнувшись через калитку;

отцы в тяжелых ботинках и кепках устало брели в забой или из забоя, добродушно подшучивая друг над другом; дети громко вопили, играя в прятки или салки.

Мы перевезли наши пожитки в дом № 47 на тачках. Мама сообщила, что это лучший дом в округе: в нем есть ванная. Рента была высокой — двенадцать фунтов и шесть пенсов, но такое расточительство вполне окупалось тем, что теперь у нас был туалет в доме, а не во дворе. Папе пришлось работать сверхурочно. Но мы навсегда распрощались с жестяным корытом у камина и ночными горшками под кроватью, содержимое которых к утру замерзало. В доме не было центрального отопления, и в моей спальне было так холодно, что, просыпаясь по утрам, я замечал, что капельки конденсата на окне превратились в лед.

Полагаю, в новом доме ванная была единственной роскошью — в доме, где вся жизнь проходила, так или иначе, в задней комнате. Полы не были застелены ковровым покрытием: на них был обычный линолеум, на котором кое-где лежали плетеные коврики. На серванте стоял черно-белый телевизор. Отец приладил к сковороде проволоку, соорудив, таким образом, самодельную антенну, и привесил ее к стене. Как ни странно, она принимала разные передачи, хотя картинка часто была нечеткой и искаженной. При помощи этого изобретения я мог смотреть по Би-би-си свою любимую передачу «Посмотри с мамой» [2], с Вуден Топс или Биллом и Беном. Попозже мы всей семьей усаживались у телевизора и смотрели «Субботний вечер в лондонском Палладиуме», с лучшей ведущей страны Дэнни ла Ру.

Когда мы были детьми, половину времени у нас занимали разные обязанности. Даже когда мы еще не ходили в школу, в пять лет, мы должны были помогать по дому. В понедельник — «день чистоты» — я помогал маме стирать все, что накопилось за неделю. Я смотрел, как она, окуная руки в мыльную воду, запихивает в кадку грязную одежду. Когда она подкладывала мокрое белье под валики, чтобы его отжать, я крутил ручку. Вторник был «днем меди» — мы доставали из шкафов все медные вещи и клали их на стол, на импровизированную скатерть из газеты. Руки и ногти у мамы быстро чернели, и я всегда помогал ей натирать узоры. Наступит день, когда я буду натирать до блеска ге-оргианское серебро для самой королевы, а не медные узоры для мамы. В нашем доме были две очень ценные вещи: деревянные часы на каминной полке, все мое детство отбивавшие каждую четверть часа, и огромное фортепьяно в большой гостиной. Раз в неделю на нем играли — когда местная швея, подруга матери Гледис Лиари приходила к нам со своим другом

Уинифредом Ли. Они пели нам с братом песни из известных водевилей.

Мама была великолепной хозяйкой. Каждое утро она чистила камин, мыла ступеньки карболовым мылом, протирала окна, окуная тряпку в воду с уксусом, и стирала тюлевые занавески.

Денег всегда не хватало. Фрукты у нас были только тогда, когда кто-то болел. В восемь лет я заболел желтухой, и мне впервые купили апельсины, виноград и бананы. Если какой-то семье было заведено, чтобы в буфете все время стояла чаша с фруктами, мы считали это пижонством. Живые цветы в вазе появлялись в доме, только если кто-то умер.

Когда к нам приходили газовщики или электрики, это сулило лишние деньги. За все услуги мы платили при помощи счетчика, который принимал монеты. Когда появлялись представители этих служб, деньги, скопившиеся в счетчике, высыпали на кухонный стол, подсчитывали и складывали в кучки. Мама следила за всем этим процессом, как ястреб, — она надеялась, что по счету набежало меньше, чем оказалось в счетчике. Поэтому счетчик всегда был для нас своеобразной копилкой.

Каждую пятницу отец приносил домой зарплату, и мама тут же хватала ее. Часть она клала в чайничек для заварки — это на ренту, а часть выдавала отцу; он отправлялся в кафе, целый час стоял в очереди и наконец покупал навынос жареную картошку с мясом: мы всегда ели в конце недели жареную картошку с мясом. Деньги часто заканчивались до очередной зарплаты, но в магазинчике на углу маме давали в долг, а в кооперативе у нее был счет, от которого она даже получала дивиденды: это была какая-то странная, «средневековая» система покупок; дивиденды мама откладывала на всякие непредвиденные расходы либо на летние поездки в Скегнесс, Скарборо или Ньюки.

Подрастая, я заметил, что мы были самыми бедными из всех наших родственников. Дядя Билл, брат моей матери, продавал бензин и машины. У него во дворе над гаражом красовалась огромная красно-синяя неоновая реклама бензина «Риджент». У него было столько машин, что мне он казался миллионером. Именно благодаря дяде Биллу у папы всегда была какая-нибудь подержанная машина. Нашим первым автомобилем был черный «Моррис-майнор», а потом мы приобрели «Форд-зефир» 1957 года, кремово-голубой.

В обеих машинах были кожаные сиденья, которые так нагревались летом, что попкам в шортиках на них было очень горячо.

Вторая жена дяди Билла, тетя Мардж, была очень стройной и безупречно одевалась. Обычно она носила английские твидовые

костюмы, отороченные мехом. Мне всегда казалось, что она похожа на кинозвезду. Мама носила прелестные платья в цветочек, поверх — кардиганы. Выйдя замуж за дядю Билла, тетя Мардж привела с собой целую семью — двух дочек, Сандру и Шейлу. Семья жила в таком достатке, что девочки могли спокойно каждый месяц покупать себе «Фотоплей» [3] с шикарными фотографиями кинозвезд: на обложках красовались Элизабет Тейлор, Джин Симмонс, Бетт Дэвис и Джейн Мэнсфилд. Высокая стопка этих журналов лежала в углу.

«Можешь взять несколько журналов, если хочешь. Мы их уже прочитали», — сказала мне как-то Сандра.

Я не мог поверить в такое счастье и побыстрее, пока они не передумали, схватил, сколько мог унести.

У себя в спальне я прочитывал их от корки до корки, вырывал самые красивые фотографии и клеил на кремовые обои в голубой цветочек.

Моего младшего брата Грэма, которого назвали в честь отца, никто не планировал, и, когда мама узнала, что беременна, тут же снова всплыло имя Памела Джейн — но помимо того, что мама надеялась родить девочку, она надеялась и еще на кое-что. Мама и папа знали, что третий ребенок должен появиться на свет в ноябре 1965-го, и мама молила Бога, чтобы он родился в девятую годовщину со дня смерти дедушки Кёрка.

Наступил ноябрь. Четвертого числа у мамы отошли воды. Мне было семь. Я видел, как она мучается, как ее кладут в скорую, и ревел во всю глотку. Перед тем как дверцы машины захлопнулись, я услышал, как она сказала: «Господи, пожалуйста, только не сегодня». Я испугался, что она умрет. Но конечно, она просто хотела, чтобы роды задержались на пару часов. Наверное, в ту ночь ангел-хранитель был с ней, потому что роды затянулись до следующего вечера. Грэм появился на свет при помощи хирургических щипцов и отсасывания в 11 вечера 5 ноября — за десять минут до девятой годовщины смерти деда.

У меня было счастливое детство в той среде, где люди, составлявшие соль земли, зарабатывали свой кусок хлеба тяжким трудом, а все их добродетели, так или иначе, были увязаны с крепкой семьей. Наша улица была нам домом под открытым небом, теплым и дружелюбным. Я был маменькин сынок: папа говорил, что я все время держусь за ее юбку.

Папа родился 2 августа 1935 года, его отца звали Сесил Баррел, он работал кузнецом и подковывал пони и лошадей на шахтах в Бонз Мейн неподалеку от Честерфилда. Мой дедушка был последним кузнецом на северо-востоке Дербиширских угольных копей. Папу прозвали Нипом, потому что он был

маленький, худенький и самый младший в семье. Папа почти ничего не боялся — кроме работы в шахте. Он был трудолюбив и, когда сюда пригнали локомотивы, стал машинистом угольных составов. Он обладал крепкой силой воли и цепким умом, был сторонником строгой дисциплины и зачесывал волосы набок с помощью бриллиантина «Брилкрим». Помню, как он отглаживал себе стрелки на брюках, — чтобы они были острыми как лезвие; Думаю, эта привычка сохранилась у него со времен службы в военно-воздушных силах. Он и меня научил профессионально гладить брюки — полагаю, это был мой первый урок как будущего лакея. Каждое утро, когда он выходил из дома в кепке и спецовке, мне казалось, что он уже не вернется. Но он возвращался — как раз вовремя, чтобы пожелать нам спокойной ночи, когда мы все трое забирались в нашу общую постель. Мама всегда шутила, что мы чаще видим семейного врача, чем собственного отца. Он много работал чтобы приносить побольше денег.

Мать родилась в тот же високосный год 29 февраля. Три года ее день рождение отмечали 28 февраля, но на четвертый год мы праздновали его как положено — 29-го. Когда ей исполнилось тридцать шесть, она шутила, что на самом деле ей только девять. Мама была не из тех женщин, которые хотят или требуют от жизни слишком много. Все, что она зарабатывала или собирала, мама вкладывала в дом и семью. Она была высокой, костлявой женщиной в очках в роговой оправе и нередко с сигаретой в зубах.

В ее мыслях с ней всегда была бабушка Кёрк. Если мама что-нибудь теряла в доме — сережку, вязание» кошелек, — она садилась и громко говорила: «Ну же, Сара, помоги мне найти эту вещь». Она всегда находила то, что потеряла, и не считала свою удачу простым совпадением. Ее доброта и щедрость не знали границ, и я не помню, чтобы она когда-нибудь повышала голос. Она всегда умела выслушать и сказать доброе слово тем, кто попал в беду, умела нежно погладить заболевшего, помочь тому, кто нуждался в помощи, и подарить что-нибудь тому, кто был еще беднее нас. Однажды на нашей улице был пожар, и одна семья вмиг лишилась всего, что имела. Мама обошла все дома — просила что-нибудь из одежды или немного денег для погорельцев. Когда мама еще работала в шахтерской столовой — до моего рождения, — ее коронными блюдами были картошка с мясом, пирог с сыром и луком и йоркширский пудинг. Все знали, что лучше нее их никто не приготовит, и даже после того как она уволилась из столовой, шахтеры частенько заходили к нам и просили ее состряпать что-нибудь из этих блюд. Тогда она

готовила обед на несколько порций больше и разносила тарелки с едой тем, кто заказывал. А еще она иногда готовила обед для соседей, которые были беднее, чем мы, и навещала стариков, прикованных к постели или к инвалидной коляске, живших на нашей улице. Она брила их, мыла и забирала грязное постельное белье. А еще она дважды в неделю убирала дом, где жила женщина, умиравшая от рака.

Однажды к нам пришла женщина, вся в слезах; у нее было пятеро детей, самому старшему из которых исполнилось пять, а она снова ждала ребенка. Мама долго сидела с ней и утешала ее. Казалось, к нам приходили все, у кого были какие-либо неприятности. У мамы всегда был ответ. В те редкие моменты, когда ее мир замирал, — чаще всего это случалось тогда, когда она уже укладывала нас в кровать, — она вязала кардиганы, джемперы и детскую одежду для всех соседских ребятишек. Мама была всеобщей бабушкой, нянькой, поваром — ее все звали «тетя Берил».

Однажды я увидел, как из дома вывозят фортепьяно. Оказалось, мама отдала его мальчику, который очень хотел играть, но его родители не могли себе позволить такой роскоши.

— Мамочка, но это же наше пианино, — запротестовал я.

— В новом доме ему будет гораздо лучше, Пол, — заверила она меня.

Здание начальной школы Грассмура было построено в викторианском стиле — с огромными окнами, высокими потолками и коридорами, в которых жило эхо, — коридоры были выложены керамической плиткой. Школа находилась вдалеке от основной дороги, рядом с огромным лугом, на котором играли в крикет. Ученики сидели за деревянными партами и писали заостренной деревянной палочкой, кончик которой обмакивали в чернильницу. Это было «всамделишным письмом», и в мои обязанности как «хранителя чернильниц» входило каждое утро наполнять маленькие фарфоровые горшочки чернилами «Куинк». Потом я нередко вспоминал об этом в Кенсингтонском дворце, наблюдая, как пишет принцесса. Она всегда писала ручкой с золотым пером, но, вместо того чтобы вставить новый картридж с чернилами, обмакивала перо в бутылочку с «Куинк». Так принцесса писала все: личные письма, официальные, благодарственные, даже коротенькие записки.

Мистер Томас, учитель сразу по всем предметам, встал однажды перед классом. Глубоким, рокочущим голосом, который слегка смягчал валлийский акцент, он сказал: «Напишите сочинение о том, чем вы хотите заниматься, когда окончите школу».

Наступила тишина. Мозг каждого из тридцати детей заработал на полную катушку. Большинство мальчишек собирались пойти по стопам своих отцов — они не сомневались, что станут шахтерами, — но я уже в десять лет был уверен, что не пойду в шахту. Работа в шахте казалась мне непривлекательным будущим — угольная пыль, сырость и темнота… Слишком тяжелый труд. «Когда я вырасту, я хочу стать священником» — вот что гласил заголовок моего сочинения. Тогда лучшим решением для меня была жизнь в приходе. Не исключено, что подобные мысли подпитывал мамин спиритуализм, а также ее постоянные внушения, что нужно помогать людям беднее тебя.

Я был до ужаса робким, тихим мальчиком. И мне было очень неприятно, когда мистер Томас зачитал мое сочинение о том, что я хочу делать в будущем, перед всем классом. Ученики захихикали, а я покраснел как помидор. Конечно, я не выразил мистеру Томасу благодарности за тот случай, но его следовало бы поблагодарить за многое другое. Я бы никогда не стал великим ученым, но я всегда любил учиться, и он замечал во мне желание разбить заплесневелый шаблон, по которому жило каждое поколение всех местных семей. Дедушка Баррел работал на шахтах кузнецом, дедушка Кёрк был шахтером, отец работал на Национальное управление угольной промышленности, его брат Сесил тоже был шахтером. Мама работала в шахтерской столовой, а три ее брата — дядя Стэн, дядя Билл и дядя Кейт — в молодости тоже были шахтерами. Мои братья Энтони и Грэм тоже отправились работать в шахту.

Обычно после того как ученики оканчивали начальную школу в Грассмуре, они переходили в среднюю школу Дейн-корт в соседнем поселке Норт Уингфилд. Именно там мальчики становились мужчинами — они записывались в особые бригады для работы в шахте. Казалось, и мне тоже не избежать общей печальной участи, особенно после того, как я провалил экзамен, по результатам которого меня могли зачислить в среднюю школу для мальчиков в Честерфилде. Но тут вмешался мистер Томас. Он сообщил моим родителям, что видит во мне огромный потенциал, который пропадет в Дейнкорте, и помог поступить в среднюю школу для мальчиков «Уильям Роудс», в Честерфилде. Эта была, конечно, не та школа, куда я мечтал попасть, но все же вторая после той, и мама с папой были в восторге. Заплесневелый шаблон раскололся на куски.

То, что меня приняли в школу «Уильям Роудс», оказалось большим событием на нашей улице. Мне нужна была новая форма, новая, а не с чужого плеча. Она оказалась ужасно дорогой, за ней мы с мамой поехали в Шеффилд на поезде — так я впервые

в жизни поехал на поезде. Галстук и нашивка были цвета футбольного клуба «Вулверхамтон Вондererз», черные с золотым, а мама связала мне серый свитер. Она так мною гордилась, что даже проводила меня в первый день занятий — в сентябре 1969-го — до школьного автобуса, заодно удостоверившись, что черная форменная кепка не потерялась по дороге.

Я залез в двухэтажный автобус, забитый детьми, и сел рядом с первым же мальчиком, который, как я заметил, был в такой же форме. «Сними кепку — ты похож на придурка», — сказал он. Я послушался. Ким Уолтерс, гораздо крупнее меня, жестче по характеру и намного умнее, на следующие пять лет стал моим лучшим другом и защитником.

Школа «Уильям Роудс» была государственной школой для мальчиков, в которой учителя носили большие черные одежды. Здесь была строгая палочная дисциплина. Директор, мистер Крукс, который всегда ходил в шапочке с квадратным верхом и внушал в меня благоговейный страх перед Господом, нередко применял палку для того, чтобы усмирить тех кто не желал подчиняться. Он был ярым приверженцем хороших манер и безупречного внешнего вида. В школе делался упор на спортивные игры, но моим коньком стали английский язык и английская литература Ким всегда выигрывал в любых играх и в конце концов стал профессиональным футболистом в команде «Блэкберн Роверс».

Еще одним предметом, по которому я успевал, была история. Я собирал карточки с самыми известными парусными кораблями — такие карточки вкладывали в пачки чая «Пи-джи типс». Еще я собирал карточки с разными изобретениями Брунела [4], с флагами стран, с королями и королевами Англии и Шотландии. Меня завораживало все, связанное с королевским родом и генеалогией, — от самого нормандского завоевания, которое произошло в 1066 году. Другие мальчишки после школы играли, а я делал домашнее задание, которое на следующий день Ким переписывал у меня в автобусе. Выполнив домашнее задание, я не выходил из спальни, а сидел и читал книжки про королей и королев. Позже, когда надо было сдавать экзамен и нам задали написать сочинение, я написал о Ричарде III — опороченном, непонятом монархе, представленном злобным горбуном-извращенцем; на самом же деле он был смелым и порывистым королем, чье правление продлилось всего два года. Именно тогда я понял: те члены Королевской семьи, которые по каким-то причинам выбиваются из общего ряда, в дальнейшем жестоко осуждаются историей.

Весной 1970 года, когда мне было около двенадцати, мы с

семьей впервые поехали в Лондон. Мы шли по улице Мэл, и вдруг увидели белый фасад Букингемского дворца. Мама с папой захотели «пойти посмотреть, где живет королева».

— Интересно, ребятки, она сейчас там? — шутил папа.

Мы с Энтони как завороженные смотрели на прекрасное здание. Мы просунули головы между прутьями ворот и, вцепившись в них руками, наблюдали за сменой караула. Это было самое восхитительное зрелище за все мое детство. Передо мной открылся мир, который был невообразимо далек от того, в котором мы жили. Я и по сей день удивляюсь почему, но как бы то ни было я вдруг поднял голову и заявил: «Я хочу здесь работать, мама». Дети часто говорят так, не подумав, — увидят пролетающий самолет и тут же хотят стать летчиками, узнают, что Нил Армстронг ступил на Луну, и тут же собираются в космонавты.

Папа ласково взъерошил мне волосы: «Конечно, ты будешь здесь работать, родной».

В ту минуту ни он ни я и представить себе не могли, что всего через несколько лет я, королевский лакей, буду стоять позади Ее Величества на задке государственной кареты, когда она будет выезжать из этих самых ворот.

А той же осенью я получил свою первую «королевскую роль» — я принял участие в постановке «Аладдина» в своем родном поселке Грассмур. Эту сказку ставила подруга нашей семьи, Маргарет Харди. Кого я играл? Слугу принцессы Сади — мы играли пьесу в клубе рабочих Грассмура.

В шестнадцать лет я закончил среднюю школу «Уильям Роудс»; Я сразу же подал документы в колледж гостиничного дела «Хай Пик» в Бакстоне, Дербишир, и меня туда приняли. В сентябре 1974 года я снял там квартиру. Колледж предлагал двухгодичный курс в сфере гостиничного дела и обслуживания. За это время я многому научился—и прекрасно готовить обеды, и безупречно застилать кровати; я стал одновременно домохозяйкой, библиотекарем и поваром. Я даже выиграл приз за то, что сделал из маргарина знаменитый честерфилдовский искривленный шпиль [5]. Я многому научился, и теперь мне нужна была практика.

Я составил список тех мест, где можно было применить полученные мной знания: «Трастхаус Форте», «Травко Хоутелз», компания «Пасифик & Ориент» — у них можно было работать на круизных лайнерах и контейнеровозах — компания «Кьюнард» — я хотел поработать на самом знаменитом в мире лайнере, паром «Елизавета II», и Букингемский дворец, где требовалась масса разного персонала. Тем летом я разослал несколько писем,

предлагая свои услуги и выражая желание работать.

Первыми ответили из «Травко Хоутелз» — мне предлагали работу в трехзвездочном отеле «Линкомб Холл», в Торки. Но тогда мне пришлось бы сразу после колледжа в июне 1976-го на несколько месяцев уехать из дома и работать помощником менеджера в летний сезон. Конечно, это была неплохая работа, но я мечтал о другом. Я согласился, но попросил маму проверять все письма на мое имя. В «Трастхаус Форте» мне отказали, в «Пасифик & Ориент» — тоже, зато приглашали на собеседование в «Кьюнард», в Саутгемптон, и в Букингемский дворец. Я приехал из Торки и с братом Грэмом отправился в столицу.

В Букингемский дворец я вошел через боковой вход. На мне был черный костюм. С трепетом разглядывая помещение, я шел по устланным красными коврами коридорам и думал, что попал в историю, о которой столько читал с самого детства. Я чувствовал себя рабом, попавшим в мир, куда его никогда не примут из-за происхождения и статуса.

Когда я подошел к кабинету мистера Майкла Тиммса, помощника главного камергера, мне вспомнились слова мамы: «Просто будь самим собой, и все пройдет хорошо». Это оказался не самый лучший ее совет, потому что, войдя в кабинет на собеседование, я сел до того, как мне было предложено сесть, и забыл, что к моему будущему боссу надо обращаться «сэр».

— Вы всегда садитесь до того, как вам предложат присесть? — официально и напыщенно спросил мистер Тиммс. — Вы уважаете тех, кто выше вас по статусу?

— Конечно уважаю.

— Тогда почему вы не обращаетесь к ним «сэр»?

Через две недели мне пришло официальное уведомление о том, что «на этот раз» меня не взяли, но почему, не объяснялось. Из «Кьюнарда» никаких вестей не было. Мне явно не везло.

Торки оказался тем местом, где робкий, тихий мальчик превратился в общительного, уверенного в себе работника с определенным положением. Теперь я думал, что меня ждет неплохое будущее в гостиничном бизнесе. Старшие менеджеры увидели во мне перспективного работника и в октябре я стал помощником менеджера в ведущем отеле сети — «Уэссексе» в Борнмуте.

Борнмут был совсем не похож на Торки. Я жил в крохотной комнатке и страдал каждую минуту своего пребывания в этом городе. Я начал ужасно скучать по дому, и родители стали так волноваться за меня, что даже приехали навестить. Мама хотела увезти меня домой, но это был не выход: ведь только здесь я начал делать хорошую карьеру.

В Борнмуте дела у меня обстояли неважно. Меня отправили в подвал и сделали кладовщиком, потом на кухню поваром (я готовил завтраки, когда настоящий повар по каким-либо причинам не мог выйти на работу), затем в столовую официантом. У меня не было друзей, и карьера покатилась под откос.

Стояло холодное ноябрьское утро. Папа ушел на работу, Энтони, которому тогда было пятнадцать, тоже куда-то делся. Мама, готовившая завтрак для еще спящего Грэма, услышала, как в почтовый ящик что-то опустили. Она вытерла руки о полотенце, пошла в холл и взяла почту. В ней оказалось два письма для мистера Пола Баррела.

На одном был фирменный знак какой-то компании. Она не поняла, какой именно, и прочитала на обороте: «„Кьюнард", Саутгемптон». Другой конверт был ей знаком — им уже приходил один такой: на белом конверте стоял черный знак Букингемского дворца. На обороте красовался рельефный красный королевский герб. Письма прибыли вместе со счетом за газ.

Мама сунула письма в карман передника, где они и полежали полчаса, пока она готовила завтрак. На кухню спустился Грэм — он хотел одеться перед камином. Мама сказала: «Полу пришло два письма. Одно из „Кьюнарда". А другое из Букингемского дворца». Она села и взяла со стола нож. Осторожно вскрыла конверт из дворца. Это было письмо от мистера Майкла Тиммса — мне предлагали должность младшего лакея в буфетной столового серебра. Другое письмо было из отдела кадров «Кьюнарда», в нем мне предлагали должность стюарда на борту лайнера «Елизавета II». Мама посмотрела на оба письма. Она знала, что я приду в восторг от возможности поработать на корабле, и поэтому задумалась о том, что же теперь делать.

Потом вдруг она оживилась. «Он устроится на этот корабль, и мы его больше не увидим», — сказала она Грэму, и выбросила письмо из «Кьюнарда» в огонь. Они с Грэмом смотрели, как моя карьера морского волка превращается в дым. «Грэм, пока я жива, никогда не рассказывай ему, что я только что сделала», — сказала она. И поставила письмо из Букингемского дворца на каминную полку.

Потом мама побежала в булочную «Эльдредз», чтобы позвонить мне.

Когда меня позвали к телефону, я был в кладовой отеля «Уэссекс».

— Пол, пришло письмо из Букингемского дворца. Тебе предлагают работу. Ты ведь согласишься, правда?

Еще бы! О таком можно было только мечтать, я не мог

поверить в такую удачу и ужасно обрадовался.

Даже не подозревая об этом, мама приняла за меня самое важное решение в моей жизни, она направила меня к суше и Букингемскому дворцу. Грэм сдержал слово и сохранил в секрете то, что она сделала с другим письмом. Он молчал об этом девятнадцать лет. Молчал до той самой минуты, когда мы оказались на кладбище Хасленд у могилы мамы. Он рассказал мне обо всем сразу после того, как гроб с ее телом опустили в могилу возле могил бабушки и дедушки Кёрков. Это произошло в 1995 году.

В это время я работал у самой чудесной женщины в мире — принцессы Уэльской. И все благодаря моей маме, а ведь я так и не сумел поблагодарить ее.

Когда все разошлись, я сделал то же, что когда-то она на похоронах бабушки Кёрк: обратился к ней у ее могилы. Я сказал ей спасибо.

Глава вторая

БУКИНГЕМСКИЙ ДВОРЕЦ

Я не мог поверить своим глазам.

Королева сидела, глубоко задумавшись, в своей комнате в Букингемском дворце, но тут подняла голову и увидела меня.

— Почему ты улыбаешься, Пол? — поинтересовалась она. По ее голосу было понятно, что она уже догадалась, в чем дело.

— Если бы вы только себя видели сейчас, Ваше Величество!

Теперь уже улыбался не только я, но и королева. Было поздно, она сидела за столом возле окна и писала перед сном. Она была в шелковом платье, на голове — корона, а на ногах — розовые тапочки. Это зрелище и потрясло меня: английская королева в короне и в тапочках! Она выглядела величественно и одновременно по-домашнему — живая аллегория государства «по-простому». Зрелище было нелепым, очаровательным и, наконец, просто смешным — она и сама это понимала.

После того как я удостоверился, что все девять королевских собак (породы корги) мирно спят и им ничего не нужно, я прошел по коридору с толстым красным ковром к королеве, чтобы пожелать ей спокойной ночи, и тут понял, что застал ее врасплох. Слева от двери, когда входишь в ее комнату, стоит высокая ширма, Полагается пройти несколько шагов по паркету, потом еще два шага по ковру и только тогда остановиться и ждать, когда королева тебя заметит. Я остановился и замер.

Королева сидела за столом в своих очках без оправы. Настольная лампа на длинной ножке лила яркий свет на красные правительственные папки и бумаги, над которыми она работала. Корона ярко сияла всеми гранями своих драгоценных камней. Я часто видел королеву в домашних тапочках, но ни разу на ней при этом не было короны Британской Империи. Дело было в том, что на завтра было назначено торжественное открытие очередной сессии Парламента, и королеве надо было привыкнуть к тяжести короны — она весит не меньше чем два пакета с сахаром, а такое непросто носить на голове. Я спросил:

— Что-нибудь еще нужно, Ваше Величество?

— Нет, спасибо, Пол. — И она снова вернулась к работе. Я поклонился.

— Спокойной ночи, Ваше Величество.

Я больше никогда не видел королеву в короне в неофициальной обстановке. Это было один-единственный раз.

20 декабря 1976 года моя жизнь резко изменилась: я вдруг попал из тесноты Борнмута, что в графстве Уэссекс, в Лондон, в

огромный Букингемский дворец.

Когда я впервые вошел во дворец в своем лучшем черном костюме и с маленьким чемоданом в руках, я весь дрожал от страха. Я думал: интересно, будет ли это похоже на паботу в большом отеле. Оказалось, что нет: вместо узеньких коридоров отеля тут были целые улицы, устланные коврами. А барочный декор и должности, которых уже нигде в обычной жизни не встретишь, создавали впечатление музея.

Видел бы мой одноклассник Ким Уолтерс, считавший дурацкими наши форменные школьные кепки, мою новую форму! Я стоял перед шкафом, открыв дверцу, на внутренней стороне которой было огромное зеркало, и разглядывал себя. Я чувствовал себя актером. Из зеркала на меня смотрел незнакомец в ливрее, больше подходящей, чтобы прислуживать Георгу III, чем Елизавете II. Темно-синяя бархатная жокейская шапочка; гофрированный воротник, надевавшийся отдельно, поверх рубашки с круглым вырезом; черный жилет с гладкой шелковой спинкой и с вышитыми золотом полосками впереди, застегивающийся на золотые пуговицы с гербом; красные, тоже бархатные, короткие штаны, с золотыми пуговками у колен и с кисточками; розовые шелковые чулки и черные кожаные туфли с пряжками. Слева у пояса висел меч в ножнах. Я надел белые нитяные перчатки.

Сначала я чувствовал себя по-дурацки, но когда я надел ярко-красный фрак с золотыми полосами по краю, с золотыми пуговицами и с золотыми обшлагами, на меня вдруг снизошла такая гордость. Форме, которую я сейчас надел, более двухсот лет. Эта одежда, старая, не раз чиненая, латаная, даже через столько лет не утратила своего великолепия. За все это время менялась только нашивка на левом рукаве. Сейчас на ней аббревиатура «EIIR» [6], окруженная лентой со словами: «Honni soit qui mal y pense», что значит: «Позор тому, кто замышляет зло», а над ними вышита корона Британской Империи.

Впервые я надел парадную ливрею в подвале, в специальной комнате с огромными — от пола до потолка — шкафами и большим столом в центре. Целый день ушел на то, чтобы выбрать мне все разновидности формы. Вся одежда была не новой, все вещи кто-то носил до меня В Букингемском дворце, так же как в Грассмуре, ношеная одежда — не новость. Даже детские рубашки, брюки и пиджаки принца Эндрю перешивались, чтобы их мог носить принц Эдвард.

Заместитель старшего лакея Мартин Бабб выдал мне пять комплектов одежды: «парадная ливрея» для торжественных мероприятий государственной важности — ее полагается носить

как внутри дворца, так и на улице; «алая форма» — фрак и цилиндр для более второстепенных официальных мероприятий, включая Ежегодные скачки в Аскоте; «форма с эполетами» — двубортный фрак с воротником-стойкой, надевать только на борту королевской яхты «Британия»; «тропическая форма» с белым пиджаком в стиле сафари — надевать в жарких странах; наконец, повседневный черный фрак с белой рубашкой, черным галстуком и красным жилетом. Кроме того, мне выдали красную фетровую кучерскую шляпу, коробки с рубашками и запасные брюки на вешалках.

Дворец пустовал, если не считать основной прислуги. Двор уехал на праздники в Виндзорский замок. А новый штатный слуга готов был приступить к своей королевской службе. По крайней мере, он уже был одет как надо.

Но ничто не могло подготовить меня к моему первому заданию, которое я получил, когда накануне Рождества меня привезли на поезде в Виндзор. Я стоял в Восьмиугольной Комнате на первом этаже северо-восточной башни, из окон которой была видна западная терраса, славившаяся своим видом на сады и поле для гольфа. Я держал серебряный поднос с крохотными кофейными чашечками с королевским вензелем. Чашки прыгали и звенели оттого, что руки у меня дрожали. В животе урчало. Я боялся, что сделаю что-нибудь не так, я чувствовал себя неловко в этой форме. Смогу ли я все сделать, как надо? Или уроню поднос? А может, все пройдет хорошо? Или нет? Впервые в жизни мне предстояло подавать на стол, за которым собралась вся королевская семья.

Я ждал в Восьмиугольной Комнате — зале с высоким пьюджинским [7] потолком, и стенами, украшенными дубовыми панелями. Короткий коридор, застеленный красным ковром, вел в ту залу, куда мне предстояло зайти, — огромную столовую, где королевская семья ужинала при свечах. Вот уже два часа я смотрел на неиссякаемый поток ливрейных лакеев, младших лакеев и пажей, проходивших по коридору туда и обратно. Это был живой конвейер, по которому в зал поступали тарелки, бокалы, серебряные ложки, вилки, блюда с едой; все это непрерывно вносилось в зал — первое, горячее, пудинги… Потом наступило время десерта: груша, банан и кусочек ананаса или персик. Фрукты подавались с золотыми ножами и вилками. Во дворце не едят бананы по-обезьяньи — тут положено пользоваться ножом и вилкой.

В королевской семье все, даже прием пищи, подчиняется правилам этикета, все спланировано, все должно быть совершенным. Множество людей так же, как я в тот день, трясутся

от страха и ждут своей очереди исполнить маленькую незначительную роль. Как танцоры в балете ждут своей очереди за сценой. За дверями в залу выстраиваются лакеи в парадных ливреях. С блюдами в руках они стоят прямо, в том порядке, в каком должны подаваться блюда. Сначала мясо, потом картошка, овощи, салат. По команде лакеи входят в залу.

— Мясо! — проходит тридцать секунд.

— Картошка и соус! — проходит еще тридцать секунд.

— Овощи!

— Салат!

Тогда мне еще не могли доверить мясо или картошку. Пустые кофейные чашечки были пределом моих возможностей.

И тут я понял, что сейчас наступит время подавать кофе. Пришел мой звездный час. Я держал поднос, показавшийся вдруг страшно тяжелым, и видел в приоткрытую дверь роскошный зал. До меня доносился смех и веселый послеобеденный разговор. Мистер Дикмен — королевский распорядитель, командовавший обедом, почувствовал, что я нервничаю.

— Не бойся. Тут нечего бояться, — сказал он. Мне специально доверили самое простое дело, чтобы я постепенно привыкал прислуживать королевской семье и чтобы члены королевской семьи постепенно привыкали ко мне.

— Тебе всего-то надо войти в столовую, встать в углу, а лакей подойдет к тебе и заберет чашки. Тебе ничего не нужно делать. Просто постоишь с подносом, и все, а лакей подаст кофе, — успокаивал мистер Дикмен.

Слава богу, я пока еще не прима-балерина, а только статист! Но по моей слабой улыбке, видимо, было понятно, что ему не удалось меня успокоить.

— Они тебя не съедят! — сказал мой новый начальник и слегка подтолкнул меня в спину. — Иди, а чашки у тебя заберут.

Входя в залу на ватных ногах, я вспомнил, как мистер Дикмен говорил: «Только не смотри на них и не встречайся ни с кем взглядом. Они не любят, когда на них смотрят во время еды». Я не отрываясь глядел на подскакивающие на подносе фарфоровые чашки. Осторожно! Главное — очень-очень осторожно! Надо только пройти десять шагов и встать в углу.

Дошел. И поднял голову. Передо мной стоял огромный стол — я такого никогда не видел: двадцать футов в длину, полированный, красного дерева. Посередине шел ряд подсвечников вперемешку с цветами в вазах. Темно-красные бархатные шторы с золотом свисали до полу, закрывая высокие готические окна. С огромного портрета, висящего над камином, королева Виктория смотрела на своих потомков. И тут я сделал

то, чего делать было не положено: стал разглядывать сидящих за столом. Я искал глазами королеву среди тридцати членов королевской фамилии: женщины в вечерних платьях, мужчины во фраках. Во главе стола в огромном позолоченном кресле, похожем на трон, сидела королева-мать и вела оживленную беседу со своим любимым внуком принцем Чарльзом. Рядом с ним сидела королева — она и все остальные, в отличие от королевы-матери, сидели на стульях. Напротив нее внимательно прислушивался к разговору принц Филипп, герцог Эдинбургский. Многим хотелось бы узнать, какая королева на самом деле, когда ее настоящий характер не скрывает необходимость исполнять государственные обязанности, И вот я вижу ее в обычной домашней обстановке — в первый раз! Я отметил про себя, что улыбка у нее добрая, что королева кажется маленькой и хрупкой. Я думал о том, как близко я сейчас стою к королевской семье. Я думал: жаль, что меня не видит мама. Жаль, что меня не видят жители Грассмура. Свет свечей отражался от драгоценностей. Лакеи быстро и ловко убирали тарелки. Я был рад, что могу стоять с подносом как статуя и ничего не надо делать.

Я видел принца Эндрю и принца Эдварда, принцессу Анну и ее мужа капитана Марка Филипса, за которого она вышла замуж два года назад. Громче всех говорила принцесса Маргарет — у нее был высокий пронзительный голос. Помню, что меня вообще удивило, что они говорят так громко.

Я поспешил опустить глаза, пока они не заметили, что я их разглядываю, и вдруг заметил, что мой поднос пуст. Никем не замеченный, я вышел из залы.

— Вот видишь? И чего было бояться? — с улыбкой встретил меня мистер Дикмен. Я страшно гордился собой.

На каждый Новый год у нас было принято приносить в дом кусочек угля, чтобы с ним в дом пришел новый год и новая удача. Но 1977 год мне предстояло встретить несколько по-другому. Мне, как самому молодому из лакеев, доверили почетную обязанность — привести новый год в королевскую семью. Я стоял у парадного входа в Сандринхем Хаус, где собралась вся королевская семья, и, трясясь от холода и страха, ждал. Через большие окна я видел, как один из лакеев разливает всем шампанское. Послышался бой часов. На двенадцатом ударе дверь открылась, и я вошел в гостиную, подошел к камину, взял приготовленное полено и бросил его на тлеющие угли. Когда новое полено разгорелось, раздались аплодисменты, В награду за исполнение этой традиционной обязанности мне разрешили первым из персонала поздравить мою хозяйку.

— С Новым годом, Ваше Величество! — широко улыбаясь,

проговорил я.

В те дни я еще не исполнял обязанности ливрейного лакея. В письме, которое прочитала мама, мне предлагалась должность младшего лакея. А это означало работу в буфетной стекла и фарфора: по локоть в мыльной воде начищать до блеска тарелки и чашки. Но в последний момент появилось место лакея, и взяли меня. Моим начальником стал старший лакей Джон Флойд. Меня сделали четырнадцатым из четырнадцати королевских лакеев с жалованьем в 1200 фунтов. Тогда мне казалось, что от места первого или второго королевского лакея меня отделяло сто световых лет.

Комнаты для персонала имели размеры обычного гостиничного номера. Мебели было немного, только самая необходимая. Раковина в углу, кровать, стол, комод, шкаф. На полу — зеленый ковер. В комнатах было мало света, потому что небольшие окна находились под самым потолком.

Прежде чем мне выдали форму, заместитель старшего лакея показал мне мою комнату. Меня поселили в Пажеском крыле. Его узкие окна можно увидеть под самой крышей с восточной стороны дворца. Тогда моя должность еще не позволяла мне жить в комнате с видом на памятник королеве Виктории и улицу Мэл, мое окно выходило на внутренний дворик, усыпанный гравием. Я часто влезал на батарею, чтобы поглядеть, как к главному входу с каменными колоннами подъезжают разные важные персоны: крупные политики, высокопоставленные чиновники и другие знатные гости. Кроме того, рядом была «Королевская дверь», которой пользовались те, кому была назначена личная аудиенция у королевы. Именно этим входом во дворец пользуется премьер-министр, когда приходит к Ее Величеству по вторникам.

Мне еще многое предстояло узнать о жизни дворца. Легко потеряться в лабиринте подземных коридоров, смежных помещений и сложных переходов, соединяющих между собой шестьсот с лишним комнат дворца. Жители Букингемского дворца говорят на том же языке, что и вся страна, но живут в совершенно обособленном мире. Там своя полиция, пожарная команда и почтовое отделение, свой врач, прачечная, часовня, священник, а также электрики, плотники, багетные мастера и сантехники. А еще бар ВМС.

Непросто запомнить и огромное количество должностей, сохранившихся еще с восемнадцатого столетия: Главный камергер и дворцовый распорядитель, личный паж королевы, паж задних комнат, паж парадных комнат, правительница гардеробной (которая непременно должна быть графиней), камеристки и фрейлины, Хранитель столового серебра,

Хранитель стекла и фарфора, придворные. Не говоря уже о Хранителе королевского кошелька и Государственном гофмейстере. Во главе дворцового персонала стоит Лорд Управляющий. Дальше следуют шесть служб: Служба личного секретаря, Служба королевской казны, Личная служба Лорда Управляющего, отделение дворцового хозяйства, отделение королевских конюшен, отделение королевских коллекций. Я работал в отделении дворцового хозяйства, которое, в свою очередь, тоже делилось на три отдела: Отдел «Х» («хозяйство»), отдел «К» («кухня») и отдел «О» («общее»). Лакеи относились к отделу «О» и подчинялись королевскому распорядителю Сирилу Дикману.

Кроме того, надо было помнить бесконечные правила и традиции. Первый год службы я носил с собой блокнот, в который записывал имена и должности коллег и начальства, зарисовывал планы комнат и схемы сервировки стола. Даже поднос с завтраком должен быть особым образом сервирован: ручка чашки должна смотреть вниз и вправо, и так же по диагонали должна лежать ложечка на блюдце. Тарелки и блюдца ставятся так, чтобы изображение герба не оказалось перевернутым. Соль ставится справа, горчица — слева, перец — у края. В сахарнице должен быть сахар-рафинад, ни в коем случае не сахарный песок, и рядом — щипцы. Тост подается только на специальной серебряной подставке, а не на тарелке. На блюде с маслом не должно быть больше трех шариков масла. И главное — не забыть подать льняную салфетку.

Даже ванные произвели на меня огромное впечатление. Они были общие: ряд кабинок с ваннами и душем сверху. Мне было очень неловко оттого, что я первый раз в жизни увидел душ, и вынужден был спросить, как им пользоваться.

В коридорах, где на стенах были обои на шелковой основе, горничным запрещено пылесосить до девяти утра, чтобы не будить членов королевской семьи. Вместо пылесосов они пользуются жесткими щетками. Ходить по середине коридора считается «неприличным для лакея». Вычищенный темно-красный ковер — это для королевских ног. Персонал же должен ходить по кромке в фут шириной. К красным коврам относятся с таким же уважением, как содержатель крикетной площадки относится к воротцам. Если лакей, идя по коридору, видит члена королевской семьи, ему полагается остановиться спиной к стене и молча поклониться, когда член королевской семьи проходит мимо.

Я вскоре понял, что искусство быть хорошим слугой заключается в том, чтобы быть как можно незаметнее. Жизнь слуги проходит в тени, и в идеале он должен быть невидимкой. В

результате горничные и лакеи часто вынуждены торопливо прятаться и ждать, пока смогут выйти так, чтобы никому не помешать. В Сандринхэм Хаусе горничным приходилось прятаться в шкафу под лестницей, когда они слышали, что в главный зал выходит королева. Эти «прятки» приводили ко множеству странных ситуаций, когда члены персонала вынуждены были прятаться и, приложив ухо к двери спальни, слушать, когда же наступит тишина, означающая, что путь свободен и они могут вернуться к своим обязанностям. Или стоять у потайного хода в гостиную и ждать, когда гости разойдутся и можно будет убрать бокалы, затушить камин, взбить диванные подушки и подмести ковер.

Что касается снобизма, то оказалось, что слуги гораздо больше задирают нос, чем члены королевской фамилии. Во всем была жесткая иерархия, прямо как на «Титанике», которая соблюдалась даже в отношении еды. Главы служб, которых принцесса Уэльская назвала «люди в сером», бдительно следили за соблюдением этой иерархии.

Самые младшие по должности члены персонала: младшие лакеи, повара, горничные, лакеи, носильщики, почтальоны, шоферы, конюхи и т. п. — обедали на первом этаже в комнате с линолеумом, больше похожей на рабочую столовую, чем на помещение во дворце. Они сидели на пластиковых стульях за столами, накрытыми белыми скатертями. Тут была система самообслуживания. Тут было шумно, весело и просто.

Столовая дворецких была на втором этаже. На полу лежали ковры, а стулья были мягкие. Общий тон — более деловой. Здесь обедали старшие члены персонала, прослужившие больше двадцати лет или награжденные за преданность: пажи, пажи Ее Величества, пажи задних комнат, хранители серебра, стекла и фарфора, старшие лакеи, камеристки королевы и ее шофер. Во главе стола сидел дворцовый распорядитель. Обед отличался тем, что здесь подавался ассортимент хлеба, сыров и печенья.

Выше по лестнице была Официальная Столовая для личных секретарей и помощников, клерков, пресс-атташе, машинисток и управляющего персонала.

«Зал леди Брайтон» был еще роскошнее: с высокими потолками и огромной люстрой. Здесь помощники Распорядителя дворцового хозяйства, Главного эконома и Казначея вели неспешную беседу за обедом, к которому подавалось вино. Кроме того, им разрешалось выпить виски или херес перед едой.

И наконец, возле Поклонного зала находилась самая роскошная из столовых для персонала. Тут собирались сливки общества слуг. Тут стояла мебель «чиппендейл» и «шератон», а на

стенах висели портреты из королевской коллекции. Здесь ели с тарелок тонкого китайского фарфора серебряными вилками. Вино из королевских погребов наливалось в хрустальные бокалы. В такой роскоши обедали только фрейлины, старшие камеристки, правительница гардеробной, личные секретари, пресс-секретари, Хранитель королевского кошелька, королевский капеллан, придворные и Лорд Управляющий. Атмосфера тут была торжественная, как в клубе членов консервативной партии. Как ни странно, этот зал был в четыре раза больше, чем столовая Ее Величества, и гораздо роскошнее.

Лакеев-новичков, таких как я, натаскивали как раз в этой столовой. Мне не могли доверить прислуживать за королевским столом, пока я не покажу свои умения перед Лордом Управляющим. Даже в этой столовой мне в те дни было страшно, что я что-нибудь сделаю не так. Нужно было научиться правильно накрывать на стол: класть ножи и вилки ровно в одном сантиметре от края стола, а приборы у каждого места ставить в точности как у места напротив, чтобы одна сторона стола становилась как бы зеркальным отражением другой. Нужно было научиться складывать салфетки в форме перьев с герба принца Уэльского и наливать вино и шампанское не больше чем на половину бокала.

Меня приставили к одному из старших лакеев, чтобы обучиться премудростям профессии: от проверки, горячий ли обед для королевы, до чистки ботинок придворных. Я три месяца всюду следовал за ним как тень. Нужно было быть незаметным и в то же время наблюдательным. Меня учили не только накрывать на стол, но и прислуживать джентльмену.

Я стоял в темноте в углу комнаты одного из гостей дворца и внимательно смотрел за тем, что делает мой наставник — Мартин Бабб. У него я должен был научиться двигаться неслышно, быстро и незаметно даже в полной темноте. В королевских дворцах не бывает будильников. Лакей или горничная в положенное время входит в комнату и будит своего хозяина или хозяйку. Осторожно ступая в темноте, Мартин ставит на столик возле кровати (расположенный на расстоянии вытянутой руки) деревянный поднос со свежезаваренным чаем, стаканом апельсинового сока и кексом. Если джентльмен при этом не просыпается, то надо раздернуть шторы. Мартин так и сделал. Комнату залил солнечный свет. Я почувствовал себя глупо: стою тут совершенно лишний, как вешалка для пальто.

Джентльмен пошевелился. Мартин поднял вчерашнюю одежду, взял из шкафа вешалку, повесил на нее брюки, рубашку и пиджак и вынес в коридор. Туда же он выставил туфли (их надо

почистить) и грязные носки и белье — в стирку. Затем он достал из шкафа чистую одежду и выложил ее на стуле особым способом, который мне нужно было запомнить: выглаженные и сложенные брюки кладут на сиденье, отогнув при этом уголок, чтобы было удобнее их брать; сложенную как при покупке рубашку «ставят» под углом к спинке, предварительно расстегнув все пуговицы и вставив запонки; сверху кладут чистые трусы; туфли с развязанными шнурками ставят возле кресла, сверху на них кладутся носки. Затем Мартин подходит к туалетному столику, открывает верхний ящик и достает несколько галстуков (лакей должен всегда оставлять несколько галстуков, чтобы джентльмен сам мог выбрать). И наконец, лакей должен выложить чистый и выглаженный носовой платок.

Джентльмен все еще спал. Мартин отвел меня в ванную и объяснил, что тут делать. Надо набрать в ванную теплую воду, положить на пол коврик и пододвинуть стул.

— Полотенце надо выкладывать вот так, — сказал он, расстилая полотенце на стуле так, чтобы, когда джентльмен сел на стул, он мог завернуться в полотенце и встать, как в мантии. На этом работа Мартина закончилась, и мы вышли из комнаты джентльмена.

Точно таким же образом лакеи и горничные прислуживают не только гостям, но и членам королевской семьи. Я был рад, что Мартин обучил меня всему этому. Впрочем, когда я первый раз был приставлен к джентльмену, довольно пожилому, мне пришлось пережить минуты паники. Я не мог найти его вчерашнюю одежду, носился по комнате, недоумевая, куда он мог ее деть. А потом он вытащил руку из-под одеяла, и я понял: он заснул одетым.

Позже я узнал, что принц Уэльский имеет свои привычки, с которыми вынуждены были мириться его лакеи: от Стивена Барри до Майкла Фосета. К тюбику с зубной пастой был прикреплен серебряный ключ с его гербовыми перьями: если его повернуть, выдавится ровно то количество пасты, которое нужно на щетку. Еще он требовал, чтобы его пижаму гладили каждое утро.

Кроме того, в обязанности лакея входило доставлять королеве пакеты с государственными бумагами, которые приносили из Министерства внутренних дел, Министерства иностранных дел и от премьер-министра.

Человеку со стороны может показаться странным такое количество слуг, но иначе монархия не могла бы существовать. По слугам складывается первое впечатление о королевской семье, и слуги же обеспечивают повседневную жизнь дворца. Все члены персонала — от младшего дворецкого до Лорда Управляющего —

каждый день, каждую минуту делают все возможное, чтобы жизнь королевской семьи текла ровно и все ее члены без всяких помех могли исполнять свои государственные обязанности.

Королева общается совершенно по-дружески с большей частью персонала Во дворце отношения между рабочими и работодателями основаны на взаимном уважении. Формальности этикета не отменяют теплые отношения.

В те дни, когда у королевы была назначена деловая встреча за пределами дворца, она появлялась из лифта, и, как по волшебству, фрейлины делали реверанс, а придворные и личные секретари кланялись. Все было очень официально, все проникнуто почтением. Но когда королева возвращалась во дворец, она обычно останавливалась возле лифта и беседовала со слугами. Она могла рассказать о чем-то забавном или странном, что произошло за день. Королева всегда говорила с улыбкой, потом благодарила слуг за то, что они помогали ей в этот день. Затем заходила в лифт, и вновь воцарялась атмосфера глубокого уважения: дамы снова делали реверанс, а мужчины кланялись — на этот раз еще более искренне, чем раньше. Иногда эти поклоны и реверансы казались несколько утрированными. Помню, как-то одна фрейлина присела в реверансе так низко, что мне показалось, будто она вот-вот повалится на пол.

С самого первого дня работы во дворце я очень уважал — и до сих пор уважаю — Ее Величество. Она потрясающая женщина, добрая и справедливая; правда, мне понадобилось некоторое время, чтобы научиться действительно понимать ее. В начале своей службы я получил прозвище Пуговица. Так меня прозвали Мартин Бабб и Алестер Уонлесс за то, что на время испытательного срока меня поставили чистить золоченые пуговицы на ливреях. Эта механическая работа занимала у меня долгие часы в первые три месяца пребывания во дворце.

Британия готовилась к серебряному юбилею королевы. Слугам пришлось особенно трудно, если учесть, что грандиозные банкеты и приемы проводились почти каждую неделю. На тот момент я все еще был четырнадцатым лакеем и не принимал серьезного участия в празднествах. Я помню тот июнь. Из окна своей комнаты я гляжу, как с дворцовой площади отправляется торжественная процессия к собору Святого Павла. Ее Величество едет в золоченой карете, сделанной еще для короля Георга III. По бокам кареты идут лакеи в парадных ливреях, за ними королевская охрана (известная как «бифитеры») и конная гвардия. Вдалеке слышатся крики толпы.

В этой не очень удобной карете королева ехала всего лишь второй раз в жизни (первый — на коронации в 1953 году). После

торжества во время приема я слышал, как королева говорила: «Я уже забыла, как неудобно сидеть в этой карете».

Всем, кто на 2 июня 1977 года проработал во дворце больше года, выдали серебряные медали с белыми лентами. Я был единственным лакеем, оставшимся без медали, потому что прослужил во дворце только шесть месяцев. Я мог только гадать, сколько еще мне придется оставаться четырнадцатым лакеем. Как оказалось — недолго.

Однажды в Виндзорском замке произошел «несчастный случай», хотя это было больше похоже на попытку самоубийства. В одной из спален на столике стояла наполовину опорожненная бутылка джина и коробочка из-под лекарств. В постели без сознания лежал человек. Про него было известно, что он давно страдал от депрессии. Странно было видеть скорую у входа в башню Августы в южной части замка. Чтобы не создавать шума, машина приехала без сирены. Санитары поднялись в комнату на третьем этаже. Личного лакея королевы — одного из двоих счастливчиков, которые сопровождали Ее Величество, куда бы она ни отправилась, — в тяжелом состоянии увезли в больницу. Это было в апреле 1978-го. Лакей выжил, но не вернулся во дворец — его здоровье больше не позволяло ему работать. Примерно в это же время Эрнест Бенетт, паж королевы (паж считается выше лакея), вышел в отставку после долгой безупречной службы — он начал работать сразу после Второй мировой войны. В связи с этими двумя событиями произошли перемены и я получил неожиданное продвижение по службе.

В лакейской не смолкали разговоры о том, кто займет место личного лакея королевы и станет присматривать за ее девятью собаками. Первым назначили моего коллегу Пола Уайбрю. Но нужен был еще один человек. Я тогда об этом не знал, но, как потом оказалось, королева давно присматривалась к лакеям во время ужинов и приемов, следила, как они выполняют свои обязанности, насколько аккуратны и внимательны, как выглядят и как себя ведут. Сами того не зная, мы все время были под наблюдением.

И вот однажды меня вызвали в кабинет старшего лакея — Джона Флойда.

— Вы хотели бы стать личным лакеем Ее Величества? — спросил он меня.

На это мог быть только один ответ. Через шестнадцать месяцев после начала работы во дворце я получил должность, о которой любой из лакеев мог только мечтать. Любая должность, близко связанная с королевой, считается особой честью. Ее Величество окружают только избранные люди. Ближе всего к

королеве оказываются не те, с кем она решает государственные дела, не те, кто составляет распорядок ее дня, но ее камеристки, пажи и лакеи — ведь именно они находятся рядом в те минуты, когда она наедине с собой. Я неожиданно оказался посвященным во все дела королевы. Не раз ее личный секретарь просил меня узнать, в каком она настроении, или что она думает по тому или иному делу, прежде чем самому говорить с ней. Другие слуги тоже пытались узнать о ней что-нибудь через самых приближенных к ней людей. Мое слово вдруг обрело некий вес.

Королеве нравилось, что теперь у нее в лакеях оказались два Пола. В любой момент ей надо было только крикнуть «Пол!», и один из нас тут же появлялся перед ней. Но, чтобы нас все-таки различать, она стала звать нас Большой Пол (это был Уайбрю с его ростом в шесть футов два дюйма) и Маленький Пол (это я — во мне всего пять футов десять дюймов).

Это было удобно для королевы, но не очень для принцессы Маргарет, которая не раз спрашивала по телефону: «Это какой Пол? Маленький или Большой?». Саму принцессу Маргарет ни с кем не перепутаешь даже по телефону: такой громкий у нее голос, гораздо громче, чем у ее сестры. Мне было неприятно отвечать: — Маленький, Ваше Королевское Высочество. Десять лет все члены королевской семьи звали нас именно так.

Был и еще один приятный момент в том, чтобы стать личным лакеем королевы: я переселился по другую сторону коридора в комнату с видом на улицу Мэл. Мое окно было четвертым слева под самой крышей.

Мой рабочий день начинался в семь часов с того же, чем заканчивался — выгула королевских собак породы корги. Их было девять: Браш, Джолли, Шэдоу, Миф, Смоуки, Пайпер, Фэйбл, Спарки и Чиппер — единственный кобель. После прогулки в восемь часов я приводил собак в спальню королевы и приносил ей утренний чай. Чай и собаки служили для нее будильником.

В девять я снова выводил собак. Королева открывала дверь спальни, за которой уже ждал я, и выпускала собак. Нелегко удержать девять собак на девяти поводках. Но насколько опасными могут быть прогулки с ними, я узнал только в Сандринхеме. Корги — очень целеустремленные собаки, каждая старается выскочить на улицу первой. Дело было зимой, когда ступеньки и подъездная дорожка были покрыты снегом и стали очень скользкими.

Мы с собаками вышли на улицу, я повернулся, чтобы закрыть двери, и тут собаки потянули меня вниз. Я упал, ударился головой о ступеньку, потерял сознание, а собаки разбежались. Первое, что я увидел, когда пришел в себя, лица склонившихся

надо мной королевы и принцессы Анны.

— Пол, ты как? — спросила королева.

Я пролежал без сознания десять минут. Они помогли мне встать. У меня на голове была огромная шишка, и я потянул мышцу на спине. Боль была невыносимая. Королева позвала врача Сандринхем Хауса доктора Форда и велела мне остаток дня отдыхать. Слава богу, кто-то поймал всех собак, и с ними ничего не случилось.

Кормить их было гораздо легче. Им устраивали ежедневно настоящий собачий пир, к тому же королева часто сама кормила своих любимцев. Именно в такие минуты у меня была возможность поговорить с королевой в наиболее спокойной обстановке, будь то в Букингемском дворце, Виндзорском замке, Сандринхеме или замке Балморал. Я беседовал с королевой один на один: нас никто не слушал, никто не мешал. За те годы, что я служил у королевы, было несколько разговоров, которые я никогда не забуду.

Я привык видеть королеву с вилкой и ложкой, которыми она раздавала кусочки «Педигри», смешанные со свежей крольчатиной и сухим печеньем и залитые подливой. Иногда собакам устраивали настоящий праздник — давали им мясо фазана с королевского стола, оставшееся с вечера. Я выставлял девять желтых пластиковых мисок на девять ковриков — для каждой собаки отдельно, а королева подзывала собак по одной. В такие моменты королева была в самом лучшем настроении, много говорила, много смеялась. Она вспоминала разные смешные истории и чудесно их рассказывала. Мы с ней часто смеялись от души.

Она обычно начинала так: «Знаешь, удивительное дело…», или, если накануне встретила старого знакомого: «Не поверишь, кого я вчера встретила!..», или, если произошло что-то забавное: «Я недавно так смеялась…». Но забавнее всего она описывала, как какая-нибудь из ее лошадей победила на скачках: «Кстати, ты знаешь, что моя лошадь пришла первой?»

Во время одного из таких разговоров королева рассказала о короле Карле I, точнее, о его казни 30 января 1649-го, когда Оливер Кромвель и антироялисты взяли Лондон.

— Знаешь, удивительное дело, я недавно получила письмо от потомка одного человека, который своими глазами видел казнь Карла I, — так начала королева свой рассказ о последних минутах жизни монарха. Помешивая еду для собак, Ее Величество продолжала: — Когда ему отрубили голову, кусок ключицы отлетел в толпу, и предок того самого человека, приславшего письмо, подобрал косточку. Ее передавали из поколения в

поколение, а теперь он прислал ее мне.

Тут я, уже совсем забыв про собак, спросил:

— И что вы собираетесь с ней сделать, Ваше Величество?

— А что с ней можно сделать, Пол, кроме как вернуть законному владельцу? Я велела положить ее в гроб Карла I.

Она рассказала, что, когда крышку подняли, оказалось, что голова короля пришита к шее.

— А еще, — продолжала она, — из-за того что гроб был так герметично закрыт, его борода осталась совершенно целой, волосы — как у живого, — сказала потрясенная королева своему совершенно потрясенному лакею;

— Подумать только, Ваше Величество, посмотреть в лицо истории…

Она только хмыкнула.

В неофициальной обстановке королева часто проявляла свое чувство юмора, пародируя разные акценты. Чаще всего она подражала кокни, жителям Мерси, ирландцам, йоркширцам и австралийцам. Она делала это с большой симпатией, потому что ей нравились эти люди, которых она встречала во время поездок. Непросто представить королеву, веселящую своих подчиненных, но ее фрейлины и личные секретари не раз хохотали до упаду над ее умением передавать разные акценты и говоры.

Никогда не забуду, как однажды, когда королева ехала в открытом экипаже на Ежегодные скачки в Аскоте, а я стоял на запятках в своей «алой форме», из толпы раздался густой мужской голос, явно принадлежавший жителю Ист-Энда:

— Помаши нам, Лиз!

Такое простодушие всех развеселило, но принц Чарльз не расслышал и переспросил:

— Мама, что он сказал?

И королева, точно воспроизводя произношение кокни, повторила:

— Помаши нам, Лиз! — и помахала.

Чарльз и его отец засмеялись. Королева махала.

Как жаль, что немногие имеют возможность слышать искренний смех королевы или видеть ее улыбку. За всем великолепием и торжественностью дворцовой жизни, за бесчисленными традициями, за строгостью дворцового протокола, за чувством долга, которое королева ставит превыше всего, скрывается простая женщина, и если бы люди знали, какой душевной теплотой она обладает, то холодный образ жесткой правительницы растаял бы как дым. Но обычные люди видят только этот образ, не имеющий ничего общего с реальностью. С королевой очень легко общаться. В ней нет никакого высокомерия

и надменности. Мы часто болтали с ней о саде, о природе и о моих коллегах — прислуге. Королева искренне интересуется людьми: она с удовольствием рассказывала о тех, с кем виделась, и о тех, с кем еще предстояло встретиться. Когда вот так по душам говоришь с королевой, создается впечатление, что Ее Величество — обыкновенная женщина, случайно ставшая королевой и вынужденная теперь выполнять эти обязанности.

Королева очень любит собак. Когда у одной из собак был приступ кашля, королева сама держала ей челюсти, пока я вливал животному в рот из шприца микстуру от кашля — дозу определила сама королева. Однако, какими бы милыми ни казались корги, иногда они могут быть очень агрессивными. Однажды в Виндзорском замке, когда королева ужинала, я, досмотрев очередную серию сериала «Даллас» по Би-би-си-1, собрался вести собак на прогулку. Я как раз надевал пальто, когда вся свора вдруг помчалась к двери. Они преследовали Джолли — собаку принца Эндрю и принца Эдварда — с тем же азартом, с каким гончие гонят лису. Джолли — самая молодая и самая слабая из всей своры. Собаки ее чуть не растерзали. Подбежав к ней, я увидел, что они разодрали ей все брюхо. Кругом была кровь. Тут на шум подоспел Кристофер Брэй — королевский паж, и мы с ним вместе переловили собак и заперли каждую в отдельной комнате. Это было нелегко, мы все были искусаны, но меня расстраивали не мои раны: мне было жалко Джолли — я был уверен, что она умрет. Вдруг я с ужасом понял: королева будет в ярости.

Позвали ветеринара для собаки и доктора для нас с Кристофером. Укусы у нас были не очень серьезные: противостолбнячный укол, несколько пластырей — и мы снова были в форме. А вот Джолли срочно отправили на операцию. Ее спасли, но пришлось наложить двадцать швов ей на брюхо. Когда королева вернулась с ужина, я с внутренним страхом рассказал ей о случившемся. И тут я впервые узнал, насколько великодушна королева. Она пришла в ужас, но не стала винить меня. Более того, она принесла мне две гомеопатические капсулы. «Выпей их, Пол. Это чтобы раны быстрее затянулись». Тогда я еще не знал, что собаки дрались довольно часто. Когда они начинали ссориться из-за еды, королева прикрикивала на них: «А ну молчать!», и добавляла: «Они иногда сущие черти».

Когда я кормил собак, королева рассказывала мне о том, что ей было так дорого: о лошадях, о собаках, о принце Филиппе и их детях. Слуги иногда шутили, что именно в таком порядке надо располагать эти темы по степени важности для королевы: первыми идут лошади, потом собаки и т. д. Мне кажется, это не

так. Просто когда королева говорит о лошадях и собаках, она проявляет большую эмоциональность. Собаки сопровождают королеву всюду. Когда слышалось клацанье когтей по полу, сразу было понятно, что сейчас войдет королева в сопровождении своих собак.

Герцогу Эдинбургскому они доставляли массу неприятностей. Когда королева сидела за своим столом и разбирала бумаги, собаки лежали как стражи у всех входов в гостиную, и ему приходилось отпихивать их, чтобы войти к королеве. Не раз в таких случаях слышался его хриплый возглас: «Чертовы собаки! Ну зачем тебе их так много!».

Королева никогда не разделяла его негодования. «Но, дорогой, их так приятно коллекционировать», — отвечала она. Как некоторые собирают марки, так королева собирала собак породы корги. (Впрочем, марки она тоже собирала. Королева является владелицей самой большой частной коллекции марок в стране. Начало ее коллекции положил еще ее дедушка — король Георг V.)

Чужих собаки встречали нестройным лаем, но короткого «А ну молчать!» от королевы было достаточно, чтобы они притихли. Даже собаки перед ней преклоняются.

Кормить собак было легко, а вот гулять с ними — гораздо сложнее. В плохую погоду Ее Величество деликатно намекала, что пора выгуливать собак, и я с ужасом глядел в окно Балморала. Шотландская погода казалась всегда одинаковой: дождь и ветер. «Боже мой!» — думал я, вспоминая, что выгуливать собак полагается как минимум сорок пять минут. «Что ж, идемте… Чиппер, Пайпер, Смоуки…» Я пристегивал красные поводки к ошейникам и выводил их под дождь. Однако вскоре я нашел укрытие от дождя — в густом лесу у реки Ди. От замка до леса было сравнительно недалеко. И мы с собаками отправлялись туда.

На ошейнике у каждой собаки висел железный жетон с выгравированной надписью: «Ее Величество королевы», на случай, если собака потеряется, — чтобы нашедший знал, куда ее вернуть. С самого начала, как только мне поручили присматривать за собаками, я больше всего боялся, что какая-нибудь из них потеряется. Никогда не забуду, как однажды я привел с прогулки восемь собак вместо девяти. Проходив под проливным дождем три четверти часа, я вернулся в замок усталый и промокший, с такими же мокрыми собаками.

— Их восемь! — испуганно заметила королева. — Шэдоу пропала.

Королева заметила ужас на моем лице, но ничего не сказала.

— Не волнуйтесь, Ваше Величество. Я ее найду, — пообещал я и снова вышел под дождь.

Спустя полчаса я нашел собаку у реки и снова мог дышать спокойно.

Моим любимцем стал Чиппер, и королева, почувствовав нашу с псом взаимную симпатию, после года моей службы разрешила ему спать в моей комнате. Впрочем, это разрешение распространялось только на Балморал, Сандринхем и Виндзор. В Букингемском дворце это было бы довольно сложно, потому что моя комната находилась слишком далеко. Но как только мы покидали Букингемский дворец, Чиппер всегда спал у меня в ногах. Так продолжалось девять лет, пока он не умер.

Во дворце все подчиняется жесткому распорядку и четким правилам. Камеристка королевы входит в ее спальню ровно в восемь. На подносе она вносит фарфоровый чайничек с чаем «Эрл Грей». Она раздвигает шторы, и утренний свет заливает собак, радостно бросающихся к королеве.

Королевский молочник доставляет во дворец молоко задолго до того, как королева просыпается. Он привозит его из Виндзора, где на специальной ферме разводят коров джерсийской породы, чтобы королевская семья могла каждое утро пить свежее жирное молоко. Его привозят в бутылках с синими этикетками: «EIIR. Королевская молочная ферма. Виндзор». Бутылки запечатаны зелено-золотыми крышечками. Сливки привозят в картонных пакетах с такими же этикетками.

В девять часов Ее Величество проходила через свою гостиную в столовую, неся с собой старый радиоприемник, настроенный на Би-би-си Радио-2. В столовой ее уже ждал легкий завтрак (я накрывал стол за несколько минут до ее появления): тост из зернового хлеба, намазанный маслом и тонким слоем мармелада. Эта столовая считалась предназначенной для семейных трапез, но чаще всего королева завтракала одна. В центре комнаты стоял большой стол, за которым могли обедать четверо. Через огромное окно лился солнечный свет, и на ковер ложились квадраты. Стены были затянуты голубым шелком. На цепочках был подвешен пейзаж из Королевской коллекции произведений искусства.

Я не раз видел, как королева стоит возле маленького столика и ждет, когда закипит электрический чайник, а затем заваривает себе чай в серебряном чайничке. За завтраком она просматривает газеты, выложенные для нее в определенном порядке так, чтобы видны были названия газет: снизу «Таймс», затем «Дейли Телеграф», потом «Дейли Экспресс», «Дейли Мейл», «Дейли Миррор», а сверху «Спортинг Лайф» — газета, посвященная скачкам. Ее любимыми журналами были «Харперс & Квин»,

«Татлер» и «Хоре энд Хаунд». Она никогда не читала «Сан» и «Дейли Стар» [8]. Но королевская пресс-служба ежедневно составляла ей отчет обо всем, что появлялось в прессе относительно королевской семьи.

«Дейли Телеграф» для королевы складывали таким образом, чтобы сразу были видны оба напечатанные там кроссворда. Королева всегда их разгадывала. Правда, не всегда ей удавалось сделать это сразу, кроссворды собирались и путешествовали вместе с ней, чтобы в свободную минуту она могла к ним вернуться и разгадать до конца.

Сначала она открывала «Спортинг Лайф», просматривала сообщения о предстоящих скачках и читала отчеты о прошедших. У нее был специальный блокнот, в который ее помощник регулярно вносил записи о скачках, в которых участвуют ее лошади. В те дни, когда где-то должны были бежать ее лошади, она особенно внимательно просматривала программу скачек, чтобы сопоставить шансы своих и чужих лошадей. Именно скачки помогают королеве отвлечься от государственных дел. Она — яростная фанатка этого «королевского спорта». Нет ничего, что бы ее не интересовало: от лошадей до дрессировщиков, от жокеев до конюхов, от победителей до проигравших.

Если вам хочется поболтать с королевой, трудно найти тему лучше, чем скачки. Но, чтобы беседовать об этом с королевой, надо знать о скачках все. Королева помнит всех победителей крупнейших скачек, знает про все гандикапы, знает, какой максимальный вес наездника может удержать на себе каждая лошадь, знает все тонкости разведения лошадей. Я не осмеливался разговаривать с ней о скачках; разве что когда знал, что в этот день в важных скачках участвует одна из ее лошадей, я спрашивал:

— Говорят, сегодня побежит Хайклер, Ваше Величество? Думаете, у него есть шансы на победу?

— Это от многого зависит, Пол, — отвечала она и принималась объяснять что-то про соперников, классы и т. п., чего я совершенно не понимал.

Мне никогда не удавалось выиграть, поставив на королевских лошадей, но, преданный королеве, я всегда ставил только на ее лошадей и в Аскоте и в Эпсоме (на «Дерби» — классических скачках без препятствий, в которых королевским лошадям никак не удавалось выиграть).

В десять начинался уже настоящий рабочий день. Королева садилась за свой рабочий стол у окна, нажимала на стареньком коммутаторе кнопку с подписью «Личный секретарь» и говорила веселым тоном:

— Не зайдете ли ко мне?

— Конечно, мадам, — раздавался из динамика приглушенный ответ.

Через секунду ее личный секретарь — в тот период это был сэр Мартин Чартерис — проходил по коридору, неся в руках квадратную корзинку писем, осторожно стучал в дверь, входил и следующий час проводил стоя за плечом у королевы, которая разбирала документы и решала дела страны и всего Содружества. (Личные секретари, так же как и прочие люди, не имеют права сидеть во время аудиенции у королевы, если только она сама не предложила им сесть.)

Королева привыкла работать и есть в одиночестве. Лакеев и пажей она вызывала не через коммутатор. Для этого в каждой комнате была кнопка звонка. Когда она на нее нажимала, в буфетной в специальную деревянную коробку со стеклом в передней части опускался красный диск с названием комнаты, в которую королева вызывала пажа или лакея: «гостиная», «спальня», «столовая», «зал для приемов» и так далее.

Время с одиннадцати до часу дня отводилось под личные аудиенции во дворце и другие дела. В это же время королеве могли представляться министры, члены Тайного совета и послы. Чтобы официально закрепить вступление в должность, они должны были поцеловать королеве руку. Это древняя традиция, и церемония всегда проходит либо в Поклонном зале, либо в Зале Восемнадцатого века. Каждый подходит к королеве, встает на одно колено, берет правой рукой правую руку королевы и слегка касается ее губами.

Во время всей церемонии королеве приходится стоять, иногда по два часа подряд. Так что неудивительно, что по возвращении в свой кабинет королева спрашивала: «Пол, напитки готовы?». Конечно, все было готово. Она всегда готовила себе один и тот же коктейль: смешивала в равных частях джин и вино «Дюбонне», клала два кубика льда и дольку лимона. Обед начинался всегда в час дня и длился около часа.

Если у королевы не было назначено на это время никаких дел, то до двух часов дня она гуляла с собаками. Повязывая на голову шарф и надевая пальто, она обычно просила: «Ты не мог бы записать скачки?». Это означало, что по телевизору будут показывать трансляцию скачек в Эпсоме, Аскоте, Йорке или Гудвуде где-то между половиной третьего и пятью часами вечера, и моя задача — установить видеомагнитофон на запись. Если же по телевизору не показывали скачки, то королева слушала прямую трансляцию (как это делают в букмекерских конторах). И все — и пажи и лакеи — знали, что, когда она внимательно

слушает, как идет ее лошадь, ее нельзя беспокоить. Это было бы верхом невоспитанности. В эти три минуты любые дела могут подождать.

Королева никогда не ест и даже не пьет чай между установленными приемами пищи. Где бы она ни была, чай подается ровно в пять часов. Будь то хоть в королевском дворце в Саудовской Аравии, хоть на борту королевской яхты «Британия», хоть в Букингемском дворце, ровно в пять я подавал чай «Эрл Грей» с молоком, бутерброды (с хлеба положено срезать корочку) и что-нибудь на сладкое. Каждый день шеф-повар Роберт Пайн пек лепешки, но члены королевской семьи редко их ели. Обычно королева отламывала кусочки намазанной вареньем лепешки и скармливала их собакам. Для них это было величайшее лакомство, ради которого они вставали на задние лапки, кружились на месте или катались по полу — делали все что угодно, лишь бы заслужить угощение.

Когда заканчивали пить чай — но не раньше шести часов, — королева пила джин с тоником. День заканчивался официальным приемом, вечеринкой с коктейлями или торжественным ужином. Если же ни у королевы, ни у герцога Эдинбургского никаких дел не было, то они могли провести вечер вдвоем, просто поужинать вместе в окружении собак. Ужинали всегда в восемь пятнадцать (если только на ужин не была приглашена королева-мать, потому что она вечно опаздывала). Если на ужин ждали королеву-мать, то приходилось откладывать его до половины девятого, а иногда и до девяти. А она всегда появлялась с самым невинным видом и спрашивала своим тихим голосом: «Это вы меня ждете? Я что, опоздала?».

Даже когда все члены семьи собирались в церковь, она не могла не опоздать. Однажды в Сандринхеме, когда мужская половина королевской семьи уже уехала в церковь, королева с одной из фрейлин осталась ждать королеву-мать. Я, как обычно, стоял у дверей. Они ждали и ждали, а королева-мать все не появлялась. Служба должна была начаться в одиннадцать. Время шло. Королева надела перчатки и сердито сказала: «Придет сегодня королева Елизавета или мы зря прождали?».

Ровно в одиннадцать в коридоре послышался стук шагов. Королева-мать появилась, как всегда, в своей шляпке с перьями. «Я что, опоздала? Я заставила вас ждать?».

Но королева не показала, что сердится. Мило улыбаясь, обе вышли на улицу, и я стал открывать для них дверцы машины. Когда королева уселась на заднее сиденье, я, как обычно, наклонился и накрыл ей ноги пледом.

Слава богу, чаще всего жизнь королевы была четко

спланирована. В Букингемском дворце, если королева ужинала в одиночестве, то всегда включала телевизор в столовой. Я стоял в дверях, на случай если понадоблюсь королеве, когда она смотрела «Моркомб и мудрец», какой-нибудь детектив или девятичасовые новости по Би-би-си.

Однажды, когда я был в комнате для прислуги, из комнат королевы послышались радостные крики и собачий лай. Мы с пажом Кристофером Брэем недоуменно переглянулись.

Мы так удивились, что без приглашения бросились к королеве. Как только мы появились в дверях, она позвала нас в комнату. «Скорее, идите сюда!» — торопила она. Королева вся сияла. Очевидно, что-то так потрясло ее, что она даже вскочила на ноги. «Такая радость!» — сказала она.

Оказалось, фигуристы Торвилл и Дин выиграли золото на Олимпийских играх в Сараево, исполнив танец на льду под «Болеро» Равеля,

После ужина у меня оставалось всего две обязанности, после чего мой рабочий день заканчивался. Во-первых, я должен был принести королеве поднос с двумя стаканами, бутылкой воды «Мэлверн» без газа для королевы и бутылкой виски «Гленфиддич» и пива «Дабл Даймонд» — для герцога Эдинбургского. И во-вторых, надо было выгулять собак перед сном. Когда мы возвращались с прогулки, я отводил собак в их комнату в Королевском крыле. Иногда Ее Величество приходила пожелать им спокойной ночи. Она еще не успевала переодеться и была в вечернем платье, в колье с бриллиантами и серьгах с драгоценными камнями. Королева вставала на четвереньки и смотрела, удобно ли устроились ее собаки в своих корзинках или на подстилках. «Не забудь открыть им на ночь окно. Спокойной ночи, Пол». Очередной рабочий день закончен. Для меня. А у королевы было еще одно дело. Перед сном она обязательно записывала события дня в своем дневнике — всегда карандашом. Как и дневники королевы Виктории, ее записи попадают в Королевскую Коллекцию. Даже перед сном королева не забывала о своих государственных обязанностях.

В мае 1978 года во дворце появилась новая портниха. Она должна была штопать носки принца Филиппа, перешивать при необходимости костюмы и рубашки, латать постельное белье и стирать собачьи полотенца. Тогда я на нее не обратил особого внимания. Она была старательной и, как мне показалось, приветливой и легкой в общении. Я ей не понравился.

Видимо, то, что я так быстро стал лакеем королевы, настроило многих против меня. Мало кому казалось, что совсем еще молодой парень из шахтерского поселка подходит на эту

должность, что он имеет право беседовать с королевой и в состоянии хорошо исполнять свои обязанности Это назначение и правда сильно на меня повлияло. Оно убедило меня в том, что нет ничего невозможного. Я страшно гордился собой и ходил по дворцовым коридорам так высоко подняв голову, что можно было подумать, во мне десять футов роста. Даже мой северный акцент постепенно сдался перед великолепием языка дворцового этикета.

Конечно, на самом деле я ничуть не изменился. Я не забыл ни своих корней, ни привитых мне родителями взглядов, но некоторые, видимо, решили, что я слишком возгордился. Так же думала и новая портниха. Ее родители были строгими католиками, родом из Ливерпуля. Она приехала в Лондон из деревушки Хольт в северном Уэльсе.

Видимо, я подтвердил ее впечатление о себе, когда вошел к ней, бросил прямо перед ней грязные собачьи полотенца и лаконично объявил: «Полотенца!».

Она промолчала, но на лице у нее было написано такое презрение, что я все понял. Она сказала своим друзьям, что я «ничтожный сноб». Ее звали Мария Косгроув. Ей суждено было стать моей женой.

К 1979 году Марию назначили старшей горничной. Она должна была отвечать за Бельгийские апартаменты. Это несколько просторных комнат с окнами в сад. Это были самые почетные комнаты во дворце, потому что именно в них размещались главы иностранных государств.

Весной того же года я впервые стоял на запятках королевского ландо 1902 года. Процессия следовала от вокзала «Виктория» ко дворцу, через Уайтхолл и Мэл. Я был одет в полную парадную ливрею и синюю бархатную шапочку. В давние времена лакей на запятках должен был защищать тех, кто едет в ландо, но теперь это скорее почетная обязанность. Меня охватила радость и гордость, когда мы проезжали сквозь толпу и народ приветствовал королеву.

Я стоял слева, прямо за королевой, на которой в тот день была розовая шляпка. Рядом с Ее Величеством сидел румынский президент Николае Чаушеску. Во дворце его поместили в Бельгийских апартаментах. Он спал с пистолетом под подушкой. А рядом со мной ехал один из гвардейцев Королевского конногвардейского полка, которого королева очень хорошо знала. Это был подполковник Эндрю Паркер Боулз, проживший шесть лет в браке с Камиллой.

Лакеи толпились вокруг столика со спиртными напитками в гостиной Сандринхем Хауса — особняка эпохи Эдварда в

графстве Норфолк, к которому прилегало двадцать тысяч акров земель. Сандринхем и Балморал являются личной собственностью королевы, в отличие от всех остальных мест ее обитания.

Лакеи складывали новые дрова у огромного, восьми футов в высоту, камина, на решетке которого были изображены львы и единороги, он располагался под галереей для оркестра, рядом с великолепным роялем. Горничные чистили ковры, взбивали подушки, вместе с лакеями уносили со столов бокалы, убирали карточные столики, за которыми гости играли в бридж и канасту. Члены королевской семьи отправились переодеваться к ужину.

Лакеи решили, что можно незаметно выпить джина. Ведь никто не знает, сколько осталось после приема.

Когда один из лакеев закинул голову, чтобы осушить бокал, он заметил в окне, выходящем на галерею, знакомое лицо. Это была королева. Лакей чуть не подавился. Но королева никому не сообщила о таком серьезном нарушении правил. Ее взгляд был достаточно красноречив. И тем не менее никто лучше королевы не понимает, как трудно работать во дворце. То, что она не потребовала увольнения лакея, говорит о том, что она знает: ее слугам иногда нужен глоток крепкого, чтобы легче было переносить трудную работу и почти полную изоляцию от внешнего мира. О терпимости королевы ходили легенды.

Однажды, когда мы с королевой кормили собак в узком коридоре в Сандринхеме, дверь на лестницу для слуг вдруг распахнулась, и из нее вывалился один из старших слуг. Он был пьян в стельку, спотыкался и наталкивался на стены. Стараясь не наступить на собак, он попытался пройти мимо меня и тут заметил королеву. Она так и застыла с вилкой и ложкой в руках. Он пробормотал что-то невразумительное и побрел дальше. Я был уверен, что королева будет в ярости и уволит его за такое безобразное поведение, невзирая на то, что он так долго у нее служит. Но этого не случилось.

Королева только молча приподняла бровь и снова принялась кормить собак. Однако, в отличие от этих людей, моя провинность не сошла так просто. Как-то в Сандринхеме я забрал стакан джина с тоником из королевской гостиной, думая, что королева уже ушла переодеваться к ужину и больше не будет пить.

Мария с камеристкой королевы Элизабет Эндрю, как и предписывали правила, пряталась в чулане под лестницей, дожидаясь, когда королева уйдет ужинать и можно будет прибраться в ее комнатах. И тут они услышали, как королева воскликнула: «Чудовище! Какое чудовище! Он унес мой стакан, к которому я даже не притронулась!» — и бросилась за мной по

коридору. Я долго извинялся и вернул ей стакан.

Королева всеми силами старалась не причинять лишнего беспокойства своим слугам. Она не считала себя вправе третировать слуг, несмотря на то что она — высшее лицо в государстве. Как-то раз, когда она обедала в одиночестве в Букингемском дворце, я подал ей рыбу, которая оказалась пережаренной. Королева нахмурилась, бросила вилку и, грустно посмотрев на меня, спросила:

— И что мне с этим делать?

— Если хотите, Ваше Величество, я верну ее на кухню и принесу вам другую порцию.

— Нет-нет, не надо. Я не хочу, чтобы у кого-нибудь были неприятности.

В тот вечер ей пришлось есть салат и овощи. И никто так и не узнал о том, что рыба оказалась несъедобной.

Королева мирилась с пьянством прислуги, плохой едой, ужасными манерами, неподобающим обслуживанием, потому что хотела сохранить мир в своем доме и понимала, что ее слугам приходится нелегко. Терпение у нее было, как у святой. Совсем иначе дело обстояло с принцессой Маргарет. Она не допускала ни малейшего нарушения дисциплины или отступления от правил. Горе тому, кто сделает что-то не так, — она легко выходила из себя.

Принцесса считала, что все правила должны соблюдаться неукоснительно. Слугам не позволялось смотреть телевизор в королевских комнатах. Как-то в поместье замка Балморал королевская семья устроила барбекю в бревенчатом домике, а я, еще один лакей и два пажа ждали их возвращения в библиотеке замка. Мы включили телевизор, чтобы скоротать время, думая, что успеем его выключить и никто не узнает.

Наконец раздался шорох гравия под колесами королевских «лендроверов». Мы быстро выключили телевизор и с невинным видом стали их ждать. Но принцесса Маргарет обо всем догадалась. Она подошла к телевизору, потрогала заднюю панель и, почувствовав тепло, сказала: «Ли-либет, кто-то смотрел телевизор!»

В подозреваемые могли попасть только мы четверо. Принцесса Маргарет бросила на нас испепеляющий взгляд. Но, слава богу, королева ничего не сказала.

А еще принцесса Маргарет была очень независимой. Однажды я увидел, как она стоит согнувшись под лестницей и набирает дров для камина. Я подумал, будет лучше, если дрова принесу я, поэтому подошел, вежливо кашлянул и спросил:

— Вам помочь, Ваше Королевское Высочество? Она медленно

распрямилась, повернулась ко мне, объявила:

— Я когда-то была скаутом, — и снова стала набирать поленья.

Однако у принцессы Маргарет было чувство юмора, как убедился однажды в Сандринхеме мой друг, лакей Роджер Глид. Думая, что все члены королевской семьи уже вышли из зала, он ворвался туда и под музыку, доносившуюся с пластинки, громко запел, изображая оперного певца и разводя руками. Мы — я и другие находившиеся в зале лакеи — смотрели на него в изумлении и пытались показать ему взглядами и подмигиваниями, что принцесса Маргарет все еще здесь — стоит у камина и курит сигарету в длинном черном мундштуке. Наконец он все понял, резко замолчал и густо покраснел. В гробовой тишине принцесса ему похлопала и сказала: «Брава., браво. Не знала, что у нас есть такие таланты».

Впрочем, королева, может быть, не была бы такой терпимой к выходкам слуг, если бы знала всю правду. Многие пили джин, ведь достать его было легче всего. Лакеи наловчились переливать джин по чуть-чуть из хрустальных графинов в железные чайники. Никто ни в чем не заподозрит лакея, идущего по коридору с чайником. Но пажи шли на еще большие хитрости. Они наливали джин в бутылки из-под тоника и прятали их в потайных карманах, устроенных в фалдах фрака.

Эти запасы слуги хранили для своих буйных вечеринок, которые устраивали в своих комнатах. Работа у слуг трудная, требует постоянного внимания, и по крайней мере раз в неделю просто необходимо как-то расслабиться. Вот тогда в Букингемском дворце слуги и устраивали попойку. Если королева и не знала о способах транспортировки джина, то о тайных вечеринках она, несомненно, имела отличное представление, но не считала нужным с ними бороться, потому что они давали возможность ее верным слугам как-то выпустить пар.

Слуги ведут во дворце очень замкнутую жизнь, регулируемую всевозможными правилами и предписаниями. Психологически это очень тяжело и страшно утомляет. Слуги живут своими обязанностями. Они едят, спят, дышат только для того, чтобы их исполнять. Неудивительно, что образуется весьма сплоченное и закрытое сообщество, отграниченное от внешнего мира. А вечеринки происходят и от желания повеселиться, и от необходимости отвлечься от забот. Естественно, что слугам из дворца трудно было находить себе девушек. Лакей, к примеру, не мог, познакомившись в городе с девушкой, пригласить ее к себе на ночь. Посетителей во дворец просто так не пускают: во-первых, их тщательно проверяют, прежде чем позволить войти, во-вторых,

все гости должны покинуть дворец до одиннадцати тридцати вечера.

Зарплата слуг небольшая. Это неудивительно, если учесть, что им не надо платить за квартиру и еду они получают бесплатно. Но работают они не ради денег. Их держит желание служить королеве. Они знают, что это огромная честь.

Как солдаты служат королеве и защищают права жителей своей страны, так и слуги посвящают свою жизнь королеве, чтобы она могла выполнять свои государственные обязанности и ничто ей не мешало. Каждый, избравший такую службу, вынужден мириться с множеством ограничений и правил. И так же, как в армии, между слугами устанавливается дух веселого товарищества. Довольно часто слуги подшучивают друг над другом. Например, младший лакей может, войдя в свою комнату, обнаружить, что вся мебель, и даже лампочка из люстры, куда-то исчезли. А одна несчастная горничная в Балморале обнаружила у себя на подушке дохлую летучую мышь. По диким воплям горничной мы догадались, что она нашла «подарок». На заднем дворе Балморала были протянуты веревки для сушки белья, и как-то один шутник-лакей вывесил на них всевозможные трусы, как флажки. Однако шутка оказалась не такой уж безобидной. Одна из фрейлин узнала среди «флажков» свое белье, и ей это совсем не понравилось. Главный камергер приказал убрать бельевые веревки, так как они «не отвечали понятиям о приличиях».

Такие шутки, как и вечеринки, помогали мириться с монотонной жизнью. Неяркий свет в окнах под самой крышей, который было видно от ворот, надежно скрывал атмосферу дискобара, царившую внутри. Пажеское крыло, где жили лакеи и пажи, и крыло «Финч», где жили горничные и камеристки, вдруг становились одним целым. Коридоры украшались гирляндами, двери во все комнаты распахивались настежь — любой мог войти, куда хочет. Это было похоже на этаж отеля, целиком занятый членами одной конференции. Музыка разносилась по всему коридору, и мы танцевали ночь напролет под Донну Саммер, Бэрри Уайта и «Аббу». Главное было как-то изолировать экономку, мисс Викторию Мартин, у которой были гимназические представления о дисциплине. «Мужчинам запрещается находиться в женском крыле!» — как-то заорала она мне, когда я решил сократить дорогу и пройти из Пажеского крыла в Детское через коридор горничных. Она беспрестанно опекала своих «девочек». Ей стало бы дурно, если бы она узнала, что горничные и камеристки иногда проводят время с пажами и лакеями.

Она старательно проверяла «свои владения». Горничные не

осмеливались оставить окурок в пепельнице в своей собственной комнате. Мисс Мартин, служившая когда-то во флоте, считала, что в женских комнатах должна царить идеальная чистота, а значит, окурки из пепельниц полагается вытряхивать каждое утро. Она приходила в ярость, если находила хоть один окурок. Я не раз слышал, как горничные перешептывались: «Мисс Мартин опять не в духе». А потому вечеринки устраивались только тогда, когда экономка отлучалась из дворца по делам или на выходные, или, по крайней мере, крепко спала.

В Сандринхеме и Балморале экономки были не такими строгими, и слугам там было легче. Там устраивались ежедневные вечеринки, на которых все забывали о своих обязанностях и развлекались как могли. Неудивительно, что замок в Абердиншире слуги прозвали «Балморал-аморал».

С начала августа до начала октября — на время отпуска королевы — двор переезжает из Букингемского дворца в Балморал. Королевская семья садится в Портсмуте на яхту «Британия» и отправляется на север вдоль западного побережья. Плавание длится неделю, и маршрут проходит по Ирландскому морю, затем мимо мелких шотландских островов, после чего яхта направляется в Абердин.

Мне отводили каюту 44 на нижней палубе. Я считал ее своей с 1979 по 1986 год. Тут была металлическая дверь, отъезжавшая в сторону, один иллюминатор, койка, письменный стол и раковина из нержавеющей стали. Я старался не думать о том, что от бушующего моря меня отделяет лишь тонкий слой металла. Прямо под моей каютой были воздушные винты, усыплявшие меня своим тихим ритмичным гулом. Когда море было неспокойным, мой иллюминатор становился похож на дверцу стиральной машины. Вода бешено крутилась прямо за ним.

На носу размещались служащие ВМС (250 офицеров), а в кормовой части — королевская семья (около тридцати человек).

В море у меня было одной важнейшей обязанностью меньше: не надо было выгуливать собак. Их отправляли в Абердин самолетом «Андовер» из королевского авиапарка. Таким образом, все мое внимание в море было посвящено королеве. Она проводила время на застекленной террасе, из которой был выход на палубу, оттуда можно было наслаждаться морскими видами или следить, как за кораблем разбегается пенный след. За яхтой всегда следовал военный фрегат.

Каждый день к завтраку, в девять часов, и к чаю, в пять, я ставил ломберный столик для королевы и принца Филиппа. Обедали и ужинали они вместе с остальными (обед был в час, ужин — в восемь пятнадцать). Ели из королевского фарфора

(сервиз с королевской яхты «Виктория и Альберт»).

Ходить по яхте с подносом было нелегко. Его приходилось нести не как обычно, а короткой стороной вперед, иначе его невозможно было пронести через узкие двери и по узким лестницам. Не раз, когда корабль подкидывало на волнах, чашки, тарелки, блюдца сыпались с подноса на пол. К сожалению, на подносах не было специального покрытия, как на обеденном столе. Он казался полированным, но при этом ни фарфоровые тарелки, ни хрустальные бокалы, ни серебряные ложки и вилки с него не съезжали.

Прислуживать за обедом на море — настоящая мука. Яхта раскачивается на волнах, и меня с двумя тарелками овощей в руках кидает вместе с ней. Я научился ходить, широко расставив ноги и согнув колени. Королеву это ужасно развлекало: мало того что члены королевской фамилии страдают от морской болезни, так еще и ее лакей выделывает настоящие акробатические трюки. В хорошую погоду вечером «Британия» бросала якорь в какой-нибудь бухточке и катера доставляли членов королевской фамилии на берег. Там, на пустынном пляже, они располагались на пикник (мясо для барбекю было заранее приготовлено шеф-поваром). Моряки разводили костер. Королевская семья устраивалась на ковриках и камнях. А слуги в это время оставались на яхте и устраивали вечеринки или отвечали на вопросы радиовикторины.

Когда «Британия» проходила мимо Кейтнесса, где на утесе стоял замок Мей, резиденция королевы-матери, то все — и члены королевской фамилии, и слуги — выстраивались на палубе. Мы махали льняными салфетками и даже скатертями, а моряки выпускали сигнальную ракету и давали длинный свисток.

В ответ слуги королевы-матери вывешивали в окнах простыни и пускали фейерверки с крыши замка. Зрелище было впечатляющее. Королева, стоя на палубе, в бинокль высматривала королеву-мать, а та точно так же старалась разглядеть свою дочь. Когда же они наконец замечали друг друга, то принимались друг другу махать. Впрочем, несколько дней спустя они встречались в Балморале, куда на две недели приезжала королева-мать, прежде чем поселиться в своем доме в поместье Балморал, «Беркхолле».

А пока «Британия» шла вдоль побережья Шотландии Балморал готовили к приезду королевы. Военные доставляли целые тонны багажа из Букингемского дворца. Королева покидала дворец надолго, а значит, многое предстояло сделать. Столы, стулья, диваны, кушетки, тумбочки во всех залах дворца накрывались белыми чехлами, чтобы пыль не испортила мебель. В Балморал перевозились целые ящики с одеждой, шляпами,

фарфором, столовым серебром, хрусталем, фотографиями и книгами. Перевозились телевизоры, видеомагнитофоны, радиоприемники. Перевозились вина и другие спиртные напитки. В чемоданы упаковывали всю одежду королевы, какая только могла ей понадобиться, в том числе черное платье и черную шляпу, на случай, если королеве придется облачиться в траур. В огромный кожаный чемодан укладывали двадцать шотландских пледов, а в другой — уникальную королевскую коллекцию килтов. Королева любила ткань в красную клетку — «Королевский Стюарт» и в зеленую — «Охотящийся Стюарт», но больше всего — серую шотландку Балморала, который могут носить только члены королевской семьи.

Принц Филипп, принцы Чарльз, Эдвард и Эндрю в Балморале носили килты и днем и вечером — с галстуком, — но дамы к ужину переодевались в вечерние платья. По деревянному полу зала стучали каблуки, и цепочки одетых в килты мужчин и женщин с полосами шотландки (через плечо), скрепленными булавками с бриллиантами, сходились и расходились, замыкали и рассыпали круг во время Бала для прислуги. Этот бал становился главным событием жизни в Балморале. Такое увеселительное мероприятие одобряла даже мисс Виктория Мартин. На этом балу танцевали все: и члены королевской фамилии, и придворные, и слуги: здешние, из замка Балморал, и приехавшие с королевой. Тут была и королева, и герцог Эдинбургский, и принцы, и принцессы, и лакеи, и горничные, и садовники. На галерее для оркестра стояли гвардейцы из Королевского хайлендского полка, одетые в сине-зеленые килты, и играли на волынках и гармониках, а снизу из зала раздавались ритмичные хлопки и радостные возгласы танцующих.

В 1979 году мне выпала честь танцевать с королевой (правда, не один на один — вокруг было еще сто пятьдесят человек). В танце «Лихой белый сержант» я случайно оказался напротив королевы. Наша цепочка из трех слуг подошла к другой цепочке, в которой с краю была королева. Мы объединились в кружок, и рука королевы оказалась в моей руке. Помню, как я изо всех сил старался не слишком сильно сжимать в своей потной ладони монаршую длань.

Королевский распорядитель объявлял каждый танец, а на семейных обедах ходил вокруг стола и играл на волынке. Но по утрам у него было еще одно дело: в соответствии со старой традицией, родившейся еще во времена королевы Виктории, и соблюдавшейся всеми английскими монархами после нее, каждое утро он играл на волынке под окнами королевской спальни. Начинать положено было ровно в девять. В течение десяти минут

игралось несколько коротких мелодий. Это было знаком к началу нового дня. Такая традиция придавала особое очарование жизни в Балморале, когда каждое утро протяжные звуки волынки разносились по холмам Шотландии.

Балморал — волшебный замок, построенный в 1853 году принцем Альбертом для королевы Виктории, чтобы она могла в кругу семьи и в тишине отдохнуть от тягот государственной жизни. И этот замок больше, чем любая другая королевская резиденция, сохранил атмосферу тепла и простоты. Тут не так жестки правила этикета, не так строга дисциплина.

Для королевы, так же как для ее прапрабабушки королевы Виктории, Балморал стал идеальным местом отдыха. Королева очень любит природу, для нее нет ничего приятнее, чем бродить по этим задумчивым шотландским долинам. Если считать, что Букингемский дворец — ее штаб-квартира, Виндзорский замок — место, куда она уезжает на выходные, Сандринхем просто создан для охоты, в некоем идеальном мире Балморал был ее настоящим домом.

Внутри этих стен из серого камня, оплетенных плющом, кажется, замерло само время. На тисненых обоях в просторных залах все еще красуется вензель королевы Виктории — VRI, а мрачные коридоры застелены зелеными ковровыми дорожками (с рисунком «Охотящийся Стюарт»). Тут все проникнуто любовью к сельской жизни. Удочки, рыбацкие сети и чучела птиц, украшают залу со старинными часами, стоящими на черно-белом мраморном полу, со стен каждого коридора смотрят головы оленей, убитых во время охоты прежними монархами, а рядом висят картины Лаидсе-ера, на которых спаниели мчатся за оленями по вересковым пустошам.

Жизнь в Балморале была простой: к столу подавали лосося, пойманного в реке Ди, и мясо оленей, подстреленных во время охоты. Ягоды для пудингов — черника, малина и ежевика — росли возле замка. Обеды в Балморале всегда обходились довольно дешево. В своей частной резиденции королева сама платила по счетам, а потому старалась как можно больше сократить расходы. Собак кормили тем, что оставалось от королевских ужинов. А сама королева ходила по замку и выключала свет в пустых комнатах, чтобы экономить электричество. По утрам она включала электрический камин на минимум. Королева вообще легко переносит холод. Она почти всегда на ночь распахивает окно в своей спальне настежь. В середине октября — а в Шотландии холодает рано, — ее горничные не раз обнаруживали утром снег на ковре под окном. Собаки, как могли, жались к еле теплому электрокамину.

В моей комнате было не менее холодно. В октябре королевский замок, где не было центрального отопления, напоминал мне дом в Грассмуре, где прошло мое детство: такой же холодный линолеум на полу и обледеневшие изнутри стекла.

В детстве я царапал на замерзшем стекле свое имя. В Балморале тоже есть похожая традиция: когда сюда приезжают на медовый месяц новобрачные из королевской фамилии и останавливаются в апартаментах для гостей королевской крови, они выцарапывают свои имена на оконном стекле алмазами в обручальных кольцах.

К концу 1979 года в прессе заговорили о возможной новой свадьбе. Оставалось выбрать подходящую принцессу Уэльскую.

Глава третья

ВЛЮБЛЕННАЯ ПРИНЦЕССА

— Вы заблудились? — спросил я гостью, у которой на лице застыла растерянность. — Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Да. *Простите*, пожалуйста. Вы не могли бы проводить меня до моей комнаты? — ответила молодая девушка.

Она стояла передо мной посреди слабо освещенного коридора на первом этаже, куда она забрела субботним сентябрьским утром 1980 года. Мы были в замке Балморал. Я заметил ее по пути к лестнице, направляясь в коридор королевы. Девушка читала имена гостей на специальных карточках, вставленных в медные держатели на каждой двери, где остановились гости. Я узнал ее — вчера вечером я относил чемодан в отведенную ей комнату на втором этаже. Потеряться здесь было немудрено. Коридоры похожи как близнецы. Повсюду одинаковые деревянные двери, ковры в зеленую клетку, бежевые тисненые обои, на стенах — головы оленей с ветвистыми рогами. В замке было тихо. Принц Чарльз был с герцогом Эдинбургским принцы Эндрю и Эдвард выслеживали оленей. Королева-мать и принцесса Маргарет обычно не показывались из своих комнат до самого полудня. Королева сидела в своей гостиной.

Пока мы поднимались по лестнице, девушка еще раз извинилась. Она смущенно улыбнулась и сказала: «*Простите* меня, пожалуйста. Так трудно сориентироваться, когда ты впервые находишься в незнакомом месте».

Когда мы подошли к ее комнате, я успокоил ее: «Не беспокойтесь. Все в порядке. Если вам что-нибудь понадобится, сразу спрашивайте. Здешние слуги очень свойские ребята».

Она поблагодарила меня, вошла в свою комнату с узкой кроватью и закрыла за собой дверь. На дверной табличке было написано: «Леди Диана Спенсер». На двери соседней комнаты было написано: «Его Королевское Высочество Принц Уэльский». Когда леди Диана в прошлый раз, в августе, приезжала сюда, она жила со своей сестрой Джейн, которая вышла замуж за сэра Роберта Феллоуза, помощника личного секретаря королевы, в коттедже для гостей, который находится в миле отсюда. Так что она уже второй раз была в поместье Балморал, но впервые непосредственно в замке, и теперь ее считали гостьей принца Чарльза в числе его прочих друзей.

Полин Хиллиер, горничная в Детском крыле, зашла в комнату для прислуги на первом этаже, держа в руке вешалку с длинным вечерним платьем черного цвета. Я пил кофе. «Вот

платье моей госпожи. Она привезла с собой только одно платье, а пробудет здесь три дня. Что же ей теперь делать?» — сказала она, беспокоясь за леди Диану Спенсер, которая работала в детском саду в Лондоне.

Другие гостьи в этом замке привезли с собой много вечерних платьев, поэтому слуги волновались, что леди Диана будет чувствовать себя неловко. Ей было всего девятнадцать лет — совсем еще молоденькая девочка в кругу мужчин и женщин королевской крови, которым было за тридцать и за сорок.

Гостю, который приехал сюда впервые, и так было о чем поволноваться — не только о своем гардеробе. Перед новичком, прибывшим в этот замок, вставало много проблем: как обращаться к членам королевской семьи; в какое время приходить на обед или ужин; как вести светскую беседу за обедом; как произвести благоприятное впечатление. Впрочем, леди Диане повезло — вечера выдались на удивление теплыми, и никто не заметил ее просчета. Она надела это платье всего лишь один раз, потому что в остальные вечера все собирались в бревенчатом домике для барбекю — его королева подарила герцогу Эдинбургскому на серебряную свадьбу.

Для прислуги леди Диана была всего лишь очередной гостьей тридцатидвухлетнего принца Чарльза. Она была тихая, часто краснела, и в ней не было ничего необычного. Прислуга заметила только, что Диана была хорошенькой, вежливой, без всякой напыщенности — и что ее гардероб не соответствовал положению богатой леди, которую пригласил сюда сам наследник трона.

Придворные дамы изучили скудный гардероб девушки, которую потом будут называть леди Ди, и заказали для нее одежду и обувь в одном из лондонских магазинов: ярко-голубую юбку, пиджак без воротника, белоснежную блузку с воротником-стойкой и туфли в тон. У будущей принцессы не было ничего подходящего для торжественного случая, поэтому к 24 февраля, когда в Букингемском дворце должны были публично объявить о ее помолвке с принцем Чарльзом, срочно понадобился красивый, но официальный наряд.

Слуги постоянно шептались о предстоящей помолвке, а средства массовой информации просто сходили с ума от такого важного события. В комнатах лакеев, в кладовых и на кухнях говорили только об одном и говорили: «Это будет леди Ди». Раньше принц Чарльз ухаживал за леди Амандой Кнатчбулл. Она была внучкой лорда Маунтбат-тена — дяди принца Филиппа, погибшего от взрыва бомбы ИРА [9]. Но леди Аманда не стала избранницей принца. За неделю до его помолвки с леди Ди во дворце был замечен королевский ювелир Дэвид Томас. При нем

был небольшой футляр. Официально заявили: в нем перстни, чтобы принц Эндрю мог выбрать себе какой-нибудь в подарок, — ему исполнялся двадцать один год. Однако слуги этому не поверили, потому что слишком уж все было таинственно обставлено, и вскоре поползли слухи. Дэвид Томас, в обязанности которого входил уход за Королевской короной в Сокровищнице британской короны в лондонском Тауэре, на самом деле принес женские кольца, причем ему было приказано не брать те, что с изумрудами и рубинами. Кольца с бриллиантами и сапфирами положили на поднос и принесли, как ни странно, королеве. Когда королева сделала свой выбор, принц Чарльз выразил свое согласие. И только после этого кольцо должна была одобрить сама Диана. Будущая невеста одобрила выбор, который за нее сделали, потому что не хотела показаться невежливой и неблагодарной. А потом она мне как-то сказала: «Я бы никогда не выбрала такое безвкусное кольцо. Если бы мне снова пришлось выбирать, я бы выбрала что-то более простое и элегантное».

В день, когда тайное должно было стать явным, никто из прислуги даже не подозревал о предстоящем официальном заявлении. Утро началось как обычно. В девять я подал королеве завтрак. И вдруг она изменила своему строгому расписанию. «Чай подадите в четыре, — сказала она. — Нас будет четверо — Его Королевское Высочество (принц Эдинбургский), принц Уэльский, я и леди Диана Спенсер». Ей пришлось сообщить мне об этом, чтобы я знал, как сервировать стол. Леди пьют из маленьких чайных чашек. Джентльмены — из больших чашек для завтрака. Я понял, что скоро будет объявлено о помолвке: расписание было изменено слишком внезапно, а леди Диана в первый раз приезжала на чаепитие с королевой.

Похоже, я первым во всей Великобритании узнал об этом, и меня переполняло волнение. Накрыв на стол, я нарочно побродил по королевскому коридору, чтобы хоть одним глазком взглянуть на счастливую парочку. Принц Чарльз и леди Диана, улыбаясь и держась за руки, прошли мимо меня в гостиную королевы, а потом в столовую.

Джон Тейлор, паж королевы, зашел в столовую и поставил на стол тарелку с горячими лепешками. Я не смог устоять, чтобы не посмотреть в щель между дверью и косяком на собравшихся. Леди Диана в своем новом голубом костюме прямехонько сидела рядом со своей будущей свекровью. Казалось, она напугана до смерти. Потом, убирая со стола, я заметил, что она не съела ни одной лепешки и не допила свой чай. Позже я узнал, что она пьет только кофе. Впрочем, неудивительно, что она так волновалась: сразу после чаепития с королевой им предстояло встретиться с

журналистами, чтобы объявить о своей помолвке. Принц со своей избранницей должны были выйти из Поклонного зала, который располагался на первом этаже, и спуститься по широкой каменной лестнице на лужайку, где уже собрались операторы с телекамерами, репортеры с микрофонами, журналисты и фотографы.

У меня выдалось свободных десять минут, и я уже приготовился понаблюдать за всем этим из окна зала для аудиенций на втором этаже, но тут мои планы расстроила королева. «Пол, прогуляйтесь, пожалуйста, с собаками вдоль Королевской границы (так называется широкий цветочный бордюр — П, Б.) и вокруг озера — так они никому не помешают», — сказала она.

Собак, наверное, еще никогда с такой силой не тащили на поводке, и они еще никогда не бегали так быстро — я не хотел пропустить церемонию. Схватив девять собак, я пронесся к озеру, туда, откуда как раз было видно, как принц Чарльз и леди Диана спускаются по каменной лестнице.

Отсюда я увидел этот исторический момент в миниатюре: чтобы получше рассмотреть, как счастливая пара выходит на лужайку и, освещенная бесконечными вспышками телекамер и фотоаппаратов, беседует с журналистами, мне понадобился бы хороший бинокль.

«Ты видел? Она сидит там одна-одинешенька», — сказал Марк Симпсон. Стоял поздний вечер. Марк только что заглядывал к леди Диане Спенсер, которая после помолвки переехала в Букингемский дворец. Марку стало жалко новую обитательницу дворца. «Давай, сходим в „Макдональдс" и принесем ей что-нибудь», — предложил он.

Леди Диана была в своей комнате одна. Принц Чарльз уехал на месяц в Австралию. Его невеста, которая раньше жила в лондонской квартире со своими подругами, теперь по многу часов проводила в дальней комнате самого большого дома в столице. Марк жил в комнате рядом с моей в крыле для прислуги. Он был лакеем в королевском Детском крыле, где с самого детства жили принцы Эндрю и Эдвард. Там же располагались апартаменты невесты их брата — со спальней, ванной и кухней. Свадьба была назначена на июль. Леди Ди перебралась во дворец за пять месяцев до нее. Комнаты принца Чарльза находились на том же этаже, но далеко от Детского крыла. Эти огромные апартаменты занимали целое крыло и состояли из спальни, ванной, гардеробной, гостиной и столовой. Если леди Диане действительно не хватало дружеской поддержки в этот одинокий период, то она скоро поняла, что может рассчитывать на Марка

Симпсона, доброго и умного человека. С самого начала многие относились к ней очень тепло. По крайней мере, многие из слуг.

Марк очень устал — он проработал целый день, — но ему стало жаль Диану, когда он увидел, что она сидит в одиночестве. «Мы могли бы устроить небольшую вылазку и развеселить ее. Пошли в Макдоналдс!» — настаивал Марк. Я забеспокоился. А вдруг королева узнает? Вдруг леди Диана расскажет об этом принцу Чарльзу? А если нас увидит Распорядитель дворцового хозяйства? В наши обязанности не входило развлекать будущую принцессу Уэльскую и покупать ей еду. Она жила в королевских покоях, и нам не следовало даже долго находиться там, а уж тем более развлекать ее.

Я попытался возразить: «Я не уверен, что это правильно, Марк. Надо быть осмотрительнее. Что, если нас поймают? Да нам головы оторвут».

Я почти не знал женщину, о которой он так заботился. Он же знал ее хорошо, потому что видел каждый день. А я был личным лакеем самой королевы, и занял этот пост всего два года назад.

«Да ладно тебе, Пол. Она очень обрадуется», — Марк схватил свое пальто и пошел к двери.

Его уверенность подействовала, и, больше не сомневаясь, я последовал за ним. Мы пришли на Виктория-стрит и купили три обеда с биг-маком. Я понес пакет со своим обедом, а Марк взял свой пакет и такой же для леди Ди. Мы вошли во дворец с бокового входа, делая вид, будто кто-то из обитателей дворца приказал нам принести готовой еды. Слуг часто посылают по таким делам, так что в этом не было ничего удивительного.

Я боялся идти с Марком — ведь леди Диана встречалась со мной только один раз — в коридоре замка Белморал, — а потом много раз видела меня рядом с королевой. «Иди первым, Марк», — сказал я, и он послушался. Я не думал, что Марк вернется, но, внеся пакеты с едой и удостоверившись, что нас никто не заметил, он все-таки пришел за мной. «Идем же!» — сказал он.

Тайком, как непослушные школьники, мы пошли по коридору. В обычной одежде. Мне вспомнилась фраза, которую нам часто повторяли, когда обучали, как себя вести во дворце: «В коридорах дворца вы всегда должны быть в униформе». Это было просто святотатство или полная глупость, но леди Диана заинтересовала меня в день нашего знакомства, к тому же я верил Марку. Я шел за ним по пятам. По красному ковру. Мы миновали апартаменты принца Эдварда, потом апартаменты принца Эндрю. И наконец подошли к приоткрытой двери, за которой оказалась небольшая кухня, расположенная рядом со спальней леди Дианы.

Вот и она. Уже ест свой биг-мак. В тот вечер леди Диана весело смеялась, была такой дружелюбной и казалась совершенно обычной девушкой. Она постоянно повторяла, что Марк очень заботлив и что она очень благодарна ему за такое неожиданное приключение. Действительно, она явно не ожидала увидеть нас у себя, но, честно говоря, и мы не ожидали, что леди Диана примет нас так тепло и будет такой веселой и дружелюбной. Марк часто говорил, что она кажется обычной девушкой, а не будущей принцессой, и сегодня вечером, соблюдая все рамки приличия, мы, тем не менее, болтали с ней обо всем на свете. Как будто три лучшие подружки собрались на кухне поболтать о том о сем. Если бы только я так не трясся из-за того, что находился в такое время и в таком виде у леди Дианы, я бы, наверное, Оценил по достоинству все ее очарование, но я никак не мог расслабиться. Ведь если бы меня застали здесь, все обернулось бы еще хуже, чем окажись я в женском крыле той части дворца, где живет прислуга. Минут через десять мы ушли. Никогда еще я с такой радостью не уходил из королевских апартаментов.

«Видишь? Она такая же, как и мы», — сказал Марк, когда мы быстро шли по коридору.

Я больше никогда так не рисковал, даже если Марка тянуло на приключения. Он стал часто приходить к леди Диане по вечерам, и в конце концов случилось то, что рано или поздно должно было случиться. Принц Чарльз, к крайнему своему удивлению, застал его в спальне принцессы — сидящего на краю кровати. Марк вернулся в пажеское крыло страшно подавленный. Леди Диана была в одной ночной рубашке, поэтому ситуация, в которой оказался Марк, была весьма щекотливой. Конечно, между ними ничего не было. К счастью, это списали на счет дурных манер, и для Марка все обошлось.

Вскоре после этого он получил фотографию будущей принцессы. На ней черным маркером было написана «Марку с любовью от Дианы». Кажется, это было первое фото с ее автографом.

В эти несколько месяцев перед свадьбой леди Диане было очень одиноко. Она старалась не выходить из дворца из-за того, что к ней было приковано все внимание СМИ. Наверное, ей казалось, что она переехала в здание муниципалитета. Для новичка Букингемский дворец — настоящий лабиринт из бесконечных коридоров, залов и комнат. Никто не провел ее по дворцу, никто не дал путеводителей и карт. Сверни не в тот коридор, и вдруг окажешься на какой-нибудь вечеринке с коктейлями или на официальном приеме. Никто не знает, кто или что притаилось за поворотом. За закрытой дверью может

проходить личная встреча. Новичку здесь не очень уютно — ни тому, кто вот-вот станет членом королевской семьи, ни тому, кто вступил в многочисленную «семью» прислуги. Впрочем, слугам легче — к тебе относятся очень дружелюбно, стараются тебя поддержать, как-то помочь. А вот леди Диане было значительно сложнее. Она не могла рассчитывать на поддержку. По вечерам она сидела одна и писала письма своим друзьям. Иногда, когда принца не было, она набиралась смелости и пыталась пообщаться с королевой. Раз в неделю в королевском коридоре звонил телефон. «Королева сегодня будет ужинать одна?» — спрашивала леди Диана тихим, робким голосом.

Если не намечалось никаких встреч, то один из нас спрашивал королеву: «Леди Диана хотела узнать, будет ли Ее Величество ужинать сегодня одна?»

«Пожалуйста, передайте ей, что я с удовольствием поужинаю с ней, — отвечала королева. — Ужин будет в 8:15». Она ни разу не отказывала Диане. Но Диане не нравилось, что ей приходится общаться со своей будущей свекровью через пажей или лакеев. Это мешало ей беседовать с королевой по-простому, и все ужины получались очень официальные. Каждую неделю она все-таки пыталась пообщаться с королевой, но обычно предпочитала ужинать в своих апартаментах, где можно было поджать под себя ноги и расслабиться.

Ей очень нравилась королева. Я часто встречался с ней в коридоре — у леди Ди были мокрые волосы после бассейна, и она спрашивала: «Королева одна?». Потом тихонько стучала в дверь и входила в гостиную, веселая и довольная: «Доброе утро, Ваше Величество». Королева всегда улыбалась, потому что Диана была такая радостная. Когда леди Ди вышла за принца Чарльза, ей больше не нужно было называть королеву «Ваше Величество». Вместо этого ей сказали, чтобы она звала ее «мамой», а принца Филиппа — «папой».

Королева всегда была очень любезна, хотя ее и не очень волновало, как ее будущая невестка чувствует себя во дворце. Однако считалось, что члены королевской семьи должны уметь приспосабливаться к новой обстановке и иметь сильный характер, и самой королеве с раннего детства пришлось привыкать к строгому этикету и одиночеству во дворце. Предполагалось, что, раз леди Диана сама благородных кровей, а значит, привыкла к большим особнякам, она сумеет устроиться и в Букингемском дворце. Однако иногда надо не только предполагать, но и помогать. У Дианы не было стальной воли королевы. Она была очень общительной по натуре, и никак не могла привыкнуть к жизни во дворце — эта жизнь была ей чуждой и очень не похожей

на ту, которую Диана вела прежде. Здесь у нее не было ни одного друга. Забавно, но королева не стала помогать леди Диане именно из-за того, что верила в нее. Она говорила:

«Если я ей понадоблюсь, она всегда знает, где меня найти».

Королева верила в Диану — несмотря на то, что сама Диана в себя не верила.

Леди Диане было очень больно думать о том, что она навсегда распрощалась со своей старой жизнью, с квартирой в Лондоне, с детским садом. Однажды она поехала повидаться с детьми из этого сада. Дети, которых она очень любила, дергали ее за рукава и спрашивали: «А где ты была? А когда ты вернешься?». Она чуть не расплакалась и потом вспоминала об этом, как о «душевной травме».

То же самое было, когда Диана приехала в свою квартиру № 60 на Колгерн Корт, где раньше жила с подругами. Ей нужно было забрать оттуда кое-какие вещи, которые она не хотела оставлять. Наводя порядок, Диана оказалась наедине со своими мыслями в квартире, полной воспоминаний. Закрыв за собой дверь, она почувствовала, что вот-вот заплачет.

Но в глубине души она с нетерпением ждала свадьбы и знала, что ей нужно быть сильной. Чтобы не поддаваться скуке, Диана придумывала себе разные занятия. К ней регулярно приходили Дэвид и Элизабет Эммануэль — модельеры, которые занимались свадебным платьем Дианы. Они обсуждали с ней свадебный наряд и делали примерки. Каждый раз приходилось ушивать платье в талии, потому что будущая принцесса перед свадьбой села на диету.

Она брала уроки балета и чечетки в Тронном зале, порхая по нему в трико. В конце зала на небольшом возвышении под бордовым пологом с золотыми кисточками стояли два трона с широкими спинками — впереди тяжелая ткань полога свешивалась с позолоченного ламбрекена двумя свободными складками. Стены были обтянуты обоями алого шелка, по которым шел ряд тисненых узоров в виде ромбов.

Троны с позолоченными ножками и подлокотниками располагались рядом, на красных спинках золотыми нитками были вышиты буквы: EIIR на одном, P [10] на другом. Как и положено, трон королевы был немного выше трона герцога Эдинбургского. Разумеется, Диана прекрасно понимала все свои новые привилегии.

А еще леди Диана прекрасно плавала. Почти каждое утро она, как и принцесса Маргарет, отправлялась в бассейн, уложенный белой и голубой плиткой, с трамплином и вышкой. Чтобы попасть в этот бассейн, ей приходилось пройти по

коридору мимо Бельгийских апартаментов, а в этом коридоре она часто встречала горничную Марию Косгроув. Сначала они просто обменивались любезностями, потом стали иногда переговариваться, и постепенно начали подолгу болтать о жизни во дворце. Обе явно любили поговорить. Мария не была манерной девушкой, и леди Диана нашла себе нового дружелюбного союзника, каким раньше для нее был Марк Симпсон.

Прислуга любила леди Диану. Она вписалась в жизнь, которая протекала в крыле прислуги, гораздо лучше, чем в ту, которая протекала в главных помещениях дворца; возможно, так получилось потому, что Спенсеры знали обе стороны жизни — и жизнь прислуги, и жизнь аристократии. Бабушка леди Дианы Рут, леди Фермой, была близкой подругой королевы-матери и камеристкой королевы. Отец, граф Спенсер, был конюшим Георга VI. В лице дворцовой прислуги будущая принцесса нашла простую и веселую компанию.

По коридорам, застланным красными коврами, леди Диана шла торжественно и осторожно, опасаясь свернуть не туда, а вот по выложенному плитками полу в крыле для прислуги она шла быстро и свободно. Она часто сидела с Хранителем столового серебра Виктором Флетчером, серьезным йоркширцем, который вечно покусывал дужку своих очков в черной оправе, словно черенок трубки. Он знал многое о почтении и преданности и с удовольствием делился своими мыслями с благодарной слушательницей, которая относилась к нему с уважением и называла его «мистер Флетчер». Он всегда удивлялся, что ей интересно, чем он занимается. Диана заходила на кухню и болтала с шеф-поваром Робертом Пайном, высоким, красивым мужчиной с густыми черными волосами и усами. У него было великолепное чувство юмора плюс девонский акцент, и леди Диана всегда весело смеялась. Он всегда угощал ее шариками домашнего мороженого или хлебным пудингом. Леди Диана приходила в столовую для прислуги и разговаривала с главной горничной Энн Гарднер — под ее строгим, всегда чистым и выглаженным одеянием скрывалось незаурядное чувство юмора, с которым она подмечала вокруг массу забавного. Леди Диана с удовольствием слушала эти байки, поглощая тонны хлопьев.

Иногда она заглядывала в бельевую, чтобы перекинуться словечком с девушками, которые стирали белье, а также на кухню, чтобы поболтать с шеф-поваром Мервином Уайчерли. Это был коренастый, крепкий мужчина, который увлекался бодибилдингом и называл вещи своими именами, что всегда веселило Диану. Ей нравилась его деликатность, скрытая за грубоватыми манерами. Вскоре он стал одним из ее любимцев.

Другим ее союзником была Эвелин Дагли, горничная из Детского крыла. В ней и Марке Симп-соне Диана нашла своих первых друзей. Эвелин — робкая, старательная девушка, которая любила свою работу наравне с хоккеем, всегда пыталась сделать так, чтобы Диане было уютно в своих комнатах, а также занималась ее разрастающимся гардеробом.

У леди Дианы появилось много друзей среди прислуги, ее другом стал даже Сирил Дикман, главный камергер — наш начальник. Можно предположить, что он смотрел на всех с презрением, но на самом деле это был очень добродушный и общительный человек. Он был для нее этакий папаша и как никто другой понимал, что Диане сейчас очень тяжело. Он прекрасно разбирался в королевских делах и был ходячим учебником по придворным традициям, этикету и церемониям. Она не забыла его доброту и то, что он проводил с ней в те дни много личного времени. Позже, в замке Балморал, она приглашала мистера Дикмана, известного как превосходного танцора, исполнить с ней фокстрот или вальс на балу для прислуги. Она так подружилась со слугами, что вскоре стала бродить по дворцу в поисках тех, кто занимался своими обязанностями, чтобы поболтать и послушать новости. Это было неположено по этикету, и некоторые слуги предпочитали общаться с Дианой только в крыле для прислуги, хотя и не говорили ей этого.

Несмотря на то что у Дианы появилось много друзей среди прислуги, не все одобряли ее поведение. Среди слуг были и такие, кто считал, что традиции и этикет надо строго соблюдать. Некоторым слугам, полжизни прослужившим во дворце, не нравилось, что леди Диана «вторгается в их мир». В их кругу считалось, что Диана должна «знать свое место и не общаться с прислугой». Одна женщина, проработавшая во дворце сорок лет, глазам своим не поверила, когда увидела, как леди Диана открыла буфет и сама взяла печенье. «Это было верхом дурных манер», — сказала возмущенная женщина. Один из шеф-поваров даже загородил ей проход, когда она собиралась зайти к нему на кухню. «Вам не следует приходить на кухню», — резко сказал он. Леди Диана, привыкшая к тому, что в крыле для прислуги к ней относятся очень дружелюбно, развернулась и побежала в основную часть дворца.

Однако большинство слуг, особенно молодых, с радостью встречали леди Диану, не обращая внимания на строгий этикет. Они называли ее «свежим ветром, подувшим из главной части дворца».

Однако мало кто знал, что в то время леди Диана как раз подыскивала себе надежных слуг для двух домов принца и

принцессы Уэльских — поместья Хайгроув в Глостере и апартаментов в Кенсингтонском дворце в Лондоне. Принц Чарльз купил Хайгроув, трехэтажный особняк в георгиан-ском стиле, в 1980 году, за год до помолвки. Это поместье находилось в восьми милях от Гетскомб-парка и принцессы Анны, рядом с Бофорт-Хант и недалеко от Боулхайд Мэнор, где жили подполковник Эндрю Паркер Боулз и его жена Камилла.

Широко улыбаясь, принцесса Уэльская легко бежала по красному ковру, держа в одной руке светлые шелковые туфельки, а на другую намотав шлейф от свадебного платья длиной в двадцать пять футов. Устав от помпезности свадебной церемонии, она наслаждалась этими редкими мгновениями, когда она могла отдохнуть от этикета и побыть собой. Всего несколько минут назад весь мир увидел, как она поцеловала своего принца на балконе Букингемского дворца. Это произошло 29 июля 1981 года.

Эта счастливая невеста застала меня врасплох. Я стоял один в своей красной ливрее у стены в королевском коридоре, ожидая, когда Ее Величество вернется в свои апартаменты, — тогда я пойму, что свадебная церемония перемещается из Главного зала в Картинную галерею со стеклянным потолком, где пройдет свадебный завтрак.

Принцесса бежала по ковру в шелковом платье цвета слоновой кости, а за ее спиной развевалась вуаль. По одной стене коридора шли окна — огромные, от пола до потолка, выходящие на четырехугольный двор. Яркий свет падал на молодую принцессу, фамильная диадема Спенсеров сверкала на солнце. Диана была такой уверенной в себе, такой жизнерадостной. Она просто сияла от счастья. Я знал, что такой и запомню ее на всю жизнь. Однако я не хотел, чтобы она заметила, что я смотрю на нее, и смутилась. Я быстро зашел в апартаменты королевы и запер за собой дверь.

В этой гостиной я вместе с 750 миллионами телезрителей наблюдал за тем, как леди Диана Спенсер превратилась в принцессу Уэльскую. Я сидел по-турецки перед телевизором королевы в окружении ее собак. Вообще-то нам не разрешалось смотреть передачи по королевским телевизорам, но я знал, что в такой день королева не станет возражать.

Как и все англичане, лакей королевы был зачарован происходящим: толпы народа; вот леди Диана со своим отцом, графом Спенсером, в карете на пути к собору Святого Павла; ее длинный шлейф скользит по проходу в соборе, устланному красной ковровой дорожкой; вот принц и принцесса Уэльские выходят из собора на лестницу. Я должен был прислуживать во

время свадебного завтрака в Бальном зале, который находится рядом с Картинной галереей, так что по телевизору я мог следить за тем, как идет церемония, и рассчитать, когда мне надо будет идти в Бальный зал, однако я не столько следил за происходящим, сколько высматривал другого лакея королевы, Пола Уайбрю, которому повезло больше, чем мне, — он стоял за Ее Величеством и герцогом Эдинбургским в открытом ландо, когда они ехали в собор.

Когда молодожены появились в четырехугольном дворе, я все еще не мог оторваться от телевизора. Я смотрел, как принц и принцесса Уэльские выходят на балкон, слышал, как под окнами громко шумит толпа. И тут же понесся в свою комнату на самом верхнем этаже, окна которой выходят на памятник королеве Виктории и улицу Мэл. Там я опустился на колени перед длинным, прямоугольным окном. Далеко внизу тысячи людей фотографировали молодоженов, а я сфотографировал этих самых людей из окна своей комнаты и побежал вниз.

В ночь накануне свадьбы толпа не давала мне спать, громко скандируя: «Да благословит Господь принца Уэльского» и «Господи, храни королеву». В стране царила атмосфера радости и веселья. Люди праздновали это событие целую неделю.

За два дня до свадьбы в Букингемском дворце был организован прием, праздничный ужин и бал для тысячи гостей — сюда съехались почти все коронованные особы Европы, а также послы, архиепископы и епископы, министры и премьер-министры Великобритании — нынешний и его предшественники. Приглашенные заняли почти все гостевые комнаты дворца. Меня отправили в Тронный зал, где я вместе со старшим пажом прислуживал за круглым столом, за которым сидело десять человек, включая принца Уэльского, леди Диану и принцессу Монако Грейс, которая приехала вместе со своим сыном принцем Альбертом. Я еще никогда не видел такой красивой женщины, как принцесса Грейс, легендарная актриса, больше известная как Грейс Келли, которая вышла замуж за принца Ренье из Монако. В тот вечер она затмила своей красотой даже невесту, а ее диадема была ничуть не хуже, чем у королевы.

Леди Диана была сразу же очарована ею. Они разговорились и проболтали друг с другом до самых танцев. Принцесса Грейс стала для леди Дианы образцом для подражания: она тоже была не королевского рода, но вошла в королевскую семью; она была кинозвездой и давно привыкла к вниманию прессы; принцесса, чья любовь была отравлена определенными обязанностями, которые диктует этикет. Диана попросила у принцессы Грейс совета. «У вас все будет хорошо, — сказала бывшая актриса. — С

годами жизнь усложняется, но вы научитесь справляться со всеми трудностями».

Во время свадебного завтрака я беспокоился о том, как бы случайно не наступить на платье невесты, которое, казалось, заполнило весь зал. Я прислуживал за главным столом, где сидели жених с невестой, их родители, подружки невесты, пажи и принцы Эндрю и Эдвард.

Торжественность и строгое соблюдение этикета немного успокоили принцессу, теперь она была уже не такая сияющая, когда бежала днем по коридору. Теперь Диана притихла и почти не вступала в разговор, предпочитая слушать, о чем говорят вокруг. Она почти ничего не ела. Потом, несколько лет спустя, она скажет мне: «Я так волновалась, что совсем не могла есть». В тот день она верила, что ее ожидает счастливое будущее. Больше всего на свете она хотела выйти замуж за принца Чарльза. Диана не просто его любила — она его обожала.

Потом принцесса хотела только одного: чтобы ее любовь к принцу Чарльзу правильно освещали СМИ. Она считала, что у народа сложилось неправильное мнение об их отношениях. Из книжки в книжку, из статьи в статью реальные события все больше искажались. Если верить этим книгам и статьям, то у принца с принцессой никогда не было ни счастья, ни взаимной любви — даже в первые годы их брака. Некоторые считают, что Диана сама виновата в этом — ведь именно она сотрудничала с Эндрю Мортоном, автором книги «Правдивая история Дианы», которую издали в июне 1992 года, а потом, с новыми поправками, после ее смерти. Эндрю Мортон заявляет, что это практически автобиография принцессы Дианы. Но это неправда. Ведь если бы принцесса решила написать автобиографию, она, конечно же, не написала бы, что начала страдать в первый же день после свадьбы. Если бы ее спросили немного позже, когда Диана уже могла взглянуть на свой брак как на достояние прошлого, а не в тот год, когда принцесса молила о помощи, ее брак предстал бы перед людьми совсем в другом виде. В первые годы совместной жизни молодожены столкнулись со многими трудностями, им пришлось привыкать друг к другу, но это совсем не значит, что они перестали друг друга любить. Принц Чарльз не отказался от своей жены, а старался помочь принцессе Диане справиться с переменами настроения, вызванными булимией, которой, как принцесса позже заявила, она страдала. А любовь, которую принцесса питала к своему мужу, так и не прошла до конца. После 1985 года они стали все стремительнее отдаляться друг от друга. Посыпались взаимные обвинения, основанные на взаимном непонимании. Однако никакой «войны в Уэльсе» не было, потому

что для того чтобы воевать, нужна ненависть, а ненависти между супругами не было и в помине. Если и была какая война так она проходила за их спинами — между противоположными лагерями, кабинетами и чересчур заботливыми «доброжелателями».

Следует учесть, что принцесса через своих друзей сотрудничала с Эндрю Мортоном в те времена, когда ее брак разваливался у нее на глазах, когда она была в полном смятении, когда она оплакивала своего любимого отца, графа Спенсера, когда друзья принца Чарльза строили против нее козни, и она чувствовала себя очень уязвимой. Позже принцесса Диана говорила: «Мне тогда казалось, что у всех, кто меня окружает, не два глаза, а шесть, и что все эти люди все время наблюдают за мной и осуждают меня». Она была озлоблена, измучена и сотрудничала с Эндрю Мортоном в самое невыгодное для себя время.

После выхода книги Диана больше не чувствовала себя одинокой — жители Великобритании узнали всю правду, узнали, почему после Уильяма и Гарри у Дианы и Чарльза не было детей. «Меня стали лучше понимать. После выхода книги и я и Чарльз почувствовали облегчение, потому что не надо было больше притворяться. Хотя, конечно, он очень разозлился на меня», — сказала она.

Но, как всегда, то, что сделано в спешке и из мести, не привело ни к чему хорошему. После того как книга была издана, Диана оглянулась назад и поняла, что из-за ее желания быть услышанной о принце Чарльзе сложилось неправильное мнение в народе. Получалось так, будто они с принцем Чарльзом никогда не были счастливы. Диана поняла, что совершила серьезную ошибку.

Поэтому признание, которое просочилось наружу в 1992 году, нельзя считать свидетельством, которое от нее якобы могли услышать в 1997 году, несмотря на заверения Мортона в обратном. Диана еще о многом хотела сказать. Чтобы хоть как-то прояснить ситуацию, я приведу отрывки из писем, которые Диана посылала своей лучшей подруге.

В медовый месяц принц и принцесса Уэльские отправились на королевской яхте «Британия» в круиз по Средиземному морю. Диана была по-настоящему счастлива. В прессе можно прочитать, что на этой яхте принц Чарльз игнорировал свою молодую жену, которая любовно звала его «муженек», но это неправда. Вот что она писала своей близкой подруге с борта яхты:

Я была на вершине счастья и даже не верила, что мне может быть так хорошо.

Во время круиза на «Британии» мы веселились вовсю, все время смеялись и подшучивали друг над другом. Я очень рада, что вышла замуж, мне безумно нравится, что рядом есть человек, который заботится обо мне и балует меня. Это самое прекрасное событие в моей жизни — кроме того, разумеется, что я стала самой счастливой женщиной в мире.

На яхте они по многу раз смотрели видеозапись своей свадьбы — наконец-то они ее заполучили. У них вызывал громкий хохот эпизод, когда принцесса, стоя у алтаря и повторяя за священником брачный обет, перечислила имена принца Чарльза с ошибками. Супруги были так счастливы, что, когда в обнимку смотрели видеозапись, не могли сдержать слезы.

Вот что писала принцесса своей подруге:

Каждый раз, когда мы смотрим видеозапись нашей свадьбы, мы чуть не плачем. Я уже сейчас представляю, как через десять лет один из наших ребятишек спросит: «А почему ты назвала папу Филиппом?» Да, у нас впереди еще столько всего.

В отличие от других невест, принцесса не собиралась продолжать работу в лондонском детском саду. Для нее начиналась совершенно новая жизнь, и мало кто из нас мог на самом деле понять, с какими трудностями ей пришлось столкнуться. Из-за прогрессирующей булимии она была подвержена постоянным переменам настроения. Очень странно, что это многих удивляло, учитывая те проблемы, которые встали перед Дианой. Честно говоря, без помощи принца Чарльза ей бы никогда не удалось справиться с ними. И она это знала. Принц понимал, что ей надо ко многому привыкнуть, и для человека, который, по мнению прессы, отдалился от своей жены и ужаснулся ее переменам настроения, он на удивление хорошо умел ее успокоить. Как писала принцесса: «Я справлялась с депрессией только благодаря Чарльзу, который был ко мне очень терпелив и добр. Я все время думала о том, как я устала и как несчастна, а это очень несправедливо по отношению к нему».

После круиза новобрачные отправились в Балморал. Слуги Барморала были так рады приезду молодой четы, что соорудили повозку на двоих, устелив ее красным вереском. Она ожидала принца с принцессой у самых ворот замка. Молодожены, смеясь, забрались в повозку, и слуги замка, а также садовники и конюхи повезли ее вверх по небольшому склону к дверям замка. Принцесса привезла с собой 160 манго — их подарил президент Египта Садат, который был гостем на их яхте.

В романтической обстановке принц Чарльз читал вслух, а Диана вышивала. Они рука об руку гуляли по долинам, и она мечтала о том, как теплыми летними вечерами они будут жарить барбекю возле бревенчатого домика на территории замка. Она даже умудрилась впервые в жизни прочитать за один день целую книгу. Особенно она обрадовалась, когда к ней приехала подруга, с которой они снимали квартиру в Лондоне, — Каролин Прайм (потом она станет Бартоломью) — ее пригласил погостить в замке принц Эндрю. Эндрю и Каролин были примерно ее возраста, и ей очень нравилось весело болтать с ними.

Видимо, в это же время принцесса заметила, что Чарльз носит запонки, на каторых были выгравированы две сплетенные буквы C [11] — подарок Камиллы. Ее это неприятно поразило, но она решила, что ничто не должно омрачить ее счастья, и ответила так, как смогла: на писчей бумаге в Хайгроуве и Кенсингтонском дворце под изображением короны красовались две переплетенные буквы C и D [12]. Принцесса считала, что они символизируют прочный союз, который никогда не распадется. А еще она купила украшение в виде двух голубков.

В Балморале как раз готовились к вечернему чаепитию, когда в холл вошла принцесса Диана. На ней был непромокаемый плащ, твидовый пиджак и брюки для гольфа, а на лице — засохшая кровь. Она прошла мимо белой мраморной статуи принца Альберта, и я взглянул на нее. Диана в тот день была на охоте с принцем Чарльзом, слугой и гостями, и вернулась, судя по всему, пройдя «боевое крещение». Это был просто королевский обряд посвящения для охотников-новичков, который производился после того, как они убивают первую жертву. Она стояла рядом с убитым оленем. Оленю распороли живот и помазали ей щеки кровью. Ее официально «запятнали кровью». Убитого оленя погрузили на лошадь и отправили в замок с солдатом. Там оленю отрезали голову, отрубили рога, а тушу повесили в кладовой для мяса, рядом с бекасами, фазанами и куропатками. Скоро из него приготовят различные блюда и подадут на королевский стол.

Принцессе нравилось отдыхать в горах Шотландии, но, в отличие от Виндзоров, ей не нравился этот кровавый спорт. Она отправилась на охоту только для того, чтобы угодить принцу. Она понимала, что охота — неотъемлемая часть жизни в Балморале, и что принц обожает охотиться. Позже многие говорили, что Диана весь медовый месяц была в дурном настроении и даже не пыталась развлекаться, но на самом деле она всячески старалась принимать участие во всех развлечениях.

Даже спустя два года после свадьбы принцесса любила везде бывать с мужем. В 1983 году она писала своей подруге: «Я верю,

что мне надо стараться, и тогда все будет хорошо, именно поэтому я теперь еду смотреть на игру в поло… уже второй день подряд. Конечно, я бы с удовольствием осталась дома и выспалась, но, похоже, Чарльзу мое присутствие очень приятно. Уверена, он просто хочет похвастаться!». Принц в свою очередь тоже шел на уступки. Он знал, что принцессе больше нравится жить в Лондоне, чем за городом, поэтому постарался изменить свой образ жизни. Когда принцесса просыпалась со своим мужем в Кенсингтонском дворце, а не в Хайгроуве, она даже щипала себя за руку. Оба супруга старались сделать друг другу приятное.

Принцу Чарльзу нравилось охотиться в Балморале. После обильного шотландского завтрака — каша, копченая селедка и кеджери [13] — все охотники-мужчины сажали собак в «лендроверы», клали в машины оружие, патроны и отправлялись на целый день в горы. Каждый охотник брал с собой водонепроницаемую сумку, в которой лежали булочка с мясом, холодные бараньи отбивные, фрукты и завернутый в специальную бумагу пудинг с изюмом. Еще в ней была фляжка с джином или виски.

Как-то раз принц зашел в холл и закричал: «Эй, кто-нибудь, помогите мне!». Я услышал его из Пажеского вестибюля и пошел посмотреть, что ему нужна У ног принца на мраморном полу лежали два огромных лосося. «Пожалуйста, отнесите их повару. Я хочу, чтобы их приготовили на ужин», — сказал он. Я нагнулся, чтобы подобрать их, но они выскальзывали у меня из рук. Принц Чарльз пару минут смотрел, как я безуспешно пытаюсь поднять рыбу, потом нетерпеливо сказал: «Ладно, хватит. Вот, учитесь», — он взял мою руку и просунул два пальца прямо под жабры. Я подумал, что сейчас упаду в обморок. «А теперь несите их на кухню», — сказал принц Чарльз, и я понес их повару на вытянутой руке.

У меня никогда не хватило бы смелости охотиться так, как аристократы.

После завтрака королева поехала покататься по территории замка на лошади, которую привезли сюда из Виндзора. К середине дня она присоединилась к остальным дамам — они как раз собрались в гостиной. Герцог Эдинбургский заранее обо всем договорился с женой, и все остальные леди, включая королеву-мать, принцессу Маргарет и придворных дам, отправились на пикник. Принцесса Анна уже прибыла на место встречи — она выехала из замка раньше, с мужчинами.

Охотники обычно возвращались в замок только к вечеру. Однажды один несчастный охотник вернулся в замок, страшно проголодавшись, но его тут же отправили назад — он сказал, что

ранил какого-то зверя. Королева пришла в ужас. Она любила поохотиться, но не выносила, когда животные мучаются, и считала, что, если животное ранено, его надо избавить от страданий. Ей была невыносима сама мысль о медленной и мучительной смерти. «Вы должны вернуться, найти это животное и добить его», — настояла она.

Тот охотник так и не успел к ужину.

Я обсуждал с королевой, кого теперь куда посадить, раз тот охотник опаздывает, и она вдруг пробормотала: «Как плохо, что он не успел к ужину». Несчастный охотник в это время бродил по лесу. А королева добавила: «Надо пригласить поужинать с нами начальника охраны».

Таким образом, за столом все сидели, как обычно: мужчина — женщина, мужчина — женщина. Королева всегда была прекрасной хозяйкой, которая следила, чтобы всем гостям было хорошо в ее замке. Она старалась сделать так, чтобы за время своего пребывания ни один гость не сидел за столом дважды с одним и тем же соседом. Это раздражало принцессу Диану, потому что ей хотелось всегда сидеть с принцем Чарльзом, а так получалось очень редко. Королева всегда была обеспокоена тем, кто где сидит, и следила, чтобы самые разные гости могли пообщаться. А еще она старалась, чтобы за столом сидело меньше или больше тринадцати человек. Это одно из неписаных королевских правил. Когда не удается избежать этого числа, приходится немного хитрить. При помощи специального механизма столешница раздвигается, и посередине вставляют еще одну столешницу из красного дерева. И когда за столом должно оказаться тринадцать человек, столешницу раздвигают совсем чуть-чуть, посередине образуется узкая щель, и таким образом получается как бы два стола — за одним семь человек, за другим шесть.

Королева всегда говорила, что тринадцать за столом может быть только апостолов вместе с Христом.

Ее Величество, глава английской церкви и защитница веры, очень религиозна: каждое воскресенье, где бы она ни была, она отправляется на богослужение. И только однажды в воскресенье королева остается в Букингемском дворце—в Поминальное воскресенье. В остальное время она присутствует на воскресной мессе в Виндзоре, Сандринхеме или Балморале. Даже когда она путешествовала на королевской яхте «Британия», по воскресеньям стол из столовой выносили, а вместо него расставляли ряды стульев. Службу проводил адмирал — капитан корабля. Все вставали и пели «Гимн моряков», молясь за тех, кто в море. В комнате рядом со столовой играл струнный квартет Морской

пехоты, хор состоял в основном из мужчин — офицеров и рядовых. В обычной церкви королева всегда бросала в ящичек для пожертвований банкноту в пять фунтов. Перед этим камеристка обычно сворачивала банкноту вчетверо и проглаживала утюгом. Поэтому, когда королева бросала банкноту в ящичек, на банкноте виден был только ее портрет. В самый священный день в году — в Страстную пятницу — королева откладывала все дела и получала Святое причастие от отца-настоятеля Виндзоров в своей личной часовне в Виндзорском замке, куда прямо от ее апартаментов вел Большой коридор, застеленный зеленым ковром. Каждую Пасху на письменный стол королевы клали веточку терновника из Гластонбери — она символизировала терновый венец, который возложили на Христа в день его распятия. Этот терновник присылал настоятель собора в Гластонбери. Из кондитерской «Шарбоннель и Уокер», расположенной на Бонд-стрит, королеве присылали огромное пасхальное яйцо, которое она возила с собой по всему миру до тех пор, пока от него не оставалось ни крошки. Насколько я знаю, одно из таких яиц продержалось целых шесть месяцев. В яйце были любимые мятные конфеты королевы: «Бендикс Биттерминтс» и «Элизабет Шоу Пепперминт Кримз».

Герцог Эдинбургский всегда предан королеве и во всем ее поддерживает. После тяжелого дня супруги рады провести какое-то время наедине. У них отдельные гостиные, кабинеты и приемные, но общая спальня. За одиннадцать лет, которые я прослужил у королевы, я ни разу не слышал, чтобы муж и жена повышали друг на друга голос. Иногда на людях принц Филипп может ворчать или казаться нетактичным, но на самом деле он заботливый, любящий муж. Это идеальный союз официального и неофициального. А главное — союз настоящих товарищей.

Когда 20 ноября 1947 года принцесса Елизавета, которой тогда был двадцать один год, вышла замуж за своего кузена, урожденного грека, которому было двадцать шесть, они поклялись хранить друг другу верность и оказывать всяческую поддержку. Шесть лет спустя, на коронации Елизаветы, офицер военно-морского флота поклялся перед Богом служить королеве — своей жене. И он относится к этому со всей серьезностью. Он прекрасно понимает, что сам возложил на себя много обязанностей. Через четыре года после свадьбы он оставил службу в военно-морском флоте, которую очень любил, и зажил новой жизнью — жизнью супруга королевы. Принц Филипп всегда соблюдает этикет и на публике идет немного позади своей жены. Конечно, официально она стоит во главе их брака — ведь она королева, а он герцог, но в личной жизни во главе семьи стоит муж. Внутри Виндзорского замка принц Филипп — главный. В

глазах прислуги он главный в доме, о чем бы ни зашла речь — начиная с организации пикника или барбекю (королева всегда говорит: «Спросите у Его Королевского Высочества, я не знаю») и кончая тем, на что тратятся деньги в их семье.

Королеве порой бывает одиноко, обязанности обременяют ее, но она всегда может положиться на своего принца, как королева Виктория могла положиться на принца Альберта. Принц Филипп — ее поддержка и опора, человек, которому она всецело доверяет, гарант стабильности. Между ними всегда были очень теплые отношения. Обычно он завтракал в половине девятого и все еще сидел за столом, когда к девяти в комнату входила королева. Он целовал ее в щеку и говорил: «Доброе утро, дорогая».

Однако герцог далеко не со всеми был так же любезен, как с королевой. Он был ужасно вспыльчивым и доводил некоторых лакеев и пажей до слез. Он всегда требовал к себе уважения, всегда ждал, что все будет сделано безукоризненно. Он обладал удивительной способностью замечать то, что не было выполнено. Когда ему приходилось ждать какого-нибудь слугу, он быстро терял терпение, и его грудной голос разносился по дворцу. От его крика хлопали двери, даже пол, казалось, начинал вибрировать: «Вы все просто идиоты!» или «Сборище негодяев!». Будучи в прошлом военным, он считал, что слугам-мужчинам ничего не сделается от его вспышек, а вот с прислугой женского пола он всегда был добрым и внимательным.

После медового месяца принц Чарльз и принцесса Диана вернулись в Букингемский дворец к королеве и принцу Филиппу, а в это время в поместье Хайгроув и в апартаментах № 8 и № 9 в Кенсингтонском дворце уже работали маляры и плотники под руководством дизайнера Дадли Поплака из Южной Африки.

С самых первых дней своего брака принцесса Диана мечтала об уютном семейном гнездышке, поэтому она тщательно выбирала ковры, шторы и декор для своих новых домов. Почти каждые выходные она отправлялась в Хайгроув, чтобы проверить, как там идут дела. А еще она занялась наймом прислуги, рассчитывая на свои теплые отношения со слугами в Букингемском дворце. Однако леди Диана очень скоро поняла, что нанять себе прислугу из штата королевы не так-то просто. Однажды она через офицера охраны Грэма Свифта попросила Марию Косгроув перейти к ней камеристкой. Но в феврале 1981 года Марию повысили в должности, и она стала горничной герцога Эдинбургского. Ей очень хотелось перейти к принцессе, но об этом узнала леди Сьюзан Хасси, придворная дама королевы. Марии не оставили выбора. Ей сказали, что она не может отказаться от этой должности. Поэтому принцессе пришлось взять

в Кенсингтонский дворец двух других союзников: горничную из Детского крыла Эвелин Дагли в качестве камеристки и Мервина Уайчерли в качестве шеф-повара.

В то время принц с принцессой вели тихую, размеренную жизнь. Они ходили в оперу и на балет, иногда общались с друзьями принца Чарльза, но не любили шумные компании и не охотились за развлечениями. Принцесса еще не обладала той уверенностью, которой прославится позже, не было в ней и настойчивости, которой позже будут бояться некоторые слуги. Она была робкой, изо всех сил пыталась привыкнуть к королевскому окружению, но отлично понимала, как ей повезло. Пока однажды ее не привела в ужас выходка одного из слуг — тогда она поняла, что ее любят далеко не все.

Принцесса обсуждала с одним из старших слуг расписание для персонала, и разговор зашел о том, кто справляется, а кто нет со своими обязанностями. Он стоял напро-тив принцессы, которая, покраснев, старалась показать, кто здесь главный. А он считал, что ему лучше знать, чем какой-то там бывшей-воспитательнице-в-детском-саду, его новой начальнице. Он начал злобно кричать на нее, бесноваться. Принцесса стояла у стены. Он вдруг подался вперед и уперся руками о стену по обе стороны от ее лица. «Черт подери, если бы вы не были такой занудой, мы бы работали куда усерднее», — сказал он. Прошло несколько недель, и он больше не работал у принца и принцессы.

Самым тяжелым ударом для принцессы Уэльской была трагическая смерть принцессы Монако Грейс, которая погибла в автокатастрофе 13 сентября 1982 года. Принцесса Грейс вместе с дочерью, принцессой Стефани, направлялась из Рок Ажель — поместье Гримальди, такое же, как Балморал для английской королевы, — обратно в Монако. Проехав всего две мили, их «ровер» не вписался в крутой поворот в 180 градусов и упал со скалы, пролетев сто футов вниз по склону. Принцесса Стефани выжила, а вот ее мать умерла в Больнице Принцессы Грейс. Потом долго обсуждали, исправны ли были у машины тормоза и работал ли ручной тормоз.

Когда королевская семья узнала об этом, принцесса Уэльская была в Балморале. Леди Диана бросила все дела и срочно выехала на похороны своей подруги без принца Чарльза. Это была ее первая поездка за границу без мужа, она отправилась в Монако в качестве представителя королевской семьи.

Принцесса никогда не забудет женщину, которую она называла просто Грейс. Она будет часто говорить об ее элегантности и чувстве стиля. Она всегда будет считать, что ее смерть — это трагическая потеря для всего мира. У леди Дианы

даже появится белое шифоновое платье без рукавов, которое она назовет «платье Грейс Келли», потому что оно «такое красивое и элегантное».

Глава четвертая

КОРОЛЕВА И Я

Если принцесса не могла поверить, что очутилась вдруг в роскошном и удивительном мире королевского дворца, то я думал о том же. Часто, сидя возле узкого окна моей комнаты и глядя на Лондон из-под крыши Букингемского дворца, я вспоминал мощеные улицы Чепл-роуд и размышлял о том, как бы повернулась моя судьба, если бы я остался в отеле «Уэссекс».

Я был счастлив, что имею возможность работать под началом королевы. Из окна открывался такой вид, что перемены в моей жизни казались просто невероятными: перспективу улицы Мэл, перед ним — памятник королеве Виктории, за ним арка Адмиралтейства, зелень Сент-Джеймсского парка, расцвеченная летом синими и белыми пластиковыми стульями, а вдали высится Биг-Бен. В детстве на меня больше всех повлияла мама, во взрослом возрасте — королева.

Жизнь каждого человека формируется под влиянием множества людей и событий, а меня судьба забросила в самое сердце королевской фамилии, и я страстно впитывал все, что видел. Я брал пример с самой королевы. Я учился ее терпеливости, честности, спокойствию и любви к людям, но самое главное — вере в то, что человек должен всегда выполнять свои обязанности, и выполнять их на отлично.

Как моя мать посвящала свою жизнь людям с Чепл-роуд, так и королева ставила заботу о стране и своем народе превыше всего. И я был только маленьким винтиком в машине дворцовой жизни, без отлаженной работы которой невозможно нормальное существование королевы. Сколько раз мне хотелось, чтобы мама увидела, как я выполняю свои обязанности, но работа слуги во дворце проходит за закрытыми дверями. Мало кто знает, каких усилий стоит нам, слугам, выполнять свои обязанности. Ведь наш труд должен быть не менее слаженным, чем движения танцоров в балете. Никто не кричал нам «браво!», но улыбки королевы или просто благосклонного кивка было достаточно, чтобы ощутить чувство громадного удовлетворения.

У нас была отрадная возможность приобщить к этой жизни и своих родных. Немногие сыновья могут позвонить своей матери и пригласить ее на встречу с королевой и другими членами королевской семьи. К этому времени в доме на Чепл-роуд уже появился телефон, и мы с мамой могли перезваниваться.

— Не могу поверить, что ты звонишь мне из Букингемского дворца!

Она была за меня ужасно рада. Я рассказывал ей, как проходит мой день, и ясно представлял, как она сидит, вцепившись в трубку, и непрерывно курит. Даже то, что я подаю чай королеве, потрясало ее до глубины души.

В свой первый год в должности личного лакея королевы я никак не мог дождаться Рождественского бала, который проходил либо во дворце, либо в Виндзорском замке, куда приглашались родственники слуг.

— Мама, имею честь от своего имени и от имени королевы пригласить тебя на Рождественский бал, — торжественно объявил я.

Она так громко закричала от радости, что, думаю, ее вопль услышали даже шахтеры в шахтах и в ужасе повыскакивали на поверхность.

— Я бы с радостью, Пол, но… наверное, мне лучше туда не ходить. Я не хочу тебя позорить.

— Мама, что ты говоришь! Там будут матери всех слуг, такие же, как ты. И вообще, я же буду с тобой.

Она сняла с семейного счета чуть не все деньги и купила себе длинное, простое вечернее платье с цепочкой на поясе. На бал она надела его с ажурной шалью. Она рассказала всему поселку, что идет на бал к королеве. Ни один человек из поселка ни разу не видел королеву вживую.

На балу мама трепетала от одного вида парадных залов, не говоря уже о присутствии членов королевской семьи. Она не могла поверить, что находится в одной комнате с королевой, герцогом Эдинбургским, принцем Чарльзом и принцессой Анной.

— Я чувствую себя Золушкой, — сказала она мне, — а ты — мой Прекрасный принц!

Она взяла меня под руку, и мы вместе вошли в зал. Когда королева пошла по залу, здороваясь с родственниками слуг, я подумал, что мама не выдержит.

— Хочется курить, — нервно заметила она, и я крепче сжал ее руку.

— Здравствуй, Пол, — сказала королева, подходя к нам, «Мама, ты слышала? — спросил я про себя. — Она называет меня Пол». Мне очень хотелось, чтобы мама обратила внимание на то, как запросто со мной держится королева, но она, видимо, просто оцепенела, уставившись на бриллиантовое колье королевы.

Но Ее Величество умеет сделать так, чтобы собеседник не стеснялся. Она заговорила с мамой о шахтерах и о Дербишире. Мама улыбалась. Позже она призналась, что не могла отвести глаз от колье королевы. Она никогда в жизни не видела настоящих бриллиантов, тем более в таком количестве.

— Она именно такая, какой должна быть истинная королева, — сказала моя мама.

Так она впервые увидела, какова моя жизнь во дворце. Позже она еще несколько раз встретится с королевой во дворце, и один раз — в Балморале. Мы случайно встретили королеву, когда она прогуливалась с собаками.

Как оказалось, вести себя при дворе моя мама умела лучше, чем тетя Пёрл, которую я пригласил на бал в следующем году. Она разоделась в пух и прах, а когда королева стала знакомиться с родственниками, моя тетя стояла, выпучив глаза от страха, и не могла пошевелиться. Вот очередь дошла до нас. Королева, как всегда прекрасно осведомленная, заметила:

— Говорят, в последнее время в Дербишире плохая погода.

Тетя Пёрл на секунду замерла с открытым ртом, потом сказала первое, что пришло ей в голову, причем со страшным акцентом:

— Просто жуть, Ваше Величество, просто жуть! — и сделала преувеличенно низкий реверанс.

Потом, когда королева уже отошла, тетя поняла, что не смогла «прилично» поговорить с королевой. Я рассмеялся, и утешил ее, сказав, что королева любит разные акценты и говоры.

Но не только родственники и другие люди со стороны робели перед королевой. Даже те, кто работал в Букингемском дворце, нервничали, когда раз в году, на Рождество, разговаривали с королевой. В те годы на Рождество двор перемещался в Виндзорский замок, а за день до этого устраивался особый прием, на котором королева общалась со своими слугами, которых во дворце около трехсот. Два часа она проводит на ногах, лично разговаривая с каждым из прислуги, от самых младших до самых старших, и желает всем счастливого Рождества. Она всегда говорит «счастливого Рождества», а не «веселого», чтобы не было намека на пьянство.

Впрочем, немного спиртного многим в такой день не помешало бы. Официантки в столовых для слуг, прачки, младшие лакеи и носильщики умирают от страха при одной мысли о том, что им предстоит встреча с королевой, потому что в их каждодневной работе им не приходится сталкиваться с членами королевской семьи.

Королева никогда не нарушала эту традицию. Она считала необходимым сказать спасибо тем, кто облегчал ее жизнь. Как-то раз, когда ее спросили, сколько у нее слуг, она ответила: «Ни одного. У меня нет слуг, есть обслуживающий персонал».

Во дворце даже встреча слуг с королевой была тщательно спланирована. Слуги оставляли свои дела и выстраивались в

очередь, тянувшуюся от черной лестницы в Мраморный зал на первом этаже, через столовую в Зал 1844 года и к дверям в Поклонный зал. Выстраивались все по старшинству. Тут были лакеи в алых ливреях, пажи в темно-синих фраках с бархатными лацканами, повара в белоснежных костюмах и колпаках, горничные в черных платьях и белых фартуках. Из четырнадцати лакеев первым шел Пол Уайтбрю, вторым — я. Нам было забавно, что мы должны стоять в очереди и ждать, когда нас представят королеве, которую мы видим каждый день, а после официального приема мы поднимемся в ее комнаты и будем собирать ее вещи для переезда в Виндзорский замок. Мы к королеве давно привыкли, но многие боялись предстать перед ней, как люди боятся выходить на сцену.

Королева и герцог Эдинбургский стояли в одном конце зала, а в другом, у дверей, ожидали слуги. Дворцовый распорядитель вызывал их по именам. Все это напоминало порядок награждения медалями, только роль медалей выполняли небольшие подарки, которые слуги выбирали себе заранее по каталогу. Посудомойки по такому случаю снимали привычные резиновые перчатки и надевали тонкие нитяные: все женщины, когда их представляют королеве, должны быть в перчатках. Примечательно, что сама королева, на официальных мероприятиях всегда носившая перчатки, встречала своих слуг без них.

Королевское Рождество всегда было волшебным, хоть и трудным для слуг временем. Праздничный дух приносили в Виндзорский замок дети поместья, собиравшиеся, включая хористов часовни Святого Георга, и поднимавшиеся по холму к замку, неся в руках зажженные фонарики на палочках. У замка они выстраивались и пели рождественские гимны. Королева стояла на покрытых ковром ступеньках монаршего выхода из замка, пила глинтвейн и наслаждалась атмосферой праздника. Ее могло утешать одно то, что ей не надо было самой упаковывать подарки — это была обязанность ее лакеев.

Было приятно хотя бы так участвовать в раздаче подарков. Казалось, что ты разделяешь радость королевских детей и других членов королевской семьи, которым эти подарки предназначены. Королева выбирала подарки в начале декабря, когда Питер Найт — владелец крупного магазина — приносил свои товары во дворец. В зале для аудиенций устанавливался длинный прилавок, на котором раскладывались игрушки, фарфор, сувениры, посуда, разные предметы для дома. Каждый вечер после ужина Ее Величество отправлялась за покупками. Она выбирала понравившуюся вещь, приклеивала на нее бумажку с надписью — для кого, и выставляла в коридор. Наша задача была забрать и

упаковать. Мы с Полом Уайбрю сами выбирали бумагу и ленты и соревновались, кто завернет больше подарков. Каждый год было около сотни подарков, так что состязание было весьма азартным.

Однажды вечером, когда я сидел среди разноцветной упаковочной бумаги, ленточек и липкой ленты, ко мне в комнату заглянула королева. Было уже очень поздно.

— Тебе давно пора спать, Пол, — сказала она. — Ты и так уже много сделал.

На упаковку подарков уходило чуть не три недели, и мне не раз думалось, что в сутках слишком мало часов.

В комнатах королевы не было елки, так же как не было вообще ни единого рождественского украшения. Она не выставляла даже поздравительные открытки. Единственным, что говорило о наступающем Рождестве в Букингемском дворце, была огромная — шестнадцати футов высотой — елка, привозимая из Виндзора. Она ставилась в Мраморном зале, и до сих пор, если под Рождество заглянуть в сводчатые окна дворца, то вдали можно увидеть сияние гирлянд.

Упаковку, над которой мы с Полом так трудились, по традиции срывали с подарков в канун Рождества после чая. Это всегда происходило в Алой гостиной, где с обеих сторон мраморного камина висят огромные коронационные портреты короля Георга VI и королевы Елизаветы работы Джеральда Келли. Пышная елка ставилась в эркере, а рядом — длинный стол для подарков. Красные ленточки отделяли подарки для каждого гостя; в самом начале стола лежали подарки для королевы и герцога Эдинбургского, а в конце — для фрейлин и придворных. Мы как слуги, конечно, не видели того, что происходило в зале, зато нам были слышны радостные вскрики и лай собак. И все понимали, что Рождество пришло в Виндзорский замок. А внизу, в подвале, похожем больше на подземелье, где стены были такие толстые, что наружу не доносилось ни звука, веселились слуги, последние дни перед Рождеством работавшие до полуночи.

По всему Содружеству люди на Рождество включают телевизор, чтобы послушать речь королевы (в те времена речь записывали заранее — в середине декабря). И Виндзорский замок — не исключение. В три часа дня все члены королевской семьи собираются у телевизора в Дубовом зале, где стены отделаны толстыми деревянными панелями. Они размещаются на диванах, на стульях, некоторые стоят. Но королева стоит позади всех молча. К концу речи королевы обычно уже нет в зале. Она уходит в парк гулять с собаками. Ее Величество не любит привлекать к себе внимание.

Визиты глав иностранных государств приносили слугам не

меньше беспокойства, чем Рождество. Я никогда не забуду визит в Виндзорский замок Рональда Рейгана. Королева доказала, что она может одернуть даже спецслужбы.

За неделю до приезда президента во дворе перед замком выстроились черные бронированные автомобили. Это были представители спецслужб, которые должны были удостовериться, что пребывание президента в замке во время его первого официального визита в Виндзор будет безопасным. Королева улыбнулась, глядя, с каким серьезным видом эти люди входят в замок. У нее самой не было такого количества охраны, и она не проверяла заранее места, куда собирается приехать. С одним из придворных она передала им следующее «Это мой замок, и если система безопасности тут подходит для меня, то она подойдет и для президента». Согласитесь, справедливое замечание.

Вертолет президента Рейгана приземлился во дворе замка 7 июня 1982 года. Меня и одного из пажей королевы назначили прислуживать президенту и его жене Нэнси. Их разместили в огромных апартаментах, занимавших весь первый этаж башни «Ланкастер», из окон которой открывался чудесный вид на прямую как стрела аллею в милю длиной.

Но Нэнси, как всегда, сама ухаживала за своим мужем. Президенту не нужны были лакеи, потому что она никогда его не покидала, а вся его одежда совсем не измялась при перевозке. Поэтому единственное, что мы могли, — это быть поблизости, на случай если ему все же что-то понадобится. Мы натащили в его апартаменты коробок с шоколадными конфетами, украшенных красно-бело-синими лентами, но оказалось, что американский президент не любит шоколад. Зато он привез с собой свои любимые жевательные конфеты. Десятки стеклянных баночек с ними были выставлены на столе в его апартаментах, так что комната стала похожа на кондитерскую. На каждой баночке была президентская эмблема. Рейган жить не мог без этих конфет. В первый же вечер в Зеленой гостиной был организован ужин при свечах. В алой парадной ливрее я разносил аперитивы. Тут был президент с женой и их сопровождающие, а рядом — члены королевской семьи (включая принца и принцессу Уэльских, которые к этому времени уже поселились в Кенсингтонском дворце и в Хайгроуве). Когда я проходил мимо президента и его жены, то случайно узнал о стеснительности президента: он боялся заговорить с королевой. Нэнси прошептала ему: «Иди и поговори с королевой Елизаветой», — и он послушался. Мне показалось забавным, что даже президент США боится подойти к Ее Величеству. Значит, не только моя мать и тетя Пёрл трепещут перед королевой. Зато они все же видели королеву. Когда-то я

переписывался с Бетт Дэвис [14] — легендой Голливуда, Я как-то написал ей восторженное письмо, она ответила, и между нами завязалась переписка. В своем письме от 3 августа 1984 года она жаловалась, что так и не смогла пожать руку Ее Величеству на приеме, устроенном в ее честь на киностудии «XX век Фокс»:

Нам не удалось даже подобраться к ней поближе, чтобы хотя бы разглядеть. Все ужасно расстроились, а ведь мы специально надели перчатки. А главное, королева, наверное, решила, что голливудские актеры не умеют себя вести… Но каждый раз, когда в своих письмах ты упоминаешь Букингемский дворец, я так волнуюсь…

Бетт Дэвис

У нас дома на Чапел-роуд, когда в гости ждали более богатых друзей, то доставали лучшие тарелки. Точно так же, когда во дворец приезжают главы иностранных государств из королевских кладовых достают самую красивую утварь: серебряные подсвечники, солонки и перечницы такого размера, что один человек не может их унести, не говоря уже о золотых столовых приборах времен Георга III. За полукруглый стол в Бальном зале Букингемского дворца могут уместиться 160 человек — это намного больше, чем может разместиться за столом в Виндзоре в сто двадцать футов длиной и десять шириной. В Букингемском дворце стол такой широкий, что младшим лакеям приходится, обвязав ботинки тряпками, взбираться на него, чтобы поставить в центр стола подсвечники и цветы. Когда накрываешь на такой стол, точность и внимательность особенно необходимы. Местоположение каждого прибора вымеряли с линейкой, ножи, вилки и ложки не должны лежать не дальше и не ближе, чем на ширину большого пальца от края стола, стулья выдвинуты на одинаковое расстояние, так чтобы получалась ровная линия. Мажордом пристрастно проверял правильность сервировки.

Во время ужина все должно было пройти идеально. Подачей блюд командовал мажордом с помощью специальных сигналов, похожих на сигналы светофора. Он сидел на верхней галерее за пультом, словно осветитель в театре, видя как на ладони весь зал. Слуги стояли наготове и, когда перед ними зажигалась желтая лампочка, это значило: «Приготовиться!», когда зеленая: «Пошел!». По зеленому сигналу одновременно с разных входов в зал входили чинные процессии пажей и лакеев. Это был настоящий театр. Смена блюд проходила с легкостью и изяществом, по которым никак нельзя было заподозрить о той сумасшедшей суете, которая царила на кухне.

Когда я был маленьким, мне говорили, что нельзя приступать к еде, пока всем не положили. Во дворце все не так. Как только перед королевой ставят тарелку, она начинает есть, и неважно, подали другим это блюдо или еще нет. Главное правило дворца: есть, пока горячее. При дворе королевы Виктории, когда Ее Величество заканчивала есть и ее тарелку уносили, то тут же уносили тарелки и у всех остальных. Сейчас тарелки забирают только тогда, когда человек закончил есть и отложил нож и вилку.

Система световых сигналов — нововведение в жизни прислуги, а вот официально разрешенное подглядывание — нет: это наследие прошлых эпох. Заднюю стену Бального зала занимает экран с прорезями, через которые слуги восхищенно наблюдают за пиром. Десятки глаз смотрят на великих мира сего в торжественной и роскошной обстановке.

Был один случай, когда мне хотелось буквально провалиться под землю, однако дворцовый протокол не определяет, как это делается. Когда королева отправляется с визитом в другие страны, все должно быть так же идеально, как при визите глав иностранных государств во дворец. В 1979 году, когда королева отправилась с визитом в страны Персидского залива, я впервые отправился вместе с ней. Утром, перед тем как отправиться в аэропорт, по традиции слуги выпили шампанского — «за удачную дорогу» во главе с камеристкой королевы Маргарет Макдональд. Эта миниатюрная и безупречная во всем женщина сидела на стуле с высокой спинкой очень прямо. Ее волосы были аккуратно уложены, на носу — очки в роговой оправе, на шее — три нити жемчуга, на груди — брошь; бусы и брошь были подарками королевы. Она всегда ходила в шелковых платьях, сшитых на заказ портным королевы сэром Норманом Хартнеллом. Маргарет Макдональд выглядела как эталон королевской камеристки, а сама королева и принцесса Маргарет (но только они!) звали ее Бобо еще с тех времен, когда она была у них нянькой. Все знали, что она «глаза и уши трона», и спорить с ней не осмеливался никто.

Перед отправлением она еще раз сама все проверила, удостоверилась, что платья, шляпы, украшения — все уложено. Я начистил коричневые кожаные чемоданы Ее Величества и до блеска натер металлические пластины на них.

Я привязал к каждому чемодану и к каждой шляпной коробке желтую табличку с надписью «Королева» (нитки, на которых были подвешены таблички, надо было отмерить одинаковой длины). Мисс Макдональд лично проверила, хорошо ли я начистил обувь Ее Величества. Она действительно была очень требовательной, но

не забывала о том, как сама приехала во дворец из родной Шотландии и плакала ночи напролет, потому что очень скучала по дому.

В тот день она развлекала нас рассказами о прошлых поездках. Может быть, мы слишком развеселились, а может, виновато шампанское, но в итоге, как ни прекрасно все было подготовлено и проверено к моему «дебюту», кое-что пошло не так.

На полпути в Хитроу младшая камеристка Пегги Хоут повернулась к своей коллеге Мей Пейшнс и в ужасе прошептала:

— Мы забыли костюм Ее Величества!

Я сидел на переднем сиденье. Ни разу в жизни я не поворачивался так резко. Лица обеих стали землисто-серыми. Через полчаса королева должна быть на борту самолета.

В то холодное февральское утро на королеве был толстый костюм из шерсти. А вот длинный легкий шелковый костюм в арабском стиле, в который королева собиралась переодеться в самолете перед посадкой в Кувейте, остался висеть в Букингемском дворце. Шофер, поняв, что произошло, тоже пришел в ужас и быстро остановил одного из сопровождавших нас полицейских-мотоциклистов. Одну из королевских машин, тоже в сопровождении полицейских, отправили за костюмом во дворец.

Королеве пришлось ждать в номере «Хаунслоу» в Хитроу, а самолет из-за забытого костюма вылетел позже. Мне так хотелось, чтобы все прошло гладко во время моей первой поездки за границу с королевой, а тут — такой досадный случай. Но королева, как всегда, проявила свою знаменитую терпеливость и понимание. Она только посмеивалась над всей этой шумихой, которая поднялась из-за ее костюма. Она улыбалась, даже когда подошла к трапу в сопровождении лорда-гофмейстера, который по традиции последним прощается с королевой, когда она куда-то уезжает, и первым встречает ее по возвращении.

Королева впервые летела на «конкорде», а я вообще впервые летел за границу (когда я был маленьким, наша семья не выезжала дальше Скегнесса, Скарборо и Ньюки). В самолете я сидел рядом с Барри Ловеллом — камердинером герцога Эдинбургского. Мы взлетели и вышли в «пурпурный коридор» — воздушное пространство, которым имеют право пользоваться только самолеты Ее Величества. Обычно на дальние расстояния королева летала на самолетах «Бритиш Эйрвэйз Трай-старз», первый класс в которых был специально переоборудован под нужды королевы. Там было постелено новое ковровое покрытие, стоял обеденный стол, диваны, стулья и кровати. В эконом-классе

летели слуги, уютно устроившись на мягких сиденьях в полупустом салоне.

Королеву встретил эмир Кувейта. А она в свою очередь пригласила его на борт «Британии». Он был не первым восточным правителем, отдыхавшим на яхте, и каждый из них старался превзойти своего предшественника роскошью подарков. «Британия» стала настоящей плавучей сокровищницей. Правители разных стран дарили персидские ковры, украшения с сапфирами и бриллиантами, верблюдов из золота на подставках из лазурита и даже золотой кувшин в форме сокола.

Позже появилась традиция дарить что-нибудь слугам в знак благодарности за их работу. После поездки в Иорданию я получил золотые часы «Омега» с гербом короля на циферблате, еще мне дарили медали (например, в Малави мне подарили орден Льва, а от короля Швеции я получил Серебряную медаль).

В Кувейте я впервые взошел на борт «Британии». На ее мачтах реяли пять королевских штандартов, а от носа до кормы были протянуты веревки с флагами других государств. И когда бы я ни плавал на «Британии» в дальнейшем, меня всегда, как в первый раз, потрясало ее великолепие. Королевская яхта больше похожа на плавучий дворец, чем на корабль, такая она огромная и роскошная Мы сели на яхту в Бахрейне, и слугам разрешили позагорать на палубе.

Бороздя моря на «Британии», королева чувствовала себя превосходно и уверенно, а вот когда яхта причаливала к берегу, чтобы гости могли отправиться ужинать, королеве приходилось спускаться по узкому трапу, и тут бывали неприятности. Именно тогда я в первый и последний раз в жизни видел, как королева растерялась. В шелковом вечернем платье бирюзового цвета, с диадемой, украшенной бриллиантами, она спускалась по трапу, застеленному красной ковровой дорожкой, и вдруг зацепилась каблуком за какую-то неровность, пошатнулась и чуть не упала. Я уже ждал ее у машины, а потому мог только смотреть издали и гадать, сможет ли она удержаться на ногах. До сих пор удивляюсь, как ей это удалось. Правда, когда она стала падать и закричала «Помогите!», она уцепилась за перила и испачкала перчатки политурой. Белоснежные перчатки были безнадежно испорчены. В машине она достала из сумочки запасную пару, которую всегда возила с собой, и снова все в ней стало безупречно.

Впрочем, королеве лучше удавалось держаться на ногах, чем мне. Я уже рассказывал, как растянулся на ступеньках в Сандринхеме, когда меня потащили за собой все девять королевских собак. Но во время поездки в Кентукки произошло

нечто ужасное. Во второй раз королева склонилась надо мной, спрашивая: «Пол, ты как?»

Мы отправились в США, чтобы поглядеть на конный завод, где королева выбирала своих лошадей. Конный завод находился под Лексингтоном, и его владельцем был Уилл Фарриш, позже ставший американским послом в Лондоне. Тут были конюшни из красного дерева и милые белые заборчики. Еще с тех пор как я полетел с лестницы в Сандринхеме, у меня постоянно болела спина, оттого что сместился диск, и приходилось периодически пользоваться разными мазями. Но когда мы прилетели в Кентукки, боль усилилась, и в последующие шесть дней стала почти невыносимой. Мне было трудно даже просто наклоняться, чтобы поднять туфли королевы, но я терпел, потому что знал: скоро мы вернемся домой. И тут случилось непоправимое.

В последний вечер перед отъездом, пока королева и ее гости ужинали, я стал осторожно спускаться по лестнице в столовую и вдруг почувствовал острую боль в левой ноге. Она была такой резкой, что я не устоял на ногах и покатился вниз по лестнице. Мне было так больно, что я принялся дико вопить и утих только тогда, когда с ужасом понял: я не чувствую своих ног. На мои крики сбежались все двенадцать гостей и королева. Все смотрели на меня и не знали что делать. Кто-то позвонил в 911, кто-то вызвал доктора Фарриша — Бена Роуча.

Камеристка королевы Пегги Хоут склонилась надо мной, и я простонал:

— Пегги, я ничего не чувствую ниже пояса.

Решили, что безопаснее не трогать меня до прихода врачей. Все были очень напуганы и о чем-то переговаривались. Думаю, больше никогда меня не повезут в больницу с такой помпой. Санитары осторожно положили меня на носилки, и скорая помчалась прочь с полицейским эскортом.

Меня отвезли в Центр лечения раковых заболеваний имени Люсиль Марки Паркер в Лексингтоне (в этой крупной больнице лечили не только рак), и тут же встал вопрос о срочной операции. В больнице уже заранее была готова палата для королевы — на всякий случай. Таков порядок: куда бы королева ни отправлялась, в ближайшей больнице для нее всегда готова палата. Думаю, это был первый случай в истории, когда больной лакей спал в королевской постели. Мое пребывание в больнице сопровождалось той же секретностью, как если бы туда поместили саму королеву. На доске, где вывешивался список пациентов, моего имени не было. Вместо него там была изображена корона, ступня [15] и знак мужского пола. Все вместе должно было означать «лакей королевы».

Врачи сказали, что диск треснул и защемил седалищный нерв, поэтому я и не чувствовал ног.

Я лежал на носилках и смотрел на лампы под потолком. Надо мной склонился лорд Порчестер (менеджер королевских скачек). «Королеве нелегко было принять такое решение…» — начал он, а затем объяснил, что рабочий график Ее Величества не позволяет ей ждать моего выздоровления, и она вынуждена вернуться во дворец. Они улетают, а я остаюсь. «Тобой будут заниматься лучшие врачи. Королева обо всем договорилась», — закончил он.

Позже врач сказал мне: «Диск треснул и защемил седалищный нерв. Этим и вызван временный паралич. Надо удалить треснувший диск и освободить нерв. Если не сделать этого немедленно, есть опасность, что вы никогда не сможете ходить».

В полночь было принято решение делать операцию. Когда я пришел в себя, то увидел над собой лицо медсестры Дорис Галлахер. Чувствовал я себя не очень хорошо, но она меня утешила: сказала, что операция прошла успешно, и вскоре я снова смогу ходить. «Вы полностью выздоровеете», — пообещала она.

Я медленно отходил от наркоза. Вся палата была уставлена цветами и фруктами, которые передали для меня гости королевы, которым я испортил ужин. Под потолком был прикреплен телевизор, и я с тоской смотрел прямую трансляцию взлета королевского самолета из аэропорта Лексингтона.

Через три дня я при помощи костылей уже ходил по палате, которая должна была стать моим домом на целых две недели. Мне захотелось узнать, кто мои соседи, и я доковылял до соседней палаты.

— Здравствуйте. Я Рон Райт, а это моя жена Джулия, — приветствовал меня жизнерадостный американец.

На кровати в окружении разных приборов и трубочек лежала девочка. Джулия кормила ее картофельным пюре с ложечки.

— Моргни, если хочешь еще, золотце, — говорила Джулия своей восьмилетней дочке Бесс.

За несколько дней до того, как я вошел к ним в палату, Бесс делали операцию: удаляли опухоль головного мозга. Я вдруг понял, что моя боль — это мелочи. Вот передо мной девочка, которая в свои восемь лет уже должна серьезно бороться за свою жизнь. Джулия закончила ее кормить.

— Бесс ни разу не слышала английского произношения. Может, поговорите с ней? — попросил меня Рон.

Следующие одиннадцать дней я приходил беседовать с Бесс. Джулия сказала, что, раз глаза у девочки открыты, значит, она слушает. Когда меня выписали, я зашел попрощаться с Бесс. Я

переписывался с Роном Райтом, его братом Клодом и женой Клода Ширли, которая и читала мои письма Бесс. Через три с половиной года девочка умерла.

Королева сдержала свое обещание и все устроила. Счет за медицинские услуги мне так и не пришел, и домой меня отправили с шиком. За мной прислали королевский самолет BAe 146, который должен был налетать определенное количество часов, прежде чем на его борт взойдет королева. Так я стал подопытной морской свинкой. Салон первого класса переоборудовали так, чтобы туда можно было поставить койку, и самолет отправился в Кентукки, чтобы забрать одного-единственного пассажира — выздоравливающего лакея. Я был первым пассажиром, полетевшим на этом самолете, причем самой королевы.

Я путешествовал с королевой по всему миру. Я был в Китае, в Австралии, в Новой Зеландии, на Карибских островах, в Европе, в Алжире, в Марокко, но самыми увлекательными были поездки в Аскот всего в нескольких милях от Виндзора. День Королевских скачек был для королевы самым долгожданным днем в году, потому что она могла целиком посвятить его своему любимому спорту.

Однако в июне 1982 года многие ставили на то, родится ли первый ребенок Уэльской четы во время четырехдневных скачек и кто это будет — мальчик или девочка. К счастью, принцесса родила позже, и королева смогла полностью посвятить себя скачкам. Королева никогда не делала ставок, потому что не носила с собой денег (не считая тех случаев, когда специально брала пять фунтов в церковь), но это не мешало ей получать удовольствие от зрелища. Она старалась угадать, кто станет победителем, или просто любовалась лошадьми.

Для меня самым интересным была эта четвертьчасовая проездка в открытой коляске. По традиции, существующей с 1825 года, королева выезжала из Виндзорского парка через Золотые ворота и по знаменитой прямой дороге — Стрейт Майл — мчалась в Аскот. Королевские лакеи в алых парадных ливреях должны сидеть прямо и смотреть вперед с бесстрастно-сосредоточенным выражением, но при этом внимательно прислушиваться к крикам толпы, которые, по мере того как королевская процессия приближается, становятся все громче, а вскоре грянет конногвардейский оркестр.

Королева тоже старается все замечать. Как только коляска трогается, она перегибается, чтобы посмотреть: оставляют ли колеса отпечатки на дерне. Но делается это не из любопытства: королева уже думает о скачках. Она проверяет, твердая или

мягкая будет земля под копытами лошадей.

Когда поездка по этой холмистой местности подходила к концу и раздавались первые звуки гимна «Боже, храни королеву», мы, лакеи, должны были уловить момент, когда заиграет мелодия, и снять шляпы. Мой напарник слегка подталкивал меня локтем, и мы синхронно снимали свои цилиндры. Это было знаком: дамы начинали приветствовать королеву, а джентльмены снимали шляпы. Наконец гимн заканчивался, коляска замедляла ход, и я спускался, чтобы помочь королеве сойти. Нелегко вылезти из движущейся кареты, сохраняя достоинство, но я ни разу не ударил в грязь лицом.

В королевской ложе королева, вооружившись биноклем, приходила в особенно возбужденное состояние. Именно в такие минуты она забывала о своем высоком статусе и просто наслаждалась скачками. Она вслух поторапливала лошадей, хлопала от радости, а иногда даже что-нибудь выкрикивала. Было одновременно и забавно и трогательно видеть, как королева, следившая за скачками по экрану, установленному в ложе, вдруг, когда до финиша оставались последние фарлонги, выскакивала на балкон — правда, с неподражаемым изяществом.

Лорд Порчестер всегда стоял рядом с ней и давал пояснения относительно лошадей. Я тоже был в королевской ложе и должен был подать чай между третьим и четвертым забегом. Правда, принцесса Маргарет чай не пила: она предпочитала «Пиммз» [16].

Принцесса Уэльская «выбрала» самое подходящее время для родов. Как раз закончились Королевские скачки, а вечером 21 июня 1982 года на свет появился принц Уильям, или «уэльский кроха», как его нежно называла Диана Он родился в девять часов в больнице Святой Марии в Паддингтоне. А в двух милях оттуда, в Букингемском дворце, слуги, одни из первых узнавшие эту радостную новость, открывали шампанское.

Каждому хотелось посмотреть на маленького принца. Все слуги только о нем и говорили, но наследник наследника престола провел свои первые недели в детской в Кенсингтонском дворце с няней Барбарой Барнс.

Я впервые увидел принца Уильяма два месяца спустя в августе в Балморале. Он лежал в колясочке, накрытой тюлем. Она стояла на травке у фонтана возле одной из башен Кенсингтонского дворца. Нянька внимательно следила за ним из окна.

Если на Королевских скачках можно увидеть, как королева радуется, то в Букингемском дворце я как-то увидел королеву совершенно зачарованной. Это было, когда ей принесли показать последнюю работу мадам Тюссо. Это была восковая фигура

королевы. Ее установили в Китайской столовой, и, когда сняли покрывало, королева позвала меня:

— Не хочешь взглянуть, Пол?

Она шла впереди в сопровождении собак, а я шел за ней, чуть не спотыкаясь об ее любимцев. Удивительно было отправиться смотреть на восковую фигуру вместе с королевой. Китайская столовая отделана в красных, золотых и зеленых тонах. Решетка камина изображает переплетающихся змеев и драконов, на полу китайская циновка, а по стенам развешаны фонарики. Когда заходишь в эту столовую, создается впечатление, что ты попал в Королевский павильон в Брайтоне времен Принца-регента (позже ставшего королем Георгом IV).

Королева вошла в темную комнату и, еще не успев включить свет, заметила фигуру в центре столовой и вздрогнула: там стояла женщина в вечернем платье. Наконец она зажгла свет и мы смогли увидеть всю фигуру до мелочей. Сходство было потрясающее.

За годы службы я уже так хорошо изучил лицо королевы, что действительно был потрясен точностью, с которой скульпторам удалось передать каждую черту. Даже пряди седых волос над ушами лежали точно так, как в жизни. Королева привыкла, что с нее рисуют портреты, и привыкла потом оценивать: похоже или непохоже получилось. Но мне все это было внове, и я глупо переводил взгляд с одной королевы на другую и не мог сказать ни слова.

— Отличная работа, правда? — заметила она, пристально разглядывая восковую фигуру. Мне было странно видеть, как королева рассматривает свое собственное изображение. В этом было что-то очень интимное.

— Надо же, как все точно сделано, — пробормотала она.

Десять минут она разглядывала фигуру, потом одобрительно кивнула, выключила свет и вышла из комнаты. Это был первый и последний раз, когда я оставил «королеву» стоять одну в темноте. По распоряжению королевы восковую фигуру выставили в музее мадам Тюссо.

Было, однако, одно распоряжение королевы, которое сильно повлияло на мою личную жизнь, В 1984 году, когда я женился на Марии, королева личным приказом разрешила нам вместе продолжить работу во дворце, нарушив многовековое правило. И благодаря ее приказу мы с Марией впервые узнали каково это, когда о тебе пишут в газетах.

Глава пятая

ЕЩЕ ОДНА КОРОЛЕВСКАЯ СВАДЬБА

«Королева радуется новой свадьбе во дворце!» — гласил заголовок в «Ньюс оф зе Уорлд». «Новая чета во дворце!» — кричала «Дейли Миррор» [17]. Свадьба Баррела и Косгроув стала настоящим событием в те времена, когда свадьбы не были еще достоянием общественности, — во времена, когда еще не появился журнал «Хелло!».

Мы с Марией оба уже восемь лет работали во дворце и привыкли всегда оставаться в тени, а в тот день, в субботу, 21 июля 1984 года, все внимание английской прессы было приковано к католической церкви Святой Марии в Рексхеме. Все утро возле дома Марии толпились репортеры и фотографы из известных воскресных газет. Они же поехали за нами в церковь, чтобы не пропустить то, что назвали «еще одной королевской свадьбой». Каких только заголовков они ни придумали — а все потому, что жених работал у королевы, а невеста у герцога Эдинбургского.

Одна хитрая журналистка из «Ньюс оф зе Уорлд» перешла все границы — смешавшись с толпой родственников она проникла в дом Марии и поднялась в спальню, где как раз переодевалась мать Марии, Элизабет. Журналистка спросила, что она думает по поводу предстоящей свадьбы. И тут же получила ответ: «Вон отсюда, негодяйка».

Когда мы с шафером, моим братом Энтони, подъехали к церкви, то увидели толпу журналистов перед церковью, которые уже приготовили камеры и фотоаппараты. Не ожидалось никаких королевских особ. Присутствовали только слуги: Пол Уайбрю, королевский лакей, Пегги Хоут, камеристка королевы, и Майкл Фосетт, старший лакей. Королевский священник Кэнон Энтони Цезарь, в великолепных алых одеждах, участвовал в церемонии — он давал благословение и читал молитвы.

Шаферы, вместо того чтобы рассаживать всех по местам, стояли у дверей и не пускали журналистов. Я беспокоился только о том, как бы пресса не испортила свадьбу, потому что многим нашим друзьям пришлось приехать сюда из Лондона. К сожалению, на нашей свадьбе не было девяти почетных гостей: королевских собак. Не было даже Чип-пера. Но зато они прислали мне королевскую поздравительную телеграмму, которая и по сей день висит на стене в рамке. В ней говорилось: «Пусть вы нас не пригласили, но, конечно, не забыли! А раз так, то не грустите — пирогом нас угостите! Чиппер, Смоуки, Шэдоу, Пайпер, Фейбл,

Миф, Джолли, Спарки, Браш». А внизу был чернильный отпечаток собачьей лапы.

Любопытные журналисты так и не узнали об этом. Их больше всего интересовало, как мы с Марией встретились.

Роль купидона для нас сыграла Роуз Смит — горничная, которая работала на этаже принцессы Анны. Она, как и я, была из Дербишира и тоже училась в колледже Хай Пик в Бакстоне, но работать в Букингемском дворце начала за полгода до моего появления. Роуз вышла замуж за моего лучшего друга, лакея Роджера Глида, и после этого ей пришлось уйти из дворца: в то время существовало такое правило — муж и жена не должны работать вместе. Поэтому она стала работать камеристкой у герцогини Глостерской в Кенсингтонском дворце.

Я часто общался с Глидами, а потом и с их друзьями. Мария Косгроув была подругой Роуз. Сначала она работала в прачечной, потом в Бельгийских апартаментах, а потом в апартаментах принца Филиппа. Я почти не замечал эту девушку, которая называла меня «без пяти минут джентльмен». А потом наконец заметил. Ее остроумие, ее заразительный смех, ее прекрасные карие глаза и темные волосы, смешной танец «делаем пюре» — она пятилась назад, живо маша руками над головой… И конечно, большую роль сыграла романтическая атмосфера, царившая в Балморале, — по вечерам мы часто сидели вокруг костра, ели плохо прожаренное барбекю на пустошах, Маккрей играл нам на волынке, Сирил Дикмен звонил в колокольчик, и все пели шотландские песни. Мария стала моим товарищем, потом лучшим другом, а весной 1983 года мы поняли, что любим друг друга.

По выходным мы иногда ездили к ней в Хольт, который находится на самой границе с Уэльсом, возле Рексхема. В их доме царила та же атмосфера, что и у нас, когда я был маленьким. Мне казалось, что я вернулся домой. Мать Марии, Элизабет, попросила называть ее Бетти. Она все время что-то готовила. Такое впечатление, что их дом был конвейером по изготовлению пирогов. Пироги с фруктами, с мясом, с картошкой, с фаршем. Тарелки с этими пирогами стояли по всему дому. Даже королевский шеф-повар по выпечке Роберт Пайн не готовил столько пирогов. Католицизм играл в жизни Бетти такую же важную роль, как королева — в моей жизни. В их доме было столько же изображений Папы Римского, сколько пирогов. Горшочек со святой водой был прикреплен к задней двери изнутри, чтобы каждый раз перед выходом Бетти могла сунуть в него пальцы и осенить себя крестным знамением. «Святая вода защищает тебя, когда ты выходишь из дому. Расскажи об этом

королеве, Пол», — говорила она.

Отец Марии Рон, электрик с «электрическим» чувством юмора, усадил меня и стал рассказывать про свою «единственную красавицу дочку». А когда я увидел его во второй раз, это был уже другой человек. Он сидел в гостиной в кислородной маске, с трудом дыша, а по обе стороны от его стула стояло по баллону с кислородом. Рон умирал от рака легких. В июне 1983 года Мария очень хотела, чтобы ее отец поглядел на церемонию выноса знамени из окна ее спальни в Букингемском дворце. Лифт для прислуги не шел до верхнего этажа, поэтому нам с Роджером Глидом пришлось пронести его в инвалидном кресле по лестнице. Рон был восхищен дворцом и очень гордился своей дочерью и тем, чего она добилась. Через четыре недели он умер — ему было всего пятьдесят девять лет.

В канун Нового года мы с Марией отправились в мой родной Дербишир, и там, в загородном отеле «Ферма Хайема», я опустился на колено, попросил ее руки и подарил ей кольцо с бриллиантом, на которое ушли все мои сбережения. Я хотел купить ей самое лучшее кольцо, которое только мог себе позволить. Чтобы жениться на Марии, мне пришлось подчиниться одному правилу, которое не имело никакого отношения к правилам в королевском дворце, но было очень важно для моей будущей тещи. Я должен был пройти конфирмацию как обычно, но пообещать, что мы будем растить детей в традициях римского католицизма. Королевский священник Кэнон Энтони Цезарь все мне объяснил, и вскоре я прошел конфирмацию — обряд провел епископ Лондонский. И по сей день, когда я вхожу в католическую церковь, я машинально опускаю пальцы в сосуд со святой водой — привычка, которую я перенял у Бетти.

Когда о нашей предстоящей свадьбе узнали и мои родители, и родители Марии, нам предстояло сообщить о ней еще одному человеку. Я решил, что лучше всего сообщить королеве о том, что ее лакей и горничная ее мужа полюбили друг друга в то время, когда мы кормили собак. Королева была за нас очень рада.

— Жалко, что ей придется уйти с работы, — сказал я королеве.

— Что вы! Почему? — удивилась она.

Я не мог поверить, что она не знает о неписаном правиле, которое соблюдалось во дворце уже несколько сотен лет.

— Чем я могу вам помочь?

— Ну не знаю, Ваше Величество. Вы ведь королева, — ответил я.

Вероятно, это сработало. Вскоре мы получили письмо от королевского распорядителя, в котором говорилось, что Марии не

придется увольняться, потому что по распоряжению королевы это правило было изменено.

За те пять лет, которые я провел на службе у королевы, я узнал, что она может быть не только монархом, но и доброй, заботливой женщиной, которая в личной жизни может расслабиться и пошутить, начальницей, которая уважает своих слуг, поскольку прекрасно понимает, что не сможет без них обойтись.

За неделю до свадьбы нас с Марией вызвали к королеве. Я в тот день не работал, и мы как обычные гости ждали в Пажеском крыле, когда она нас примет. Было немного странно, когда Джон Тейлор открыл двери в гостиную и объявил: «Пол и Мария, Ваше Величество», — точно так же, как я объявлял: «Премьер-министр, Ваше Величество», когда однажды на Багамах на борт «Британии» поднялась Маргарет Тэтчер.

Королева находилась в центре гостиной. И снова было так непривычно — ведь мы вошли к ней без униформы. «Вам предстоят неповторимые выходные», — сказала она.

И вручила нам маленькую темно-синюю коробочку — подарок от нее и принца Филиппа. Мы тут же открыли ее В ней оказались небольшие настольные золотые часы, покрытые эмалью, с монограммами принца Филиппа и королевы. Потом она открыла еще одну коробку, побольше и вручила нам два китайских подсвечника, с цветочной росписью ручной работы. Мы были в восхищении. Наши первые свадебные подарки.

«Желаю вам прекрасной свадьбы! А после приезжайте ко мне в Балморал», — сказала королева.

Мария сделала реверанс. Я поклонился.

После свадьбы мы будем работать во дворце как мистер и миссис Баррел.

На свадьбе не было одного человека, которого мы очень любили — отца Марии, Рона. Поэтому к всеобщей радости примешивалась печаль. Но все же мы почувствовали настоящую гордость, когда вместо отца Марию подвел к алтарю ее брат Питер.

Когда венчание кончилось и заиграл орган, мы с красавицей женой вышли из церкви… и тут же столкнулись с проблемой всех публичных персон. Невозможно было даже просто сесть в машину — чтобы добраться до нее, нужно было протиснуться сквозь толпу журналистов, фотографов и других представителей СМИ. Тогда к ним спустились Кэнон Цезарь и Майкл Фосетт. Совместными усилиями им удалось немного потеснить прессу. Мы позволили репортерам сделать несколько фотографий у входа в церковь, а потом уехали.

В тот жаркий летний день мы приехали на свадебный прием в отель «Брин Хауэлл» в Лланголлен. Там шафер прочитал нам все открытки и телеграммы от наших друзей. Последней шла вот эта: «Примите наши поздравления. Желаем вам счастья! Королева Елизавета и Филипп».

В тот же вечер начался наш медовый месяц, который должен был продлиться всего два дня. Мы с Марией отправились в Лландадно. Мы оба знали, что на следующей неделе нам придется вернуться к работе в Балморале. В воскресенье утром рядом с дверью нашего номера мы нашли несколько газет. Наши фотографии были на первых страницах.

В Балморале не были готовы к тому, что теперь среди слуг появилась женатая пара. Комната, в которой обычно спала Мария, показалась нам более уютной, чем моя, поэтому мы решили спать в ее комнате, а собаки Чиппер и Шэдоу устраивались на полу. Принцесса Уэльская очень хотела узнать, как прошла наша свадьба. Тогда она как раз ждала второго ребенка. Мария пошла к ней. Две женщины сели на кровать. Мария показывала ей наши свадебные фотографии, и они весело смеялись. Они просидели так минут десять, когда вдруг услышали, что Диану кто-то зовет: «Диана? Диана, где ты? Пора обедать». Это была королева. «Я пойду. Я уже опаздываю, — сказала принцесса. — Оставь фотографии, я потом еще посмотрю».

Из разговоров с Марией принцесса стала узнавать обо мне все больше: я был мужем служанки, которой она доверяла. Более того — я был лакеем королевы и имел доступ к Ее Величеству. Я был ее надежным союзником. В течение трех лет, с самого дня помолвки, она часто встречала меня, идя в королевские покои.

В тот август принцесса старалась проводить больше времени в обществе прислуги. Находясь в Балморале, она не могла видеться со своими друзьями — с Дженет Филдермен, Каролин Бартоломью, Каролин Герберт и Сарой Фергюсон, которая встречалась с принцем Эндрю. Принцесса все чаще виделась со мной в Пажеском крыле, рядом с главной лестницей. Мы обменивались любезностями и разговаривали. Принцесса всегда была очень приветлива, но она вела себя со мной так же, как со всеми слугами. Она старалась переманить меня к себе. Говорила, что очень скучает по Лондону. Я спрашивал о ее здоровье, говорил о том, как нам с Марией хорошо вместе и как мы хотим детей. Во время таких разговоров меня не покидала мысль, что, наверное, мне не подобает так разговаривать с принцессой.

Принцесса часто шутила, что из-за того, что ей приходится все время улыбаться на публике, у нее атрофируются лицевые мышцы. Она была тронута, что ее все еще называют леди Ди. «Это

немного досадит республиканцам», — говорила она. Благодаря своей «спенсеровской выдержке», Диане удавалось следить, чтобы журналисты не увидели ее уставшей, печальной или раздраженной. Она стала гораздо уверенней в себе и иногда даже участвовала в спорах о политике. В письме своей подруге Диана писала, что она как будто разделилась надвое:

Во мне происходят очень странные перемены: есть Диана, которая хочет где-нибудь спрятаться и не показываться на публике, и есть принцесса, которая пытается, как может, справляться со всеми обязанностями. Вторая половинка побеждает, но какой ценой? И что будет с первой?

В обычной жизни Диана уже не была такой энергичной, как раньше. Осознав, что она постоянно находится на виду всего мира, принцесса стала заботиться о своем имидже. Она все больше волновалась и задумывалась о том, справляется ли она с возложенными на нее обязанностями. От этого ее булимия ухудшилась, но принц Чарльз поддерживал ее. Вот что она писала в письме подруге:

Мы переезжаем в тихое местечко… Мне пора привыкнуть к тому, что мы все время куда-то ездим. Чарльз такой чудесный. Он понимает меня, когда я порой чувствую себя подавленной и печальной. Я и подумать не могла, что он будет оказывать мне такую поддержку. Я тоже пытаюсь его поддерживать и быть хорошей матерью. Даже не знаю, что должно стоять для меня на первом месте. Честно говоря, на первом месте для меня принц Чарльз, но что я могу поделать, если пресса нас все время сравнивает и постепенно Чарльз уходит в тень.

Некоторые утверждали, что принцесса даже не подозревала о том, что принцу Чарльзу было неприятно, что жена затмила его в те времена, когда мир бредил леди Ди, но в письме той же подруге Диана писала: «Мы также должны понимать, что он в первый раз женился. И вот толпы кричат чтобы к ним вышла я, а не он. Его, должно быть, это очень задевает».

Примерно в это время принцесса впервые доверилась мне — она хотела проверить, передам ли я то, что она сказала мне, королеве. Я стоял один в Пажеском крыле и ждал, когда меня позовет королева. Внезапно из-за угла появилась принцесса. Мы опять заговорили о ее беременности и здоровье. Вдруг она сказала: «У меня будет мальчик».

Не знаю, рассчитывала ли она меня поразить, или ждала, что я порадуюсь за нее; в любом случае это было очень деликатный момент. Знают ли об этом остальные? Или это тайна? Если да, то

почему она сказала мне? Перед рождением принца Уильяма все слуги делали ставки на рождение девочки или мальчика. Я широко раскрыл глаза от удивления, и принцесса все поняла. «Думаю, вам не следовало мне об этом говорить, Ваше Королевское Высочество», — сказал я.

Принцесса рассмеялась. Она любила удивлять людей. Я спросил Марию, но оказалось, что она еще не знает. Это *действительно* была проверка, и я ее прошел: ни я ни Мария никому об этом не сказали.

Казалось, счастью Чарльза и Дианы ничто не угрожает. Принцесса обожала своего мужа. Она все еще писала своим друзьям, какая у нее теперь замечательная жизнь.

15 сентября 1984 года в 16 часов 20 минут в больнице Святой Марии в Паддингтоне у Дианы родился мальчик, которого назвали Гарри.

Это был особенный день в жизни Дианы: «Должна признаться, я просто на седьмом небе от счастья».

Примерно в это же время и у нас нашелся повод для радости: мы узнали, что Мария беременна.

«Иди, Пол. Бедная девушка уже так долго в больнице» — сказала королева.

Мария лежала в Вестминстерской больнице, ребенок должен был появиться еще две недели назад. Я все время справлялся о ее здоровье и не забывал про свои обязанности в Букингемском дворце, но в конце концов королева которая волновалась из-за Марии, сказала, что сейчас я должен быть с женой. А также попросила меня позвонить ее пажу Джону Тейлору сразу, как что-нибудь прояснится.

Мой лучший друг Роджер Глид захотел пойти со мной, и мы побежали к больнице. Лил дождь, и когда мы наконец добрались до нее, то вымокли до нитки. С трех часов дня до шести утра я просидел рядом с Марией.

22 мая 1985 года я стал свидетелем того, как на свет, громко крича, появился Александр Пол Баррел. Рождение твоего ребенка — самое удивительное зрелище на свете. С этим ничто не сравнится. Я вышел в коридор, где меня все еще ждал Роджер. Я вспомнил о просьбе королевы, и, позвонив Роберту Тейлору, сообщил ему радостную новость Именно королева, а не мои мама, папа или братья, первой узнала об этом событии.

Франсис Симпсон и Гарольд Браун, экономка и дворецкий принца и принцессы Уэльских в Кенсингтонском дворце, приехали с букетом цветов, пеной для ванны и запиской: «Какая вы умница! С любовью от Дианы, Уильяма и Гарри».

Заголовок в «Санди Миррор» был не таким удачным:

«Королевский ребенок Марии», зато журналист Брайан Робертс окрестил Александра «новым королевским ребенком».

Королеву эти заголовки забавляли так же, как и нас, и ей очень хотелось посмотреть на нашего первенца. Не всех младенцев семи дней отроду Ее Величество удостаивает аудиенции в гостиной своего дворца. Мама с малышом и гордый папа стояли перед королевой, на которой были черные сапоги для верховой езды — я вчера лично их начистил — а также брюки и рубашка с длинными рукавами. Она только что скакала на Бирманце по саду. 364 дня в году Бирманец был обычной полицейской лошадью, но на один день он становился конем королевы и участвовал в официальном параде в честь ее дня рождения. Сегодня она снова привыкала к своему старому другу.

Мария сделал реверанс. Я поклонился. Александр спал сладким сном, и не подозревая о знаменательном событии, центром которого он в тот миг являлся. «Благодарим вас, что захотели нас повидать, Ваше Величество», — сказал я.

Королева, улыбнувшись, подошла к маленькому свертку на руках у Марии. «Какие крохотные пальчики», — сказала она и погладила крепко стиснутый кулачок Александра. «Я хочу тебе кое-что подарить», — добавила она, вытаскивая из ящика стола коробку — «Это для Александра».

Мария открыла коробку. В ней оказались две вязаные кофточки, аккуратно завернутые в бумагу. Аудиенция длилась всего пять минут, но для обоих родителей это было волнующее, незабываемое событие. Когда мы уходили, всю торжественность момента испортил какой-то слуга, который, пройдя мимо, съязвил: «Мог бы и галстук надеть».

* * *

Мы переехали с верхнего этажа, на котором жила прислуга, в чудесную квартиру с двумя спальнями над Королевскими конюшнями, которые располагались в саду, к юго-западу от Букингем Пэлес-роуд. Мария перестала работать у герцога Эдинбургского и занялась нашим маленьким сыном. Нашими соседями были Роджер и Роуз Глиды, и мы зажили счастливо. Наши квартиры располагались на втором этаже, над высокими арками, под которыми стояло несколько «роллс-ройсов» и находились конюшни с тридцатью пятью лошадьми — они возили королевские кареты. В центре стояла восхитительная Золотая карета для коронаций.

Королевские конюшни, как и дворец, построены в форме буквы П. Заведует ими Королевский конюший. Он следит за всеми видами королевского транспорта.

По утрам принцесса Диана часто заходила в «Ройял мьюз»

после плавания. Через неделю после рождения Александра она купила нашему сыну теплую вязаную распашонку. Она болтала с Марией, пила кофе и с хихиканьем шарила по шкафчикам в поисках шоколадного печенья.

Королева знала, когда Диана приезжает с плавания. Когда ее машина въезжала во двор, королева слышала шорох гравия под окном своей гостиной. Поэтому принцессе сначала приходилось заходить к своей свекрови. Приехав с плавания, Диана сразу же отправлялась к королеве. Выходя из ее апартаментов, принцесса спрашивала меня: «Ничего, если я сейчас зайду к Марии?» Потом она садилась в машину, выезжала из ворот, объезжала памятник королеве Виктории и ехала по Букингем Пэлес-роуд к Королевским конюшням. А я в это время звонил Марии: «Радость моя, приберись в квартире, сейчас к тебе приедет принцесса».

Когда Диана впервые приехала взглянуть на Александра, у нас гостили моя мать и мать Марии. Принцесса никогда не стучала, а просто входила, весело здороваясь. Когда Мария представила ей обеих бабушек, те не знали, куда деться от смущения. «Ой, какой красавчик!» — воскликнула принцесса, когда они с Марией склонились над переносной кроваткой, в которой лежал наш сын. Когда они оглянулись, бабушек Баррел и Косгроув в комнате уже не было — они вышли на балкон. Мария спросила свою маму, почему они стоят на балконе. Она ответила, что им как-то неловко находиться в квартире вместе с принцессой Уэльской.

Но принцесса сразу же успокоила их: «Не стойте там на балконе, идите лучше сюда, давайте все вместе полюбуемся Александром».

Мария и принцесса стали добрыми соседками, и принцесса часто заходила к Марии, когда ее мужа и меня не было дома. Она сидела на диване и возилась с Александром. Всю весну, лето и осень 1986 года она постоянно говорила о том, как было бы чудесно, если бы мы с Марией стали работать у нее. Прошло уже пять лет с тех пор когда Диана предложила Марии стать ее камеристкой, а та была вынуждена отказаться.

«Я бы с радостью у вас работала, но Пол ни за что не уйдет от королевы. Он к ней очень привязан», — говорила Мария. Принцесса поняла, что это существенная преграда, но решила не отступать. Неделя за неделей, попивая кофе и весело болтая, принцесса старалась убедить нас перейти к ней. «Как было бы здорово, если бы вы с Полом работали в Хайгроуве!» — прозрачно намекала она.

Постепенно Мария сдавалась. Сама будучи матерью, Диана знала слабое место Марии. Поэтому она делала упор на

преимуществах загородной жизни. Там у нас будет свой коттедж, а не квартирка на втором этаже, собственный садик, где будет гулять Александр, которого в Лондоне обычно водили в Сент-Джеймсский парк, и даже маленькая игровая площадка. Она рисовала картину идиллической жизни, и Мария поддалась очарованию.

Постепенно моя жена все серьезнее подумывала о том, чтобы пойти работать к Диане, а я даже не подозревал об этом. Когда я уезжал куда-то с королевой или отправлялся на выходные в Виндзор, Мария, оставшись одна с Александром, начинала осознавать, что, если бы мы переехали в Хайгроув, муж бы всегда был с ней. Мне не надо будет больше ездить по свету с королевской семьей или срываться на выходные, на Рождество я не поеду в Виндзорский замок и не буду больше плавать на королевской яхте.

1986 год подходил к концу. Мария стала поддакивать принцессе. В Хайгроуве нам всем будет намного лучше. А у принцессы появятся хорошие друзья среди прислуги.

«Предоставьте это мне. Я попытаюсь его уговорить», — сказала Мария.

23 июля 1986 года Сара Фергюсон обвенчалась с принцем Эндрю в Вестминстерском аббатстве, и теперь они именовались «Их Королевские Высочества Герцог и Герцогиня Йоркские». Это произошло за неделю до пятой годовщины свадьбы принца и принцессы Уэльских.

На этот раз остаться во дворце с собаками и ожидать, когда начнется свадебный завтрак, пришлось Полу Уайбрю, а я стоял на запятках прекрасного золоченого ландо 1902 года изготовления, в котором сидели королева и принц Филипп.

В прошлый раз я ехал на запятках похожей кареты в 1980 году, в карете тогда сидели королева, принц Филипп, принц Эндрю и принц Эдвард. Они направлялись в собор Святого Павла на службу благодарения в честь дня рождения королевы-матери — ей исполнилось восемьдесят. Народу на улицах было не так много, как во время свадьбы Сары Фергюсон и принца Эндрю, но все же на Мэл было многолюдно. Ярко светило солнце. Я смотрел прямо перед собой, вытянувшись в струнку, а королева в это время по традиции махала рукой собравшимся. Мы подъезжали к арке Адмиралтейства, возле которой карета должна была резко свернуть направо, к Уайтхоллу. Я всегда волновался, когда мне предстояло запускать тормозной механизм. Притормаживать приходилось даже на небольшом склоне — чтобы карета не врезалась в лошадей. Слава богу, мне всегда удавалось сделать это вовремя.

Я не пошел на венчание: мне, как слуге, который уже давно работает во дворце, прислали приглашение с позолоченными краями от лорда-гофмейстера. Я мог сидеть среди сотен других людей в Вестминстерском аббатстве, а мог стоять на запятках королевской кареты. Конечно же, я выбрал второе и, как потом оказалось, правильно сделал: я в последний раз проехал на запятках королевской кареты по Лондону. В то время как я ехал по улицам, Мария заняла свое место среди гостей в Вестминстерском аббатстве, и на ней была шляпка, которую дала ей герцогиня Глостерская.

Сара Фергюсон переехала в Букингемский дворец за несколько месяцев до венчания. У леди Дианы Спенсер были отдельные апартаменты еще до свадьбы, а Саре Фергюсон пришлось жить в одних апартаментах с принцем Эндрю — в этих апартаментах на третьем этаже принц и принцесса Уэльские жили какое-то время после свадьбы. Герцогиня не страдала от одиночества, как Диана, — она была девушкой веселой, энергичной и сразу окружила себя людьми. Прислуга считала принцессу Диану одиночкой, которая старалась подружиться со слугами, а герцогиню — леди, которая все время проводит с равными себе, развлекает своих друзей и постоянно устраивает вечеринки.

Они с принцем Эндрю заказывали обеды из пяти блюд, и те, кто работал на кухне, поражались их роскоши. Запросы королевы и то были скромнее. В результате прислуга невзлюбила герцогиню.

«Королева, по крайней мере, ест в одно и то же время. А эти двое могут заказать ужин в любое время после десяти вечера, и мы трудимся не покладая рук, чтобы угодить им», — простонал один из поваров. С начала 1982 года герцогиня часто обедала с принцессой Дианой, и вскоре они стали хорошими подругами. Они называли себя «виндзорскими кумушками». Они вместе обсуждали суровых мужчин в серых костюмах, которые жили во дворце: «наш внутренний враг», говорили они. Поскольку принцесса раньше вышла замуж, она теперь могла рассказать герцогине, что здесь можно делать, а чего нельзя, каким людям следует доверять, а каким нет, и кого надо опасаться. Последних оказалось не так мало.

Герцогиня, как и принцесса, хотела, чтобы ее любила и уважала свекровь, королева. Накануне свадьбы принцу Эндрю был дарован титул герцога Йоркского. Для королевы это было особенным событием — ведь этот титул долгое время ассоциировался с ее отцом, королем Георгом VI.

Сара Фергюсон не совсем верно поняла суть происходящего.

Королева не даровала ей титул герцогини — она сделала герцогом принца Эндрю, а Сара как его жена, соответственно, должна была стать герцогиней. Конечно всего лишь доказывает, какими дотошными были правила во дворце, но люди в серых костюмах сразу же воспользовались ошибкой герцогини, когда она написала королеве письмо, в котором благодарила королеву за оказанную ей честь. Герцогиня просто хотела отдать дань вежливости, но как она вскоре поняла, во дворце с самого начала были люди которые подмечали каждую ее оплошность, чтобы потом использовать против нее. Герцогиня принесла во дворец глоток свежего воздуха, но он тут же смешался с холодом, которым ее обдали некоторые обитатели дворца, и она забеспокоилась. Один аристократ назвал ее «ужасно вульгарной», в какой-то газете ее окрестили «герцогиня из народа». Сара Фергюсон поняла, что жизнь в королевских кругах может быть несладкой.

Она не могла завоевать уважение даже среди прислуги. В Букингемском дворце к герцогине относились не очень хорошо как слуги, так и господа. Ее как будто вознамерились выжить из дворца. Судя по всему, ее единственными союзниками были королева, принц и принцесса Уэльские и, разумеется, принц Эндрю.

Однажды она, как всегда, веселая и радостная, шла по главному холлу ко входной двери в Балморале. Стук ее каблуков по мраморному полу эхом разносился по холлу. В это время мимо шел какой-то слуга, который сказал: «Что нужно этой рыжей кобыле?». Эти слова были произнесены так громко, что она наверняка их услышала. Однако герцогиня не перестала улыбаться. Она всегда улыбалась. По крайней мере, на людях.

Мария тоже была из тех, кто производил впечатление всем довольной женщины, хотя на самом деле это было не так. После того как она перестала работать на герцога Эдинбургского, Мария начала скучать по своей службе. Нашему сыну было уже два года, и Марии стало неуютно в квартирке над Конюшнями. Она все чаще мечтала о том, как мы с ней станем работать у принца и принцессы Уэльских.

Однажды вечером, когда я вернулся домой, она наконец подняла эту тему: «Здесь не так-то просто справляться одной, а тебя все время нет. Надо подумать о нашем будущем, любимый». Александру негде было играть. Если мы захотим завести второго ребенка, то ему просто не хватит места в нашей квартире. Она с трудом поднималась по лестнице и с одной коляской, что уж говорить про две. За городом нам было бы значительно лучше, чем в Лондоне. Она просто хотела быть счастливой. Все это

Мария привела мне в качестве подтверждения своей основной мысли. «У нас обоих есть возможность переехать и начать работать у принца и принцессы Уэльских, начать новую жизнь. Ты станешь дворецким, а я горничной», — добавила она.

«Нет. Я от королевы ни за что не уйду», — ответил я. В последующие вечера она снова заводила разговор о переезде, и в конце концов наш спор зашел в тупик. Но все же я стал задумываться о том, что Мария несчастна. У меня были обязанности по отношению к королеве. Она была персоной номер один в стране, и я даже помыслить не мог о том, что могу перейти работать к персоне номер два. Это был бы шаг назад по карьерной лестнице. К тому же я был лакеем и понятия не имел, что такое — быть дворецким. И потом, я больше не смог бы путешествовать по миру и всю оставшуюся жизнь провел бы в этом поместье. Это было лишено смысла,

«Мария, ради чего мне отказываться от самой лучшей в мире работы?» — спросил я свою жену. «Ради своей семьи», — ответила она.

В этом заключается минус службы во дворце: ты вынужден находиться там часами, и у тебя почти не остается времени на тех, кого ты любишь.

Мария заявила, что переезд в Хайгроув благотворно скажется *на всей семье*. Она сказала, что они с принцессой подруги и уже давно обсуждают это.

Обсуждают? «Что значит — давно?» — спросил я. «Мы мечтаем об этом уже около года, — сказала она. — Любимый, я прошу тебя только об одном — чтобы ты поехал и взглянул, как там обстоят дела. Поезжай и посмотри. Ради меня», — добавила она.

И я сдался. Мария обо всем рассказала Диане, и мы договорились о тайной поездке в Хайгроув. Летним днем Гарольд Браун, дворецкий принца и принцессы Уэльских в Кенсингтонском дворце, повез меня по трассе М4 в графство Глостер, чтобы я посмотрел на поместье, земли и коттедж для прислуги. Поскольку я приехал в Хайгроув в будний день, принца и принцессы в поместье не было. Гарольд провел меня по особняку — по всем комнатам. Какой прекрасный особняк и восхитительный сад! Это поместье напомнило мне еще одну резиденцию в Глостере — Гэткомб Парк, в котором жили принцесса Анна и капитан Марк Филлипс, и куда первый среди слуг друг Дианы и «поставщик» биг-маков, Марк Симпсон, устроился дворецким. Из окон огромных светлых комнат открывались живописные виды на окрестности, а тишина и спокойствие были так не похожи на суету и спешку Лондона. До

меня доносились блеянье овец и мычание коров с полей, а не автомобильные гудки и сирены с улицы Мэл. Я представил, как здесь будут подрастать Александр и второй наш ребенок. Чувство свободы и покоя победило во мне все сомнения.

Потом Гарольд отвез меня в Клоуз Фарм, посмотреть на наш будущий коттедж, который располагался в полумиле от поместья. Я пал духом. Это был обветшавший, облицованный штукатуркой с каменной крошкой дом на две семьи, в котором, судя по всему, уже много лет никто не жил. Стекла были выбиты, краска облупилась, стены потрескались, а сад так зарос, что превратился в джунгли. Он был совершенно заброшенным. Этот дом надо было снести, а не переезжать в него.

«Не переживай, принц собирается отремонтировать его для вас», — заверил меня Гарольд.

Но я даже представить не мог, каких масштабов ремонт необходим, чтобы мы могли здесь поселиться. Неужели мне придется покинуть великолепие Букингемского дворца и нашу уютную квартиру ради этой развалюхи?

Вернувшись домой, я рассказал о своих страхах Марии. Но ей было так плохо в нашей лондонской квартире, что я с таким же успехом мог сказать ей, что нас собираются поселить в палатке, — она все равно бы нашла в этом плюсы. «Мы сделаем из него уютный, красивый дом», — сказала она.

Когда я был во дворце и смотрел на королеву, я думал о том, что она самая лучшая в мире начальница. Когда я был в нашей квартире и смотрел на Марию, я понимал, что не в силах видеть ее такой несчастной.

Я представлял себе, как буду работать у принца Чарльза, который слыл человеком привередливым и требовательным, тогда как королева была покладистой и спокойной. Я представлял, как Мария работает у принцессы Дианы и как принцесса дружелюбна и проста в обращении. Я смотрел на Александра и думал, что будет лучше, если он вырастет за городом, а не в Лондоне. Я понимал, что забота о семье должна быть превыше всего.

Даже когда я в конце концов решился на переезд и сказал об этом Марии, я был все еще не уверен, что поступаю правильно. Я собирался уйти с хорошей, престижной работы в неизвестность. Обычно слуги не бросают работу у королевы и не уходят на службу к другим членам королевской семьи. Мною двигал скорее инстинкт, а не разум.

«Ты что, с ума сошел?» — спросил Пол Уайбрю, когда я рассказал ему обо всем. Он поверить не мог, что я собираюсь уйти из Букингемского дворца, и попросил меня еще раз все

обдумать. Но я был совсем в другом положении, чем он: у него не было жены, и он мог решать за себя одного. А мне нужно было заботиться о семье. Я уже все решил. И теперь думал только о том, как сказать об этом королеве.

Стоял июнь 1987 года. Принц Чарльз сидел в плетеном кресле в королевской ложе на ипподроме в Эпсоме и занимался своей корреспонденцией. Королева, герцог Эдинбургский, принцесса Александра, принцесса Кентская и другие сидели неподалеку и пили легкие напитки. Я спросил принца, не желает ли он чего-нибудь выпить. Он, как обычно, попросил принести лимонный напиток. Когда я вернулся с бокалом, принц наклонился вперед и прошептал: «Принцесса сказала мне, что вы собираетесь перейти работать к нам».

Другие оживленно беседовали о чем-то и явно не услышали, что он сказал. «Пожалуйста, Ваше Королевское Высочество, не рассказывайте ничего королеве. Я ей еще не говорил, и хотел бы сообщить лично», — попросил я.

Королева в своем зеленом килте («Охотящийся Стюарт») и кардигане, стояла спиной к камину в гостиной на первом этаже Крейгован Хаус. На выходные она часто приезжала в этот небольшой каменный дом, который находился возле поля для гольфа на территории поместья Балморал. В нем она останавливалась, когда ее двор не приезжал в замок. Королева только что вернулась с прогулки. Ее собаки развалились на клетчатом ковре. После нашего разговора с принцем прошло две недели.

— Можно с вами поговорить, Ваше Величество? Это займет всего несколько минут, — спросил я.

Королева улыбнулась.

— Даже не знаю, как начать, — сказал я и начал сбивчиво объяснять ей, в чем дело.

Я посмотрел на нее, и мне очень захотелось побежать к Марии и сообщить, что я передумал.

— В чем дело, Пол? — спросила королева.

— Мне очень тяжело говорить об этом, — с дрожью в голосе сказал я, смутившись оттого, что королева выжидающе смотрит на меня.

Я служил у нее уже десять лет, и за все это время мне никогда еще не было так тяжело.

— Я долго думал о своем будущем — ради Марии и Александра… — королева по-прежнему улыбалась. — Поверьте, мне нелегко далось это решение…

Она могла бы уже два раза выгулять собак за то время, пока я пытался перейти к сути. Судя по всему, мне не удалось поразить

ее решимостью и уверенностью в себе. Наконец я сказал:

— …но я договорился принцем и принцессой Уэльскими, что перейду работать к ним.

— Пол, — сказала королева, — не нужно мне ни о чем говорить. Чарльз мне уже обо всем рассказал.

Она понимала, что я очень расстроен, и решила меня немного подбодрить.

— Ты посмотри на это с другой стороны. Ты ведь не уходишь от меня. Ты просто переходишь к другим членам королевской семьи. Чарльзу и Диане нужны такие, как ты. Однажды я умру, тогда они станут королем и королевой, и ты вернешься во дворец, — сказала она.

А когда я повернулся, чтобы уйти, она добавила:

— Как бы то ни было, Пол, ты уходишь ради самого дорого, что есть на свете, — ради своей семьи, и я тебя понимаю.

— Ваше Величество, спасибо за то, что поняли меня, — сказал я.

С конца июня до начала августа я исполнял свои обычные обязанности. Королева больше ни словом не обмолвилась о моем уходе. Эти два месяца рядом со мной работал еще один лакей — он должен был занять мое место и работать в паре с Полом Уайбрю.

Однажды, когда я был на работе, леди Сьюзан Хасси, придворная дама королевы, попросила, чтобы я зашел в гостиную для придворных дам, которая располагалась на третьем этаже. Мне всегда нравилась леди Сьюзан, жена главы Би-би-си Мармадьюка Хасси, она нравилась и королеве. Леди Сьюзан была честной, решительной женщиной, чье мнение все уважали. В отличие от многих других во дворце, с ней было легко иметь дело, она не была высокомерной и надутой.

Когда я вошел, она сидела за столом и подписывала письма Она сказала, что слышала, будто я собираюсь уйти от королевы, и спросила: «Ты думаешь, что принял правильное решение? Не знаю, известно ли тебе, но там, куда ты переезжаешь, не все так, как оно выглядит».

Сьюзан, конечно, старалась выражаться корректно, но среди слуг уже давно поговаривали о том, что в семье у принца и принцессы «не все ладно». Конечно, это были только слухи, но вот придворная дама королевы ясно намекнула на эти обстоятельства, по-дружески предупредив о возможных проблемах. Леди Сьюзан прекрасно знала, как обстоят дела у принца Чарльза и принцессы Дианы: принц Чарльз доверял ей, так что ее сведения были самыми что ни на есть точными. Я снова повторил, что хочу переехать за город ради своей семьи. Я

сообщил леди Сьюзан, что это решение далось мне очень нелегко, но теперь уже нет пути назад. Она отвечала с подлинной заботой, напомнила, как меня любит королева, и пожелала мне всего самого лучшего.

В начале августа 1987 года, в последний день моего пребывания во дворце, королева должна была взойти на борт королевской яхты «Британия» и отправиться к Гебридским островам. В тот день я все делал в последний раз: в последний раз подал завтрак, в последний раз погулял с собаками, в последний раз прошел по коридору к апартаментам королевы в Букингемском дворце, в последний раз сказал: «Что-нибудь еще, Ваше Величество?» И не переставал думать: «Как она со мной попрощается?»

Королева позвонила в колокольчик в гостиной и попросила меня погулять с собаками. Она сказала это так, будто сегодня был самый обычный день. Когда я вернулся, ее уже ждал «роллс-ройс», чтобы отвести в Портсмут, где ей предстояло взойти на борт «Британии». Моей последней обязанностью было проводить королеву до машины, поэтому я стоял у входа в сад и ждал. Она и леди Сьюзан Хасси сели в машину, я накрыл им колени пледом. Потом захлопнул дверцу и встал рядом с машиной. Я смотрел на королеву надежде привлечь ее внимание. Она ничего не сказала о моем «последнем дне», так, может, хоть сейчас она помашет мне рукой или улыбнется. Но королева на миг опустила глаза, потом вскинула голову и стала смотреть прямо перед собой. Машина поехала.

Некоторое время спустя я снова встретился с леди Сьюзан Хасси.

— Вы не знаете, почему королева со мной не попрощалась?

— Она не смогла, Пол, — ответила леди Сьюзан. — Она не смогла даже взглянуть на тебя. Королеве тоже нелегко было с тобой расставаться.

Королева не должна показывать эмоции на публике.

Глава шестая

ИЗМЕНА В ХАЙГРОУВЕ

В Хайгроуве поднята тревога. На пороге в сумеречном свете стоят полицейские с оружием наготове. Три, два, один… они ворвутся в особняк, чтобы найти того, чей темный силуэт мелькнул в окне на втором этаже. От страха я весь покрылся испариной. Поверх формы на меня надели бронежилет, но я не ощутил веских оснований, чтобы перестать бояться. Принца и принцессы Уэльских в поместье не было. Я должен был первым подойти к черному ходу. Ключ у меня в руке дрожал. Рядом ждали вооруженные полицейские из глостерширского отделения с немецкими овчарками на поводках и плюс еще шесть полицейских, охранявших поместье. Последние и подняли тревогу. Они позвонили мне домой.

Мария взяла трубку.

— Добрый вечер, Пол еще в особняке? — спросил один из офицеров полиции.

— Нет. Он уже минут десять как дома. Сейчас его позову. Я взял у нее трубку.

— Пол, в доме кто-нибудь есть?

— Нет, я только что все запер.

Тут полицейский понял: что-то не так.

— На площадке только что видели свет. А в окне один из наших заметил какой-то силуэт. Он подумал, что это ты. Давай, приходи к нам.

Пока я шел к полицейскому посту Хайгроува, охрана уже позвонила в глостерширское отделение полиции и вызвала подкрепление. Прибыли вооруженные полицейские с собаками. Всем раздали бронежилеты.

— Держитесь за нами, — прошептал мне один из полицейских, когда дверь открыли. Вооруженные полицейские разделились и стали осматривать дом. У меня был план дома, сверяясь с которым полицейские прочесывали особняк, начиная с подвала и постепенно поднимаясь по этажам и проверяя одну комнату за другой. Было немного смешно — все это напоминало третьесортный боевик, но полицейские были очень серьезны. И у меня сердце ушло в пятки.

Когда мы поднялись на последний этаж, я показал им, где спальня Уильяма и Гарри, где детская, где комната няньки. И вдруг собаки зарычали.

— Тут что-то есть, — сказал один из полицейских. Все были уверены, что в доме кто-то прячется. Проверили все комнаты, но

никого не нашли.

Проверили крышу — тоже никого.

Охранник, заметивший тень в окне, не знал что и думать. Тогда он подумал, что это я, но когда позвонил в особняк, там никто не поднял трубку. Он был страшно озадачен. Об этом странном случае сообщили принцу и принцессе, но в результате решили, что это была ложная тревога. Тайна так и осталась нераскрытой.

В Хайгроуве только одно напоминало мне о дворце: деревянный ящичек в помещении для слуг. Когда принц Чарльз нажимал на звонок в одной из комнат, в ящичек с передней стеклянной стенкой опускался красный диск — так же было заведено во дворце, когда меня вызывала королева. Только в Хайгроуве красный диск воспринимался не просто как вызов, а как сигнал тревоги — принц Чарльз терпеть не мог ждать. Слуга, которого он вызывал, нужен был ему не через минуту, а за пятнадцать секунд до того, как он нажал на кнопку звонка. Приходилось сломя голову бросаться по лестнице, нестись по застеленному ковром коридору и чуть ли не вбегать к принцу.

Принцессу очень забавляло, как я несусь на его вызов. — Давай-давай, беги скорее, — смеялась она. — Когда я тебя вызываю, ты так ко мне не мчишься!

К принцессе и не надо было мчаться. Так же как и к королеве. Но все слуги знали, какой принц Чарльз требовательный. Это знала даже принцесса. Именно поэтому она и подсмеивалась надо мной, когда я несся со всех ног к принцу. Еще ее очень забавляло, что в любую погоду мне приходилось лезть на крышу и поднимать его штандарт. Когда принц находится в поместье, над особняком должно развеваться его знамя. Во дворце был человек, в обязанности которого только и входило, что поднимать и спускать флаг, но в Хайгроуве такого человека не было — мне все приходилось делать самому. Дел у меня и без того было немало, но принц требовал неукоснительного соблюдения этой традиции. Когда мне звонили и сообщали, что через пять минут он будет в поместье, для меня начинался урок акробатики. Через люк в потолке на лестничной площадке возле детского крыла, я выбирался на чердак, полз в темноте на четвереньках, потом вылезал через еще один люк на черепичную крышу. По краю шла галерейка с тонкими перилами с одной стороны — по ней нужно было дойти до флагштока. Правда, и галерейка была не ахти — просто тонкая дощечка, и я не шел, а скорее осторожно переступал, с каждым шагом рискуя свалиться с крыши. В ураганный ветер и в дождь я цеплялся за флагшток, как утопающий хватается за соломинку. Так я и стоял, пока в поле

зрения не появлялась машина принца или его вертолет, и тогда я поднимал флаг. Слава богу, штандарт принцессы Уэльской не нужно было поднимать, когда она в поместье. И она не раз мне шутливо об этом напоминала.

Когда красный диск опускался в ящичек, я бросал все дела и мчался в библиотеку, окна которой, завешенные шторами из шотландки Балморала и закрытые белыми ставнями, выходили на роскошные сады и террасу позади здания. Принц всегда сидел в плетеном кресле посреди комнаты. Здесь стоял густой аромат белых лилий — ваза стояла на его письменном столе и ее было не видно за стопками книг. На столе у принца всегда было навалено столько книг, что я удивлялся, как он умудряется пристраивать туда бумагу, когда садится писать письма. Он встал и сообщил, что сегодня в Хайгроув приедет «почетная гостья».

— После обеда приедет королева Елизавета, — сказал он.

Все члены королевской семьи, когда обращались к слугам, называли королеву-мать королевой Елизаветой. Был июль 1988 года, королева-мать впервые решила посетить Хайгроув. Я знал, как важно для принца, обожавшего свою бабушку, чтобы она осталась довольна. Решили устроить чай (принц, в отличие от своей матери, никогда не пил чай в пять часов). На террасе я поставил стол, а возле стула королевы-матери установил зонтик от солнца. Мне хотелось, чтобы все было идеально.

Когда, шурша гравием, ко входу подъехал «Даймлер-крайслер» королевы-матери, мы с принцем уже ждали ее на каменных ступенях у белых двустворчатых дверей в этот трехэтажный особняк восемнадцатого века. Я распахнул дверцу машины и помог выйти королеве-матери, в тот день, как и всегда, прибывшей в шляпке с розами из шелка. Ее внук поклонился, взял ее руку в свою и поцеловал.

— Добро пожаловать, дорогая бабушка! — сказал он, и они отправились осматривать гордость принца Чарльза — его сад, в котором по его проекту были устроены лабиринты.

А в кухне мы с поваром Крисом Барбером делали сандвичи с копченым лососем, курицей, ветчиной и огурцами (корочку с хлеба, как всегда, срезали), а также так называемые «пенни» — круглые крекеры с джемом, которые обожали все королевские дети.

Через стеклянные двери я вышел на террасу, на плиты которой ложилась резная тень древнего раскидистого кедра. По углам террасы стояли беседки в готическом стиле, а в центре был пруд восьмиугольной формы.

Когда принц и королева-мать расселись за столом на террасе, я предложил ей сандвич с лососем.

— Спасибо, Пол, не хочу. Я не люблю сандвичи с лососем, — сказала она, слегка склонив набок голову. Она всегда так делала, когда говорила с кем-то.

Принц явно расстроился.

— Тогда возьми сандвич с чем-нибудь другим, бабушка, — предложил ей принц.

— Нет, спасибо. Я просто попью чаю, — ответила она. В тот день она не съела ни одного сандвича. Несколько часов спустя королева-мать села в свой «даймлер», достала бежевый шифоновый шарф и стала махать принцу. Это был старинный обычай прощания. Принц тут же вытащил из нагрудного кармана пиджака белый платочек и принялся махать вслед своей бабушке. Мне показалось, он по-настоящему растроган.

— Не знаю, что бы я без нее делал, — проговорил он, глядя, как «даймлер» в облаке пыли исчезает за поворотом. Только когда машину уже не было видно, он перестал махать и мы вернулись в особняк.

И тут его настроение изменилось с меланхолического на очень грозное. Я закрыл за собой парадные двери и в вестибюле столкнулся с принцем.

— Жаль, что чаепитие было безнадежно испорчено, — заметил он.

Видимо, надо было все-таки позвонить в Кларенс-Хаус — резиденцию королевы-матери и посоветоваться с гофмейстером Уильямом Толлоном или ее пажом Реджинальдом Уилкоксом.

— Надеюсь, в следующий раз ты догадаешься позвонить Уильяму или Реджу и узнаешь, что любит королева Елизавета.

— Я очень сожалею, что так получилось, Ваше Королевское Высочество. Во дворце к чаю всегда подают сандвичи с копченым лососем.

Это прозвучало как жалкая отговорка. Он решил, что чаепитие не удалось, и нашел виновного. Его колкие замечания дошли до своей цели: я почувствовал себя идиотом. Из-за какого-то сандвича был безнадежно испорчен визит королевы-матери. В тот момент я ясно осознал, чем отличается работа в Хайгроуве от работы в Букингемском дворце. Видимо, прислуживать наследнику престола будет труднее, чем самой королеве.

Трудно сказать, что принц делал чаще: пожимал руки или писал записки. На бумагу для всех записок этого человека, так заботящегося о природе, наверно, пошел целый небольшой лесок. Королева никогда не оставляла письменных указаний. Все свои пожелания она высказывала мне лично. Но принц Чарльз, видимо, любил писать. Его записки градом сыпались в Хайгроуве.

Купили ли семена для сада?
В Тетбери есть контейнер для стеклотары?
Кто-нибудь может посмотреть, что с моим телефоном?
Буду рад, если это блюдо удастся склеить.

По его запискам видно, насколько он не любил делать что-то сам. Как-то он написал: «Письмо от королевы случайно упало в корзинку для мусора возле стола в библиотеке. Пожалуйста, отыщи его там». А после того как в «Санди Таймс» стала печататься книга Мортона, я обнаружил следующую записку: *«Чтобы я больше никогда не видел в своем доме эту газету! И вообще, я не потерплю бульварных газетенок в своем доме. Если кто-то хочет их читать, пусть читает в другом месте. Это касается и Ее Королевского Высочества!»*

В Хайгроуве, находящемся в миле от города Тетбери в графстве Глостер, я начал работать 1 сентября 1987 года. Уэльской четы в это время не было в поместье. Они гостили у испанского короля Хуана-Карлоса, а потом должны были отправиться в Балморал. Своих новых хозяев я увидел только в конце октября. У меня было целых пять недель на то, чтобы освоиться с особняком и привыкнуть к новой для меня жизни. Не представляю, что бы я делал без экономки Венди Берри. В Букингемском дворце я был знаком с ее сыном Джеймсом. Он там работал лакеем, а потом ушел младшим лакеем в Кенсингтонский дворец, и порекомендовал свою мать на пост экономки в Хайгроуве. Первое время я работал под ее руководством, и это напоминало мне о моем испытательном сроке в Букингемском дворце. В Хайгроув я сначала приехал без Марии и Александра и поселился у Венди в каменном одноэтажном домике у самого въезда в поместье.

Мы заботились о Хайгроуве, но без хозяев в доме было пустынно. Вся мебель накрыта чехлами, ставни закрыты, чтобы никто не забрался в особняк. Казалось, что это давно заброшенный дом. После постоянной суеты Букингемского дворца, где постоянно слышались разные звуки, гул голосов, шаги, где слуги носились туда-сюда с разными поручениями, здесь, в сельской тишине, мне было неуютно. Мы бродили как привидения по пустым коридорам. Вместо буйных вечеринок, которые устраивали слуги в Букингемском дворце, моей отрадой стали теперь длинные вечера за бутылкой вина с Венди. Среди персонала поместья были очень хорошие люди, например, старый конюх Падди Уайтленд. Мы часто шутили, что он появился в поместье вместе с мебелью палисандрового дерева. На самом

деле, так и было: он уже сорок лет работал в Хайгроуве. Как сказал однажды принц Чарльз: «Когда ты умрешь, Падди, мы тебя мумифицируем и выставим в центральном холле!».

Падди знал все, что только можно знать о Хайгроуве. Если принцу вздумается спилить дерево, он позовет Падди, если нужно поставить забор—снова Падди, подправить клумбу — опять его. И даже когда принцу хотелось послушать последние сплетни, он звал вездесущего и всезнающего Падди. Принц полностью ему доверял. Падди был лукавым старичком, которого все — особенно принц — очень любили.

Были еще садовники. Денис Браун выхаживал растения, как своих собственных детей. Его часто можно было увидеть в кепке, с закатанными рукавами, с лопатой или тяпкой в викторианском огородике, окруженном стеной, из которого на королевский стол поступали свежие овощи. Его коллеги Дэвид и Джеймс ухаживали за чудесным парком. Тут были целые аллеи золотистых тисов, подстриженных в форме шаров и напоминавших ежей, сочная зелень живых изгородей, пестрые луга с дикими цветами, поле ярко-желтых лютиков, высокие деревья. Парк Хайгроува — один из самых красивых в Англии.

В сентябре в Хайгроув приехала Мария с Александром и нашим будущим ребенком. Она обнаружила, что беременна, через две недели после того, как я ушел от королевы. Мы поселились в ветхом домике в Клоуз Фарм довольно далеко от поместья. За предыдущие месяцы рабочие заново покрасили стены и к тому времени, как мы переехали, запах краски еще не выветрился. Но даже со свежевыкрашенными стенами и новым зеленым ковровым покрытием дом не казался лучше. В стенах были трещины, в саду настоящие заросли, водосточные трубы едва держались, а стекла в окнах первого этажа разбиты.

Первое, что я сделал, когда мы сюда приехали, это затянул полиэтиленом окна, чтобы дождь не заливал комнаты. Дом был мрачным, даже несмотря на то, что Мария выбрала светлые обои, розовые с белым. Хотя именно она настояла на переезде, Мария скучала по Королевским конюшням и уже начинала жалеть, что заставила меня бросить службу у королевы.

Живя в развалюхе в ста с лишним милях от друзей и от веселого духа товарищества, который царил в крыле для прислуги Букингемского дворца, работая в поместье, брошенном хозяевами, я думал: «Что же я наделал?». Я рискнул оставить такую почетную службу у королевы, не зная, что найду на новом месте, и первые впечатления были не самыми благоприятными. Мне было тоскливо, но пути назад не было. А значит, надо постараться найти положительные стороны даже в такой

ситуации.

Падди появлялся у нас в доме в засаленном пиджаке, принося с собой запах конюшни, и всегда поднимал нам настроение.

— Вот будет у вас маленький, а ему надо кушать свежие яйца, — как-то заявил он и в тот же вечер приехал на своем тракторе с прицепом, в котором был уложен сборный сарайчик. Он поставил его у нас на заднем дворе и запустил туда шесть красных род-айлендских кур.

— Будут вам свежие яйца каждый день, — объявил он, довольный собой.

Мария сказала только, что она счастлива: он не догадался, что маленьким детям нужно свежее молоко. Наш новый зеленый ковер ему страшно понравился.

— Зеленый — любимый цвет Бога, — сказал Падди. — Бог все красит в зеленый: траву, деревья… вот даже ковры, — и засмеялся.

Но не только жизнь в новом доме оказалась несладкой, моя новая работа тоже была не сахар. В октябре вернулись принц с принцессой и тут мои профессиональные навыки подверглись настоящей проверке. Тогда как в Букингемском дворце вся работа делилась между тремя сотнями слуг, теперь я все должен был делать один. Во дворце, как один из двух личных лакеев королевы, я всегда знал, что, если не буду справляться со своими обязанностями, мне поможет либо мой напарник, либо два королевских пажа. Но тут я оказался в полном одиночестве, ответственный не за один коридор, не за одни апартаменты, а за весь особняк. Кроме нас с Венди Берри здесь не было домашней прислуги, зато работы хватило бы на пятерых.

Все слуги знали, что принц очень хорошо платит. Его прислуга получает больше всех. Когда я оставил королеву ради наследника престола, то стал получать на десять тысяч фунтов в год больше, чем раньше. У королевы мое жалованье было восемь тысяч фунтов, у принца Уэльского оно выросло до восемнадцати тысяч. Такое жалованье просто так не дают. Здесь не было младших лакеев, чтобы начищать серебро и мыть посуду, не было лакеев, чтобы встречать гостей и забирать у них пальто, подкладывать дрова в камин, не было флористов, которые бы расставляли по дому букеты в вазах, некому было переливать в графины красное вино и портвейн, некому было залезать на крышу, чтобы поднять штандарт принца, — теперь все это должен был делать один дворецкий. В моем гардеробе больше не висела парадная ливрея. Мне полагался темно-синий пиджак с гербом принца Уэльского (перья и лента ордена Подвязки вокруг), темно-синие брюки, белая рубашка и темно-синий галстук.

В моей новой работе был только один плюс. Мне не надо было выгуливать собак. Своих «Джеков Расселов», терьеров Тиггера и Ру, принц, слава богу, выгуливал сам. Тут даже не было коммутатора, и мне приходилось самому брать трубку телефона. Однажды я снял трубку и, как обычно, сказал:

— Тетбери… (дальше шел номер).

— Добрый день, Пол.

Я тут же узнал королеву.

— Добрый день, Ваше Величество.

Я был так рад слышать королеву, с которой не разговаривал с тех самых пор, как переехал в Хайгроув, что не удержался и принялся расспрашивать ее о Чиппере — моем любимце. «А как там…»

— Его Королевское Высочество дома? — перебила она меня на лету.

Очевидно, я болтал слишком долго. Я тут же соединил ее с принцем Чарльзом.

— Это королева, Ваше Королевское Высочество.

* * *

Еще когда меня везли по дороге М4 на мое новое место службы, мне сказали, что принц «нечасто бывает в Хайгроуве». Хайгроув для принца Уэльского, так же как Виндзорский замок для королевы или Роял-лодж для королевы-матери, был местом, куда он приезжает на выходные. Предполагалось, что принц и принцесса будут проводить время с понедельника по пятницу в Кенсингтонском дворце, где дворецким был Гарольд Браун. Но так только предполагалось, на самом же деле с первой осени, когда я начал там работать, принц часто бывал в Хайгроуве на неделе. Он проводил здесь как минимум по три дня и привозил с собой своего лакея, своего повара и телохранителя. Я уже привык к шумным приземлениям вертолета «Уэссекс» из королевского авиапарка на небольшую посадочную площадку в ста ярдах от парадного входа в особняк. Так что мне приходилось напряженно работать не только по выходным, но и на неделе. Когда принц был один в Хайгроуве, тут царила атмосфера официальная и напряженная, как в приемной у зубного врача. Весь день принца был четко расписан. К обеду часто приезжали Вернон Рассел-Смит, Камилла Паркер Боулз, Кандида Люсетт Грин, герцогиня Девонширская, Чарльз и Патти Палмер-Томкинсоны и член парламента Николас Сомс.

Когда принц был один, он много времени проводил в саду. Помню, как он однажды целый день перекапывал полосу земли от задней террасы до пруда и засеивал ее тимьяном. Он назвал это своей «тимьяновой тропой» и сказал, что чуть не сорвал спину за

этим занятием. Много времени он проводил в библиотеке, где слушал классическую музыку, причем включал ее так громко, что даже не слышал, как я стучу. Когда принц был в поместье, меня часто сопровождали в повседневных делах звуки «Аиды» Верди. Принцесса никогда не приезжала в Хайгроув на неделе. Это время она проводила с детьми в Лондоне. Там она встречалась с друзьями: модельером Джаспером Конраном, Лорой Лонсдейл и Каролин Бартоломью — или обедала в ресторане «У Гарри» в Мейфэйре с бывшим королем Греции Константином (Диана называла его Тино) и греческой королевой Анной-Марией. Иногда она отправлялась в бар «Сан-Лоренцо» в Найтсбридже с леди Кариной Фрост — женой телеведущего Дэвида Фроста. Два раза в неделю в семь тридцать утра она брала уроки верховой езды в Гайд-парке у майора Джеймса Хьюита из Найтсбриджских казарм. В то время принцесса стремилась учиться всему, что было для нее внове. Она даже училась танцам и языку глухонемых. В пятницу вечером принцесса с Уильямом и Гарри (тогда Уильяму было пять, а Гарри — два года) приезжала к мужу в Хайгроув. А в воскресенье они возвращались в Лондон. С ней ездили ее камеристка, нянька и охранник. В Лондоне у нее было много друзей, и Кенсингтонский дворец она считала своим домом. Принц же, напротив, предпочитал общаться со своей «хайгроувской компанией» и все больше времени проводил в поместье, лишь изредка проводя ночь в Лондоне с женой.

В королевских семьях муж и жена обычно ведут каждый свою жизнь. Никому не казалось странным, что принц проводит много времени в поместье: у него свои интересы, у принцессы — свои. Точно так же и у королевы была своя жизнь, у герцога Эдинбургского — своя, и эти жизни, идущие в основном раздельно, лишь изредка сливаются на семейных мероприятиях и просто когда они проводят время вместе. Когда я только начинал работать в Хайгроуве, принц и принцесса всегда встречались по выходным. Что бы ни писали газеты в конце 1980-х, я никогда не приносил принцессе ужин в ее комнату. Каждый вечер я подавал ужин в гостиную, где, устроившись перед телевизором, они вместе ели и беседовали точно так же, как беседуют по вечерам муж и жена, проведя день каждый на своей работе. Газеты писали, что принц никогда не спрашивал принцессу о том, как она провела неделю и что делала. Это неправда. Принц очень общительный, он всегда первым начинал разговор, и его искренне интересовали дела жены. Если ей хотелось поговорить с ним, она знала, что его всегда можно найти в библиотеке. Он там засиживался допоздна, слушая музыку и работая с бумагами. Принцесса в спальне тоже слушала перед сном музыку, но чаще

современную. Внизу слышались Верди и Гайдн, а наверху — Уитни Хьюстон. Принцесса снова и снова слушала один из ее хитов — «Я буду всегда любить тебя» (классическую музыку принцесса полюбила значительно позже).

По вечерам я должен был наполнять графин в гостиной свежевыжатым апельсиновым соком для принца Чарльза, однако, к его неудовольствию, принцесса тоже любила апельсиновый сок, и однажды он написал мне очередную записку: *«Буду очень благодарен, если в будущем ты будешь проверять, есть ли сок в графине, потому что Ее Королевское Высочество выпивает все и ничего мне не оставляет!».*

По утрам в воскресенье я должен был устанавливать в гостиной алтарь, чтобы принц мог принять причастие от епископа Вудса. Я накрывал ломберный столик белой скатертью, ставил на него два серебряных подсвечника и зажигал свечи, а в центре стола помещал серебряный потир и хрустальные чаши с водой и вином. К этой церемонии принц относился очень серьезно, но принцесса в ней не участвовала. В начале их брака они часто вместе ходили в церковь в Тетбери, но домашние обряды она считала бессмысленными.

Когда в Хайгроув приезжала принцесса с детьми, поместье оживало. Дом наполнялся смехом и радостными криками детей, которые носились по дому. Принцесса и рала с ними в прятки, рычала, изображая волка, бегала за ними. В холле с персиковыми обоями стояло пианино и когда принцесса играла, мальчики стояли рядом и внимательно слушали.

Я не мог понять, почему леди Сьюзан Хасси предупреждала меня, что тут «все не так, как оно кажется». Уэльская чета выглядела вполне довольной жизнью. И они делали все возможное, чтобы их дети росли в нормальной, счастливой обстановке. Никакой «войны» между принцем и принцессой не было. А если и была, то, видимо, начало моей службы у них пришлось на любовное перемирие.

В столовой для персонала тоже становилось веселее, когда приезжала принцесса. Она привозила с собой нянек, Барбару Барнс или Рут Уоллес, камеристок, Эвелин Дагли или Фэй Маршалси, и охранников, Грэма Смита или Дейва Шарпа. У всех них, как и у их хозяйки, было отменное чувство юмора. Единственным, кому приезд принцессы доставлял беспокойство, был Падди. Принцесса любила плавать по утрам в открытом бассейне с подогревом (зимой над ним натягивали огромный тент, наполненный воздухом). Падди все время беспокоился, не слишком ли горячую он напустил воду и не слишком ли много добавил хлорки. Он с ужасом наблюдал, как принцесса вылезает

из бассейна с покрасневшими глазами, но та никогда не сердилась. Она умела ко всему относиться с юмором.

Принцесса много общалась со своими слугами и очень заботилась о них. Но ни к кому из них она не относилась с такой теплотой, как к Грэму Смиту. Он был веселым, простым и легким в общении. Как позже признавалась принцесса, он был ее любимцем. Именно он и стал посредником между Марией и принцессой, когда обсуждался вопрос о том, чтобы Мария стала камеристкой Ее Высочества. Он был рад видеть нас обоих в Хайгроуве. Позже у него начался непрерывный кашель, оказалось — рак горла. Принцесса, когда могла, ходила с ним в больницу, где ему делали химиотерапию. Но в конце концов он вынужден был уйти в отставку и несколько лет спустя умер. Никто никогда не смог нам его заменить.

Мария тоже была любимицей принцессы. В первые выходные октября, когда принцесса пришла посмотреть, как мы устроились на новом месте, она подарила нам диванные подушки в цвет обоев. Принцессе нравилось, когда на диванах лежало много подушек. А еще она сказала: «Да, ваш дом слишком далеко от поместья. Надо над этим поработать».

Я тогда еще не знал, что она собирается поработать и надо мной. Да, я — муж Марии, но, кроме того, я — бывший лакей королевы, а теперь еще и дворецкий в Хайгроуве, который считался территорией принца Чарльза. В те дни меня воспринимали как человека принца, даже несмотря на дружбу Марии с принцессой. Когда Его Высочество был один в Хайгроуве, я должен был прислуживать ему и охранять его душевный покой. Но принцесса уже решила, что эту ситуацию надо менять.

Принцесса часто дарила своим друзьям диванные подушечки. Она умела сделать уютным любой дом. Она лично следила за ремонтом обеих своих резиденций и сделала все возможное, чтобы они не были отделаны в барочном стиле, как Букингемский дворец. Хайгроув был оформлен в духе неоклассицизма. За его бледно-охристым фасадом скрывался изящный интерьер: светло-желтые стены, мебель с нежно-зеленой обивкой, плетеная мебель в библиотеке, деревянный паркет и зеленые ковры. Он был похож на обычный большой дом в Челси. На стенах висели фотографии Уильяма и Гарри. Влияние принца Чарльза тут тоже было заметно. Всюду были развешаны его акварели, на столах и каминных полках стояли его любимые керамические статуэтки, интерьер оживляли цветы в горшках. В центре вестибюля на круглом столе стояла большая ваза с пышным букетом из сухих цветов — именно она первая бросалась в глаза любому посетителю особняка. У парадной двери росли карликовые

деревья в горшках и кусты фуксии.

Однако если внутри дома было больше заметно влияние принцессы, то снаружи — по внешнему виду дома, по саду — было видно, как принц любит Хайгроув и сколько сил он в него вкладывает. Когда принц Чарльз купил поместье в 1980 году, оно выглядело далеко не так роскошно как позже, когда он украсил фасад здания ионическими пилястрами, а на фронтоне появилось круглое окошко. По краю крыши прошла балюстрада, а по углам появились декоративные каменные урны. Для принца Хайгроув был его тихой гаванью, несмотря на то, что всего в нескольких сотнях ярдов проходила крупная дорога, до которой было легко добраться из поместья, проехав мимо красных полей мака и золотых полей бархатцев.

Принц очень любил свой сад и проводил в нем много времени. Он собственноручно копал, выдергивал сорняки, сажал, подстригал изгороди. Точно так же как акварели, которые он создавал в минуты вдохновения, сад тоже стал выходом для его творчества. И он превратил его в настоящий оазис. В высоких живых изгородях проделали арки и окошки, вьющиеся розы старательно направлялись так, чтобы образовался длинный «розовый» коридор, через луг, усеянный дикими цветами, прокладывались аккуратные, засаженные газонной травкой тропинки. Принц восстановил викторианский огородик, отделенный от остального сада стеной. Тут были цветы, фрукты, овощи, ягоды, но гордостью принца стали прудик и фонтан, огороженный низким белым штакетником. В одной части парка был устроен уголок дикой природы, где корни деревьев живописно переплетались, ивы свешивали ветви до земли, тут и там торчали пни, из которых были вырезаны удобные кресла, землю устилали опавшие листья. В центре леса стояла огромная статуя амазонки. Принц выдал мне баночку с политурой и велел дважды в месяц натирать амазонку. Возле статуи рос огромный падуб, в ветвях которого был устроен домик с соломенной крышей для Уильяма и Гарри. Он был выкрашен в красный и зеленый цвета, а внутри стояли самодельные стульчики, шкафчики и столик. Там юные принцы провели много счастливых часов вместе с моими сыновьями: Алексом и младшим, Николасом. Он родился в шестнадцать минут первого в ночь на 19 апреля 1988 года Больнице Принцессы Маргарет в Суиндоне. С разрешения принца я посадил в саду у нашего домика вишневое деревце в честь моего только что родившегося сына.

Принц заботился об экологии, поэтому устроил канализационную систему в поместье так, чтобы отходы не загрязняли окружающую среду. Там были хитро устроенные

отстойники, в которых сточные воды фильтровались через тростниковые фильтры. Как-то принц оставил мне записку и по поводу канализации: *«Сообщи, пожалуйста, гостям поместья Хайгроув, что нельзя бросать тампоны и презервативы в унитаз — от этого засоряются тростниковые фильтры».* И как я, спрашивается, должен был сообщить такое гостям? Признаюсь, что мне было ужасно неловко выполнять такую просьбу принца, и в итоге я передал гостям, что Его Высочество просит не бросать в унитаз посторонние предметы. Уточнить, какие именно, у меня не хватило духу. Принц считал, что все отходы, которые можно переработать, должны быть переработаны. Все пищевые остатки и кухонные отходы, включая яичную скорлупу, сваливались в компостные кучи.

Принцесса больше, чем кто-либо другой, знала, как много значит для ее мужа Хайгроув. С самого начала она регулярно фотографировала дом и сад, запечатлевая, как хорошеет поместье с каждым годом. Она делала сотни снимков и прилежно вставляла их в альбомы — исключительно для того, чтобы порадовать принца. Если бы те, кто смеет утверждать, что принцесса презирала любовь принца к садоводству, видели эти альбомы, они бы поняли, насколько они не правы. Она делала это ради принца. Она искренне старалась проникнуться любовью к тому, что любит он, даже в то время, когда — как выяснилось позднее — в их брак с обеих сторон оказались привлечены «третьи лица».

В буфетной хранился еженедельник формата А4, и мы с Венди вели регулярные записи. Мы фиксировали, кто приезжал в Хайгроув, а если принц был в поместье один, то отмечали уголок страницы красной полосой. Если в поместье была принцесса, мы проводили широкую зеленую полосу, если она приезжала с Уильямом и Гарри — писали букву Д, т. е. «дети». Когда на странице еженедельника появлялись все три условных знака — значит, вся семья была в сборе. Мы вели записи из чувства долга и потому, что так было легче разобраться в беспорядочной жизни Хайгроува. Мы записывали имена гостей и время, когда их ожидали, — просто так, не строя никаких планов, и, конечно, нам и в голову не могло прийти, что наши записи станут причиной таких неприятностей.

Еженедельник хранился в буфетной. Мы его не прятали, потому что это была обычная записная книжка для слуг, облегчающая работу. Я не думал, что в нем таятся какие-то секреты и его надо прятать.

Весной 1988 года какая-то страница в еженедельнике была отмечена красным — принц один. И тут же безо всякой попытки

что-то скрыть записано: «К обеду прибыло четверо: Его Королевское Величество, миссис Паркер Боулз, мистер Нил Фостер и мистер Вернон Рассел-Смит», а рядом упоминание о том, что вызывали электрика, чтобы починить проводку в библиотеке. Вот так, ничего особенного. Точно так же я записывал: «Эмма Томпсон и Кеннет Брана к обеду», «Майкл Портилло к обеду», «Джимми Сэвил к обеду» (он был единственным, кому разрешалось курить в особняке), «Селина Скотт» (телеведущая), «мистер и миссис Гектор Варрантс к обеду» (мать герцогини Йоркской с мужем, отчимом герцогини). «Мистер и миссис Оливер Хоур и миссис Паркер Боулз к обеду», «миссис Кандида Люсетт-Грин и миссис Паркер Боулз к обеду». «Мистер и миссис Паркер Боулз с детьми».

И вдруг в августе 1988 года, за три месяца до сорокалетия принца Чарльза, в ящичек в буфетной опустился красный диск с надписью «Библиотека», и я отправился на вызов.

— Пол, ты можешь мне объяснить, откуда принцесса знает, кто на неделе был в Хайгроуве?

Я ничего не мог понять и совершенно растерялся. Я ведь ни слова не говорил принцессе о посетителях Хайгроува.

— Простите, Ваше Королевское Высочество, но я не знаю, — в тот момент я и правда не мог сообразить.

Я совершенно забыл о частых визитах принцессы в буфетную, где она украдкой читала желтые газеты, болтала со мной за чашкой кофе или помогала мне — вытирала посуду, которую я мыл. Я ни разу ничего не заподозрил, когда приходил в буфетную, а принцесса уже ждала меня там. Слуги привыкли видеть принцессу на своей территории еще с тех пор, когда она впервые появилась в Букингемском дворце. Тогда я еще не знал, какой она может быть хитрой.

Принц расспрашивал меня, я говорил, что ничего не знаю, он стал уличать меня во вранье, и тут я с ужасом все понял:

— Дело в том, Ваше Королевское Высочество, что я… да, я записываю имена ваших гостей, — робко признался я.

— Зачем? — теперь мы оба понимали, откуда принцесса все знала. — Зачем ты записываешь все в еженедельник?

Я робко принялся объяснять, мол, чтобы охрана знала, кого ждать, и чтобы мы с Венди знали, что приготовить, и…

— Хватит, — перебил он. — Больше никогда не записывай никаких имен. Ты понял?

С тех пор я больше никогда не записывал имена гостей и не отмечал на полях разноцветными полосами, кто находился в поместье. Записи стали короткими: «к обеду четверо». Никаких имен.

Когда принц и принцесса вернулись из Балморала после ежегодного семейного отдыха, что-то изменилось в их отношениях. Они больше не проводили вместе каждые выходные в Хайгроуве. Теперь это стало редкостью, и появлялись они здесь вместе только в присутствии гостей. Всю осень и зиму 1988 — начала 1989 года принцесса приезжала на выходные с детьми в Хайгроув только когда там не было принца.

Мы стали четко различать атмосферу «дома принцессы», как мы это называли, когда в поместье была она и «дома принца». Когда из Лондона со своими слугами и детьми приезжала принцесса, тут легче дышалось. Я не прислуживал за обедом, а только выставлял блюда на стол в столовой, накрытый клеенкой. А когда тут был принц, я прислуживал ему за столом, накрытым белой льняной скатертью.

Принцесса часто заходила в буфетную. Мы болтали, а она грызла белый шоколад, который я держал специально для нее в холодильнике для вина. Когда она заходила в буфетную, то прикрывала за собой дверь и все понимали, что нам нельзя мешать. Правда, дверь в коридор оставалась приоткрытой, и принц Чарльз не раз видел, как его жена стоит, опершись на стол, и болтает со мной или, как он считал, сплетничает. Он велел принцессе не слушать сплетни слуг, а я начал бояться, как бы наши беседы не сказались на его отношении ко мне. Как-то раз в Букингемском дворце на Рождественском балу для прислуги принцесса полчаса проговорила со мной и Марией. Мы стояли в дальнем конце картинной галереи, на принцессе было платье от Зандры Роудс с бахромой по подолу. Помню, что я подумал: это неприлично, что мы так долго занимаем время принцессы.

— Мне кажется, будет лучше, Ваше Королевское Высочество, если вы пообщаетесь и с другими гостями, — сказал я.

На нас уже бросали удивленные взгляды. Обычно члены королевской семьи беседовали с каждым из слуг по пять — десять минут, а принцесса болтала с Марией уже полчаса, и при этом обе хихикали, как лучшие подружки.

Мне было очень неловко, но не могу сказать, что неприятно. В глубине души я гордился, что принцесса проводит с нами так много времени и что ей наплевать на условности. В буфетной она проводила обычно минут пятнадцать — двадцать, смеясь и дурачась. Мы беседовали об Уильяме и Гарри. Однажды она была особенно взволнована и обрадована: у Уильяма выпал первый молочный зуб. Именно в такие минуты я снова видел перед собой ту одинокую принцессу, которую мы с Марком Симпсоном кормили биг-маками, но теперь она была одинока в собственном доме. Она жаловалась мне, как ей тяжело: она чувствует себя

покинутой, ее не ценят. Но она понимает, что ей надо быть сильной, а это очень трудно. Все это были лишь общие слова, никаких конкретных случаев она мне не рассказывала. Ей просто хотелось поделиться со мной своими чувствами. Может быть, она искала сочувствия, ждала каких-то вопросов, но я никаких вопросов не задавал и только слушал. Мне было ее жаль, но что я мог сказать? Как-то, поедая белый шоколад, она сообщила мне, что у нее есть «близкий друг», о котором никто не знает. Я снова промолчал. Было бы невежливо ее расспрашивать.

Когда мы были одни в буфетной, она казалась ранимой, беззащитной, но как только выходила за дверь, то опять надевала на себя маску властной принцессы. Венди и другие слуги засыпали меня вопросами: «О чем вы говорили? Что у нее случилось?»

— Так, семейные дела, — отвечал я.

Вы спросите, как ко мне относился принц? Скажу одно: он оставлял мне записки.

Венди знала, что происходит, задолго до того, как об этом узнал я. Мне пришлось самому обо всем догадываться. Детали головоломки постепенно складывались в целое. Да, в моем еженедельнике больше не было имен и цветных полосок, но я по-прежнему записывал: «Личная резиденция». Эта надпись появлялась на многих страницах весной 1989 года и означала, что принц Чарльз уехал в одну из своих личных резиденций. В какую именно, знали только его самые доверенные слуги: личный секретарь Ричард Айлард, телохранитель Колин Тримминг и его лакеи, Майкл Фоссет и Кен Стронак.

В конце 1989 — начале 1990 года совместная жизнь принца и принцессы стала давать трещину. Слугам ничего не говорили, но мы не были глухими и не раз — в тех редких случаях, когда принц и принцесса оказывались в поместье одновременно и когда дети уже крепко спали, — мы слышали крики наверху, хлопанье дверей, сердитые шаги на лестнице, после чего все замирало, и дом погружался в мрачную тишину.

Не были мы и слепыми. Однажды в субботу вечером я вошел в гостиную. На ломберном столике, где я недавно аккуратно накрыл на двоих, царил беспорядок — стаканы были опрокинуты, некоторые — разбиты, вода промочила скатерть, соль и перец рассыпались. Принц в шелковом халате с гербом на нагрудном кармашке ползал по полу и собирал осколки.

— Вот незадача, — сказал он, увидев меня. — Я тут зацепился халатом, и все полетело.

Принцессы же не было видно.

Когда принц был в особняке один — на неделе или, чаще

всего, в воскресенье вечером, — он просил меня подать ужин не в восемь тридцать, как обычно, а пораньше.

— Пол, я хочу сегодня вечером отдохнуть, поэтому подай ужин пораньше, — говорил он.

Я накрывал стол в его комнате, выкладывал на табуретке перед диваном «Таймс», развернув страницу с телепрограммой, а рядом — пульт. Возле камина я ставил ведерко с поленьями. Все было приготовлено для того, чтобы принц мог провести вечер в тишине. Я думал, что так и происходит, пока однажды Венди не сказала: «Какое расточительство: он зажигает камин на две минуты, а потом уходит».

Принц любил поесть спокойно и медленно, но в такие дни он явно торопился. Вскоре после того как я подавал ужин, он вызывал меня унести тарелки. Не успевал я дойти до буфетной с подносом грязной посуды, как раздавался шорох покрышек по гравию. Выглянув в окно, можно было увидеть, как в темноте исчезают габаритные огни машины.

— Уехал. И вернется только к утру, — как-то сказала Венди.

Личным автомобилем принца Чарльза был зеленый «Астон-мартин». Он стоял позади особняка в гараже на три автомобиля, устроенном в здании бывших конюшен. Рядом пристроился «бентли» классической модели с кремовыми сиденьями и старый «Астон-мартин» с серебряным драконом на капоте, который королева подарила своему сыну на совершеннолетие. Когда принц уезжал по вечерам, он сам был за рулем, а на пассажирском сиденье — Колин Тримминг. Эта самая машина и скрипела по гравию в темноте.

Я особо не задумывался, зачем принц уезжает по вечерам. Но однажды я зашел в полицейский пост поместья (полицейские из гластонширского отделения круглосуточно охраняли Хайгроув). Я принес им остатки ужина. Мы разговорились, и они упомянули о поздних отъездах принца. Тут-то я и узнал тайну. Они, видимо, думали, что я и так все знаю, и сказали, что принц Чарльз в своих загадочных поездках всегда проезжает двадцать две мили: то есть одиннадцать — туда, одиннадцать — обратно. «Миддлвич Хаус», где жила миссис Камилла Паркер Боулз, был как раз в одиннадцати милях от Хайгроува.

— Да ладно, Пол. Неужели ты не знал? — удивилась Венди, когда я пришел поделиться с ней это «новой» информацией. Я вспомнил, как принцесса жаловалась мне на свое одиночество. Вспомнил, как леди Сьюзан Хасси предупреждала меня, что тут все не так, как кажется. И принц с принцессой все реже проводят время вместе. Я вспомнил про мой еженедельник. Там были имена. И принцесса его листала. Значит, она обо всем знает. Мне

стало ее очень жаль.

В следующие выходные принцесса, а ей тогда было двадцать восемь лет, приехала в Хайгроув, и, влетев в буфетную, спросила, есть ли что-нибудь пожевать. Слугам, вынужденным жить в двух мирах — в мире принцессы и в мире принца, — было нелегко. Когда появлялась принцесса, приходилось забывать обо всем, что происходило в мире принца, и начинать разговор с принцессой с того, на чем он был закончен в прошлый раз. Мы уже так привыкли переключаться с принца на принцессу и обратно, что это стало нашей второй натурой. Дворецкому в Хайгроуве приходилось забывать о своих чувствах и неукоснительно выполнять свои обязанности, все примечая и ни о чем не распространяясь. Главное в нашей работе было — ни во что не вмешиваться. Я решил не вставать ни на чью сторону. Но тут принцесса сама вовлекла меня в свои дела. Она решила проверить, можно ли мне доверять. Летом 1989 года я узнал тайну, которая стала известна широкой публике значительно позже. И после этого случая принцесса стала мне полностью доверять.

Был жаркий день, пятница. После обеда няня Ольга Пауэлл увела Уильяма и Гарри в детскую. Принцесса пришла ко мне в буфетную и прямо объявила:

— Я хочу тебя кое о чем попросить, Пол. Ты мог бы выполнить для меня одно поручение? Об этом никто не должен знать. Понимаешь, никто. Ты должен завтра поехать на станцию Кембл и забрать кое-кого. Сможешь?

— Конечно, Ваше Высочество.

— Это будет мой близкий друг — майор Джеймс Хьюит.

О чем бы ни попросили меня принц и принцесса, я всегда выполнял просьбу, не задавая лишних вопросов. Но, поручив мне такое дело, она оказала мне большое доверие. Принцесса понимала, что рискует, доверившись мне — бывшему лакею королевы и человеку, который большую часть времени проводит, прислуживая принцу Чарльзу, но она надеялась, что ее дружба с Марией сыграет свою роль. Только она не знала, что я в любом случае не стал бы ее подводить. Я чувствовал, как она одинока, и мне было ее жалко. Если этот «друг» делает ее счастливой, то все остальное не важно.

После обеда я сел в свой «Воксхолл-астра» и отправился за семь миль в Кембл. Я выехал из поместья, свернул налево на шоссе A433, огибавшее Тетбери, потом съехал на узкую дорогу, ведущую в небольшую деревушку, где на автостоянке меня ждал гость принцессы. Я увидел его раньше, чем он меня. Он стоял прислонившись к спортивной машине с открытым верхом, на нем

был твидовый костюм, рубашка, расстегнутая у ворота, и солнечные очки.

— Здравствуй, Пол, — сказал он, протягивая мне руку. Значит, он знал, что приеду именно я. Он сел в мою машину, и мы поехали обратно в поместье. Я чувствовал, что ему не по себе.

— Я могу доверять тебе, Пол? — спросил он, и я ответил, что может ровно настолько, насколько доверяет мне принцесса.

В глубине души я радовался, что получил такое поручение. Позднее я привык привозить к принцессе ее друзей и устраивать их тайные свидания. Не буду называть их имена — это неважно. Главное, что принцесса решилась поручить мне серьезное дело, о котором никто не должен был знать. Даже Венди.

Я подъехал к поместью сзади, провел майора Хьюита через ворота у бассейна, затем по саду — на террасу и через стеклянные двери — в дом. Принцесса уже ждала нас. Она обняла своего «близкого друга», который осенью должен был отправиться на службу в Германию. Принцесса сияла.

— Спасибо, Пол.

— Зовите меня, если Вам еще что-нибудь понадобится, Ваше Королевское Высочество, — сказал я и отправился мыть посуду.

Надо сказать, что майор Джеймс Хьюит стал приезжать в Хайгроув намного позже, чем сюда стала наведываться Камилла Паркер Боулз. Принц Чарльз первым нанес удар их браку. Принцесса лишь ответила ему тем же. Думаю, не стоит говорить, что принц не узнал о приезде майора Хьюита. Да, я как дворецкий в Хайгроуве должен был сообщать принцу обо всем, что происходило в поместье, но в те выходные это был «дом принцессы». Меня не мучила совесть наоборот: я был рад, что могу послужить принцессе. Колин Триминг, Ричард Айлард и Майкл Фосетт устраивали личную жизнь принца. А я помогал принцессе. Я помогал ей стать счастливее.

Во вторник 28 июня 1990 года, через семь дней после восьмого дня рождения Уильяма, произошел случай, ставший переломным моментом в отношениях принца и принцессы. После этого она стала чувствовать себя еще более одинокой и нелюбимой, чем раньше.

Принцесса была в Кенсингтонском дворце и собиралась пойти в школу к своим сыновьям посмотреть пьесу, которую поставили ученики. Принц был в Хайгроуве всю неделю. В тот день я подал обед на десять персон, потом помчался готовить гостиную и холл для вечернего приема гостей из Международного фонда защиты болот, на котором ожидался почетный гость, Майкл Кейн. Перед приемом принц Чарльз отправился в Сайренсестер играть в поло.

Вдруг зазвонил телефон. Испуганный лакей принца Кен Стронак прыгнул в машину и помчался в Сайренсестер. Принц Чарльз упал с лошади и сломал правую руку. Его спешно увезли в больницу. Но прием нельзя было отменить; я встретил Майкла Кейна у дверей и сообщил, что ему придется стать хозяином на этом приеме, на котором ожидалось пятьдесят человек. Он, как прекрасный актер, легко справился с новой ролью — хозяина приема — вместо Его Королевского Высочества принца Уэльского.

А мне пришлось сменить особняк на палату в больнице в Сайренсестере в одиннадцати милях от Хайгроува и прислуживать принцу там. Я привозил ему завтраки, обеды и ужины вкупе с серебряными приборами, хрустальными бокалами и фарфоровыми тарелками, украшенными его гербом. Я даже привез в больницу его любимую картину, изображавшую терьеров Ру и Тиггера, и поставил ее в углу палаты на специальной подставке. Надеюсь, что его любимые вещи из Хайгроува помогли ему переносить боль (не меньше, чем сильные болеутоляющие, которые ему давали).

В свой день рождения (принцессе исполнилось двадцать девять), она отправилась на своем новом сверкающем «мерседесе» в больницу, чтобы забрать своего мужа назад в Хайгроув. У Чарльза рука была еще в гипсе, и принцесса надеялась, что ей удастся поухаживать за ним. Принцесса говорила, что лучше всего она умеет «заботиться о людях», и теперь ей представился шанс позаботиться о собственном муже. Она суетилась вокруг принца, но ему, очевидно, была не нужна ее забота. Принц был раздражен из-за того, что рука по-прежнему болела, и прогнал от себя принцессу, сказав, что хочет побыть один. В своем собственном доме она чувствовала себя одинокой и никому не нужной. Не пробыв в Хайгроуве и получаса, она в слезах уехала в Лондон. Для нее этот случай, без сомнения, стал последней соломинкой. Только она уехала, как появилась Камилла Паркер Боулз. Принц был рад ее видеть. Она не осталась на ночь. Она вообще никогда не оставалась на ночь, насколько я помню.

Камилла Паркер Боулз стала появляться в Хайгроуве чаще, чем раньше, но, что бы ни писала пресса, она тут не жила и не принимала гостей как хозяйка. Раньше она приезжала только к обеду, теперь же часто оставалась на ужин или даже проводила в поместье целый день. Она привозила с собой своего терьера Фреда, и в то лето приезжала не менее двадцати раз.

Если бы в поместье приезжала только она, может быть, принцессе было бы не так обидно. Но принц принимал своих друзей, которые приезжали развлечь больного, а также официальных визитеров. Чарльз в то время стал очень

вспыльчивым. Его можно понять: он был не в состоянии даже писать письма, не говоря уже о том, чтобы рисовать, играть в поло или работать в саду. Весь июль и август он не знал, чем заняться. Все дни он проводил в библиотеке или на задней террасе, сидя в шезлонге. Ему было скучно, и чтобы развлечься, он приглашал на обеды и ужины множество друзей. Некоторые из них, например, член парламента Николас Сомс или лорд и леди Ромзи, оставались на ночь, а значит, работы у меня прибывало. Принц и в лучшие времена не любил что-либо делать сам, а теперь его лакеи были нужны ему двадцать четыре часа в сутки. Он выходил из себя, когда пытался писать левой рукой и у него ничего не получалось.

— Я чувствую себя таким никчемным! — как-то пожаловался он.

Я еще никогда так не уставал. Когда принц болел, на меня навалилось такое количество работы, что я не выдержал и сам попал в больницу. Мой рабочий день растянулся до бесконечности. Круглые сутки я прислуживал принцу. Раньше он проводил три дня в поместье, а потом уезжал, и я мог отдохнуть. Теперь он все время был в Хайгроуве, а моя работа стала больше напоминать работу сиделки. Два месяца подряд я работал с семи утра до одиннадцати вечера.

Однажды в полночь я добрался до дома, мечтая поскорее лечь в постель. Мария нашла меня в ванной. Я лежал на полу и стонал от боли. Позвали доктора Уолша, и он отправил меня в Больницу Принцессы Маргарет в Суиндоне. Медики сказали, что мой организм истощен, и вот дворецкому, как и его господину, велели отдыхать. Следующую неделю я провел в больнице в отдельной палате.

Лежа на больничной койке, я только и мечтал вернуться в Хайгроув. Незаменимых людей нет, но я считал, что никто не справится с моей работой, кроме меня. Не знаю, считать ли это недостатком, или наоборот — моей сильной стороной, но я всегда все хочу делать сам, и делать идеально.

Об этом я и размышлял на второй день в больнице, когда вдруг увидел перед собой знакомые лица. Ко мне пришла принцесса с детьми. Уильям и Гарри принесли мне по воздушному шарику, наполненному гелием, с надписью «Поправляйся!». Принцесса села у меня в ногах. Я видел, что она еле сдерживает смех. Лежа на больничной койке, без формы, в обычной белой футболке, я выглядел до смешного несчастным. Глядя на своего поверженного дворецкого, принцесса вдруг сказала:

— Никогда не видела тебя таким паинькой, — она

хихикнула. — Такой несчастненький!

Затем она, как делала всегда, оказываясь в больнице, отправилась знакомиться с пациентами.

— Идемте посмотрим, кто тут еще есть, — позвала она Уильяма.

Представляю, что подумали пациенты, отходившие от наркоза, увидев перед собой принцессу Уэльскую. Принцесса с сыном познакомились с женщиной, которой сделали операцию в день рождения. Наконец принцесса в приподнятом настроении вернулась «проведать своего больного». Она похвасталась, что Уильям купил цветы и подарил их той женщине. Она говорила о том, что они скоро поедут в Балморал, о Марии, о наших детях, о нашем новом доме. Принцесса все-таки нашла нам новый дом, в который мы переехали как раз перед тем, как я заболел. «Церемонию открытия» этого чудесного домика на территории поместья провела сама принцесса 10 августа 1990 года.

Принцесса Уэльская в желтых шортах и футболке цвета морской волны стояла с ножницами в руках над красной ленточкой, протянутой перед задним входом в каменный домик с черепичной крышей. Гарри катался на велосипеде по газону, Уильям гонялся за Александром и Ником. Дети не понимали важности момента.

Правда, и принцесса не относилась к этой церемонии очень серьезно. Она перерезала ленточку и попыталась торжественно провозгласить: «Я объявляю сей дом открытым», — но посреди фразы не выдержала и засмеялась

Был вечер пятницы, я вырвался на минутку из особняка, после того как приготовил ужин принцу и принцессе. На следующий день они улетали на выходные на Майорку Чарльз остался у себя в библиотеке, но подарил нам на новоселье несколько своих акварелей: вид на черепичные крыши Флоренции, итальянский пейзаж, зарисовку матча по поло и старый рисунок, изображавший парусник Ее Величества «Сириус».

План принцессы переселить семейство Баррелов на территорию поместья оправдался сполна. Из жалкого полуразвалившегося дома в Клоуз Фарм мы переехали в коттедж № 3 (один из коттеджей на территории Хайгроува, в которых жили слуги). Такие домики обычно изображают на конфетных коробках. Три спальни, невысокие потолки, стены оплетает дикая роза. Домик окружает каменная стена, ворота выкрашены в белый цвет. Именно о таком доме и мечтала Мария. По приказу принца Чарльза старый склад превратили в игровую для детей. А принцесса помогла нам придать домику еще большее очарование: появились обои с бордюрами во всех комнатах, новые шторы и

подушечки — все в качестве подарка. Раньше в этом доме жил лакей принца Кен Стронак, который потом переехал в Лондон. До особняка было совсем недалеко. И может быть, ни один другой человек не шел на работу по такой прекрасной местности. Я проходил под арками, проделанными в живых изгородях, пересекал луг, затем проходил «дикий лес» и выходил к викторианскому огородику.

Думаю, принц, да и я, никогда не забудет, как поместье посетил известный комик Спайк Миллиган. Он приехал в субботу вечером и остался на ночь. Он объявил, что ему не нужен лакей, и отправился спать. С утра он не появился к завтраку, и все забеспокоились. Позже мы узнали, что он, неизвестно почему, не стал спать в своей широкой кровати под балдахином, а предпочел провести ночь на полу в ванной при Синей комнате. Несколько недель спустя он прислал фарфоровую табличку с надписью «Здесь спал Спайк Миллиган» и велел вмонтировать ее в кафельный пол ванной. Принца Чарльза это очень позабавило.

В ящичек в буфетной упал красный диск. Я пошел на вызов. Принц стоял посреди комнаты вместе с Камиллой Паркер Боулз. Они разглядывали картины в рамках, прислоненные к стене.

— Пол, тут стояли мои картины, ты не знаешь, куда они делись? — спросил он, указывая на каминную полку.

Гостья мне улыбалась. Я отлично понял, о каких картинах он говорит. «Как неудобно!» — подумал я.

— Вы имеете в виду ваши акварели, Ваше Высочество?

— Да, с видами Флоренции.

— Вы подарили их мне на новоселье. Он на минуту задумался.

— Да, верно, — и, повернувшись к миссис Паркер Боулз, добавил: — Значит, придется тебе подыскать что-нибудь другое.

Стало ясно, что принц выбирал, какую картину ей подарить. Она получила немало подарков от принца. И по сей день она иногда надевает брошь с бриллиантами, выполненную в форме перьев с герба принца Уэльского. Сейчас я понимаю, что не раз помогал принцу выбирать подарки для его любовницы. Но я просто выполнял свои обязанности. Не вмешиваясь в чужие дела, не выражая своего мнения. Как меня учили.

Ювелирные украшения регулярно привозила личный секретарь принца Чарльза из Сент-Джеймсского дворца — Дженевьева Холмс. Украшения были от Кеннета Сноумена, ювелира лондонской фирмы «Вартски» (который также привозил яйца Фаберже на выбор королеве) — прибывали в коробках, завернутые в хрустящую белую бумагу. Я должен был их разворачивать и выкладывать на деревянные подставки, которые

расставлял на прилавке в углу библиотеки и накрывал белой тканью. Когда я выходил из комнаты, принц Чарльз выбирал подарок для Камиллы Паркер Боулз, а остальное опять упаковывалось и отправлялось назад.

Но принц никогда не забывал о принцессе. На десятилетие их свадьбы в 1991 году, когда газеты писали, что принц и принцесса ненавидят друг друга, принц послал ей подвеску к золотому браслету, который подарил принцессе он же. Когда она развернула подарок, то увидела золотую римскую цифру X — большую, около двух сантиметров. В 1982 и 1984 в честь рождения их сыновей он послал ей золотые буквы W и H (William и Harry). Каждый год он дарил ей новую золотую подвеску: то в форме пуантов — в знак ее любви к танцам, то в форме теннисной ракетки, потому что она брала уроки игры в теннис, то мишку — принцесса обожала плюшевых мишек, то шапочку игрока в поло, то яблоко, то (и это было особенно мило) — миниатюрный собор Святого Павла (там они венчались).

Принцесса очень ценила браслет, на который надевала все эти подвески, и хранила его в сейфе. Брак не удался, но браслет, как она говорила, напоминал ей о том, что когда-то им было хорошо вместе.

Даже когда они стали жить раздельно, принцесса посылала принцу поздравительные открытки и на годовщину их свадьбы, и на День святого Валентина — до самого развода четыре года спустя. Последним подарком принца принцессе стала соломенная шляпа, украшенная ракушками. Она не знала, что и думать: это шутка или просто у принца плохой вкус?

— И что мне с ней делать? — со смехом спросила принцесса.

Я думал, что заграничные поездки для меня остались в прошлом: только дворецкий из Кенсингтонского дворца Гарольд Браун мог сопровождать принца и принцессу Уэльских. Но однажды принцесса пришла в буфетную и сказала, что они с принцем в ноябре 1990 года собираются в Японию на коронацию императора, и предложила мне поехать с ними.

— Не понимаю, почему только Гарольд должен ездить с нами за границу, а ты — нет, — сказала она.

С этого момента Гарольд постепенно стал играть все меньшую роль в жизни принцессы, зато было положено начало моей прочной дружбе с Дианой. Поездка в Японию никому не показалась легкой. Натянутые отношения между принцем и принцессой проявлялись с самого начала путешествия, и тот факт, что в посольстве Британии им выделили разные апартаменты, был лишним тому доказательством. Они были деловыми партнерами, которых объединяет только

необходимость выполнять общие обязанности, не более. Их отношения были холодными и официальными, между ними не чувствовалось никакой солидарности ни в словах, ни в делах. Тут я увидел принцессу совсем не такой, какой знал в Хайгроуве: она стала раздражительной и придирчивой, особенно в присутствии принца. Кричала на меня и свою камеристку Хелену Роуч из-за сущих пустяков: ей нужно еще одно полотенце, фен плохо работает, на ее платье попала вода. Казалось, что между принцем и принцессой была стена, даже когда они находились в одной комнате. Я впервые чувствовал себя неловко в ее присутствии. Я не узнавал ее. Она казалось измученной, усталой, несчастной. Она жаловалась, что ее не любят и не ценят. Японцы обожали ее, но принцессе нужно было внимание мужа. Ее тяготила строгость протокола этой поездки, тяготило отношение слуг принца.

— Я хочу путешествовать, хочу делать то, что мне нравится, а не то, чего от меня ожидают другие. Я хочу делать то, что я хочу, — жаловалась она. Совместные поездки с их жестким расписанием, строгим протоколом сковывали принцессу. Она чувствовала себя комфортно только тогда, когда оказывалась одна, без принца Чарльза. Поэтому ей так хотелось путешествовать самостоятельно.

Я был свидетелем того, как во время этой поездки он старалась завоевать расположение принца, а он грубо е отталкивал. Принц Чарльз со своими людьми стоял в холле, смотрел на часы и ждал принцессу. Они должны были отправиться на важную встречу. Наконец она спустилась вся сияющая, в пальто от Кэтрин Уокер из красной шотландки с бархатным воротником и манжетами. Оно было броским, но элегантным. Я стоял у лестницы. Принцесса подошла к принцу и с улыбкой спросила:

— Ну как, Чарльз? Тебе нравится?

Он ответил мягко, без злости, без сарказма, но его ответ убил ее.

— Да. Ты похожа на стюардессу «Бритиш Каледониан», — проговорил он, повернулся и вышел на улицу, где его ждала машина. Улыбка исчезла с лица принцессы, она растерянно посмотрела на свое пальто. Но потом взяла себя в руки — как делала много раз и до того и позже — и решительно вышла за ним.

Это был не единственный раз, когда принц обижал ее: намеренно или нет, трудно сказать. Шесть месяцев спустя, в мае 1991 года, принц и принцесса вместе отправились в Чехословакию. В резиденции президента Гавела в Праге они остановились не просто в разных комнатах, но и на разных

этажах. Принцесса переоделась перед очередным выездом и, как обычно, спустилась по лестнице, у которой ее ждал принц. На ней была светлая юбка и светлый пиджак с черными пуговицами и черным платочком, торчащим из нагрудного кармашка. Туфли тоже были черно-белые. На этот раз она не спросила у Чарльза, нравится ли ему ее наряд, но он, тем не менее, заметил с улыбкой: «Ты выглядишь как жена мафиози». Может быть, он хотел пошутить, но только принцесса не видела в этом ничего смешного. Она всегда выглядела великолепно, но, к сожалению, об этом ей говорил кто угодно, но только не муж.

В те редкие минуты, когда ей удавалось вырваться из жесткого графика встреч, она наконец-то опять превращалась в ту принцессу, которую я знал в Хайгроуве. Так было и в тот раз, когда, улучив несколько минут перед тем как отправиться на прием к японскому императору, она вывела меня и Хелену Роуч через стеклянные двери в сад при посольстве и предложила сфотографироваться. После всех лет службы у королевы у меня не осталось ни одного снимка с ней в неофициальной обстановке, и вот принцесса Диана — будущая английская королева — запросто предлагает мне с ней сфотографироваться. Хелена сказала: «Улыбочку!», — но я не мог улыбаться: слишком беспокоился, что нарушаю протокол.

— Не уверен, что мы имеем право с вами фотографироваться, принцесса. Надеюсь, Его Королевское Высочество не узнает об этом, — сказал я.

— Да ладно, — весело отмахнулась принцесса, — нечего об этом думать. Лучше улыбнись.

Фотоаппарат щелкнул.

До сих пор, когда я смотрю на эту фотографию, я вспоминаю этот приятный момент. На снимке я с крайне напряженным видом стою в костюме фирмы «Эрме», который мне подарила принцесса в прошлом июне (она никогда не забывала про чужие дни рождения). Принцесса стоит рядом в красно-белом платье простого покроя, в пиджаке и шляпке — тоже белой с красным кружком: аллюзия на японский флаг.

После того как Хелена сфотографировала нас, я снял ее с принцессой. Такие же снимки мы сделали на балконе в Чехословакии.

Так были сделаны фотографии, на которых принцесса улыбалась с счастливым видом, хотя в то время она была совершенно несчастна. Помню, как мне не терпелось получить из фотоателье те фотографии из Японии и Чехословакии. Они заняли почетное место над камином в моем доме рядом с портретом принцессы, сделанным в июле 1990 года. Она позвала

меня в столовую, где на столе были разложены черно-белые снимки, сделанные для журнала «Вог». Это было, когда принцесса впервые снялась для этого журнала ее фотографировал Патрик Демаршелье. Она выглядела потрясающе: взъерошенные волосы, черный свитер.

— Хочешь, выбери себе какую-нибудь, — предложила она.

Я выбрал, она взяла фотографию и надписала ее: «Полу и Марии с любовью. Диана». Еще одна улыбка, за которой прячутся тысячи обид.

Но в щедрости принц Чарльз не уступал своей жене. В том же году на мой день рождения (мне исполнилось тридцать два) он подарил мне литографию с его акварели, на которой была изображена долина Уэнсли. Это была первая литография, сделанная с его рисунка. Он подписал ее карандашом: «Чарльз 1990». Все остальные свои картины он подписывал только первой буквой своего имени. Его акварели мы тоже повесили над камином, на котором в рамке стоял портрет его жены.

Итак, я снова стал бывать за границей: сначала съездил в Японию и Чехословакию, а затем, в сентябре 1991 года, в Пакистан. На этот раз принцесса поехала за границу без принца Чарльза. Наконец-то сбылась ее мечта: она ехала одна, свободная от жестких рамок совместных визитов, ей не надо было выслушивать комментарии мужа по поводу ее внешнего вида. Она выходила на дипломатическую сцену одна. Она будет самостоятельно выступать от лица всего народа, и рядом не будет принца Чарльза. На нее обращены взоры из Букингемского дворца и Министерства иностранных дел.

Принцесса была в отличном настроении. Поездку санкционировала сама королева и выделила ей один из своих самолетов — BAe 146. Принцесса понимала, как важна эта поездка, ведь от нее зависит, будут ли доверять Диане самой представлять интересы монархии за рубежом. Как спортсмен, готовящийся к серьезным соревнованиям, принцесса настраивала себя. Сотни раз она перепроверила расписание своих встреч и тщательно продумала свой гардероб, приготовив для каждой встречи какой-нибудь простой, но элегантный наряд. Она опять зашла ко мне в буфетную.

— Эта поездка очень важна для меня, Пол. И я хочу, чтобы со мной была моя команда, — сказала она.

И я поехал с ней вместе с ее прилежным секретарем Патриком Джефсоном, камеристкой Хеленой, парикмахером Макнайтом и охранником. С нами был еще опытнейший журналист, Дики Арбитер, он должен был заниматься всем, что касалось общения со СМИ. Он преклонялся перед принцессой, а

она уважала его настолько, что внесла в список людей, которых считала необходимым поздравлять с днем рождения.

Сопровождать принцессу в такой исторической поездке было большой честью. Тем более что она оказалась успешной, и даже превзошла все наши ожидания. Куда бы мы ни приезжали — в горное село Читрал, в Хайбер, в Лахор, в Равалпинди или Исламабад — ее везде встречали с радостью. Она вела себя в высшей степени профессионально и, как всегда, просто излучала любовь к людям. Она производила неизгладимое впечатление на всех, кто ее видел. В Читрале — деревушке в Гималаях с населением в 500 человек — ее вышли встречать все жители деревни, все до единого. Она с неподдельной радостью читала в газетах одобрительные отзывы о своей деятельности. Она так проявила себя в этой поездке, что все, кто обвинял ее в неуравновешенности и ненадежности, вынуждены были замолчать. Да, как женщина — жена принца Чарльза — она была ранимой и несчастной, но только «старая гвардия» полагала, что чувство одиночества и потерянности доказывает психологическую нестабильность. Как фигура государственного масштаба, как представитель британского народа, она была безупречна. С той самой поездки она становилась все увереннее в себе. Она шла к вершине, доказывая всем, чего стоит, а рядом с ней всегда были ее верные слуги.

Когда мы вернулись из той знаменательной поездки, принцесса подарила мне красочную книгу о Пакистане. На форзаце она оставила надпись, которая должна была напоминать мне о страданиях народа этой страны. Она немало узнала о том, как тяжело живется простым пакистанцам особенно сильное впечатление на нее произвела больница для глухих. Так вот, надпись гласила: «Полу: „Многие любят Бога… плутая в джунглях, они его ищут… но я буду любить того, кто любит людей" — Икбал. С любовью от Дианы. Пакистан, 1991». Эти слова великого пакистанского поэта сэра Мохаммеда Икбала вдохновляли ее в той первой самостоятельной поездке. А мне они говорили о той доброте, которую она изливала на всех, кого знала.

От той поездки осталось много впечатлений. Мы видели заклинателя змей, который страшно рассмешил принцессу, когда запихнул голову кобры себе в рот. В Читрале принцессе надели на голову тюрбан. Никогда не забуду, как я стоял среди белых надгробий на британском военном кладбище в Равалпинди, куда принцесса пришла, чтобы почтить память героев. Когда она возлагала венок от имени королевы, я вдруг подумал: ведь дворецкому здесь не место. Я должен сейчас готовить обед в

резиденции принцессы, но она все чаще и чаще брала меня с собой, причем я был в обычном костюме, а не в форме, как все остальные слуги. В 1991 году я становился все ближе к принцессе, все лучше узнавал ее.

В Пакистане я понял, ради чего принцесса живет. Она рассказала мне о своем старом друге Адриане Уорд-Джексоне, с которым ее познакомила принцесса Маргарет. Он был болен СПИДом. Принцесса делилась с ним самым сокровенным, а он, не стесняясь, говорил с ней о своей болезни. Именно благодаря ему принцесса прониклась мыслью об опасности СПИДа и начала свою кампанию в поддержку больных этим недугом. Она стала посещать больницы, где лежали больные СПИДом, и даже открыла подобное отделение больнице Мидлсекса. Никогда не забуду ее слов: «Кроме туберкулеза не было в мире болезни, от которой дети умирали *раньше* своих родителей, но больше никто из королевской семьи не поднимает эту проблему». Ей не нравилось, что многие несерьезно относятся к этой страшной болезни. Она стала получать пропитанные злобой письма, которых ее спрашивала: «Что это ты так заботишься о геях?». Для нее это было лишним доказательством того, насколько важно просвещать людей и рассказывать им о СПИДе.

Циники обвиняли принцессу в том, что ее благотворительная деятельность была нацелена на одно: произвести впечатление. Говорили, что она отдаст все, лишь бы газеты писали о ее доброте. Они не понимали, что она искренне любила людей, жалела их и хотела им помочь. Она верила в силу благотворительности. Когда ее друзья оказывались в беде, они знали, что могут рассчитывать на ее сочувствие. Адриан Уорд-Джексон умер, зная это.

Он просил ее быть с ним, когда он будет умирать. Она сочла за честь выполнить его просьбу. Когда в середине августа их общая подруга Анджела Серота позвонила принцессе и сказала, что ему совсем плохо, ничто не помешало принцессе сдержать данное обещание. В это время она была в Балморале и, когда оказалось, что ей не удастся вылететь самолетом, она проделала семичасовой путь до Лондона на машине в сопровождении только охранника Дейва Шарпа, чтобы быть у постели Адриана вместе с Анджелой.

Она просидела у его постели четыре дня. Даже при смерти, когда он уже не мог говорить, он шевелил пальцами в ответ на ее вопросы. Это стало одним из самых серьезных переживаний в жизни принцессы. Она говорила, что, глядя, как спокойно он умирал, она поняла, что такое смирение. Анджела лежала рядом с ним, когда он умер. Они с принцессой прочли над его телом

молитву. Тот, кто понимает, что значил для принцессы этот момент, поймет и саму принцессу. Именно тогда она нашла себя. Увидев, как человек встречает смерть, наблюдая «путешествие души», как она выразилась, принцесса поняла, что такое служение людям. Отсюда же, из больничной палаты, в которой в полночь 23 августа 1991 года умер ее друг, брал начало ее интерес к мистике. Когда Адриан умер, Анджела осталась у тела а принцесса отправилась посмотреть на других пациентов Она зашла в детское отделение. Ее потрясло, как близко сочетались смерть и рождение. Она только что видела, как человек умер, а тут лежали люди, которые только начинали жить. С тех пор она часто говорила о смерти, и всегда вспоминала мужество Адриана Уорд-Джексона, с которым он встретил свой конец. Принцесса купила книгу «Как найти надежду перед лицом смерти», подзаголовок которой гласил: «Духовная и эмоциональная поддержка умирающих».

После поездки в Пакистан меня все чаще просили подменить в Кенсингтонском дворце Гарольда Брауна, когда у него был выходной. Несколько недель в году я проводил в Лондоне в маленькой комнате под самой крышей над апартаментами № 8 и № 9 неподалеку от детской. Чаще всего я готовил ужин для одной Дианы и подавал его ей в гостиную. Принцесса уютно устраивалась на диване в белом махровом халате и смотрела любимые сериалы: «Бруксайд» или «Коронейшн-стрит». Она предлагала мне посидеть с ней. Она ела (почти всегда либо салат, либо рыбу). Я стоял. Когда она заканчивала еду, я забирал тарелки и нес их в буфетную на первом этаже. Она шла за мной. Мы болтали. Я мыл посуду, она вытирала. Как в Хайгроуве. Но теперь я знал ее намного лучше, и ей было легко со мной разговаривать. Тогда как принц Чарльз держал меня на расстоянии вытянутой руки, принцесса наоборот старалась ввести меня в свой мир. В буфетной — хоть в Хайгроуве, хоть в Кенсингтонском дворце — передо мной была не принцесса Уэльская, а подруга моей жены Марии. Правда, я настаивал на том, чтобы звать ее «Ваше Королевское Высочество». Но несмотря на это, мы разговаривали с ней запросто. В те минуты она была не той собранной, целеустремленной принцессой, какую видели другие, а простой женщиной в халате, без макияжа. Мне казалось, что я служу двум разным женщинам: обворожительной принцессе Уэльской, которую видели все, и маленькой потерянной и одинокой девочке, которую видели только те, кто ее хорошо знал. Я понимал, когда и почему одна заслоняет другую.

Я не раз слышал, что слуги жаловались друг другу, как с ней тяжело, какой у нее непредсказуемый характер, но один на один

разговаривать с ней было очень легко. Беседуя с ней, я завидовал Гарольду Брауну. И уже с нетерпением ждал, когда же он возьмет выходной.

Мы с Марией были счастливы жить на природе, и детям там было хорошо. У нас были хорошие сыновья, а у них — хорошие друзья: принцы Уильям и Гарри, которых их мать называла «мои мальчишки», а если рассказывала про их проделки — то «сорванцы». Когда Уильям еще не умел ходить, она называла его «мой маленький человечек». В личной переписке принц и принцесса называли Уильяма домашним прозвищем Вомбат. А Гарри был просто Гарри.

Уильям и Гарри, Александр и Ник росли все вместе. То, что их родители занимали такое разное положение в обществе, не мешало им играть вместе в Хайгроуве, а позже в Кенсингтонском дворце. Принцесса отдавала нам одежду своих ребят, из которой они выросли. По выходным дети все время проводили вместе.

Все мальчики будут вспоминать одни и те же счастливые моменты их детства, глядя на одинаковые фотографии в семейных альбомах. С тех пор как мы переехали на территорию поместья, маленькие принцы все время крутились у нас под ногами. Они прибегали к нам за лимонадом и шоколадным печеньем, играли у нас в саду, катались по двору на велосипедах, кричали и смеялись в сарае, переделанном в игровую комнату, копались в песке, лепили зимой снеговиков, а летом плескались в бассейне. Мы радовались им, как собственным детям.

Уильям часто забегал к нам на кухню. Он выглядывал из-за двери и, улыбнувшись, спрашивал: «Нет ли у вас шоколадного печенья или еще чего-нибудь сладкого?». Он знал, что у нас всегда были коробки с «кит-катом», «твиксами» и печеньем «пингвин», и он опустошал их по примеру своей матери. Одно из первых детских воспоминаний Александра—о празднике, который в мае 1988-го устроили в Клоуз Фарм в честь его дня рождения. Александру тогда исполнилось три года. На празднике было шестеро детей, в том числе пятилетний Уильям и трехлетний Гарри. Повар Мервин Уайчерли испек для детей торт в форме трактора. В то время когда принц Чарльз играл в поло в Виндзоре, принцесса глядела, как дети не слишком аккуратно уплетают торт, пачкая бумажную скатерть с паровозиками, и поочередно с Марией и Венди качала маленького Ника, которому был тогда лишь месяц от роду. Принцесса подарила Александру зеленый свитер с кожаными вставками на плечах и на локтях, пластмассовое ружье и красный берет, как у десантников. Она знала, что Александр, как и Гарри, обожал играть в войну.

Принцесса часто приезжала в Хайгроув одна с детьми, и им

не с кем было играть, поэтому Александра и Ника часто звали в детские комнаты, занимавшие весь верхний этаж особняка. Тут была спальня Уильяма, спальня Гарри, комната няньки, кухня и собственно детская, в которой на желто-синих обоях шел бордюр с алфавитом. Я поднимался по лестнице и приносил сюда рыбные палочки и жареную картошку, которую мои сыновья поедали вместе с будущим английским королем.

Когда принцесса вместе с няней Рут Уоллес и детьми отправлялись на длинные прогулки, они брали с собой Александра и Ника. В сентябре 1989 года принцесса приехала в Хайгроув из Балморала, оставив принца Чарльза в Шотландии, и повезла всех детей в Бристольский зоопарк. К моему удивлению, она велела мне ехать с ними. Этот неожиданный выходной стад одним из первых дней, в которые принцесса с детьми и вся наша семья отправлялись куда-нибудь на прогулку. Было непривычно сопровождать принцессу без формы. А она, в бейсболке на голове, легко смешивалась с толпой. Впереди шли Мария, принцесса и Рут, по очереди толкая колясочку с Ником, а мы с охранником Дейвом Шарпом присматривали за тремя остальными мальчишками. С самого начала принцесса с Марией стали подругами, потому что у них всегда находились общие темы для разговоров: брак и дети. Тем более что у обеих были сыновья, которые играли все вместе. Когда в 1990 году мы переехали на территорию поместья, Мария и принцесса стали общаться как обычные соседки. Так получилось, что принцесса была для нас и хозяйкой, и другом семьи одновременно, Александр и Ник всегда кричали ей «Привет, Принцесса». Мне казалось странным, хоть и забавным, что они держатся с ней так запросто, тогда как их родители обращаются к ней только «Ваше Королевское Высочество». У меня есть подозрение, что мои сыновья в детстве считали, что ее просто так зовут — Принцесса.

Именно из-за детей наши отношения с принцессой носили такой двойственный, официально-неофициальный характер. Мария включала электрический чайник и спрашивала:

— Хотите кофе, Ваше Королевское Высочество?

И тут вбегал Ник, усаживался принцессе на колени, обнимал ее и спрашивал:

— Принцесса, а ты где была?

С этим было связано немало незабываемых моментов, самым ярким из которых был тот раз, когда трехлетний Ник в шортах и футболке притопал в особняк. Я стоял у дверей и ждал, когда выйдет принц. Он собирался уезжать. Тут подошел Ник, не глядя на меня взобрался по ступенькам и столкнулся с принцем, который в костюме и при галстуке собирался ехать в Лондон на

деловую встречу. Ник оглядел его с головы до ног и сказал: — Хорошо выглядишь, принц Чарльз. Куда собрался?

Бывают такие моменты, когда родитель не может поверить, что его ребенок сказал такое. Это был именно тот случай. Мне хотелось провалиться под землю. Но Ника не волновало, что думает его отец. Ни о чем не думая, он так ужасно нарушил правила этикета и даже не стал ждать ответа принца. Тут же протиснулся мимо него в особняк и отправился искать Уильяма и Гарри. Принца Чарльза это рассмешило.

Хайгроув — и сам особняк, и земли вокруг — стал большой площадкой для игр четырех мальчиков. Один из сараев я наполнил мячиками, чтобы дети могли в них кувыркаться. Правда, в итоге трудно сказать, кто этому больше радовался: дети или принцесса. Она подкрадывалась к мальчикам и легонько толкала их, они падали на разноцветные мячи, а она сама валилась следом. Принцесса часто падала так, чтобы зарыться поглубже, а Уильям, Гарри, Александр и Ник забирались на нее и принимались щекотать.

Когда принцесса не могла проводить время с детьми, развлекать их поручалось мне. Я придумал игру наподобие «Найди яйца», которую на Пасху организовывала королева в Фрогмор-Гарденз при Виндзорском замке для королевских детей. Она приносила в парк корзинку с шоколадными яйцами, прятала их на деревьях, в кустах, среди нарциссов и примул, а дети, равно как и королевские собаки, соревновались, кто найдет больше яиц. В такую же игру играл с четырьмя мальчишками и дворецкий Хайгроува. Только я прятал настоящие яйца в сене и соломе в сарае возле конюшен. Конечно, искать шоколадные яйца детям было бы интереснее, но они и так радовались, и каждый стремился победить (чаще всего победителем оказывался Уильям).

У Уильяма была морская свинка, а у Гарри — серый кролик, который жил в клетке в углу двора перед конюшнями, где стояли два пони маленьких принцев, Смоуки и Триггер, за ними заботливо ухаживал Падди Уайтленд. Его помощница Марион Кокс учила Уильяма и Гарри ездить верхом. Были еще два терьера их отца, черные абердин-ангусские коровы, лошади, на которых принц Чарльз играл в поло, а в сарае жили рыжие совы. В пруду плавали карпы, а на кухне в углу стоял аквариум Уильяма и Гарри с тропическими рыбками. Был еще хомячок, который путешествовал с юными принцами из Кенсингтонского дворца в Хайгроув и обратно. Уильям и Гарри приходили на кухню и помогали резать яблоки, салат и морковку для морской свинки, кролика и хомячка, и клетки они всегда чистили сами.

Но, думаю, самым выгодным в дружбе с принцами для моих сыновей было то, что они могли кататься на их машинке. Компания «Дэвид Браун» подарила принцу Чарльзу для его детей игрушечный «Астон-мартин» — миниатюрную копию машины их отца. Эта зеленая двухместная машина на электроприводе, с бежевыми кожаными сиденьями, приборной доской из красного дерева, с настоящими фарами, с магнитофоном и рулем, обтянутым кожей, была совсем как настоящая, и мои сыновья объявили, что это самая-самая лучшая игрушка на свете. Многие дети бегут к дому своих друзей и зовут их погулять. Но Уильям не бежал — он ехал. На своей машине, с Гарри на пассажирском сиденье, он подъезжал к нашему дому, забирал Александра и Ника, и все четверо начинали носиться по поместью. Уильям с Гарри все время спорили, кто поведет, и Уильям, как старший, в большинстве случаев побеждал. Он обожал машины, был без ума от гонок и считал, что прекрасно умеет водить машину. Правда, только до тех пор, пока однажды не попробовал на черепашьей скорости протиснуться в узкие ворота, которые вели от оранжереи к нашей задней двери, и, конечно, оцарапал крыло о каменную стойку ворот. В кухню влетел испуганный Уильям и закричал:

— Мария! Мария! Произошла трагедия!

Мария, еще не поняв, что случилось, тоже испугалась. Яснее не стало, и когда принц добавил:

— Папа меня убьет. Мне нужна зеленая краска!

Мария отправилась осматривать машину. Результат был неутешительный. Пришлось объяснить Уильяму, что краска тут не поможет: по всему крылу шла глубокая вмятина. Уильям пришел в ужас. Он решил уже припарковать машину в гараже, поцарапанным боком к стене, чтобы принц Чарльз не заметил, но мы с Падди отговорили его, пообещав, что папа его не убьет. Принц Чарльз был недоволен что из-за «своей глупости» его сын испортил дорогую игрушку, но тем не менее отправил ее на завод «Астон-Мартин», и машина вернулась обратно, как новенькая. А пока «Астон-мартин» был в ремонте, Уильяму приходилось разъезжать вместе с Падди на газонокосилке. Принц и принцесса разрешали своим детям кататься на машине по поместью, потому что знали: тут с ними ничего не может произойти. Еще больше Уильям, Гарри, Александр и Ник приходили в восторг, когда принцесса везла их в Лондон на картинг, где они носились со скоростью 40 миль в час. Им это так нравилось, что в одном из уголков Хайгроува соорудили трассу, по которой летом дети носились на картах.

Уильям и Гарри были уверенными в себе, активными детьми.

Они не стеснялись разговаривать со взрослыми. Они вели одну жизнь. Они разлучались только на ночь, когда расходились в отдельные спальни, а так — все делали вместе, хотя лидером, конечно, был Уильям. Оба ходили в частную школу «Уезерби» в Ноттинг-Хилле в Лондоне, и когда возвращались домой, то спешили похвастаться маме своим творчеством. И в Хайгроуве, и в Кенсингтонском дворце принцесса, стараясь показать детям, что ценит достижения и того и другого, увешала стены в своей гардеробной и ванной неряшливыми изображениями бабочек и цветами из яичной скорлупы, гофрированной бумаги и упаковок для яиц.

Интерес Гарри к военной тематике проявлялся и в его творчестве. Он вечно рисовал замки, на которые сбрасывают бомбы самолеты, а для того чтобы придать картине более устрашающий вид, замазывал все красным. Гарри также считал, что, если налить в воздушный шарик воды, получится отличная бомбочка, и южная часть парка, которой его отец особенно гордился, становилась полем бесконечной битвы. Гарри и Уильям вместе с моим братом Грэмом, который иногда приезжал к нам с семьей на выходные, преследовали принцессу. Она убегала от них, но меткость ее сыновей была снайперской, и бомбы летели точно в цель. Принцесса часто устраивала пикники для слуг. Большей частью тогда, когда принца не было в поместье, и все, включая и принцессу, могли расслабиться. Мервин Уайчерли готовил целые горы еды для камеристок, охранников, нянек, экономки и дворецкого. Это был наш «загул», как говорила принцесса. Когда приходило время десерта, принцесса шла на кухню и возвращалась с подносом мороженого. Потом она помогала убирать со стола

А затем для нее наступало самое веселое занятие — сталкивать всех в пруд. Визги и плеск воды свидетельствовали о том, что забава, которую я называл «Суп из человечины», началась. Облитая водой из шариков-бомбочек еще до пикника, принцесса уже не боялась промокнуть и радостно прыгала в пруд следом за всеми.

Принцессе не надоедали такие простые развлечения. Для нее это была возможность проявить свой непокорный нрав, возможность вести себя не так, как подобает будущей английской королеве. Она плескалась в воде вместе со своими слугами. Ее забавляло и нравилось наше смущение, когда она прыгала в воду прямо в джинсах и толстовке или в шортах и футболке.

Но ничто не могло сравниться с тем выражением ужаса, которое я видел на лице британского посла в Каире, когда в мае 1992 года принцесса отправилась туда вместе со мной.

Мы ехали на теплоходе вниз по Нилу к храму в Филе, что на маленьком островке возле Асуанской плотины. Принцесса сказала:

— Надо сфотографироваться, Пол, — и сняла солнечные очки. — Только не подходи ко мне слишком близко — театральным шепотом произнесла она, когда Хелена приготовилась нас снимать. — Сегодня *жаркий* денек!

Несмотря на то, что дул резкий ветер, она боялась, что я услышу запах ее пота. Ей было жарко в темно-сером платье из плотной ткани. Но сказала она это скорее для того чтобы меня озадачить и смутить. Именно такие смешанные чувства остались запечатлены на снимке.

А через секунду снова меня озадачила:

— Ну а теперь, пора тебе подумать и о других. Я хочу, чтобы ты подготовил сегодня все для вечеринки в посольстве в честь дня рождения Сэма.

Спланировать вечеринку в честь дня рождения парикмахера Сэма Макнайта было нелегко, если учесть, что продумать все надо было тут же, на теплоходе, но, когда имеешь дело с принцессой, быстро понимаешь, что в мире нет ничего невозможного. Когда принцесса и другие сошли на берег, чтобы пообедать в одном из отелей, я нашел телефон и умудрился обо всем договориться. Сюрприз для Сэма был готов.

В тот вечер в роскошный сад при посольстве Британии в Каире вышел Сэм Макнайт и тишину огласил нестройный хор из одиннадцати слуг под руководством принцессы, размахивавшей бутылкой шампанского как дирижерской палочкой. Запели: «С днем рожденья тебя». Даже суровый Патрик Джефсон, бывший офицер флота, расслабился и стал дурачиться, напялив на голову феску (принцесса поручила мне купить фески всем участникам вечеринки). Точно такие же сувенирные фески с нарисованными на них пирамидами я привез своим сыновьям. Само собой разумеется, что крепкие напитки пробудили в гостях дух неуемного веселья, и к концу вечера все оказались в бассейне. Прямо в одежде. Принцесса подпрыгивала в воде, делая вид, что тонет, и, выныривая на поверхность, взывала о помощи. Патрик Джефсон смотрел на все это с удивлением. Как человек, который всегда видит принцессу в официальной обстановке, он не привык к таким сценам. Точно так же, как и посол, хмуро наблюдавший за массовым купанием. Скорее всего, он решил, что такие выходки глупы и безрассудны, если учесть, что за два дня до этого папарацци пробрались на крышу соседнего здания и сфотографировали принцессу в ее черном купальнике. Слава богу, они не сидели на крыше ночью и не засняли «Суп из

человечины», а потому газеты писали о том, что вторая поездка принцессы Уэльской прошла безупречно. На фотографиях в газетах принцесса бродила среди колонн храма Карнака в Луксоре, по Долине Царей, рассматривала пирамиды и Сфинкса.

Заголовки британских газет подтверждали, что принцесса стала важной фигурой в дипломатических отношениях. Какими бы сложными ни были ее отношения с мужем в этот период как посол по специальным поручениям она проявила себя отлично. Именно о такой деятельности она мечтала. И никакие сплетни и косые взгляды теперь не могли поколебать ее уверенность в себе или повлиять на уважительное отношение к ней мирового сообщества.

Поездка в Египет стала поворотным пунктом в моих отношениях с принцессой. Она брала меня с собой за границу, я был все чаще нужен ей в Кенсингтонском дворце, она поделилась со мной своей тайной: рассказала о своем «близком друге». И в этот год, который королева назвала annus horribilis [18], принцесса решила еще больше вовлечь меня в свою личную жизнь. Поскольку она была частой гостьей в нашей квартире в Королевских конюшнях, а потом в Хайгроуве, поскольку она была подругой моей жены, а мои дети считали ее чуть не своей тетей, то ее решение посвятить меня в свои дела не показалось таким уж удивительным. А зря.

Принцесса сидела в своей спальне в посольстве перед большим зеркалом на туалетном столике и расчесывалась. Я принес ей с кухни стакан морковного сока.

— Где ты умудрился достать морковку в Каире?

— Это не я, это Мервин Уайчерли, — ответил я. Она любила морковный сок или смесь морковного и сельдереевого. Я уже собирался выйти, но тут она резко повернулась на вращающемся табурете с гобеленовым сиденьем и приказала:

— Сядь.

Затем опять отвернулась к зеркалу. Я сел на краешек кровати.

— Когда ты в следующий раз приедешь в Лондон, я хочу тебя кое с кем познакомить. Люсия — одна из самых красивых и самых элегантных женщин, — сказала она.

Люсия Флеча де Лима — жена бывшего бразильского посла в Британии — была для принцессы как мать. Ее муж — Паулу Тарсо, ставший послом в Вашингтоне, а позже — в Риме словно заменил Диане отца. В Лондоне в их посольстве на Маунт-стрит принцесса часто виделась с одним человеком. Но это был не Джеймс Хьюит. Тогда в Каире принцесса рассказала мне, кто это был, и почему они там встречались.

Она снова доверилась мне, но теперь вдобавок хотела, чтобы

я познакомился с Люсией, игравшей огромную роль в жизни принцессы. Любой мог бы работать у принцессы. Любому казалось бы, что он ее прекрасно знает. Ей отлично удавалось создавать в людях такое впечатление. Но она знала предел доверительности и умела, как доказала несколько раз, увольнять своих работников. В круг самых приближенных к принцессе нельзя было войти просто так, без приглашения. Туда не входила даже Мария, с которой они дружили уже много лет. Я встречусь с Люсией и самыми близкими друзьями принцессы намного позже, но приглашение войти в этот тесный кружок я получил именно тогда, в Каире.

Когда принцесса еще только собиралась в Египет, Кэтрин Уокер сшила ей несколько нарядов специально для поездки. В посольстве мы с Мервином Уайчерли и Хеленой Роуч стали эдаким жюри, которое должно было выносить вердикт тому или иному наряду. Она выходила из спальни в очередном образе и спрашивала: — Ну как вам? Что думаете?

Мы стояли, разинув рты. По нашему мнению, она бы выглядела великолепно, даже если бы завернулась в полиэтиленовый пакет, но принцесса хотела от нас услышать конкретное мнение. Она отправлялась на встречи, зная, что выглядит замечательно. Рядом больше не было принца Чарльза, который бы своими колкими замечаниями выводил ее из равновесия. Во время поездки в Египет она была очень открытой и дружелюбной. Только за фасадом уверенности чувствовалась грусть.

Раньше она всегда оставляла приоткрытой дверь в спальню, а теперь запирала. Как-то она вышла оттуда с красными глазами. Увидев меня, она пояснила, что ей нужно побыть одной и снять напряжение. Королеве или кому-нибудь другому я бы не решился задавать вопросы, но тут не удержался:

— С вами все в порядке, Ваше Королевское Высочество? Я могу чем-нибудь помочь?

Она улыбнулась.

— Каждому надо иногда поплакать, Пол.

Она расправила плечи, глубоко вздохнула, взяла себя в руки и снова превратилась в неунывающую принцессу Уэльскую.

Ее стойкость и смелость в то время просто удивительны, если учесть, что принцессе тогда было очень тяжело. Отец, которого она обожала, граф Спенсер, умер в марте в больнице, когда она каталась на лыжах в Австрии. В том же месяце было объявлено о разводе герцога Йоркского и герцогини Йоркской. Потом принцесса Анна подала на развод с Марком Филлипсом. И теперь все взоры были прикованы к Уэльской чете. В глазах широкой

публики их брак тоже был на грани краха. От неудачной поездки принца и принцессы в Индию у всех в памяти осталось только одно: фотография одинокой принцессы на фоне Тадж-Махала.

Принцесса размышляла и о своей помощи журналисту Эндрю Мортону в написании его книги «Правдивая история Дианы». Позже принцесса жалела об этом, а тогда, в Египте, когда СМИ только и говорили что о ее причастности к написанию книги, она, видимо, впервые подумала, что этого делать не стоило.

Вернувшись в Хайгроув, я поделился своим беспокойством за принцессу с Марией. Я рассказал ей, насколько она стала мне доверять, рассказал, что принцесса хочет познакомить меня с Люсией. Мария видела, что меня очень беспокоит: хорошо принцессе или плохо. Я знал, что у принца Чарльза все хорошо. Это было видно. Но не знал, счастлива ли принцесса в Кенсингтонском дворце.

— Милый, — сказала мне Мария перед сном, — ты дворецкий здесь, а не там. Ты не имеешь права так влезать в ее жизнь.

Глава седьмая

МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

В 1992 году, когда парк при особняке стал особенно пышным и красивым, в Хайгроуве произошли крупные перемены. Внешние формальности повседневной жизни не могли скрыть бушующих во дворце страстей. «Снаружи» журналисты предвкушали громкий крах королевского брака. В поместье также тревожно ожидали катастрофы, но скорее со страхом — не то что пресса. Было очевидно: что-то назревает. В воздухе витало тревожное ожидание: чем все это кончится.

Изменился и принц Чарльз. Он погрузился в меланхолию, стал непредсказуемым и ранимым. Как-то вечером я подал ему обед. Он сел, уставившись в экран телевизора, а я стоял за его спиной с подносом. Телевизор был выключен. Слышался лишь скрежет ножа по тарелке да шум, доносившийся с улицы сквозь распахнутые окна.

Затем принц повернулся ко мне и спросил:

— Пол, ты счастлив здесь?

— Да, очень, Ваше Высочество, — ответил я, переставляя тарелку с подноса на ломберный столик перед ним.

— Мария тоже счастлива? — продолжал он.

Я не мог понять, почему он вдруг в этом усомнился.

— Да, мы оба очень счастливы здесь, Ваше Высочество.

— Хорошо. Рад это слышать, — отозвался принц. Казалось, он действительно был рад. Затем он принялся за еду.

Я вернулся в буфетную, недоумевая, почему его это заинтересовало. Мария предположила, что причиной тому — все возраставшее доверие принцессы к нам.

— Взгляни на это глазами принца, — сказала она. — Его жена частенько проводит время в буфетной. Ты все чаще вместо Гарольда прислуживаешь в Кенсингтонском дворце, поэтому в Хайгроуве тебя должен подменять лакей. Ты сопровождаешь ее в одиночных поездках. Выезжаешь с нашими сыновьями и с молодыми принцами. А с тех пор как мы переехали в новый дом, в 1990-м, принцесса часто ходит к нам в гости.

По долгу службы я попал в очень неловкое положение, вот принц и поинтересовался, к какому лагерю я принадлежу и буду ли и впрямь рад остаться.

Разумеется, принц обратил внимание на то, сколько времени принцесса проводит у нас в доме.

— Думаю, она опять у вас, Пол, не так ли? — спрашивал он, если не находил жену во дворце.

Принцесса гуляла в саду, набирала букет цветов — душистого горошка или ландышей — и заходила к нам с черного хода.

— Мария, ты дома? — кричала она с порога. Включала чайник, доставала с верхней полки две кружки и готовила кофе. Потом обе пили черный кофе без сахара. Уильям, Гарри, Александр и Ник играли где-то во дворе. Принцесса усаживалась на черепичной крыше кухни и болтала ногами, сбросив туфли. Снова и снова изливала она душу Марии, рассказывая о жизни с мужем, о том, как она несчастна. Мария вовсе не чувствовала неловкости, ведь сейчас она не на службе. Она жена дворецкого и подруга принцессы. К тому же ей нравилось жить в Хайгроуве. Она говорила, что только слушает принцессу и не лезет со своими комментариями.

— Ты и представить себе не можешь, какая ты счастливая Мария, — сказала как-то принцесса. — Уютный дом и любящая семья — вот все, о чем я мечтаю, — добавила она, чуть не плача.

Принцесса хорошо знала нашу семью. Мои отец с матерью и мать Марии познакомились с принцессой еще в Королевских конюшнях. К нам домой также часто приходили мой брат Грэм с женой Джейн и брат Марии Питер с женой Сью, с ними принцесса тоже чувствовала себя вполне уютно. И не важно, сидели мы за деревянным столом в саду или болтали в кухне, — принцесса была одной из нас, никаких условностей. Летом, узнав о визите кого-нибудь из нашей родни, она приглашала его на барбекю. Никогда не забуду, как Грэм впервые встретился с принцессой в Хайгроуве. В тот день он четыре раза брился — так нервничал. А встретив ее, понял, что она простая и приветливая женщина.

Мать Марии Бетти заняла особое место в сердце принцессы. Принцесса обожала ее. Однажды она пригласила Бетти в Кенсингтонский дворец на Рождественский бал для слуг. Королевская семья встречала гостей у входа, те пожимали руки Уильяму, Гарри, потом принцу и принцессе. Когда седовласая дама в больших очках с благоговейным трепетом подошла к принцессе, та, выйдя за рамки дворцового протокола, широко улыбнулась, заключила ее в объятия и поцеловала в щеку.

Принц выглядел смущенным. Пожав руку пожилой даме, он повернулся к жене и поинтересовался:

— Кто это?

— А, это Бетти. — Принцу это ни о чем не говорило. — Мать Марии, — пояснила она.

В другой раз принцесса позвонила Бетти, которая жила в северном Уэльсе совсем одна.

— Привет, Бетти, это Диана. Что делаешь?

— Сижу на кровати и говорю с тобой, — запросто ответила Бетти. Ей всегда удавалось рассмешить принцессу.

Принцесса звонила, чтобы удостовериться, все ли в порядке с отопительной системой в доме для престарелых, где жила Бетти.

Однажды в 1992 году принцесса осуществила мечту Бетти, благочестивой католички. Позвонила ей домой и сказала;

— Бетти, я бы хотела, чтобы ты вместе со мной поехала на встречу с матерью Терезой.

Бетти чуть не упала со стула.

— Но я не могу ехать в Индию! Принцесса вновь рассмеялась.

— Тебе и не придется, Бетти, потому что мать Тереза сама приедет в Лондон на целый день. Если некому будет тебя подвезти, я пришлю машину, — предложила она.

Когда приехала мать Тереза, один из родственников привез Бетти в Хайгроув, где она встретилась с принцессой, а затем обе отправились в Килберн, где они встретили мать Терезу в окружении двадцати двух монахинь.

Мать Тереза вышла поприветствовать принцессу. Та, повернувшись к Бетти, произнесла;

— Могу я представить вам мою подругу Бетти? Пресса назвала Бетти фрейлиной принцессы.

Мать Тереза поцеловала Бетти, а потом они втроем отправились в зал, где уселись за деревянным столиком. Говорили о бедных и бездомных в Англии, больных и умирающих в Сомали, о необходимости как можно чаще молиться. Мать Тереза что-то держала в руке. Когда она раскрыла ладонь, там оказались два изображения Богоматери и четки.

— Что вам больше нравится? — спросила она Бетти. Бетти выбрала изображения Богоматери. Принцесса — четки. Диана не умела перебирать четки, и Бетти пообещала научить ее. И вообще, в тот день принцесса во всем следовала Бетти: войдя вместе с принцессой в часовню, где их ожидали послушницы, Бетти, повернувшись к ней, произнесла:

— Повторяй за мной.

Следуя примеру Бетти, Диана окунула палец в купель со святой водой и перекрестилась, затем сняла туфли. Все три женщины опустились на колени вместе с монахинями и стали молиться. Бетти утверждала, что много недель спустя ощущала духовный подъем и, просыпаясь поутру, думала, не приснилось ли ей все это.

В феврале 1992 года, после поездки в Индию с принцем Уэльским, принцесса преподнесла Бетти особый подарок: венок, который мать Тереза повесила ей на шею на глазах у журналистов со всего мира. Бетти хранит его по сей день. Он занимает

почетное место рядом с фотографией Бетти, принцессы и сестры Терезы — монахини из монастыря в Голвэе, однажды посетившей Хайгроув вместе с Бетти. Мать Тереза назвала принцессу «такой одинокой женщиной», но тем не менее на фотографии принцесса улыбалась так, будто была по-настоящему счастлива.

А принц Чарльз прожигал жизнь в Хайгроуве и почти совсем не появлялся в Кенсингтонском дворце, куда принцесса иногда приезжала на выходные. Принц пригласил Дадли Поплака оформлять интерьер. Он нанял дизайнера Роберта Кайма, друга Камиллы Паркер Боулз, и во дворце вместо пастельных зелено-желтых тонов стали преобладать красно-коричневые. Дворец стал темным, мрачным. Появились предметы мебели розового и красного дерева: в коридоре — напольные часы, в гостиной — новая решетка у сложенного из сланца камина, еще там повесили зеркало в резной позолоченной раме и новые портьеры, а зеленый ковер заменили тростниковой циновкой. С медной перекладины в коридоре свисал гигантский гобелен работы Уильяма Морриса. Висевший над камином в гостиной портрет лорда Байрона отправили на выставку и заменили картиной с изображением Виндзорского замка. Так постепенно, месяц за месяцем, принц переделывал интерьер на свой вкус. Приехав однажды, принцесса заметила буфет темного дерева и содрогнулась. Я сообщил ей, что две мраморные статуи предназначались для алькова у камина. Она поморщилась. Принц также приказал камердинеру Майклу Фоссету перевезти портреты Его Высочества Альберта Эдварда, принца Уэльского, а некоторые из них были написаны в 1870 году, из его гардеробной в Кенсингтонском дворце в Сандринхем.

Что касается интерьера Кенсингтонского дворца, то тут принцесса сама принимала решения. Например, она убрала из королевской спальни викторианскую двуспальную кровать красного дерева с балдахином и передала ее в Королевскую коллекцию в Виндзор.

6 июня 1992 года, когда мне исполнилось тридцать четыре года, личный секретарь королевы сэр Роберт Феллоуз позвонил в редакцию «Санди Таймс», которая собиралась печатать по частям книгу Мортона, однако настоящая буря разыгралась в Хайгроуве еще накануне, когда принц Чарльз и его личный секретарь Ричард Эйлард решили сами докопаться до истины.

То утро принцесса проводила в Кенсингтонском дворце, сначала с личным тренером Каролан Браун, потом, в десять, — с подругой-терапевтом Эйлин Малоун. Та, как всегда, делала принцессе массаж лица.

Пока принцесса отдыхала, а Эйлин делала ей массаж,

соратники принца Чарльза корпели над факсом, пришедшим из Броудлендса, поместья лорда и леди Ромзи. Из аппарата, стоявшего под столом в буфетной, появилось два листа бумаги. Сначала я увидел слово «Броудлендс». Подумал, от Ромзи. Но нет. Это оказалась стенограмма радиоинтервью с Эндрю Нилом, редактором «Санди Таймс»; он заявил, что принцесса дала согласие на издание книги, так что у принца Чарльза есть все основания чувствовать себя обманутым. От Броудлендса до Хайгроува, от Ричарда Айларда до принца Уэльского — все кругом были против принцессы, даже когда она просто прихорашивалась во дворце. Мне приходилось труднее, чем когда-либо: нужно прислуживать принцу в Хайгроуве и думать о принцессе в Кенсингтонском дворце. Но произошло событие, раз и навсегда положившее конец этой дилемме.

Необыкновенно изнурительный день подходил к концу. Второй завтрак прошел на солнечной террасе, на свежем воздухе. Вечером я подал принцу Чарльзу ужин рано, чтобы он опять смог отправиться за одиннадцать миль в Мидлвич к миссис Паркер Боулз. Телефон звонил весь день. Когда зашло солнце, Джеральд Уорд, местный землевладелец, оставил сообщение для отсутствующего принца, как это делали многие, даже пресс-секретарь Дикки Арбитер. Пока в буфетной мыли посуду, вновь зазвонил телефон.

— Здравствуй, Пол, как дела? — услышал я голос принцессы. Когда я ответил, что весь день кручусь как белка в колесе, она рассмеялась.

— Надеюсь, муженька моего рядом нет? — продолжала она. Разговаривая с придворными, она никогда не называла принца Чарльза Его Высочеством, как того требовали правила.

Лучше бы она не спрашивала. Впервые принцесса позвонила в Хайгроув, когда принц отсутствовал «по личному делу». И что мне теперь говорить? Лгать? Но я не мог лгать принцессе.

Она повторила вопрос:

— Ну, так он здесь? — Теперь в ее голосе слышалось нетерпение.

Я быстро сообразил, что нельзя говорить ей всей правды.

— Мне очень жаль, Ваше Высочество, но его нет. Он уехал.

Уехал. А уже больше восьми. Черт возьми. Не стоило этого говорить.

— Куда это он уехал? — допытывалась она.

— Не знаю, Ваше Высочество.

— Конечно, знаешь, — настаивала она. — Тебе известно все, что там происходит. Ну, так где он?

Принцесса превосходно знала, что честность — это моя самая

сильная и одновременно самая слабая сторона. Я разрывался между долгом и преданностью им обоим, и инстинкт подсказал мне благоприятный как для принцессы, так и для меня довод:

— Пожалуйста, не спрашивайте, Ваше Высочество. Спросите лучше у Его Высочества, а не у меня, — отозвался я. Чувствовал я себя отвратительно. Не хотелось ни подводить принца, ни лгать принцессе. Ведь она так добра ко мне.

Принцесса изменила тему разговора, точнее, по-другому поставила вопрос:

— Еще кто-нибудь сегодня звонил?

Не заметив подвоха, я ответил, что Дикки Арбитер и Джеральд Уорд оставили сообщения. Это только на первый взгляд кажется безобидным, но ведь принцесса, заявив, что ей известно, кто звонил в тот день, заставит принца Чарльза думать, что ей известно все. Я сам снабдил ее оружием и понимал это.

— Пожалуйста, не говорите ничего, Ваше Высочество. Вы же знаете, мне не поздоровится, — взмолился я.

Она сказала, чтобы я не беспокоился, но по тому, как стремительно она повесила трубку, я понял, что все пропало. О таком не забудешь даже в разгар супружеской ссоры. Принцесса слишком рассержена. Спать я лег в крайнем беспокойстве.

Мария мне не посочувствовала. Наоборот, упрекала меня за болтовню.

— Думать надо было, чурбан, думать! — негодовала она.

На следующий день я в страхе отправился в главное здание. Утро прошло как обычно, и у меня появилась слабая надежда на то, что принцесса ничего не сказала. Казалось, все в порядке, но тут в буфетную, где я протирал фарфор и столовое серебро к обеду, вошел слуга Майкл Фоссет. Он был мрачнее тучи.

— Он хочет тебя видеть, и он очень недоволен, — объявил Фоссет.

Впервые меня вызывали не как обычно, нажатием кнопки. За мной прислали. Значит, это не обычный вызов. До меня доносился звук шагов принца: на лестнице, а потом по натертому до блеска полу в коридоре. Хлопнула дверь в библиотеку. Я медлил, сердце мое учащенно билось. Я вышел, повернул налево, к двери, потом направо и с дурным предчувствием постучал в дверь библиотеки. Если принцесса впутала в это дело и меня, я потеряю работу. Вот все, о чем я тогда думал.

Принц Чарльз стоял у круглого стола

— Закрой дверь, — прошипел он. Дверь захлопнулась.

— Ваше Высочество? — пробормотал я. Он негодовал.

— Скажи, почему Ее Высочеству всегда известно, кто приезжает и кто звонит в Хайгроув, когда ее нет?

— Не понимаю, о чем вы, Ваше Высочество.

— Ты говорил с Ее Высочеством? — голос его дрожал от злости.

Я ответил, что в последний раз говорил с ней накануне вечером.

— Когда вас не было, — добавил я.

— А что именно ты ей сказал?

Терпение его иссякало. Я как будто слышал шипение горящего запала.

— Что вы уехали, Ваше Высочество.

Я сам почувствовал, как робко это сказал. Лицо его побагровело.

— Зачем?! — взревел он.

— Но ведь вы действительно уехали, Ваше Высочество.

Из багрового лицо его сделалось ярко-пурпурным.

— А не говорил ли ты ей, кто звонил вчера вечером?

— Я сказал, что звонил мистер Уорд и что вас не было, таким образом, подтверждая, что говорю правду, — ответил я.

Принц не поверил. Мы оба понимали, как глупо это звучит.

— Да почему, черт возьми, ты не ответил, что просто не можешь меня найти?!

Что-то заставляло меня не сдаваться. Я ведь не Майкл Фосетт. И не Ричард Айлард. Я не из той шайки, что охотно покрывает его похождения.

— Вы хотите, чтобы я лгал, Ваше Высочество? Словно не ожидая столь безрассудного вопроса от слуги, он взорвался:

— Да, да, хочу!

От его крика задрожали картины на стенах.

В порыве гнева он схватил со стола книгу и швырнул ею в меня. Не попал, да, впрочем, он и не целился. Он не хотел ударить меня, просто кинул со злости. Вообще-то, за принцем Чарльзом водится привычка швырять предметы, когда он выходит из себя. Книга упала на пол.

— Да! Я принц Уэльский, — завопил он, топнув ногой для пущей важности, — и буду королем! Вот так! Да!

Я не осмелился спросить, не нужно ли ему что-нибудь еще. Я стремительно вышел. В полном ошеломлении. Хотя я много слышал о его вспыльчивости, но до сих пор не имел счастья испытать ее на себе. В буфетной я схватил стул, сел и, обхватив голову руками, стал ругать себя за собственную глупость.

Минуты ползли, как вдруг в деревянный ящичек опустился красный диск с надписью. Сцена вторая.

Открыв дверь, я неуклюже вошел. Мне предстала совсем иная картина. Гнев принца прошел, теперь он сидел за столом.

Казалось, он не знал, куда спрятаться, хотя это скорее мне следовало смущаться. Видно было, что он ужасно раскаивается.

— Пол, мне так жаль. Я вовсе не хотел на тебя кричать. Прошу прощения.

На полу, с раскрытыми страницами, лежала книга, которой принц швырнул в меня. Я нагнулся, поднял ее, положил обратно в стопку и проговорил:

— На ком же вам еще срывать досаду, как не на мне, Ваше Высочество?

Принц вернулся в кресло, такой несчастный, будто гнев высосал все его силы. Кивнул, давая знак удалиться. Мне хотелось убедить принца, что все в порядке, но я знал: это далеко не так. Оба мы были не правы, но вернуть уже ничего нельзя.

Работа на два фронта перестала быть лишь психологической дилеммой. Я попал под перекрестный огонь: оба — и принц и принцесса — требовали от слуг стопроцентной преданности, между тем как угодить можно только одному. Сам-то я знал, кому я предан в душе. Но я не мог рассказать об этом Марии. Ей так нравилась наша жизнь в поместье.

Книга «Правдивая история Дианы» вышла 16 июня 1992 года. Приехав в Аскот, принцесса выглядела очень самоуверенно. Зная, что все взгляды устремлены на нее, она, уже многоопытная светская львица, не подавала и виду, С опаской вошла она в королевскую ложу с черного хода. Там она впервые осознала, какой ущерб нанесла книга. По словам принцессы, она почувствовала отчуждение остальных членов семьи, в разговорах появилась холодность и неловкость. Она старалась изо всех сил. Оглядывая зал, принцесса увидела Эндрю и Камиллу Паркер Боулз, те смеялись, так и сияя супружеским счастьем. Потом она заметила принцессу Анну, стоящую перед объективами вместе с Эндрю Паркер Боулзом — ее старым другом. Ей было неприятно видеть свою золовку, льнущую к мужу любовницы своего брата; именно в этом крылся корень несчастья принцессы.

Немного спустя принцесса Анна облегчила горе Дианы. Просто отвела ее в сторону и сказала несколько теплых слов.

В 1992 году, вскоре после развода с капитаном Марком Филлипсом, принцесса Анна влюбилась в Тима Лоуренса. Ожидалась новая королевская свадьба. В прессе сообщалось, что Диана проигнорировала принцессу Анну, не придя к ней на свадьбу, но это было не так. Принцесса Анна сама предложила Диане отклонить приглашение. Она чувствовала себя виноватой за то, что влюбилась, когда у принца и принцессы все было не так гладко. Слова золовки: «Многие в нашей семье молятся за тебя» — приободрили принцессу. Принцесса Анна понимала, что Диане

может быть больно присутствовать на церемонии, и Диана приняла ее сочувствие. Она не пришла, зная, что принцесса Анна дала на это свое королевское согласие.

За приемом в Аскоте последовала наспех организованная в Виндзорском дворце встреча, на которой присутствовали герцог Эдинбургский, а также принцесса и принц Уэльские. Царила напряженная атмосфера, но заседавшие обменивались искренними, откровенными мнениями. Принцесса рассказывала мне:

— Мама расстроилась, выслушав меня. По-моему, она от всего этого даже постарела, я ведь постоянно изливаю ей свои горести.

В Виндзоре принц Филипп дал понять, что все очень расстроены из-за несправедливых высказываний в книге Мортона. Он же сообщил принцессе, будто все подозревают, что она имела отношение к появлению этой книги. Принцесса отрицала, что сотрудничала с автором. Я искренне верю, что принцессу саму пугали масштабы того, во что она впуталась.

— После выхода книги жизнь моя стала невыносима. Только благодаря друзьям я сумела пройти через это, — говорила принцесса. Брак опустошал и раздражал ее, к тому же она горевала по отцу, поэтому и поступала опрометчиво, необдуманно, а еще ее приводили в замешательство обвинения родственников. Дав понять друзьям, что она сама — жертва, Диана замкнулась в себе. Таким образом, принцесса пресекала как любую возможность примирения, так и малейшую надежду на то, что принц Чарльз изменится.

Впоследствии она попыталась сломать эту ситуацию вопреки собственному здравому смыслу, и это толкнуло ее в другую гибельную крайность — к съемке в программе «Панорама» на Би-би-си три года спустя. В обоих случаях она хотела, чтобы все узнали правду, но на самом деле — взывала о помощи, надеясь завоевать симпатию и таким образом спастись. Но никто, а главное — принц Чарльз, понимания которого она ждала больше всего, не желал ей помочь. И тем не менее она любила его. В глазах принцессы, часто не замечавшей обратную сторону медали, Чарльз бросал ее ради Камиллы Паркер Боулз.

Даже осознавая собственную неправоту, принцесса продолжала бороться, она не выносила несправедливости. Она объясняла королеве и принцу Филиппу, что пыталась терпеливо относиться к мужу, но, натолкнувшись на каменную стену непонимания, решила, что расстаться, к сожалению, необходимо. Расстаться по-королевски. Не разводясь. Принцессе хотелось свободы без разрыва брачных уз.

Королева и принц Филипп не одобряли идею разрыва. И принца и принцессу просили пойти на компромисс, быть менее эгоистичными, постараться преодолеть трудности ради непоколебимости монархии, ради детей, ради страны и народа. На встрече в Виндзоре принцесса ясно дала понять принцу Чарльзу свое отвращение к Камилле Паркер Боулз. Потом она признавалась, что возможность открыто выражать чувства при родственниках приносила ей огромное облегчение:

— Тогда все уже было известно. Написано в книге, обсуждалось в семье.

Тем не менее книга сыграла в некоторой степени и положительную роль: на некоторое время избавила принцессу от булимии.

— Думаю, вся эта история — величайшее испытание в моей жизни, — говорила она.

Королева считала, что встреча прошла очень искренне, и назначила на следующий день новую. Но принцесса не смогла принять ее приглашения. Ей не хотелось оставаться на этой неделе в Виндзоре, и она вопреки традиции пробыла в Аскоте лишь два из положенных четырех дней.

Последовало письмо герцога Эдинбургского, где он высказал свое разочарование по поводу того, что принцесса не явилась на вторую встречу, тогда как они с королевой тратили время, пытаясь решить их с принцем семейные проблемы.

Но принцесса, расстроенная присутствием в Аскоте Камиллы Паркер Боулз, оскорбилась и уединилась в Кенсингтонском дворце.

Именно отказ от приглашения остаться в Виндзорском замке послужил поводом к началу переписки принцессы с герцогом Эдинбургским.

Само собой разумеется, что и королева, и принц Филипп изо всех сил пытались спасти королевский брак, однако можно понять, с какими трудностями они столкнулись. С тех пор они делали все возможное, чтобы предотвратить публичный развод. Они решили, что в подобной непростой, деликатной ситуации необходим трезвый ум. Едва ли принц Филипп обладал таким умом, к тому же у него была репутация не самого тактичного человека. И тем не менее взялся за дело именно он. Влиятельность его и королевы невозможно переоценить: до сих пор они, будучи отцом и матерью, никогда не вмешивались в браки своих детей, утверждая, что только жизненный опыт может научить уму-разуму. Но тут они твердо решили, что нельзя сидеть сложа руки и спокойно смотреть, как рушится брак Уэльской четы. Как и Ее Величество, принц Филипп пытался сохранить

беспристрастное отношение к принцессе, но его роль требовала от него оставаться искренним и говорить самую суровую правду. А принцессе не хотелось, чтобы он вмешивался.

— Интересно, часто ли жены вынуждены обсуждать семейные проблемы со свекром, а не с мужем? — как-то в сердцах воскликнула она.

Для нее это было еще одним доказательством того, что королевская семья ведет себя странно, когда дело касается человеческих отношений, а принц Чарльз попросту прячет голову в песок. Более того, это явно означает, что ни одна из сторон не хочет ввязываться в сложный семейный конфликт.

Честно говоря, принц Филипп делал куда больше для спасения брака, чем принц Чарльз, и не важно зачем; для того ли, чтобы сохранить видимость приличий, или из желания и впрямь помочь супругам, — но действовал он правильно. Кому, как не ему, знать, каково это — войти в королевскую семью, порвав с прошлым во имя долга. Однако, как и всякому, кто плохо знал принцессу, вряд ли ему было известно, как обращаться со столь ранимым человеком. Он старался быть беспристрастным, но рубил сплеча там, где требовалась особая деликатность. Забрасывая принцессу письмами, он своими грубыми замечаниями приводил ее в ярость. Она не рвала писем. Напротив, она связывала их в пачки и хранила как неопровержимые доказательства, а для надежности делала с некоторых копии и отсылала самым верным друзьям. Другим, например телерепортеру Мартину Баширу или мне, принцесса показывала оригиналы.

Я видел эти письма в 1993-м, Башир — в 1995-м, Как-то я сидел с принцессой на лестнице в Кенсингтонском дворце. Даже тогда, год спустя после получения этих писем, она потрясенно покачивала головой, читая их. Об этих письмах писали много всякой чепухи и откровенной лжи. Потом газеты, ссылаясь на свои источники, заявляли, что это были самые возмутительные письма, какие Диана когда-либо получала: грубые, лаконичные, написанные на листах формата А5. Нельзя было проглотить подобную бестактность. Письма выносили на свет божий некоторые неприятные истины, но никогда не были ядовиты. Наоборот, со временем в них стали чувствоваться понимание и симпатия. Они не были лаконичными и грубыми. Напротив — длинными и немного сумбурными. И на листах А4.

Еще в противовес газетным заметкам могу добавить, что не припоминаю, чтобы принц Филипп употреблял в письмах слова вроде «шлюха» или «проститутка». Насколько мне известно, он никогда не обвинял принцессу в том, что она наносит ущерб

моральному облику монархии.

Принц Филипп писал эти письма рассерженный все новыми откровениями книги Мортона. Он тоже страдал от раны, нанесенной гордости его сына и семьи. Поэтому принц Филипп я занял оборонительную позицию, а это мешало ему оставаться объективным. Тем не менее он изо всех сил пытался сохранять беспристрастность и абстрагироваться от книги.

Принц Филипп намеревался изложить свои мысли на бумаге, заявив, что принцесса находится в духовном поиске. Ему хотелось натолкнуть ее на размышления о браке, о своем поведении. Читая эти письма, можно прийти к единственному выводу: по его мнению, чтобы быть справедливым, необходимо быть жестким. С одной стороны, он одобрял одиночные выезды принцессы и ее благотворительную деятельность, но с другой — утверждал, что быть женой принца Чарльза «означает больше, чем быть просто героиней британского народа». А принцессе меньше всего хотелось слушать рассуждения о необходимости отбросить собственное «я» от человека, которого она больше всех уважала со времен замужества.

Письма скорее навредили, чем помогли. Принц Филипп утверждал, что ревность разъедает брак изнутри. Принцесса воспринимала такие слова как нападки на нее лично. Еще принц Филипп добавил, что поведение принцессы после рождения Уильяма также оставляет желать лучшего. О моем вмешательстве он тоже не забыл. Я вздрогнул, когда герцог привел в пример один из многих случаев, когда принцесса спрашивала меня о том, куда отправился принц Чарльз, покинув вечером Хайгроув. Принц Филипп заявил также, будто его сын подозревал, что принцесса шпионит — подслушивает под дверью, расспрашивает дворецкого.

— Если бы Чарльз с самого начала поступал со мной честно, мне не пришлось бы подозревать его, — призналась она мне.

Трудно не согласиться, что, когда муж продолжает видеться с прежней любовницей, жена не может быть спокойна.

Действия принцессы сделали принца Чарльза подозрительным, а его двойная жизнь заставила принцессу усомниться в нем. Но по всей вероятности, ни принц Чарльз, ни герцог Эдинбургский не понимали, что это порочный круг, из которого супруги не могут вырваться. Родители подливали масла в огонь: принцесса, мол, недостаточно заботливая жена, она хорошая мать, но слишком опекает Уильяма и Гарри. Я видел ее с детьми — она окружала их любовью и вниманием, ей хотелось быть с ними двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. По выходным она отправляла детей в Хайгроув повидаться с

отцом. Только в мире королей, где детскую люльку обычно качает нянька, любовь и внимание матери к детям могут считаться «чрезмерными».

Но принцессу озадачило то, что принц Филипп поднял столь острый вопрос, как связи ее мужа. Он писал, что принцесса должна быть благодарна мужу, что тот на самом деле порвал с Камиллой Паркер Боулз. Принц Чарльз считал, что пошел на «огромные жертвы», порвав с ней, и что принцесса «не оценила его поступка». Затем последовал удар, от которого принцесса буквально зарыдала. Принц Филипп писал: «Можешь ли ты, положа руку на сердце, сказать, что возобновление отношений Чарльза и Камиллы Паркер Боулз никак не связано с твоим поведением в браке?»

Принцессу обвинили в том, что она сама толкнула принца Чарльза в объятия женщины, с которой на самом деле желала его разлучить. Даже год спустя одна лишь мысль об этом приводила ее в ярость.

— Все они чертовски похожи: только и делают, что следят друг за другом! — негодовала она.

С одной стороны, принц Филипп не отрицал вину Чарльза, но с другой — перекладывал всю ответственность на принцессу.

Летом 1992 года я не часто видел принцессу в Хайгроуве. Брак окончательно распался. Осенью принцесса продолжала поддерживать отношения с герцогом Эдинбургским. Тогда как одно письмо приводило принцессу в отчаяние, другое придавало ей сил. Принцесса всегда отвечала на письма, и на предыдущие она откликнулась гневным посланием. Вот как начиналось одно из писем герцога: «Ну и ну! Видимо, в последнем письме я несколько перегнул палку…» На самом деле он признавал, что принц Чарльз в равной степени виноват в распаде брака и был не менее упрям, чем принцесса.

Когда изменилось отношение принца Чарльза, изменилось и отношение принцессы. И пусть мнения и наблюдения тестя казались принцессе не совсем приемлемыми, она научилась уважать его за порядочность. После того как принцесса оспорила некоторые его комментарии, письма принца Филиппа стали теплее, добрее и деликатнее. Еще важнее, что с тех пор, как в середине восьмидесятых начались ее несчастья, хоть кто-то из Виндзорского дворца прислушался к ней, не считая неуравновешенной истеричкой. Встретив друг друга во всеоружии, принцесса и герцог Эдинбургский разрушили разделявший их барьер и открыто заговорили на больную тему. Принцесса ценила старания тестя, отмечала про себя длину его писем и восхищалась им. Как сильно отличалось мнение герцога

от суждений остальных членов королевской семьи, столь поспешно определявших ее беспокойство как припадки сумасшедшей! Хоть кто-то понял, что перепады ее настроения, булимия, истерики происходят от сводящего с ума страха не быть услышанной. Принцесса почувствовала облегчение, когда герцог сообщил ей, что не разделяет мнения сторонников принца Чарльза, основанного на ужасающем неведении, и не считает, что она «душевно неуравновешенна» и «ненадежна».

После смерти принцессы, когда она уже не могла себя защитить, ее память оскорбили бредовым предположением, что она была на грани распада личности. Придворная писательница Пенни Джунор в книге «Чарльз» (1998) поставила вопрос: «Жертва или преступник?», а также заметила, что принцесса запятнала свою репутацию собственным поведением. Стоит добавить, что прийти к такому умозрительному заключению ей помогло неизданное исследование Джонатана Димблби «Принц Уэльский» (1994).

Мировая пресса создала впечатление, что принцесса ведет какую-то лихорадочную жизнь. Если бы принцесса и впрямь страдала от какого-то душевного расстройства, она ни за что не справилась бы с таким грузом обязанностей в столь суровых условиях. А если верить тому, кто жил с ней рядом, кто просто видел в ней человека, пытавшегося выжить в непривычной среде, то станет ясно, что страдала она всего лишь от булимии.

К счастью, герцог Эдинбургский тоже не считал ее сумасшедшей. В одном из писем он признал, что булимия может влиять на поведение больного, и заявил, что нельзя обвинять принцессу за «странные выходки», обусловленные недугом. Принцессе было очень важно, что он это понимал. Принц Филипп мгновенно абстрагировался от ядовитых пересудов, из-за которых принцесса долгие годы страдала от непонимания со стороны даже самых близких людей. И сегодня, во имя памяти о ней, следует доверять мнению герцога, к которому тот пришел, когда принцесса была еще жива, а не рассуждениям придворной писательницы, вышедшим уже после смерти Дианы.

Еще сильнее принцессу обнадежило, что и королева и принц Филипп все еще считали, что брак можно сохранить, если пойти на некоторые компромиссы. Герцог даже составил список общих интересов и задач, которые могли бы воссоединить пару. Это укрепило все еще сохранявшийся оптимизм принцессы. Несмотря на всю горечь и гнев, принцесса любила принца Чарльза и, пускай наивно, верила, что когда-нибудь они снова будут вместе. В 1992 году она осознала, что расстаться необходимо, что, наверное, так будет правильнее. В отличие от некоторых придворных биографов

она не считала, что браку конец, наоборот, верила, что его можно возродить.

Герцогу удавалось своими высказываниями не только довести принцессу до слез, но и рассмешить. Например, услышав, как он отзывается о Камилле Паркер Боулз, она, не скрывая радости, принялась скакать по комнате. И герцога и королеву беспокоила связь их сына с замужней женщиной, они очень ее порицали. Потом последовало письмо:

Мы считаем, что ни один из вас не имеет права заводить любовников. Чарльз пошел на неоправданный риск для человека в его положении, связавшись с Камиллой. Мы и представить себе не могли, что он оставит тебя ради нее. Трудно вообразить, что тебя вообще можно оставить ради Камиллы. Такое нам и в голову не приходило.

Именно это и нужно было услышать принцессе. От ее внимания не ускользнуло и то, что герцог Эдинбургский стал подписываться: «С глубочайшей любовью, папа».

Переписка с герцогом то повергала принцессу в отчаяние, то давала надежду, доводила до слез, смешила, сердила или заставляла идти на уступки. Когда принцесса делилась со мной своими переживаниями, казалось, она ищет независимого свидетеля, который мог бы подтвердить, что ее видение королевской семьи, брака, придворной жизни, того, как с ней обращались, несправедливость, с которой она сталкивалась, — не бред, выгодный ей самой. А быть может, она хотела, чтобы посторонний человек лишний раз подтвердил, что она права, как будто слова герцога были недостаточно убедительны. Она выбрала меня, потому что знала: я хорошо знаю королеву и ее мужа.

Принцесса, правда, не любила, когда ее критикуют, но скоро поняла, что страдала не напрасно: и герцог Эдинбургский, и королева стали гораздо лучше к ней относиться. До самой смерти она восхищалась герцогом Эдинбургским. Несмотря на боль, причиненную принцессе первыми посланиями герцога, она всегда говорила, что никогда не забудет его ценных советов.

Однако герцог вскоре зашел в тупик. В газетах стали появляться скандальные статьи, и принцесса делала все возможное, чтобы утолить жажду прессы к громким заголовкам. Она сделала заявление для прессы такого рода: «Ее Величество королева и Его Высочество герцог Эдинбургский всегда хорошо ко мне относились и поддерживали меня». Когда всем было ясно, что ее брак находится на грани окончательного распада,

принцесса старалась делать вид, что ничего не происходит. Тем не менее герцог Эдинбургский ради спасения монархии изо всех сил старался сохранить по крайней мере деловые отношения между принцем и принцессой. Именно принц Филипп, когда беседовал с принцессой в Балморале, уговорил ее поехать с Чарльзом в Корею, хотя она не хотела туда ехать. Это оказалась крайне неудачная поездка. Она окончательно убедила всех в том, что их брак развалился.

Двадцать седьмого ноября я написал друзьям Ширли и Клоду Райтам в Кентукки:

Ситуацию сможет изменить либо грандиозный скандал, либо официальное заявление. Если до конца года произойдет то или другое, наступят тяжелые времена. Я постоянно нахожусь в Хайгроуве, присматриваю за теми, кто здесь бывает. Уверен, что в 93-м много чего случится, но меня это не коснется, так что вряд ли наша жизнь изменится.

Я и не догадывался, что адвокаты принца и принцессы уже месяц как готовили документы на развод. В Хайгроуве мы все пребывали в неведении, и у принцессы были причины не посвящать меня в свои дела, ведь она знала, какой удар по нашему образу жизни это нанесет.

Я заказал рождественскую елку для поместья Хайгроув. Принца не было, а принцесса отправилась в графства Тайн и Веар со своей подругой-секретарем Морин Стивенс. Среда, 9 декабря, началась как обычно. Потом стало известно, что в три часа приедет Джейн, графиня Стрэтклайд, менеджер по персоналу. Едва увидев ее лицо, мы поняли, что у нее дурные новости; несправедливо, что на человека, которого все так любили, возложена столь неприятная обязанность. Выглядела она очень взволнованно, и, вместо того чтобы просто поболтать и обменяться любезностями, она, едва войдя, вызвала личного секретаря принца — Ричарда Айларда. Затем она приказала мне собрать на кухне всех слуг: Венди, Падди, Литу, Барбару (приходящих горничных) и Марию.

Приезд Джейн совпал с сообщением премьер-министра Джона Мейджора о том, что Уэльская чета, к сожалению, решила разойтись.

Между тем всюду — в Букингемском, Кенсингтонском дворцах и в Хайгроуве — все считали, что принцу и принцессе следует жить раздельно, но не разводясь. Нужно соблюдать закон, даже если все летит в тартарары.

Как только Джон Мейджор передал документ в палату общин, Джейн вышла из гостиной — на лице ее застыла такая скорбь, словно это она виновата в случившемся.

— Могу я сперва поговорить с Полом и Марией? — попросила она, и мы последовали за ней в столовую для прислуги. — Пожалуйста, закройте за собой дверь.

Я сел, крепко держа Марию за руку. Джейн упавшим голосом начала:

— Только сейчас начинаю понимать. Я ехала в Хайгроув, не зная зачем. Но только что объявили, что Их Высочества принц и принцесса Уэльские приняли решение разойтись…

По-другому и быть не могло, но сердца наши дрогнули, когда мы услышали эту печальную весть. Однако Джейн продолжала:

— …и Ее Высочество принцесса Уэльская хочет, чтобы вы оба прислуживали ей в Лондоне.

Она хотела, чтобы я работал вместе с дворецким Кенсингтонского дворца Гарольдом Брауном. Мария залилась слезами и запричитала:

— Быть не может, быть не может. Мы с Джейн молчали, Мария плакала.

— А что же сказать мальчикам? Ведь здесь их друзья, школа и наш дом. Нет, нет!

Наклонившись, Джейн обняла Марию:

— Не знаю, что и сказать.

У меня в голове тоже царил хаос, но по другой причине. Как только я услышал о разводе, я понял: для меня это значит, что мое будущее будет связано с принцессой. Я не раскис, я знал: ничего не бывает случайно и просто так. Удивляло только, почему принцесса не сказала нам раньше. Этого я никак не мог понять.

Когда я вместе с убитой горем Марией вернулся в кухню, первой нас увидела Венди.

— Что произошло?! — воскликнула она, кинувшись к Марии.

— Могу я теперь поговорить с тобой, Венди? — спросила Джейн. Десять минут спустя Венди вернулась. Она оказалась более разговорчивой. Надо отдать ей должное — она отнеслась ко всему философски:

— Мне все равно придется уволиться. А беспокоилась она больше за нас.

После ухода Джейн мы почти весь день просидели за столом в кухне, пили джин с тоником и рассуждали о случившемся. Падди пришлось вернуться в конюшню а обе горничные, потрясенные этими событиями, разошлись по домам.

Венди предложила Марии сигарету. — Конечно, в кухне курить нежелательно, но теперь думаю, все равно, — сказала она, и они выкурили одну за другой все двадцать сигарет из пачки. Вернуться в Лондон. На другую должность. В другую королевскую

резиденцию. Мы никогда больше не увидим ни принцессу, ни Уильяма с Гарри здесь, в Хайгроуве.

В тот вечер, едва вернувшись в Кенсингтонский дворец, принцесса позвонила нам. Она одна знала, как расстроит Марию необходимость проститься с загородной жизнью, о которой та всегда мечтала, и вернуться в Лондон.

— Не переживай, Мария, — подбодрила ее принцесса, когда та вновь разрыдалась. — И тебе и Полу будет лучше здесь, со мной. Знаю, вам не хочется возвращаться в Лондон, но я все устрою.

Мария положила трубку, исполненная жалости к принцессе. Она знала, как одиноко жилось той в Кенсингтонском дворце и как для нее важно, чтобы семья слуг, к которым она так привыкла, продолжала работать на нее, а не на мужа. Среди того, что принцесса хотела оставить себе после развода, значились и Баррелы.

Тем временем принцесса получила очередное неприятное письмо из Букингемского дворца от герцога Эдинбургского. Пока адвокаты обеих сторон вели переговоры об условиях развода, принц Филипп решил: принцесса должна покинуть апартаменты № 8 и № 9, где она прожила последние десять лет, чтобы они могли стать лондонской резиденцией принца Чарльза.

В качестве альтернативного варианта, наиболее приемлемого для матери детей, обучающихся в пансионе, герцог предложил ей переехать в апартаменты № 7: теперь они пустовали, а прежде там жили Клейтоны, дальние родственники королевской семьи. Принцесса назвала апартаменты конурой, совершенно не подходящей для двух принцев. Зато для герцога Эдинбургского апартаменты № 7 значили много. Именно там он останавливался накануне свадьбы с королевой 20 ноября 1947 года.

Герцог ссылался на то, что эти апартаменты почти как отдельный дом. Но женщина, которую я вот-вот должен был назвать своей хозяйкой, не сдавалась. Поскольку принцесса имела возможность откровенно говорить с тестем, она могла поделиться с ним своими чувствами, не боясь огорчить его. Она заявила, что ни при каких обстоятельствах не намерена уступать принцу Чарльзу. Она продолжала считать Хайгроув своим, а в Лондоне начала обустраиваться в Сент-Джеймсском дворце. Принцесса сохранила за собой апартаменты № 8 и № 9, где я стал прислуживать ей одной вместе с Марией, полдня исполнявшей обязанности горничной.

Глава восьмая

КЕНСИНГТОНСКИЙ ДВОРЕЦ

«Может, посмотрим фильм?» — спросила принцесса Диана.

Была суббота. Мы только что вернулись в Кенсингтонский дворец, пройдясь по магазинам на улице неподалеку от дворца. Повара отпустили на денек домой, и он уехал, оставив в холодильнике салат на ужин. В доме царила тишина. День был свободный, у принцессы на сегодня не было назначено никаких дел, и она вполне могла пару часов провести так, как ей нравится.

Сейчас она стояла в дверном проеме буфетной на первом этаже, а я заваривал две чашки растворимого кофе. «Выбирай фильм. Я приду через пять минут», — сказала Диана и пошла по лестнице вдоль бело-желтых стен.

Мы могли подолгу болтать о фильмах, и теперь, помешивая кофе в бело-голубых чашках — принцесса предпочитала фарфор, — я знал, какой фильм мы будем смотреть.

В ее коллекции было не так много фильмов, как у Уильяма и Гарри, но у нее все же было несколько хороших классических фильмов, в основном мелодрам. Она называла их «слезоточивыми».

Войдя в гостиную, я сел на корточки и стал изучать надписи на видеокассетах, которые занимали две полки белого комода, находившегося в основании высоченного, почти до потолка, книжного шкафа. «Унесенные ветром», «Шелковые чулки», «Моя прекрасная леди», «Цилиндр», «Карусель», «Саут Пасифик», «Привидение», «Английский пациент». Мой взгляд остановился на фильме «Короткая встреча» [19]. Этот точно из разряда «слезоточивых». Принцесса смотрела его, кажется, чаще, чем я ей готовил кофе или морковный сок. «Давайте посмотрим вот этот», — сказал я, когда она вошла в комнату, и вставил кассету в видеомагнитофон.

Принцесса и дворецкий расположились в разных углах дивана в розовую и бежевую полоску, который стоял перед ее столом красного дерева, напротив камина из серого мрамора. Из окон с белыми рамами, находившихся за нашей спиной, лился солнечный свет. На подушке между нами лежала упаковка бумажных платочков. «Я всегда плачу, когда смотрю этот фильм!» — сказала принцесса Диана, когда начался фильм.

Расположившись поудобнее, она принялась смотреть историю про то, как случайная встреча обернулась большой любовью.

Любой, кто сидел с ней на концерте или смотрел «Короткую встречу», знает, что она всегда плачет, когда слушает Второй

фортепьянный концерт Рахманинова. Когда в фильме поехал паровоз и музыка заполнила гостиную, принцесса заплакала. Она немного повернулась ко мне, и я увидел, что по ее щекам текут слезы. А когда она заметила, что я тоже взял платочек, то с хохотом откинулась назад. «Какие мы глупые!» Мы громко рассмеялись. И по сей день, услышав концерт Рахманинова, я улыбаюсь. С этого дня принцесса часто ставила в свой плеер диск с этим концертом и слушала его, когда ходила из комнаты в комнату. А иногда садилась за рояль в гостиной у окна, которое выходило в сад, и играла на нем музыку из «Короткой встречи». Я тихо поднимался по лестнице, становился у двери так, чтобы она меня не заметила, и смотрел, как она играет на рояле — уйдя в свои мысли, закрыв глаза. Все подарки по сравнению с этим не имеют никакого значения. Эта музыка стала для меня самым лучшим подарком, который я когда-либо получил в Кенсингтонском дворце.

Но я не сразу стал смотреть фильмы с принцессой. Ее доверие надо было еще заслужить. После того как я переехал из Хайгроува, у меня появились новые обязанности, которые я поначалу делил с Гарольдом Брауном, и они стояли на первом месте.

Фургон с нашей мебелью и разными пожитками остановился возле Старых конюшен. Здесь, на втором этаже, располагалась квартира № 2, наше новое жилье, — там были две спальни, ванная, гостиная и кухня. Мощное строение находилось вдалеке от столичной суеты, там мы могли укрыться от шума и гама Кенсингтон Хай-стрит. Перед домом раскинулась большая зеленая лужайка. Трехэтажное вытянутое здание Кенсингтонского дворца из красного кирпича находилось на юго-западе Королевских садов, которые граничили с западной стороной Гайд-парка. Здесь было все совсем не так, как в графстве Глостер. Мы переехали сюда теплым весенним днем, в апреле 1993-го, и обнаружили, что теперь будем жить в оазисе в самом центре Лондона, словно в самом центре огромного парка.

Мы увидели знакомое лицо. Нас встречала сама принцесса Диана. Она улыбалась, в руках у нее был букет цветов для Марии. Какая еще начальница стала бы лично встречать своих подчиненных?

Когда Мария открыла дверцу машины, принцесса запрыгала от радости. «Добро пожаловать! Добро пожаловать! Ура! Наконец-то вы приехали!» — воскликнула она и обняла Марию, а Александр и Николас бросились к ней и обняли за ноги.

Наши вещи выгрузили из фургона, и принцесса, стоя на солнце, стала их рассматривать. «Я очень любопытна, — сказала

она. — Ой, Мария, я и не знала, что у тебя есть эта вещица». Потом она хлопнула в ладоши: «Ну я пойду, не буду вам мешать». И пошла по траве ко дворцу. Диана собиралась съездить на Пасху в Линкольншир, к своей сестре леди Саре Маккоркодейл, и ей предстояло еще упаковать пасхальные яйца для племянниц и племянников.

Мы прошлись по квартире. На полу лежали новые ковры, а в кухне плитка. В этих перестроенных конюшнях раньше жили конюхи и солдаты, охранявшие дворец, который король Вильгельм III и королева Мария II приобрели в конце XVII века. Значительно позже их разделили на отдельные квартиры для прислуги и людей, работавших у королевской семьи. Нашими соседями стали: сестра принцессы, Джейн, и ее муж, сэр Роберт Феллоуз — личный секретарь королевы, бригадир [20] Майлз Хант-Дэвис — личный секретарь герцога Эдинбургского, недавно посвященный в рыцари, Джимми Джуэлл — бухгалтер герцога и мистер Рональд Аллисон — пресс-секретарь королевы. Мой напарник Гарольд Браун не жил с прислугой. Каким-то образом с помощью друзей, занимавших высокие посты, человеку, который когда-то был младшим лакеем в Букингемском дворце, удалось вселиться в апартаменты для членов королевской семьи в Кенсингтонском дворце. Его знали как слугу, который живет в королевских апартаментах № 6. Мы с ним работали посменно: полдня он прислуживал принцессе, полдня — я.

Но я впервые попал в Кенсингтонский дворец еще четыре месяца назад. Когда я вошел во дворец, принцесса взяла меня за руку и сказала: «Теперь ты в моей команде. Добро пожаловать!»

По будням я работал в столице, а на выходные приезжал к Марии и сыновьям в наш коттедж в Хайгроуве. В Кенсингтонском дворце в это время для нас отделывали квартиру. Конечно, мне не очень нравилось ездить туда-сюда, но принцессе в этом смысле было гораздо хуже, чем мне, — за последние два года она постоянно куда-то ездила. Марии теперь не нравилось жить на территории Хайгроува. Они с ребятами рассказали мне, что их не подпускают к основному зданию. Можно было подумать, что в нашем доме поселилась чума — нас сторонились. Для прислуги мы стали изгоями. Не могу сказать, что нас о таком не предупреждали: лакей принца Чарльза, Майкл Фосетт, как-то сказал: «Хорошенько подумай, на чью сторону ты становишься. Помни — однажды принц станет королем».

Он был предан принцу, но меня выбрала принцесса. Я не достался ей в наследство и не был послан к ней на службу, как, например, присылают конюхов или полицейских для охраны. Она сама попросила меня перейти к ней, и я не хотел ее подводить.

Но Марии было плохо в Глостере. В начале 1993 года к Лите Дэвис, служанке в Хайгроуве, подошел кто-то из «лагеря» принца Чарльза и спросил, почему она все еще дружит с Марией. Он сказал, что «было бы лучше», если бы она перестала общаться с Марией. Лита ответила, что она будет дружить с тем, с кем захочет.

Тогда ей сделали еще одно предупреждение. Ей сказали, чтобы она не обсуждала с Марией то, что происходит в Хайгроуве.

На следующий день Лита подала заявление об уходе. Судя по всему, в «лагере» принца подозревали, что у принцессы все еще оставались «шпионы» в Хайгроуве.

Из этого было ясно, что обстановка была накалена до предела. Мария окончательно убедилась, что мы сделали правильный выбор.

В первую неделю после нашего переезда в Кенсингтонский дворец принцесса Диана была очень гостеприимной и щедрой, как будто хотела, чтобы мы не сомневались, что правильно сделали, покинув Хайгроув. На следующий день, после того как принцесса вернулась от своей сестры, она повезла Уильяма, Гарри, Александра и Ника на день в Торп-парк в Беркшире. Она была в черной кожаной куртке и черных джинсах. Дети и Диана развлекались по полной программе: она купила всем четверым водяные пистолеты и каталась с ними на аттракционах. Нику было всего пять лет, он весь день держал принцессу за руку. Она называла его «обаяшка». Конечно, за этой веселой компанией по пятам ходили журналисты и фотографы, а Диана катала Ника на закорках и сажала себе на плечи.

На следующее утро целая страница в «Сан» была посвящена этой поездке. Заголовок статьи гласил: «Уильям и Гарри учатся хорошим манерам у сыновей дворецкого». Автор статьи цитирует королевского фотографа Джима Беннетта, который сказал то, что мы и так знали: «Принцесса обращается с сыновьями дворецкого как с собственными детьми. Если бы вы не знали, что это принцесса Уэльская, то решили бы, что это мать гуляет со своими четырьмя ребятишками».

На той же неделе я пошел вместе с принцессой в Королевский оперный театр Ковент-Гарден на балет «Дон Кихот». Я подавал ужин принцессе и ее друзьям в королевской ложе. Из глубины ложи я впервые в жизни смотрел балет, меня заворожили и костюмы и музыка.

Когда я, вернувшись во дворец, мыл посуду, принцесса заглянула в буфетную и спросила: «Ну, как тебе?»

Мне представилась возможность удивить принцессу своим

вкусом и показать, что ее дворецкий неплохо разбирается в искусстве. Я сказал, что балет был великолепен.

И спросил ее мнение. «Полная ерунда», — ответила она и рассмеялась, заметив крайнее удивление на моем лице.

В течение тех четырех месяцев, когда я работал в Кенсингтонском дворце один, я жил в небольшой комнатке на самом верхнем этаже. Апартаменты № 8 и № 9 занимали три этажа в северной части Кенсингтонского дворца. Во дворце жило около ста человек и четыре члена королевской семьи — у каждого были свои частные секретари, конюшие, придворные дамы, дворецкие, водители, горничные, камеристки; повара и охрана. Апартаменты королевы располагались в самой глубине дворца. Чтобы добраться до двери № 8, нужно было проехать мимо Старых конюшен, потом еще немного вперед мимо небольших коттеджей, в которых жила прислуга, затем повернуть направо и подъехать ко дворцу сзади. Перед дверью в апартаменты принцессы была лужайка. Из георгианских окон справа виднелся садик принцессы, окруженный стенами, где Диана уединялась летом. Здесь она отдыхала от суеты и шума столицы. Каждое солнечное утро я выносил сюда шезлонг, стелил на него полотенце, а под него, в тень, клал бутылку охлажденной воды «Волвик». «Здесь так тихо, так спокойно — даже не знаю почему», — говорила Диана. Она могла лежать там часами — загорать, читать или слушать свой плеер.

В апартаменты Дианы можно было проникнуть и с мощенной булыжником площади через арку, над которой возвышалась белая башня с черным циферблатом часов, — это был секретный проход к принцессе, которым она пользовалась, когда никто не должен был видеть ее гостей или заметить, когда она выходит и возвращается обратно. Здесь, в отличие от остальной территории дворца, не было камер слежения — на этом настояла принцесса Маргарет, которая тоже не хотела, чтобы кто-то вмешивался в ее частную жизнь. Так что за посетителями не могла следить полиция. Я часто ходил по этому проходу — чтобы встречать посетителей и приводить их в апартаменты через заднюю дверь.

Конечно, Кенсингтонский дворец не был тем уютным гнездышком, о котором мечтала Диана, но она считала, что это неприступная крепость, где ей, Уильяму и Гарри ничто не угрожает. С 1992 года, когда принцесса окончательно переехала в Кенсингтонский дворец, она заново обставила все комнаты. И избавилась от ковров, на которых был герб принца Уэльского. Но, несмотря на ложные утверждения в прессе, она не стала, как ее супруг, избавляться от всего, что напоминало ей о некогда любимом принце Чарльзе. Она понимала, что живет здесь не

одна, а с детьми и поэтому надо оставить в комнатах фотографии их отца.

Впрочем, если уж говорить о фотографиях, то, конечно, больше всего в ее апартаментах было фотографий Уильяма и Гарри. На выкрашенных в персиковый цвет стенах гардеробной, через которую она проходила, чтобы попасть из спальни в ванную, висело около двадцати официальных снимков принцессы с Уильямом и Гарри, снятых Патриком Демаршелье. Это были черно-белые снимки размером 35 х 25 мм, сделанные в студии, и почти на всех мальчики обнимали маму. А еще на стенах висели школьные рисунки ее сыновей, вставленные в рамку.

Куда ни посмотри, повсюду были фотографии Уильяма и Гарри: на фортепьяно в гостиной, на письменном столе принцессы в другой гостиной, там же на столике в углу, на стенах в коридорах. Сыновья были для нее сокровищем. Она превратила бывший кабинет принца Чарльза в гостиную Уильяма и Гарри — эта комната находилась недалеко от ее гостиной. В ней всегда царило веселье. Мои дети приходили к принцам и играли с ними на «Сони Плей Стейшн». Все четверо сидели на зеленом диване напротив телевизора, не отрываясь от экрана часами. Находясь в своей гостиной, принцесса радовалась веселым крикам, доносившимся из детской гостиной. По вечерам она иногда ужинала там с сыновьями. Уильям любил смотреть по Би-би-си сериал о больнице «Несчастный случай», ему нравился вид крови и всяких ран. А его мать и Гарри в это время делали вид, что трясутся от страха. Иногда они смотрели «Свидание вслепую» по Ай-ти-ви и пытались подобрать молодому человеку нужную девушку. «Выбери номер один!» — кричала принцесса, а дети специально выбирали другую. «Нет, давай номер два! Номер два!» — весело вопили они.

Кажется, ей становилось очень грустно, когда мальчики уезжали к отцу или в школу. Стоя на крыльце, принцесса махала им рукой и всегда говорила: «Я буду скучать по своим ребяткам!»

Когда юные принцы уезжали, принцесса всегда писала им. Почти каждый день, а иногда и по нескольку раз в день. Письма. Открытки. В каждом письме она говорила о том, как хочет снова их увидеть, крепко обнять и поцеловать.

Принцесса встретила 1993 год так, будто он должен был стать самым лучшим годом в ее жизни. Она стала другой, теперь ей не нужно было настолько заботиться о своем имидже, как раньше. Она поехала в Зимбабве и Непал, а с ней поехала баронесса Чокер в качестве «министра иностранных дел». Премьер-министр Джон Мейджор и Министерство иностранных дел поддержали принцессу Диану в ее начинаниях. Конечно, она

теперь была далека от наследника трона, но зато за ее плечами стояло все правительство. Она была послом по особым поручениям — главным козырем Великобритании. Попытки ворчунов из «старой гвардии» окрестить ее «пустышкой» казались теперь такими жалкими. Те времена давно остались позади.

Принцесса все теснее сотрудничала с Красным Крестом — ее интересовали проблемы распространения СПИДа и бедности. Она брала уроки риторики, чтобы научиться строить свою речь, — она говорила о бездомных, о больных ВИЧ, о проблемах, связанных с заболеваниями мозга, о трудностях людей, страдающих, как она, нарушениями пищеварения. Новые обязанности она чередовала с отдыхом: ходила на концерт Элтона Джона, на балет «Ромео и Джульетта», посмотрела фильм «Книга джунглей» и мюзикл «Бриолин».

Ее энтузиазм был заразителен, и, в то время как в Хайгроуве атмосфера становилась все мрачнее, в Кенсингтонском саду бурлила жизнь. В конце месяца, чтобы поднять дух прислуги, она устроила импровизированный «праздничный обед для команды Дианы». Она играла на фортепьяно. Мы пили. Пели. Танцевали.

1993 год стал годом, когда принцесса разорвала отношения с полицейской охраной, избавившись от последних остатков жизни, канувшей в прошлое. Она понимала, что эти люди обязаны сообщать своему начальнику обо всем. А начальником их был инспектор Колин Тримминг, личный телохранитель принца Уэльского. И вот теперь Диана села за стол и приняла решение. В один из выходных, когда я принес ей кофе, она написала на листе бумаги: «Чувство собственного достоинства». Поставила рядом галочку. «Уверенность в себе». Поставила галочку. «Счастье». Поставила галочку. «Полиция» — поставила рядом крест.

Я привык к ее звонкому веселому голосу, который эхом разносился по широкой лестнице с белой балюстрадой и перилами из красного дерева. «Ты внизу, Пол?» — кричала она. Принцесса всегда звала меня с лестницы — там она ждала меня в новом наряде, чтобы похвастаться; там же мы иногда сидели и болтали — принцесса всегда садилась на одну ступеньку выше, чем я, — или разбирали ее корреспонденцию, или думали над письмом, которое она хотела написать.

Я часто ждал, когда она приедет. Принцесса врывалась во дворец через черные двери, проходила по узкому коридору, сворачивала налево, под арку, входила в холл, ныряла под другую арку и оказывалась на лестнице, по которой поднималась на второй этаж в свои комнаты. Часто она кричала с лестничной площадки второго этажа, перегнувшись через перила: «Ты за покупками, Пол? Подожди, я с тобой».

Я хватал свое пальто и шел с ней по подъездной дорожке, через Кенсингтон Черч-стрит, по Черч-уок, а потом мы выходили на главную улицу напротив «Маркс энд Спенсер» [21]. «Давай пойдем в «Смит» [22]. Купим пару дисков для мальчишек», — говорила она, имея в виду и своих и моих. Направляясь к полкам с дисками, принцесса останавливалась возле больших стендов с забавными открытками, читала надписи и смеялась. Я и сейчас слышу ее голос: «Посмотри на эту! А это видел?» Иногда она смеялась до слез.

Куда бы мы ни шли, за нами всегда кто-нибудь увязывался. Можно было легко представить себе, что думали люди, когда принцесса смеялась над открытками. Высокая. Блондинка. Красивая. Ну точно она. Из Кенсингтонского дворца. Они рты открывали от удивления. А когда мы заходили в аптеку или «Маркс энд Спенсер», посетители так и сновали за ее спиной, делая вид, что они просто выбирают покупки.

Некоторые просто не верили своим глазам.

Однажды в «Смите» возле нас остановились две леди и стали шептаться — так громко, чтобы мы все слышали.

— Говорю тебе, это она, — сказала первая.

— Да нет — просто похожа, — ответила ей подруга и отправилась дальше.

Принцесса? В «Смите»? Рядом с простыми людьми? Не может быть.

Каждый раз, когда мы отправлялись за покупками — а мы всегда ходили в «Смит», — то возвращались во дворец с журналами «Вог» и «Татлер». Диана подписывала открытки, которые купила, и посылала их Уильяму и Гарри в школу в Ладгроув вместе с компакт-дисками и видеокассетами. Однажды она снова позвала меня пройтись по магазинам, и мы отправились в «Смит». Тогда я еще не знал, что мы идем сюда с определенной целью — принцесса хотела познакомить меня со своим союзником, которому доверяла, — Ричардом Кеем из «Дейли Мейл». Мы снова купили несколько дисков и открыток и уже собрались уходить, как в магазин вошел Рикардо, как она его назвала. Принцесса сделала вид, что они встретились случайно, покраснела и засмеялась. Я всегда с подозрением относился к журналистам, но этот был какой-то особенный. Да, видимо, бывают и хорошие журналисты.

— Простите, — сказал журналист, чьи статьи в поддержку принцессы Дианы я читал на протяжении нескольких лет, и придержал для нас дверь.

— Я ему доверяю, — сказала принцесса, когда мы вышли. Намек понял.

В Кенсингтонском дворце тоже было расписание. Каждое утро около половины восьмого в спальню к принцессе входила камеристка, чтобы разбудить ее, но Диана к этому времени уже вставала сама.

Я стоял в коридоре между столовой и кухней, где Мервин Уайчерли или Даррен Макгрейди готовили завтрак. Принцесса выходила в коридор — босиком, в белом халате, ненакрашенная и непричесанная. Заметив ее, я заходил на кухню, чтобы сварить ей кофе.

Когда я приносил кофейник ручной росписи в столовую, она уже сидела в одном из четырех плетеных кресел, которые стояли вокруг стола, накрытого белой льняной скатертью. Она ела грейпфрут и просматривала свежие газеты, которые я разложил перед ней в том же порядке, в каком раскладывал их перед королевой. Сначала «Таймс», поверх нее «Дейли Телеграф», потом «Дейли Экспресс», затем «Дейли Мейл» и, наконец, «Дейли Миррор». Исключением была только «Спортинг Лайф». Я входил в комнату, пурпурные стены которой создавали теплую утреннюю атмосферу, останавливался у полуприкрытой двери и стоял там, пока не замечал, что принцесса оторвалась от газеты.

Это было для меня сигналом. Я вежливо кивал ей головой: «Доброе утро, Ваше Королевское Высочество». Со временем то, что я упорно называл ее «Ваше Королевское Высочество», начало раздражать ее. «Пол, пожалуйста, не обращайся ко мне так. Мы ведь здесь одни. В этом нет никакой необходимости», — говорила она.

Но я все равно продолжал ее так звать. Это был единственный приказ моей начальницы, который я не хотел исполнять. Если ей нравится посвящать меня в свои личные дела, то я только за. Но, обращаясь к ней «Ваше Королевское Высочество», я выказывал ей свое уважение и то, что я не забыл, кто я такой. Я *должен* был выказать ей свое уважение, даже когда от меня этого не требовалось. Каждое утро, начиная с 1993 года и до самой ее смерти, я обращался к ней «Ваше Королевское Высочество».

Я подходил к буфету и опускал кусок хлеба в тостер. Потом мы обсуждали события прошлого вечера и дела на сегодня. Часто, обернувшись, я видел, как она окунает серебряную ложечку в кувшинчик с медом и подносит ее ко рту. Иногда она спрашивала, видел ли я сегодняшние газеты. Не всегда было просто отвечать ей, особенно если я успевал прочесть статьи, в которых о ней высказывались нелицеприятно. Если на столе не оказывалось одной из газет, то принцесса знала, что я хочу

оградить ее. «Вам бы не захотелось такое читать», — говорил я ей, понимая, что только раздразнил ее любопытство и теперь она повсюду будет искать эту газету. Только одну газету она никогда не просматривала за завтраком — «Сан». Но это не мешало ей заглянуть в нее на кухне у повара Мервина, он обычно оставлял ее на столике возле телефона.

В понедельник, среду и пятницу принцесса занималась спортом. Иногда она ездила в «Челси Харбор Клаб», а иногда тренировалась в гостиной — тогда мы с Гарольдом отодвигали мебель, чтобы освободить место для принцессы и ее тренера по фитнесу — Каролан Браун или Дженни Ривет. Позднее я стал возить Диану в спортзал в «Эрлз Корт».

Иногда она занималась фитнесом перед завтраком. После разрыва с принцем нам в Кенсингтонском дворце часто приходилось менять расписание, потому что теперь многое зависело от того, приедут ли Уильям и Гарри из Ладгроува и проведут ли время здесь с матерью или со своим отцом в Хайгроуве. Принц Чарльз предпочитал заранее договариваться о том, когда к нему приедут сыновья. Раз в две-три недели он посылал Диане список с датами, когда ему было бы удобно принять их, заранее. В 1993 году он назначил Тигги Легге-Бурк присматривать за Уильямом и Гарри. Ее никак нельзя было назвать няней, и принцесса пришла в ярость, когда пресса назвала Тигги Легге-Бурк «второй матерью принцев». На многих фотографиях в газетах Тигги — добродушная девушка, которая вела тихую жизнь в собственном доме в Баттерси, — беззаботно веселится с Уильямом и Гарри. Со временем она стала преданным другом принца Чарльза, и принцесса стала видеть в ней угрозу.

Принцесса говорила, что единственная прихоть, которую она себе позволяла, — это чтобы парикмахер Ричард Далтон, а позже Сэм Макнайт каждое утро мыли ей голову и сушили волосы феном. Оба со временем стали ее доверенными лицами. Все женщины сплетничают со своими парикмахерами, и принцесса не была исключением. Она всегда непринужденно болтала со своим парикмахером и дворецким и всегда говорила ОЧЕНЬ ГРОМКО, ЧТОБЫ ЕЕ МОЖНО БЫЛО УСЛЫШАТЬ, НЕСМОТРЯ НА ГУДЕНИЕ ФЕНА!

Когда она замечала мое отражение в овальном зеркале на туалетном столике, то кричала: «ТЫ ТОЛЬКО ПОСМОТРИ!» Ее внимание могло привлечь все что угодно — какое-то письмо, фотография в журнале, едкое замечание в газете. Это была святая святых, и сюда не допускался никто, кроме камеристки, дворецкого, парикмахера и горничной. Здесь она была самой собой, могла расслабиться и поговорить вволю: мир никогда не

видел принцессу такой. В своих апартаментах она была просто красивой девушкой, которая сняла маску принцессы и теперь была такой же уязвимой, как простые люди. Но как только она выходила из своих апартаментов — как всегда, безукоризненно одетая, — она собирала волю в кулак и представала перед другими уверенной в себе женщиной. Я каждое утро наблюдал за этим превращением, когда она переодевалась из халата в платье Кэтрин Уокер или костюм от Шанель, и не переставал поражаться перемене.

Для того чтобы вместить ее гардероб, состоявший из сотен платьев, блузок, костюмов, пиджаков, брюк и вечерних нарядов, понадобилась целая комната в форме буквы L и размером с небольшую спальню. Все эти вещи висели на вешалках над сотнями туфель, скрытые за длинными, от пола до потолка, шторами. Они висели в определенном порядке. Бело-голубой костюм от Шанель висел прямо над замшевыми голубыми туфлями в тон, розовый костюм от Версаче — над розовыми кожаными туфлями, красное платье от Кэтрин Уокер — над красными атласными.

На неделе принцесса часто уезжала из дворца — по делам в разные графства или на благотворительные собрания в столице. Обедала она либо во дворце, либо в Лонсестон-Плейс, либо в «Сан-Лоренцо» в Найтсбридже. Принцесса предпочитала обедать со своими избранными друзьями, такими как Люсия Флеча де Лима, Роза Монктон, Сьюзи Кассем, леди Аннабель Голдсмит, Джулия Сэмюэл, Лора Лонсдейл, астролог Дебби Фрэнкс и ее «королевская» союзница Сара, герцогиня Йоркская. Принцесса окружала себя людьми, близкими ей по духу. По воскресеньям она часто ездила к герцогине в Вирджиния Уотер, недалеко от Виндзора, или к леди Аннабель Голдсмит в Ричмонд. В обоих домах было достаточно охраны, а еще там были бассейны, в которых Уильям и Гарри могли поплавать.

Если принцесса оставалась обедать одна во дворце, она обычно садилась на высокий табурет у барной стойки и, заглядывая в кухню, весело шутила со мной и поваром. Обычно обед состоял из одного блюда, всегда с салатом, который она запивала водой «Волвик» со льдом. Я навсегда запомнил, как она сидела перед тарелкой и, зажав сотовый телефон между плечом и ухом, разговаривала с кем-то, ловко орудуя ножом и вилкой.

Когда она куда-то уезжала из дворца, я провожал ее до машины. Ехала она одна или с водителем, я всегда ждал, когда она сядет в машину, потом наклонялся и пристегивал ремень безопасности.

Она всегда возвращалась к половине восьмого, и я заваривал

ей ее любимый имбирный чай. На ужин была жареная форель, макароны или просто картофелина в мундире с икрой и подливой из уксуса и оливкового масла. Я ставил блюдо на деревянную тележку на колесах и вкатывал ее в гостиную, к полосатому дивану, на котором сидела принцесса в халате. Я заранее доставал телевизор из тумбы под книжными полками и ставил его на нужное место. По вечерам Диана сидела одна и наслаждалась покоем. Повар ушел. Камеристка ушла. А ее личный секретарь Патрик Джефсон никогда не тревожил принцессу в это время. Он работал с девяти утра до пяти вечера в Сент-Джеймсском дворце. В конце дня, когда принцесса приходила в себя после всех дел и поездок, я узнавал ее как человека. Она была спокойна, ничем не озабочена, разговорчива. Когда я вкатывал тележку с ее ужином из двух блюд в гостиную, то сразу понимал, что сейчас, когда Уильям и Гарри в школе, она не хочет оставаться одна. «Побудь со мной», — часто говорила принцесса Диана.

Я стоял, прислонившись к креслу. Мы говорили о том, чем мы занимались сегодня, что предстоит сделать на неделе, что сказал такой-то, что ответила такая-то. Либо обсуждали сюжетные линии сериалов «Коронейшн-стрит» и «Бруксайд». Иногда мы разговаривали недолго, а иногда совсем теряли счет времени. Порой сигналом к тому, чтобы разойтись, служили десятичасовые новости Ай-ти-эн.

Когда я выкатывал из гостиной тележку, она вставала с дивана и шла за мной в переднюю, которая служила буфетной на втором этаже. Там я мыл посуду, а принцесса вытирала.

— Как ты думаешь, что будет завтра? — спрашивала она. Ей казалось, что завтра может случиться что-нибудь плохое, что у нее возникнут новые неприятности.

— Что бы ни произошло, мы справимся, — отвечал я. Потом она, подпрыгивая как маленькая девочка, шла по коридору. Казалось, в нее вдохнули новые силы и она с нетерпением ждет завтрашнего дня. Я шел за ней на расстоянии нескольких шагов, гася свет. Я оставлял свет только перед дверью в ее спальню. В детстве Диана боялась темноты, и даже теперь предпочитала спать в полумраке.

Каждый вечер, заходя в спальню, она говорила мне:

— Спокойной ночи, Пол.

— Спокойной ночи, Ваше Королевское Высочество, — отзывался я.

Ближе к одиннадцати я выходил из дворца и шел в темноте в свою квартиру. Мария и дети уже спали.

Теперь, когда в Хайгроуве поселился принц Чарльз, Диане

негде было проводить выходные, а ей этого не хватало. Она не собиралась уезжать из Кенсингтонского дворца, но с начала 1993 года стала искать себе убежище, куда могла бы уезжать с сыновьями Уильямом и Гарри на выходные. Конечно, принцесса часто ездила к герцогине Йоркской и леди Аннабель Голдсмит, но она говорила: «Мне неудобно все время к ним ездить. Я хочу иметь собственный дом за городом, где могла бы иногда отдыхать от столицы».

Как ни странно, в решении этой проблемы ей помог брат, граф Спенсер. Это было неожиданно, потому что они с принцессой не были особенно близки. Со дня ее свадьбы, которая состоялась в 1981 году, брат и сестра виделись только по редким поводам. И хотя в детстве они были лучшими друзьями, со временем все больше отдалялись друг от друга. И вот в ответ на жалобы принцессы граф предложил ей снять Гарден Хаус, расположенный на территории поместья Альторп, за 12 000 фунтов в год. «Я могла только мечтать об этом», — сказала принцесса. Место было уединенное, а возле основного здания имелся бассейн; брат пообещал предоставить ей уборщицу и садовника.

В письме к сестре от 3 июня 1993 года граф Спенсер писал:

Насколько я понял, тебе нужен дом за городом. Я с радостью могу предложить тебе его, поскольку поместье пока еще в приличном состоянии. Думаю, Гарден Хаус тебе вполне подойдет. К тому же у тебя будет свой бассейн.

Он даже предложил поставить новые ворота, чтобы на территорию поместья не могли проникнуть фотографы.

Читая это письмо, принцесса уже мысленно обставляла свой новый коттедж. Ей так не терпелось его увидеть, что в начале июня 1993 года она отправилась в Альторп в девять утра — вместе с Дадли Поплаком и корзиной с обедом, который приготовил для них повар. Она мечтала о чудесных выходных, которые она с Уильямом и Гарри будет проводить в новом доме.

Однако через две недели ее радость была омрачена: брат изменил свое решение. Он написал:

Прости, но я боюсь, что сейчас ты не сможешь вселиться в Гарден Хаус. На то есть много причин, одна из которых состоит в том, что это привлечет к нам внимание полиции и прессы, а я не могу этого допустить. К тому же я решил поселить в этом доме своего нового работника. Я считаю, что так будет лучше для моей жены и детей. Прости, что не могу помочь тебе, моей сестре. Я бы

очень рад, но не могу… Если ты захочешь снять фермерский дом за пределами парка, — это было бы чудесно.

Принцесса несколько раз перечитывала это письмо, заинтригованная такой резкой переменой. «Как он мог так поступить со мной?» — в конце концов гневно воскликнула она и заплакала. Больше всего ее удивляло то, что он знал, как она хотела снять Гарден Хаус. Через пару дней он позвонил во дворец, но Диана просто бросила трубку. «Я не хочу слышать его голос», — сказала она. И тут же выплеснула свой гнев на гербовую бумагу с красной каймой. Она подробно сообщила брату все, что о нем думает и как он ее оскорбил. Скорее всего, граф Спенсер почувствовал, сколько злости содержится в этом письме, и, не вскрывая письма, отправил его назад. Оно пришло вложенное в его третье письмо, которое он написал 28 июня:

Вспомнив, в каком состоянии ты была в тот вечер, когда бросила трубку, я решил, что, наверное, не стоит читать его [т. е. письмо принцессы], так как после этого наши отношения могут окончательно испортиться. Поэтому я возвращаю его невскрытым, чтобы иметь возможность восстановить нашу дружбу.

Но дружба оказалась потерянной навсегда. Забавно, что после смерти принцессы граф Спенсер вспомнил о сестре и решил похоронить ее в своем поместье на острове. Почему-то его больше не волновало, что это может привлечь внимание прессы и полиции. Сейчас он всячески старается привлечь журналистов и тысячи туристов в созданный им Музей Дианы, где продаются и сувениры.

В 1993 году отношения принцессы с братом ухудшались с каждым днем. Диана отказывалась говорить с графом по телефону. Ему пришлось писать ее личному секретарю, Патрику Джефсону, и общаться с ней через него. В сентябре он нанес сестре еще один сокрушительный удар, потребовав вернуть фамильную диадему Спенсеров, в которой она была на свадьбе и которая была ей очень дорога. Как принцессе Уэльской ей приходилось надевать ее на официальные банкеты в Букингемском дворце, на официальное открытие сессии парламента и дипломатические приемы. В письме Патрику Джефсону граф Спенсер ясно дал понять, что эту диадему дал Диане «на время» и что она принадлежала ему, поскольку их дед завещал ему диадему в 1970-х годах. «Пора вернуть ее законному владельцу» — писал он. Двенадцать лет не вставал вопрос о том, кому принадлежит диадема, и принцесса поняла — граф потребовал диадему назад из-за их размолвки по поводу Гарден Хауса. Граф считал, что диадему должна носить его жена

Виктория. Диадема была не просто символом королевского статуса Дианы, но также памятью о ее свадьбе. Но принцесса не хотела, чтобы ее брат понял, как много для нее значило это украшение. В октябре диадему вернули графу Спенсеру — мне было поручено вынуть ее из сейфа, где она лежала в футляре вместе с другой диадемой, которую Диана называла «запасной», — эту диадему с жемчугом и бриллиантами ей подарила королева на свадьбу. К счастью, диадему Виндзоров принцесса могла оставить у себя.

Тем временем в Кенсингтонском дворце произошли перемены в составе персонала, и это повлияло на нашу жизнь в Старых конюшнях. С тех пор как мы переехали сюда из Хайгроува, Мария работала горничной, и у нее было совсем немного обязанностей. Теперь, после ухода Хелены Роуч, ее сделали камеристкой. Она стала работать в паре со старшей камеристкой Хелен Уолш. Это вызвало некоторые трудности в семье Баррелов. Раньше Мария уходила в девять утра, а возвращалась в час дня, а теперь у нее был совершенно ненормированный график работы. Иногда ей приходилось вставать в шесть утра, а иногда она возвращалась домой поздно вечером. Нам пришлось устроить так, чтобы, когда она работает по вечерам, я мог поставить вместо себя Гарольда Брауна и сидеть с детьми. Мария знала, что нам придется туго, но ей очень хотелось помочь принцессе. Она сказала, что поработает годик, а потом посмотрит, и думала, что уже договорилась об этом с Дианой. Наша хозяйка была готова идти на компромиссы. Она даже разрешила, чтобы Мария будила ее в семь утра по телефону, а не лично, как полагается по этикету. Но Мария все чаще и чаще задерживалась на работе. Раньше Мария по вечерам всегда была с детьми и теперь очень скучала по ним. Когда она отправлялась за покупками для принцессы, она видела, как наши дети играют на лужайке перед домом. Как правило, когда она возвращалась домой, Александр и Ник уже спали. Но если Марии и приходилось тяжело, то Хелен просто выбивалась из сил.

Принцесса понимала, что они многим жертвуют ради нее, и старалась не оставаться в долгу. Она отдавала Марии туфли, которые ей не нравились, — от Шанель, от Джимми Шу, от Феррагамо или от Рэйна (у них был одинаковый размер, шесть с половиной), а также свои сумочки и костюмы от Кэтрин Уокер, Версаче и Шанель. Хелен она тоже дарила свою одежду и другие подарки. Так принцесса избавлялась от ненужных вещей, освобождая свой гардероб, и заодно благодарила своих камеристок. А еще она посылала свою одежду сестре, леди Саре Маккоркодейл.

Такая щедрость была обычным делом в королевском

семействе. Когда я служил у королевы, я часто привозил подарки из поездок за границу. А когда я работал в Хайгроув, принц Чарльз подарил мне стол из красного дерева, книги, серебряную коробочку и пару куропаток из хрусталя. А однажды я сам выбрал то, что мне понравилось у принца, — когда мы с принцессой совершили запланированный налет на Хайгроув. Это произошло после разрыва принца и принцессы. Гарольд Браун, Дадли Поплак, хозяйка и я вошли в поместье и вынесли оттуда кое-какую мебель, лампы, картину и предметы декора. «Это наш единственный шанс взять то, что мы хотим!» Мы сложили все это в фургон.

Принц Чарльз заново отделывал дом, выбрав новую мебель из темного дерева. У принцессы чуть не случилась истерика, когда Дадли сказал: «Такое впечатление, что он хочет вернуться в материнскую утробу!»

1993 год начался очень удачно для независимой принцессы, однако под конец она стала получать один удар за другим. Сначала она рассорилась с графом Спенсером. Потом в ноябре, в «Санди Миррор» напечатали фотографии, на которых принцесса занималась в одном трико в фитнес-центре «Эл-Эй» на Айлворте, в Лондоне. Владелец центра Брюс Тейлор вмонтировал камеру в потолок. Принцесса дала особые указания адвокату Энтони Джулиусу из юридической фирмы «Мишкон де Рейя», и Комитет жалоб на СМИ признал, что печатание таких снимков было грубым нарушением права на частную жизнь. Из-за этого Диане пришлось объявить, что она больше не будет вести активную общественную жизнь. Это произошло 3 декабря, во время благотворительного обеда, организованного для пострадавших от черепно-мозговых травм. Она повергла в шок весь мир, сказав: «Надеюсь, вы меня поймете и позволите иметь личное время и пространство, чего мне так не хватало долгие годы. Когда я впервые предстала перед публикой двенадцать лет назад, я понимала, что СМИ могут заинтересоваться мной… но я и представить не могла, что привлеку такое внимание».

Королевский двор, посчитав это заявление ненужным и чересчур сентиментальным, проявил свое обычное сочувствие: имя принцессы вычеркнули из «Придворного циркуляра» и ее не пригласили на королевские скачки в Аскоте. Принцесса всего лишь захотела уйти в тень, а ее практически выставили за дверь.

Ее очень огорчил этот случай в фитнес-центре — хотя судебное разбирательство состоялось и «Санди Миррор» принесла свои извинения в 1995 году. Когда ей было плохо, она удалялась в свою спальню, чтобы ее никто не видел. Она обвиняла себя: эти фотографии появились в газете потому, что она раньше

сотрудничала со СМИ, и теперь они перешли грань дозволенного. Принцесса оставляла мне записки в гостиной или на табурете на верхней площадке лестницы. Иногда она все-таки выходила поесть, но была все такой же несчастной. Когда я был в буфетной на первом этаже, она размышляла о том, что она считала своими ошибками, и включала на всю громкость реквиемы. Услышав это, я понимал, что она старается приглушить свои рыдания, от которых ей становилось легче. Она любила повторять: «Я чувствую себя защищенной, только забившись в свою раковину. Там меня никто не может обидеть».

Но время от времени она все-таки возвращалась, и было ясно, что отгораживание от общественной жизни не могло продлиться вечно. В тот момент, когда она захотела сойти со сцены, люди, которые так много значили для нее, простые люди с улицы, кричали: «Бис! Бис!»

Теперь, когда принцесса больше не принимала участия в официальной общественной жизни и ее ежедневник на 1994 год оказался совершенно пустым, она наконец могла заняться любимым времяпрепровождением: общаться с друзьями за накрытым столом. С января по весну принцесса часто посещала свои любимые рестораны — «Сан-Лоренцо», «Ле Каприс», «Риц», «Клариджес», «Айви», «Би-бендум» и «Лонсестон Плейс». Она часто обедала с австралийским телекомментатором Клайвом Джеймсом и старым другом лордом Аттенборо, а с Люсией Флеча де Лима и Розой Монктон Диана виделась раза два в неделю. Кенсингтонский дворец стал ее декомпрессионной камерой, и я видел, что все ее горести и несчастья постепенно уходят в прошлое. Когда пришла весна, она стала часто играть в теннис, ходить в кино, смотреть балет, проводить время с друзьями. Она снова стала добродушной, беспечной, энергичной и разговорчивой. Однажды Диана на целый день повезла своих слуг в парк аттракционов «Алтон Тауэрз», потому что Уильям и Гарри хотели прокатиться на новом аттракционе «Немезида». Это был один из дней «как у всех нормальных людей», нас было тринадцать, включая меня, Марию, наших мальчишек, няню Ольгу Пауэлл, водителя Стива Дэйвиса и маленьких принцев, которых охраняли двое полицейских — Грэм Крэкер и Крис Тарр. Примечательно, что с нами не было одного слуги — дворецкого Гарольда Брауна, которому наша хозяйка все больше переставала доверять. Чтобы в этот день мы все действительно побыли обычными людьми — чего нам не удалось, — принцесса решила добраться до Стаффордшира на общественном транспорте. В бело-зеленой куртке, которые носят игроки в американский футбол, принцесса Диана привела нас всех на вокзал Юстон, и мы

сели в вагон первого класса. Принцесса шутила, что сервис здесь не хуже, чем в Королевском Поезде. До того дня я никогда не замечал, что она ходит очень быстро. Может быть, она просто много занималась спортом. Для того, чтобы не отставать от Дианы, когда она шла по парку, нам приходилось практически бежать. Единственным, кто не бежал за ней, был Ник — он сидел у принцессы на плечах. Она остановилась только один раз — пообедать, и мы все вместе набросились на гамбургеры с говядиной и картошку фри.

Сегодня мы, конечно, планировали побыть «как все», но пресса все равно пронюхала о нашей поездке, и журналисты следовали за нами по пятам.

— Мама, мама, давай прокатимся вот на этом, — сказал Гарри, дергая мать за рукав.

Она посмотрела вверх, на груду изогнутого металла, — это и были американские горки под названием «Немезида». Принцесса покачала головой.

— Нет, у меня голова закружится, — сказала она и осталась с Марией.

Ей больше нравился аттракцион «Спуск по реке». Он был более спокойным.

Еще ее в тот день дернул за рукав Ник. Он ужасно хотел покататься на аттракционе под названием «Чаепитие с болванщиком». «Принцесса! Там такие чашки! Я так хочу покружиться в огромных чашках!» — просил он ее. И на следующий день в газетах появились снимки, на которых принцесса, юные принцы и наши сыновья катаются в огромных чашках. К сожалению, сейчас Ник не помнит, как его носила принцесса, хотя фотография, сделанная в тот день, до сих пор висит в рамочке на стене в нашем доме.

По этим фотографиям и статьям стало понятно, что пресса не собирается дать принцессе ни времени, ни личного пространства, о котором она просила в декабре. «Пресмыкающиеся Ее Величества», известные как СМИ, каждый день старались проследить, чем она занимается в повседневной жизни. Журналисты становились все любопытнее, и в газетах появлялось все больше фотографий с принцессой: Диана в Макдоналдсе, Диана приезжает в фитнес-центр «Челси Харбор Клаб», Диана идет по улице, Диана ест в ресторане, Диана ходит по магазинам с друзьями, Диана в такси, Диана за рулем своего автомобиля. Каждый раз, когда принцесса выходила из Кенсингтонского дворца, в газетах появлялась очередная фотография. В 1994 году СМИ, которые страдали неуемным аппетитом, подняли преклонение перед леди Ди на новый уровень.

Если принцесса когда и пыталась «найти себя», так это в 1994 году. Я с трудом успевал открывать дверь полчищам гуру, экспертам по проблемам со здоровьем, целителям, астрологам и медиумам. Друзья всегда готовы были утешить ее, посоветовать ей, выслушать ее. Она относилась к советам тех, которые действительно волновались за нее, так же, как к астрологическим прогнозам, гаданиям по магическим кристаллам, посланиям из потустороннего мира и разного вида «энергии» вокруг нее. Она подолгу размышляла обо всем этом во время сеанса иглоукалывания или массажа. Даже Дадли Поплак присылал ей флакончики «Бах Рескью Ремеди» — успокаивающие травяные капли.

По второму этажу распространялся аромат благовоний, которые принцесса курила у себя в спальне, этот аромат заглушал запах освежителей воздуха, которыми утром побрызгали горничные. Я уже привык открывать парадную дверь дворца безупречно одетому астрологу Дебби Фрэнк. После того как Дебби и принцесса проводили долгое время в гостиной, рассуждая о движении планет и о том, как это может повлиять на Рака королевских кровей, весь пол в гостиной был исчерчен зодиакальными символами и фигурами. Принцесса считала, что у Раков астрологических как и у раков биологических, есть толстый хитиновый покров — «раковина» — и мягкое нутро и что и те, и другие любят прятаться в тень. Еще она считала, что именно этим объясняется ее любовь к воде и желание, мечта переселиться в дом на побережье. Она сказала Дебби: «В этом доме полно Близнецов. Уильям — Близнецы, Пол — Близнецы. С ними непросто!»

Дебби хотела и мне рассказать о том, что меня ожидает, но я отказался. «Нет, обязательно надо, чтобы она составила карту твоей судьбы, — уговаривала меня Диана. — Это так интересно!»

Как-то раз позвонила иглотерапевт, от которой только что вернулась Диана. Вообще-то иглотерапия должна успокаивать, но звонок имел противоположный эффект. «Специалистка» была в ужасе. «У меня не хватает одной иголки! Кажется, я забыла ее в голове у принцессы!»

Поднявшись по лестнице, я вошел в гостиную, где за письменным столом сидела принцесса, ожидая увидеть антенну, воткнутую в ее макушку. Я хихикнул, и принцесса подняла голову.

— Только что звонила иглотерапевт, — сказал я. — Похоже, у вас в голове осталась одна из игл.

Принцесса ощупала голову, а потом расхохоталась:

— Успокой несчастную женщину и скажи ей, что со мной все

в порядке. После сегодняшнего сеанса мне стало гораздо лучше!

Принцесса никогда не упускала возможности посмеяться над всеми своими терапиями и методиками. Некоторые были донельзя странными, другие — не очень. Дважды в неделю — это входило в мои обязанности, потому что дело было личное, — я отвозил принцессу в клинику на севере Лондона на ободочное спринцевание. «Даже не спрашивай, что это, Пол!» — говорила она.

Она сама ездила к Сьюзи Орбах, психотерапевту, которая специализировалась на проблемах с пищеварением действительно помогла принцессе усмирить булимию. Док-Мэри Лавдей, маленькая женщина с нежным голоском, исследовала химический баланс в теле принцессы. Она прописала ей витамины трижды в день.

Эволюция человеческого духа, духовная сторона жизни — «другой жизни», по выражению принцессы, — всегда завораживали ее. Медиум Рита Роджертс, которая жила недалеко от моего Честерфилда, была ее наставником, а Симона Симмонс, исцелявшая верой, постоянно разговаривала с ней по телефону. Иногда принцесса могла проболтать с ней часов пять кряду. Именно Симоне я был обязан стойким ароматом благовоний.

Я считал, что благодаря всем этим людям Диана становится счастливее. Однако со временем это времяпрепровождение переросло в зависимость, и я забеспокоился. Еще меня беспокоили журналисты, которые буквально преследовали Диану, куда бы она ни шла. Однажды, когда принцесса вышла от Сьюзи Орбах, надев черные очки, ее довели до слез какие-то фотографы, работавшие в иностранных журналах и агентствах. Они окружили ее и стали издеваться: «Посмотри, какая ты жалкая!», «Ты обычная шлюха, Диана». Принцесса разрыдалась и побежала к машине, а на следующий день в газетах появились такие заголовки: «Диана рыдает». Журналисты намекали на то, что она оплакивает свой брак.

Редкая женщина смогла бы устоять перед таким ежедневным натиском. Много раз в центре Лондона я своими глазами видел, что значит оказаться в эпицентре битвы. Припарковавшись, я ждал, когда принцесса вернется из оздоровительного центра, магазина или ресторана. Заметив в боковое зеркало или зеркало заднего вида ее, а сзади всю «свору», я быстро заводил двигатель и тянулся, чтобы открыть ей дверь, тогда она быстро запрыгивала в салон с криком: «Езжай, Пол, езжай!» Но фотографы уже окружали нас, наклонялись над капотом, стучали в окна. Однажды принцесса, склонив голову, сказала: «Однажды мы кого-нибудь задавим». Все это приводило ее в ужас.

Больше всего мне нравилось возить куда-нибудь принцессу летними солнечными днями, когда мы останавливались на светофорах в «мерседесе» с опущенным верхом. Диане нравилось видеть удивление на лицах водителей, когда они бросали взгляд в нашу сторону и узнавали ее. Хмурые лица вдруг озаряла радость. Однажды нам пришлось остановиться на светофоре возле реставрируемого здания в районе Мейфэйр. Один из строителей на нижнем уровне лесов заметил принцессу. Через несколько секунд об этом знали уже все рабочие. Они побросали работу и стали протяжно свистеть, радуясь такому событию.

Принцесса смутилась и сделала вид, что не слышит их, но когда мы поехали, она помахала им рукой и тихонько посмеивалась всю дорогу до дома.

Прессе не удалось сфотографировать принцессу, когда та пришла на вечеринку в честь дня рождения Марии в «Кафе Руж» — моей жене исполнялось сорок лет. Этот ресторан находился недалеко от дворца. Вечеринка состоялась 1 февраля 1994 года. Это был костюмированный бал на тему «знаменитости». Мы с Марией были Антонием и Клеопатрой. Бывшая экономка Хайгроува Венди Берри была Мерзеллой Дьяволь [23], шурин Пит Косгроув был Аль-Капоне, а мой брат Грэм с женой Джейн — Наполеоном и Жозефиной. Когда в ресторан пришла принцесса, другой мой брат, Эндрю, который нарядился генералом Кастером, пожал ей руку и спросил довольно бесцеремонно: «А вы кем нарядились?»

Она была в черном брючном костюме и черном, расшитом золотом жилете.

— Принцессой, конечно! — ответила она.

В субботу, когда мои друзья готовили костюмы, принцесса тайно съездила на встречу с матерью Терезой, но вечеринку она пропустить не могла — там должны были присутствовать многие из слуг, которые работали в Кенсингтонском дворце или Хайгроуве. В ресторан пришел даже ее старый друг из Букингемского дворца — бывший дворцовый распорядитель Сирил Дикман. Принцесса хотела «повеселиться, как обычные люди». Но принцесса Уэльская, у которой уже нет полицейской охраны и которая ходит по ресторанам одна, не может быть «обычным человеком». Возможно, на меня так повлиял наряд римского центуриона, но я в тот вечер хотел всех защищать. Поэтому я договорился с принцессой, что вместе с небольшим эскортом гостей встречу ее в восемь вечера у дворца.

Принцесса возникла из темноты и глазам своим не поверила. «Боже мой!» — воскликнула она и расхохоталась. Принцесса Уэльская пошла к кафе вместе с Антонием, тремя мушкетерами,

Бэтманом и Робином.

Многие друзья и члены семьи приехали из Северного Уэльса, и у них чуть не отвалились накладные усы и бороды, когда они увидели принцессу Диану. Настоящий член королевской семьи в ресторане на костюмированной вечеринке? Некоторые могут со мной не согласиться, но я еще никогда, ни на одном приеме не видел, чтобы принцесса так веселилась. Она сидела в кресле и пила воду, глядя на смешные гримасы ряженых, которые сели на пол друг за другом, изображая лодку, пока до нас не донеслись звуки латиноамериканской музыки.

Потом принцесса встала возле будки диск-жокея, она согласилась выдать призы за лучший костюм. Мой брат Грэм занял первое место в роли Наполеона, и принцесса вручила ему плеер для компакт-дисков.

Через два часа Диана решила, что ей пора уходить, и я, в эйфории от того, что ей было так хорошо на нашей вечеринке, проводил ее домой — получилось, что принцесса Уэльская шла по Кенсингтону с римским центурионом.

Приятно было, что принцесса с удовольствием праздновала день рождения Марии, тем более что терпеть не могла отмечать свой собственный. Ей не нравилось, что она становится центром всеобщего внимания, она боялась что друзья и знакомые будут чувствовать себя *обязанными* потратить деньги на дорогие подарки. Она всегда дарила роскошные подарки на дни рождения своим друзьям — она отмечала все даты в календаре. Но ей всегда было неловко получать подарки. Она любила повторять: «Гораздо проще давать, чем получать. Давать можно сколько угодно».

Первого июля, зная, как Диана обожает забавные открытки, я клал такую открытку, подписанную «От семьи Баррелов», на ее рабочий стол. Вообще, слуги вечно соревновались, кто подарит ей самую лучшую и самую необычную открытку. Леди Диана читала их все после завтрака, а потом расставляла на круглом столике в гостиной. Потом начинали прибывать цветы. Двадцать четыре желтых розы от тайного поклонника, о котором так никто и не узнает, — а упаковал их Эдвард Гудйир, флорист из Мейфэра. Красные розы от друзей. Белые цветы — тюльпаны от Элтона Джона и розы от Джанни Версаче — их приносили в вазах. Анна Харви, редактор журнала «Вог» присылала в подарок платье или блузку. Кэтрин Уокер и Джо Малоун тоже дарили роскошные вещи. Все ее подруги присылали цветы или подарки. В полицейской будке оставляли открытки, подарки и цветы безымянные доброжелатели. К концу дня апартаменты № 8 и № 9 уже напоминали цветочный магазин, а открытки лежали везде,

куда ни кинешь взгляд.

Не только Диана не любила 1 июля — дворецкий тоже его не любил. Мне приходилось целый день бегать вверх-вниз по лестнице. Пакет из «Селфриджес», из «Хэрродз», из «Фортнум энд Мейсон», из «Харви Николз». А еще, как всегда, букет цветов от принца Чарльза, который писал в каждом письме принцессе, на каждой открытке — до самой ее смерти — «Дражайшая Диана».

Всю вторую половину дня она писала благодарственные письма родственникам, друзьям, знакомым, общественным организациям. Я еще никогда не видел, чтобы кто-то писал столько писем да еще отвечал так быстро. Но принцесса не забыла строжайшего воспитания, которое дал ей отец, — он заставлял детей садиться и сразу же писать письма с благодарностями.

Она вытащила из ящика стола свою бумагу — с красной каймой и вензелем в виде буквы D под диадемой. Она сидела спиной к окну и напоминала робота: написала, сложила, опустила в конверт, запечатала; написала, сложила, опустила в конверт, запечатала. Она сидела так несколько часов подряд, то и дело окуная свою черную ручку в баночку с чернилами, выражая на бумаге свою благодарность четким, красивым почерком. Потом, подчеркнув свою подпись, как она всегда это делала, Диана переворачивала письмо и осторожно прижимала его к розовой промокашке, которая к ночи становилась совсем черной. В мои обязанности входило каждый день менять промокашку. После этого принцесса складывала письмо пополам, вкладывала его в кремовый конверт, писала адрес и складывала поверх растущей стопки писем и открыток. «Я просто *обязана* писать письма с благодарностями. Если люди выкроили время, чтобы купить и послать мне подарок, то я должна хотя бы поблагодарить их», — говорила она

Прежде чем отправиться на званый ужин в любой день в году, она заранее заготовляла благодарственное письмо — для хозяина или кого-то из гостей. Конверт, как правило уже с адресом, был прислонен к серебряной чернильнице. Вернувшись домой, она, как бы ни было поздно, тут же писала письмо с благодарностью, чтобы отправить его на следующее утро.

Проведя полгода вне официальной общественной жизни, принцесса Диана потихоньку, маленькими шажками, снова выходила в свет. Красный Крест, с помощью генерального директора Майка Уитлема, который стал надежным союзником Дианы, уговорил ее стать членом специальной комиссии кураторов Международной федерации Красного Креста. В мае 1994 года ей пришлось уехать в Женеву. Ее личный секретарь

Патрик Джефсон заявил, что принцесса просто умирает от скуки и потому взялась за это дело. Однако на самом деле она уехала в Женеву потому, что она предпочитала не сидеть в кабинете, а общаться с живыми людьми, обращаться к ним напрямую. Она уехала из чувства неудовлетворенности, а вовсе не из скуки, и, как покажет время, поддерживала тесную связь с этой организацией.

Вернувшись в Лондон, принцесса приняла участие в торжественном открытии в Грин-парке мемориала в честь канадских солдат, погибших на войне, а потом, накануне пятидесятой годовщины Дня высадки союзных войск, пошла в церковь в Портсмуте на богослужение, прежде чем взойти на борт королевской яхты «Британия» вместе с другими членами королевской семьи. Принцесса снова входила в колею, но теперь не забывала о делах: помогала приюту для душевнобольных в Тернинг-Пойнт и приюту для бездомных в Сентер-Пойнт, сходила на концерт, сборы от которого направлялись в Фонд борьбы со СПИДом, а потом, в этом же году, побывала в Версальском дворце, на ужине, организованном Французским детским фондом, и сотни гостей долго аплодировали ей стоя.

В мире ее все еще любили. Куда бы она ни пошла, люди радостно приветствовали ее. На официальных ужинах и торжествах она очаровывала всех — от президентов до простых людей. Она не требовала, чтобы с ней обращались как-то по-особенному, но одно ее присутствие, ее волшебная аура, вызывали уважение и внимание.

Однако, несмотря на такую поддержку, принцессе все еще не хватало уверенности. В Кенсингтонском дворце ее всегда нужно было подбадривать и утешать. Все же в ней осталась ее внутренняя сила, и именно она помогала ей обретать уверенность в себе, которая понадобилась ей в большом количестве, когда 29 июня 1994 года по телевизору показали долгожданный документальный фильм о принце Чарльзе, снятый Джонатаном Димблби при активном сотрудничестве принца. После этого фильма должна была выйти одноименная книга. Фильм назывался «Принц Уэльский», это был ответный удар, одобренный самим принцем, на книгу Эндрю Мортона, которая вышла в 1992 году. Его снимали полтора года. Когда на принцессу Диану изливался королевский гнев из-за ее сотрудничества с Мортоном, которое она отрицала, принц Уэльский тайком звал своих друзей, и они говорили перед камерой в его защиту и от его лица, и все это якобы было организовано в честь празднования двадцатипятилетия со дня пожалования Чарльзу титула принца Уэльского.

Джонатан Димблби позже заявил, что он не хотел, чтобы его книга причинила боль или обидела принцессу. Но принц официально признался перед камерами в том, что изменял принцессе с Камиллой Паркер Боулз. Принцесса такого никак не ожидала. И все обитатели Кенсингтонского дворца не могли понять, как этот факт мог быть сочтен безобидным. Пока фильм готовили к показу, принцесса с беспокойством размышляла о том, что могут показать в этом фильме. Эти дни ей помогали пережить Люсия Флеча де Лима, Аннабель Голдсмит, Сьюзи Кассем и герцогиня Йоркская, которая приехала в Кенсингтонский дворец, чтобы поддержать подругу. В день показа фильма поддержка пришла и из Сент-Джеймсского дворца. Герцогиня Кентская — великолепный образец доброты и дружелюбия — приехала к Диане и уговаривала ее крепиться во что бы то ни стало. «Но как я смогу смотреть людям в глаза после этого?» — спросила принцесса. Если бы только в тот момент ее слышали циники, которые видели в ней кокетку, намеренно заигрывающей со СМИ, чтобы попасть на первые полосы!

В тот вечер, когда вся Британия замерла в ожидании у экранов телевизоров, принцесса отправилась на давно запланированный ужин в галерее «Серпантин» в Гайд-парке.

Она считалась покровительницей этой галереи, была другом ее директора лорда Паламбо, а сюда приглашена была лордом Гори, председателем Совета по искусствам Великобритании. Собираясь на этот ужин, она сильно нервничала, переживала из-за фильма и из-за того, как она будет выглядеть на ужине. Возле галереи телеоператоры уже приготовились заснять ее появление. Они хотели узнать, какое впечатление произвел на нее фильм Димблби.

За целый час до выхода принцесса уже была готова и мерила шагами лестничную площадку на втором этаже. Сидя внизу, в буфетной, я слышал скрип половиц. Вдруг она остановилась: «Пол, ты там?» Я взлетел по лестнице. Принцесса стояла подбоченившись. На ней было темно-синее платье с поясом, белыми атласными манжетами и белым воротником-стойкой. «Ну как тебе?» — нервно спросила она. Я помедлил с ответом, и ей это не понравилось. «Значит, не то?» Она безвольно опустила руки.

В отношении одежды принцесса всегда больше прислушивалась к мнению мужчин, чем своих камеристок. Именно поэтому тогда, в Пакистане и Чехословакии, она просила нас с Мервином Уайчерли оценить ее внешний вид. Она хотела слышать возгласы восхищения. В Кенсингтонском дворце она часто останавливалась посреди лестницы в новой шляпке или в

новом костюме и спрашивала: «Ну как? Нравится?» Иногда, надев новое платье, она выходила на лестницу, надев колготки только на одну ногу и спрашивала: «Как лучше: с колготками или без?» Бывало, что принцесса выходила, надев на ноги разные туфли: одну на плоской подошве, другую — на высоком каблуке. «На каблуках или так?»

Однажды во время примерки платья от Жака Азагури, когда она стояла в гостиной как манекен, пока ассистентка кутюрье Соланж крепила по подолу красного платья тонкий шифоновый шарф, принцесса позвала меня: «Разве не прелесть, Пол? Жак просто гений».

Когда принцесса ждала восхищения, трудно было ее разочаровать. Но я давно предупредил ее: «Если хотите, чтобы вам сказали правду — спросите меня. Если не хотите — не спрашивайте».

И в тот вечер, когда она собиралась в галерею «Серпантин», я вынужден был ее расстроить.

— Сегодня, именно сегодня вы должны выглядеть просто неотразимо. Поэтому мне кажется, это платье не подойдет. Простите, — честно сказал я.

— Но мне больше нечего надеть! — запротестовала Диана. Я помчался в гардеробную, принцесса последовала за мной. Мы долго перебирали платья, наконец я выбрал черное, блестящее:

— Может, вот это? Принцесса поморщилась:

— Нет, слишком старое.

Я продолжил поиски и наконец обнаружил черное короткое платье от Кристины Стамболиан. Принцессе оно нравилось, но она боялась, что может не влезть в него, потому что из-за активных занятий спортом у нее стали шире плечи.

— Есть только один способ проверить. Она удалилась переодеться.

Когда она вернулась в этом черном креповом платье с лямкой на одном плече, то выглядела божественно.

— То, что надо, — сказал я.

— Тебе не кажется, что это как-то слишком? — спросила она, указывая на глубокий вырез.

— По-моему, просто замечательно.

Мы прошли в спальню. Она достала из сейфа чудесное ожерелье — жемчужное с крупным овальным сапфиром в центре, опоясанным двумя рядами бриллиантов, — это был подарок королевы-матери на помолвку Чарльза и Дианы.

Уже пора было выходить, а она все мерила шагами лестничную площадку.

— Ну чего я так нервничаю? — спросила она, злясь на саму

себя.

Я знал, что ее сейчас нужно поддержать.

— Вы выглядите просто шикарно. Вы всех поразите своим видом, — сказал я.

— Гм, — удивительно, как это она сама не замечала очевидного.

Принцесса часто говорила мне, что самое главное — это то, как ты приходишь и как уходишь: «Это самое главное, Пол». И сейчас я ей об этом напомнил, добавив:

— Не забудьте выйти гордо, расправив спину, с высоко поднятой головой, пожимайте руки уверенно, скажите себе: «Я — принцесса Уэльская». И не забывайте об этом на протяжении всего приема.

Она резко вздохнула.

— Тогда — вперед, Пол.

Мы спустились по лестнице и вышли из дворца. Когда я захлопнул за ней дверцу машины, она мне широко улыбнулась. Машина тронулась, и я помахал ей рукой.

Позже, этим же вечером, я посмотрел новости. Там показали, как она приехала в галерею. Она решительно вышла из машины, уверенно подошла к лорду Паламбо, пожала ему руку и заулыбалась так, словно чужие мнения ее совершенно не интересуют. Фотографии с того вечера стали широко известны. На следующее утро они появились во всех газетах. «Вот это да!» — кричала «Дейли Миррор». А как же Чарльз? «Не годится в короли», — писала та же газета.

Когда принцесса вернулась во дворец, она уже знала, что в фильме принц Чарльз признался в изменах жене. Поэтому принцесса пришла грустная. Ее не радовало даже впечатление, которое она произвела в галерее. Она отказалась от еды. Не захотела даже выпить чаю. Прошла прямо к себе в спальню, и я выключил свет, оставив гореть только лампочку над дверью.

Глава девятая

«БОСС»

Нельзя сказать, что жизнь в Кенсингтонском дворце была легкая. Жизнь вообще нелегкая штука, а для прислуги, работавшей на особу, которая жила в апартаментах № 8 и № 9, она была совсем не сахар. Точно так же, как в других сферах — в семье, в браке, в дружбе, — в работе счастье порой поворачивается к тебе спиной. Жизнь с нашим Боссом была похожа на американские горки. Слабые и не очень смелые такое не выдерживали. Бывали взлеты, но бывали и падения, многих ужасала скорость и слишком резкие повороты, им часто казалось, что все выходит из-под контроля. Но у принцессы никогда ничего не выходило из-под контроля. И она сама принимала решения — временами поразительно жесткие — о том, кто останется с ней, а кто — за бортом. Дольше всего оставались с принцессой те, у которых хватало твердости духа; нельзя было ни рассуждать, ни задавать вопросы, нужно было принимать ее такой как она есть, со всеми достоинствами и недостатками, и всегда помнить, что Диана — чудесный, любящий, добрый человек.

Верность и поддержка воспринимались как данность как само собой разумеющееся. Тем, кто постепенно оставался в стороне, приходилось несладко, и они сами покидали дворец, иногда даже до того, как их выпроваживали; потом эти люди всю жизнь убеждали себя, что ушли по своей воле. Другие, преданные Диане, начинали цепляться за соломинку; таких было особенно жалко, когда они все-таки уходили. Принцесса отвернулась от многих друзей среди прислуги из-за простого недопонимания и того, что ее неправильно информировали. Чем ближе ты становился к принцессе, тем больше рисковал: ведь могло оказаться так, что твоя дружба с этим чудесным человеком, которого ты так любил, вдруг закончилась, и тебе придется уйти — по своей или не по своей воле.

Я знаю, что это такое, потому что именно так случилось с Марией в конце 1994 — начале 1995-го. Мария сказала, что поработает у Дианы камеристкой год, но постепенно она стала проводить во дворце все больше и больше времени, выполнять все больше и больше поручений, и под конец этого срока Мария поняла, что не сможет проработать камеристкой еще год, потому что скучала по Александру и Нику, которых почти не видела. Мальчишки привыкли, что папы подолгу не бывает дома, но мама всегда проводила с ними все время. «Скоро привыкнешь. Не сдавайся», — то и дело повторял я, пытаясь не допустить того, что

рано или поздно должно было произойти. Я знал, что если она перестанет работать камеристкой, то принцесса посчитает, что ее предали. Диана не раз сталкивалась с этим, иногда даже казалось, что ее преследует какой-то невидимый враг. От нее отвернулась семья, которая очень хотела, чтобы вместо Дианы у них родился мальчик, от нее отвернулся принц Чарльз, от нее отвернулся родной брат, граф Спенсер, когда она искала какой-нибудь домик, где могла бы спокойно проводить выходные. Однако печальнее всего то, что принцесса в любой момент могла сама отвернуться от тех, кто был предан ей. В случае с Марией я, не в первый раз за время моей службы в королевской семье, попал под перекрестный огонь — я разрывался между двумя женщинами, которые были мне дороги.

Когда моя жена пошла на встречу с принцессой в Кенсингтонский дворец, собираясь сообщить Диане о том, что она уходит, так как хочет побольше времени проводить со своей семьей, я как последний трус убежал и спрятался подальше — я был так испуган, что не мог выполнять в этом деле роль миротворца. Зажав руками уши, я ждал, надеясь, что неизбежный скандал скоро стихнет сам по себе. Этим же вечером, в декабре 1994 года, подавленная Мария рассказала мне о своем разговоре с принцессой.

«Что? И это после всего, что я для тебя сделала? — в гневе воскликнула принцесса. — Я из кожи вон лезла, чтобы устроить вас, была такой сговорчивой, и вот чем ты платишь за мою доброту!»

Мария попыталась объяснить ей: они договаривались, что Мария проработает камеристкой только год, что ей нравится работа, но она бы хотела больше видеться с детьми. «Но принцесса унизила меня, как могла. Она довела меня до слез», — сказала Мария в тот вечер.

На следующий день утром над столом, где завтракала принцесса, повисли грозовые тучи.

— Доброе утро, Ваше Королевское Высочество, — сказал я, держа в руках кофейник.

На этот раз Диана проигнорировала мое обращение, которое ее обычно раздражало, и спросила:

— Пол, ты можешь уговорить свою жену?

В первый раз в жизни я захотел, чтобы какой-нибудь крупный заголовок отвлек внимание принцессы, но увы. Я смиренно объяснил, что Мария уже приняла решение, потом попытался объяснить, что моя жена просто хочет проводить больше времени со своими детьми, и заверил принцессу, что подобное решение далось ей нелегко, но она все же остановилась на нем, зная, что

теперь я постараюсь справляться во дворце за нас обоих. Но принцесса Диана не простила Марию. Марии оставалось еще четыре недели проработать у Дианы, и за это время та не обмолвилась с моей женой ни словом. Среди слуг во дворце такая тактика была известна как «обет молчания».

К 1995 году многие утратили расположение принцессы. Было очень грустно, когда повар Мервин Уайчерли уехал из Кенсингтонского дворца после того, как Диана не разговаривала с ним девять месяцев. Немного позднее от Дианы ушел мой коллега Гарольд Браун — тоже после такого же «обета молчания». Ему повезло — он перешел работать к принцессе Маргарет и потому остался жить в апартаментах № 6. После его ухода я остался единственным дворецким, при этом слуг становилось все меньше, а принцесса требовала от них все большей преданности.

Но и в наших с принцессой отношениях иногда пробегал холодок. Хуже всего мне пришлось в ту пору, когда принцесса, ближе к разводу, начала обращать внимание на свои расходы. Она вдруг с ужасом поняла, что на содержание дворца уходят огромные суммы. Кажется, она впервые увидела телефонный счет в Кенсингтонском дворце. Она взяла распечатку звонков и потребовала, чтобы все слуги написали свое имя напротив каждого частного телефонного звонка, который они сделали. Я наговорил на 300 фунтов. Я выписал чек и думал, что этим дело и закончится. Но я ошибался.

Принцессу разозлило то, что я столько наговорил по телефону. Когда я отдал ей чек, она поинтересовалась, как такое получилось. И я совершил ошибку — сказал то, что думал: «Я провожу во дворце много времени, поэтому что тут такого, если я иногда звоню к себе домой? Я ведь работаю здесь по шестнадцать часов в сутки, Ваше Королевское Высочество».

Она решила, что я жалуюсь. Следующие две недели она перестала меня замечать и отказывалась даже говорить со мной. Мне было очень тяжело. Я чувствовал себя обделенным ее дружбой. Мне было очень одиноко.

Дошло до того, что я стал оставлять ей записки по всем комнатам. А она в ответ тоже писала мне записки.

Мы поняли, что ситуация зашла в тупик, когда одна очень важная записка потерялась. Принцесса потребовала у меня объяснений:

— Пол, почему ты не мог мне просто сказать, вместо того чтобы писать эти записки?

— Но Ваше Королевское Высочество! — воскликнул я. — Разве я мог вам просто сказать? Вы ведь со мной не разговариваете!

Кажется, она поняла, о чем я, поэтому я продолжил:

— Я не могу выполнять свою работу. Не знаю, что я такого сделал, но, пожалуйста, помогите мне, чтобы я мог справляться со своими обязанностями.

Принцесса постепенно уступила. Лед растаял и, снова завоевав ее благосклонность, я почувствовал огромное облегчение. С тех пор я пользовался телефоном во дворце с большой осмотрительностью.

«Лед тронулся!» — гласил заголовок в «Дейли Миррор». Отношения между Кенсингтонским и Букингемским дворцами потеплели — в декабре 1994 года принцессу пригласили провести Рождество с остальной королевской семьей в Сандринхеме. Пресса заявляла, что приглашение Диане вручил сэр Роберт Феллоуз, личный секретарь Ее Величества и зять принцессы. Однако это было не так. На самом деле все было гораздо трогательнее. В письме, написанном от руки, королева сообщала, что они с герцогом Эдинбургским очень хотят, чтобы принцесса провела Рождество с ними, принцем Чарльзом, Уильямом и Гарри.

Я уже сразу умел замечать важные письма среди другой корреспонденции — письма от королевы, герцога Эдинбургского, премьер-министра Джона Мейджора, Элтона Джона и многих других, включая членов семьи принцессы. Принцесса показывала мне много важных документов — она показала мне даже свое завещание и официальные документы о разводе, так как не хотела, чтобы их видел ее личный секретарь Патрик Джефсон. Правда, не мне одному она показывала свою корреспонденцию. Иногда, когда ей надо было написать речь или какое-то письмо, она обращалась к своему другу, журналисту Ричарду Кею. Я «просматривал» ее корреспонденцию либо на лестнице, либо в гостиной, где принцесса садилась за письменный стол Официальные письма от Патрика Джефсона мы откладывали в папку, чтобы принцесса потом могла внимательно их прочитать. Она звала меня с лестницы, и мы садились на ступеньки. «Что ты об этом думаешь?» — спрашивала она. А иногда восклицала: «Ты только посмотри!». Иногда она даже оставляла какое-нибудь письмо в буфетной, с запиской: «Скажи потом свое мнение об этом».

Именно так она показала мне письма от герцога Эдинбургского и своего брата графа Спенсера. Потом она стала писать письма и мне: она делилась со мной своими мыслями, делилась какими-то секретами, излагала свои философские взгляды или мысли о жизни. Вскоре принцесса уже настолько мне доверяла, что показывала мне самые интимные письма и

позволяла слушать частные разговоры по телефону. Поэтому я могу твердо заявить, что до самой смерти принцесса Диана общалась с королевой и всегда была с ней в прекрасных отношениях. И еще я знал, что Диане пришлось пережить за это время: с какими неприятностями ей пришлось столкнуться, какие страхи ее одолевали, как она справлялась со всеми трудностями.

Поскольку принцесса собиралась провести Рождество в Норфолке, ей нужно было приготовить подарки для всех членов королевской семьи. За несколько недель до праздника она посылала меня в Кенсингтон, в Найтсбридж, в Мейфэйр, чтобы я купил подарки для членов семьи, друзей и прислуги. Ее щедрость не знала границ, поэтому, с ее согласия, я тратил тысячи фунтов. Поскольку я долго работал с королевой, то знал, что ей нужно, — для королевы я выбирал кашемировый кардиган, шарф или клетчатый плед; для принца Филиппа — патронташ, складную трость или охотничью фляжку. Я часами упаковывал подарки, а принцесса потом сама подписывала их перед отъездом в Сандринхем. Вообще-то она любила готовиться к Рождеству, хотя оно и было, по ее собственному замечанию, «немного грустным».

Если я не успевал поставить елку за две недели до праздника, принцесса первая выражала свое недовольство. Каждый год я заказывал норвежскую ель восемнадцати футов высотой в королевском поместье в Виндзоре, и ее ставили на лестнице, на площадке между первым и вторым маршами. Ее украшали десятью гирляндами огоньков, хрустальными и стеклянными игрушками, белыми сосульками из ваты, а сверху надевали серебряную звезду. Украшали елку Уильям и Гарри. Кроме обычных игрушек, они вешали на елку сделанные в школе своими руками.

У нас в квартире Рождество праздновали не хуже, чем во дворце. В углу гостиной, которая выходила окнами на дворец, стояла елка с красными, зелеными и золотистыми игрушками. Я наряжался Санта-Клаусом — надевал красный халат с колпаком, черные веллингтоны — высокие сапоги, цеплял белую бороду — и раздавал сыновьям подарки. Они не догадывались, что это я (пока однажды не увидели в сарае точно такие же сапоги). Ник, которому тогда было шесть лет, хотел быть в центре внимания и катался колесом по спальне, вопя: «Посмотрите на меня! Посмотрите на меня!» Нам с Марией и нашей гостьей Бетти, матерью Марии, которая всегда приезжала на Рождество, было очень весело и хорошо.

Но я знал, что на Рождество, после обеда, принцесса вернется в Кенсингтонский дворец одна, оставив мальчиков в Сандринхеме. Когда она приехала, я уже ждал ее у двери, потому

что грустно возвращаться одной в пустой дом в такой день. «Вы же не будете сидеть здесь одна. Приходите лучше к нам», — сказал я.

— Нет, Пол. Вы ведь не хотите, чтобы я испортила вам Рождество. Это семейный праздник. А я найду чем заняться, — она явно хотела побыть одна.

И принцесса сделала то, что делала каждое Рождество Она села за стол, взяла ручку, баночку чернил и стала писать письма с благодарностью тем, кто послал ей подарки. Но сначала она вручила мне свое поздравление: «Полу. Желаю вам счастливого Рождества, с любовью, от Дианы». Потом она написала адрес на первом конверте: «Ее Величеству Королеве. Сандринхем Хаус. Норфолк».

Я неохотно отправился домой.

— Если вам что-нибудь понадобится, позовите меня, — сказал я на прощанье.

В записной книжке принцессы Дианы было множество адресов. Встретившись с кем-то в первый раз, Диана могла общаться с ним, как с лучшим другом. В газетах стали появляться статьи о тех людях, с которыми встречалась Диана. Если принцесса перекидывалась с кем-нибудь парой слов или ездила на сеанс к психоаналитику, журналисты заявляли, что она уже давно и тесно общается с этими людьми. У моего Босса действительно было много друзей, но еще у нее был близкий круг друзей, во главе которого была Люсия Флеча де Лима, ее лучший друг. Еще она заменяла Диане мать и часто давала разные советы. Мужа Люсии, Паулу, перевели из Лондона в посольство Бразилии в Вашингтоне, но даже это не помешало дружбе Дианы и Люсии. Люсия заводила будильник на три ночи, чтобы поговорить с принцессой по телефону, когда та только встанет. Когда принцессе нужен был совет или утешение, она звонила Люсии. Я отправлял ей через Атлантику бесконечный поток писем и сообщений. Если ты стал другом принцессы, то это означало, что Диана может позвонить тебе в любое время, и Люсия знала это. Она всегда была готова поговорить с принцессой.

«Не знаю, что бы я без нее делала. Она просто чудо. Она для меня как мать», — снова и снова повторяла принцесса. В августе 1994 года принцесса съездила в Вашингтон. В мае 1995 года Люсия побывала в Лондоне. Рождество в 1996 году Диана отпраздновала с Люсией. Подруги постоянно навещали друг друга, и со временем их дружба становилась все крепче и крепче.

В Лондоне ближайшими друзьями принцессы были: Роза Монктон, Сьюзи Кассем, леди Аннабель Голдсмит, Ричард Кей и врач Мэри Лавдей. Эти люди, как и я, видели принцессу без

прикрас и знали о ней все — в обмен на бескорыстную дружбу. Они понимали ее лучше, чем кто бы то ни было, и любили ее такой, какая она есть.

Герцогиня Йоркская всегда поднимала принцессе настроение. У нее, как и у принцессы, было много проблем, и она старалась преодолевать их с неизменной внутренней энергией и дружелюбием. Она и принцесса часто звонили друг другу и старались друг друга поддержать.

Они подолгу сидели в гостиной, разговаривали о чем-нибудь серьезном или просто смеялись, сравнивая обиды, которые им нанесли обитатели Букингемского дворца. При помощи принцессы я завоевал доверие герцогини. Иногда она звонила даже тогда, когда знала, что принцесса куда-то ушла, И тогда я слышал в трубке ее бодрый, веселый голос: «Привет, Пол, это герцогиня».

Иногда она была в такой же растерянности, как принцесса: «Почему люди меня все время обижают? Я даже не знаю, чего они от меня хотят».

Как и принцесса, она верила в карму. «Что предназначено, то и случится», — любили повторять обе.

Я слушал ее так же, как выслушивал принцессу, и мне было ее искренне жаль. «Послушайте, — говорил я, — помните слова принцессы: „убивайте всех своей добротой и никогда не показывайте, что они причинили вам боль"».

Каждый раз, когда я смотрю на фотографию герцогини и ее маленьких дочерей, Беатрис и Юджини, которую она прислала мне в конце 1994 года, я с радостью вспоминаю наши разговоры по телефону или в Кенсингтонском дворце. Внизу на фотографии герцогиня написала: «Дорогие Пол и Мария, огромное спасибо за вашу невероятную доброту и поддержку. Нет в мире слов, достойных, чтобы поблагодарить вас за все. С наилучшими пожеланиями, Сара».

При тех, которые не входили в круг друзей Дианы, принцесса всегда знала, что можно говорить, а о чем лучше умолчать. Однако она всегда полагалась на советы и мудрость даже тех людей, которые были просто ее приятелями. Принцесса предпочитала общаться со своими друзьями один на один. Мне иногда казалось, что для принцессы друзья похожи на набор разных коробок, и я всегда знал, какую коробку она сейчас открывает, зачем она ее открывает, и какое место эта коробка занимает в ее жизни. Тому, кто жил в ее мире, приходилось становиться ее посланником, которому она безгранично доверяла. Когда принцесса собиралась уезжать, она давала мне разрешение на просмотр ее записной книжки, чтобы находить

нужное имя и звонить этому человеку.

После ухода Гарольда Брауна принцесса задумалась над тем, кому можно, а кому нельзя доверять, и с 1995 года я постепенно превращался не просто в дворецкого, но также в ее личного помощника, курьера, шофера, посыльного и друга, которому она всегда могла доверить свои тайны и переживания. Когда Диана решала отказаться от услуг своего шофера, советника по связям с общественностью или личного секретаря — потому что не хотела, чтобы они видели некоторых из ее друзей, какие-то письма или знали, куда она едет, — Диана звала меня.

«Пол, постой рядом с факсом. Не отходи от него, пока не придет нужное сообщение!» — кричала она мне со второго этажа.

В 1995 году принцесса поручила мне полностью заниматься ее корреспонденцией — и деловой и личной. Она стала скрывать кое-какие письма от Патрика Джефсона и переадресовывать факсимильные сообщения, которые приходили к нему в офис в Сент-Джеймсский дворец. До принцессы дошли слухи о том, что ее личный секретарь недоволен своей работой и подыскивает другое место. Диана приперла его к стенке, и он сказал, что никуда не собирается уходить, но она ему все равно не поверила. Она стала очень подозрительной, и в отношениях между ними наметился разлад. Их отношения так больше и не наладились. «Как, интересно, я могу обсуждать с ним такие деликатные и личные вопросы, как мой брак или мое будущее, если я даже не знаю, собирается ли он продолжать работать у меня?» — восклицала она. В гостиной принцессы поставили факс — прямо на ковер под ее письменный стол. Его было незаметно из-за дивана, который стоял рядом. Бывало, я зайду в гостиную, а там никого нет.

— Ваше Королевское Высочество, где вы? — спрашивал я, собираясь поискать ее в другой гостиной.

— Да здесь, здесь, — отвечала она.

Принцесса стояла на четвереньках под столом, пытаясь сладить с факсом, но у нее ничего не получалось. Она не умела обращаться с современными устройствами и аппаратами, так же как не умела готовить.

— Все безнадежно! Нет, это я безнадежна! — смеялась она над собственной неудачей.

Она еще несколько недель пыталась научиться работать с факсом, но потом оставила попытки и стала пользоваться моим, который стоял под столом в буфетной. Принцесса отдавала мне свои бумаги, иногда очень личного характера, с просьбой отправить их и подождать ответа. Обычно она старалась посылать письма при помощи факса, чтобы можно было сразу получить

ответ, не полагаясь на услуги обычной почты.

Как-то раз Диана не захотела посылать письма ни по факсу, ни по почте. «Пол, пожалуйста, мне нужно, чтобы ты вручил это письмо лично в руки», — сказала она, передавая мне конверт. Я посмотрел на него. Имя адресата было мне знакомо. И адрес тоже. Письмо нужно было отправить за океан.

По моему взгляду принцесса догадалась, что я очень удивлен — ведь мне предстояло далекое и долгое путешествие. «Я знаю, что ехать придется далеко, но это очень важно для меня», — сказала она.

«Считайте, что письмо уже доставлено», — сказал я и носил с собой этот конверт до тех пор, пока принцесса не отправилась в заграничную поездку. Когда она уехала, я сел в другой самолет, который летел совсем в другом направлении, и вскоре вручил это письмо лично в руки адресата, который должен был написать ответ. Когда Диана вернулась в Кенсингтонский дворец, я был уже там.

— Миссия выполнена, — доложил я.

В январе 1995 года многие все еще обсуждали принца Чарльза и его отношения с любовницей, Камиллой Паркер Боулз, в которых он признался в документальном фильме. Разговоры только усилились, когда 11 января было объявлено о ее разводе с бригадиром Эндрю Паркером Боулзом, с которым у нее произошел разрыв двумя годами раньше. Но принцесса в это время была озабочена другим — ее беспокоили отношения между принцем Чарльзом и его ассистенткой Тигги Легге-Бурк. Статьи с намеками стали появляться в прессе, и это только усилило подозрения принцессы.

«Просто поцелуй», — гласил заголовок в «Дейли Миррор». На фотографии принц Чарльз катался на лыжах со своими друзьями, среди которых была и Тигги Легге-Бурк. На других фотографиях принц в красной шапочке с кисточкой обнимал Тигги и целовал ее «в знак признательности». Личный секретарь принца Чарльза заявил журналистам: «Почему он не мог поцеловать ее в щеку? В этом нет ничего особенного».

Принцесса была не согласна с этим, ей казалось, что отношения между принцем и его ассистенткой стали чересчур теплыми, учитывая, что он нанял ее совсем недавно. Диана так заинтересовалась этим, что даже забыла про Камиллу Паркер Боулз, посчитав ее отношения с принцем «вчерашним днем». Ей казалось, что Тигги Легге-Бурк становится все ближе к принцу Чарльзу и Уильяму с Гарри. Не следует забывать, что принцесса все еще была замужем, а вокруг ее мужа увивались сразу две женщины.

Уж не знаю почему, но 6 июня 1995 года, когда мне исполнилось тридцать семь лет, мне прислали очень много открыток и подарков, а я решил сам послать подарок маме в Грассмур. Я хотел, чтобы она получила от меня что-нибудь приятное в мой день рождения. В садовом центре в Дербишире я заказал каменный ящик с цветущими растениями, которые должны были продержаться все лето, продиктовал по телефону поздравление, которое потом напишут на открытке и поместят среди цветов, и договорился о том, чтобы его переслали в Грассмур.

Мама в переднике открыла входную дверь в том самом доме, где я вырос. «Кажется, дружок, ты перепутал дом — день рождения сегодня не у меня», — сказала она, как потом мне рассказывал отец.

Потом она прочитала мои поздравления и очень обрадовалась. Мама нечасто получала цветы. А на мой день рождения она получила их в первый раз, и мои слова тронули ее. Услышав по телефону, в каком она восторге, я поклялся делать так каждый год. Через две недели мама с папой приехали к нам в гости, и вечером, прежде чем я отвез их обоих в аэропорт Хитроу, пожелав им хорошо провести отпуск в Америке и Канаде, — они оба всю жизнь мечтали о такой поездке, — мама только и говорила, что о своем цветущем каменном ящичке.

15 июня в два часа ночи зазвонил телефон, и я сразу же понял, что произошло что-то серьезное. Наверное, это принцесса, подумал я. Диана в это время была с визитом в России. Только она могла позвонить в такой час. Должно быть, у нее возникли тяжелые проблемы личного или другого характера. Мария взяла трубку. Через несколько секунд она уже плакала навзрыд: «Как же я скажу ему такое? Как я ему скажу?».

Принцесса! Что с ней?! Я выпрыгнул из постели и примчался в гостиную. Мария все еще разговаривала по телефону.

Звонил мой брат, Грэм. Мама потеряла сознание на улице в Оттаве, в Канаде, и скоропостижно умерла от обширного инфаркта. Ей было всего пятьдесят девять.

На следующее утро принцесса позвонила во дворец, чтобы узнать, как у нас дела. Она собиралась вернуться через два дня, в субботу, чтобы побыть некоторое время с Уильямом и Гарри. Услышав ее голос, я не смог сдержаться. — Боже мой, что случилось, Пол? — спросила она. Вне себя от горя, я рассказал ей, что у меня умерла мама, о том, что она выглядела совершенно здоровой, когда уезжала, и что отец сейчас в полной растерянности — ему надо как-то добиться разрешения на то, чтобы перевезти тело матери домой.

— Я позабочусь об этом, Пол. Прямо сейчас. Одного звонка принцессы Уэльской в Британское представительство в Канаде хватило, чтобы уладить все вопросы, касавшиеся внезапной смерти гражданина Великобритании в другой стране. Несмотря на свой плотный график в России, принцесса сделала все возможное, чтобы помочь нам. Она даже позвонила моему отцу в отель в Оттаве. Принцесса около получаса утешала его, заверив, что рядом всегда будет кто-то из Британского представительства, что все вопросы по вывозу тела решены, а перелет в Великобританию оплачен.

— Я бы хотела, чтобы, вернувшись, вы заехали ко мне вместе со своими сыновьями. Мне бы очень хотелось вас видеть, — сказала она папе.

Когда принцесса вернулась в Лондон, мы с ней сели на диван в гостиной. Я плакал и извинялся за свои слезы, а она обнимала меня за плечи и утешала. Я раньше видел, каким она была чутким человеком, как она умела утешать людей, а теперь вот она заботилась обо мне.

Она говорила о судьбе, о смысле жизни, о смерти, о своей вере в жизнь после смерти, о тех минутах, которые она провела в больнице со своим другом Адрианом Уорд-Джексоном, который рассказывал ей о том «что происходит с душой». «Пол, дух остается здесь после смерти. Твоя мама все еще с нами. Поверь мне. Крепись. Тебе нужно быть сильным», — сказала она.

На следующий день был праздник — День Отца. Папа, Грэм и Энтони приехали во дворец на встречу с принцессой. Тело мамы было все еще в Канаде, его должны были привезти на следующий день.

Принцесса встретила нас у полицейского заграждения. На ней была футболка, велосипедные лиловые шорты и кроссовки. Уильям и Гарри остались в детской. Диана обняла отца и моих братьев. Потом, взяв отца под руку, сказала: «Давайте немного погуляем».

День был теплый. Диана с отцом шли впереди, а мы — трое братьев — за ними. Мы отправились в Кенсингтон-Гарденс, по Брод-Уок, которая вела через весь парк к Бэйсуотер-роуд, потом поворачивала направо и вела к Италиан-Гарденс, через Гайд-парк, мимо галереи «Серпантин» к памятнику принцу Альберту, а потом — по кругу — снова к Кенсингтонскому дворцу. Мы, все пятеро, гуляли и разговаривали сорок пять минут.

Поскольку принцесса не надела бейсболку, ее легко было узнать. Когда какой-нибудь прохожий хотел сфотографировать ее, она вежливо загораживала лицо рукой и просила: «Пожалуйста, не надо».

Несмотря на свое горе, папа очень беспокоился, что принцесса гуляет по парку и ее могут увидеть обычные посетители. «Мне так неудобно, что вы так рискуете ради нас. Не надо, пожалуйста. Вас могут заметить. Давайте лучше вернемся во дворец», — сказал он.

«Грэм, я думаю, что с вашими крепышами я в полной безопасности», — ответила она, и папа впервые за все выходные улыбнулся.

Мы подошли к оранжерее возле апартаментов. «Грэм, если вам что-нибудь понадобится, просто скажите об этом Полу», — она еще раз обняла папу и моих братьев и вошла во дворец. Папа еще долго вспоминал, как она была добра к нему, и как много времени она на нас потратила.

В тот вечер отец захотел немного побыть один. Он вышел на лужайку перед Старыми конюшнями и сел на скамейку. Я выглянул в окно из гостиной на втором этаже — он сидел к нам спиной. А рядом с ним сидела принцесса. Она возвращалась домой на машине и заметила его, подъезжая ко дворцу. Затормозив, Диана выбралась из машины, пересекла лужайку и села на скамейку. Я смотрел из окна и думал о том, как странно видеть своего отца рядом с ней. Я видел, как он кивал головой, разговаривая и вытирая слезы платком. Потом он не выдержал и разрыдался, уткнувшись принцессе в плечо.

Маму привезли в Великобританию в понедельник. Мы похоронили ее на той же неделе. Накануне похорон гроб с ее телом стоял в церкви Хасленда, в которой ее крестили, в которой она венчалась и в которой отпевали бабушку и дедушку Кёрков. Мы украсили церковь белыми цветами. Зажгли свечи в память о ней. А потом каждый побыл с ней наедине, чтобы попрощаться. Я стоял, положив руку на полированную крышку гроба, склонив голову и вспоминая, что сказала мне принцесса: «Твоя мама все еще с нами».

На похоронах гроба не было видно под горами цветов. Когда друзья и родственники разошлись, мы с Грэмом остались возле могилы одни. Именно тогда он и открыл мне мамину тайну: что она сожгла письмо от «Кьюнарда», в котором мне предлагали работу.

Мы вернулись в дом № 47 на Чапел-роуд. Мамина сумочка и вязание лежали на стуле возле камина.

Папа поставил на огонь чайник, мои братья, невестки, племянницы и племянники разбрелись по дому, а я сел и открыл ее сумочку. В ней оказалась пудреница с гербом королевской яхты «Британия» — я подарил ее в те дни, когда работал у королевы, — и помада. А еще там был потертый красный

кошелек, в котором, как обычно, не было ни пенни. Зато в нем была согнутая открытка. Та открытка, которую я послал ей вместе с цветами на свой день рождения: «Мама, это всего лишь маленький подарок за ту боль, которую ты перенесла, когда я появлялся на свет — в этот же самый день, 37 лет назад. С огромной любовью, твой первенец — Пол».

Семья была очень важна для принцессы, но, к сожалению, у нее были далеко не такие теплые отношения в семье, как в узком кругу ее друзей. Ее сестра, леди Сара Маккоркодейл, часто приезжала во дворец из Линкольншира. Из всех Спенсеров она была ближе всего Диане. Мать, Франсис Шенд Кидд, жила в уединении на шотландском острове Сейле, но, когда могла, приезжала к дочке. Хотя, честно говоря, принцесса чаще виделась со своей мачехой, Рейн Спенсер, чем с родной матерью. Диана обедала со своей мачехой раз в месяц, иногда в «Секкониз», недалеко от Бонд-стрит, — это был любимый ресторан ее отца.

Но несмотря на то что днем в Кенсингтонском дворце часто бывали гости, вечером принцесса часто оставалась одна, и в ее апартаментах воцарялась тишина. Когда Уильям и Гарри были в школе или в Хайгроуве, ей надо было составлять компанию.

«Ненавижу эту тишину», — говорила принцесса, читая «Вог» или «Харперз & Квин» субботним утром. В комнате играла музыка, но ей очень не хватало тех, кого она называла «человечками». «Пол, позвони своим сыновьям и попроси их прийти сюда», — говорила она.

Дети носились по апартаментам, кричали, смотрели фильмы по видеомагнитофону, играли в игры на приставке Гарри, и это здорово скрашивало ее одиночество. Александр и Ник даже не подозревали, что принцессу радует их беготня по дворцу. «Хотите что-нибудь поесть?» — спрашивал их принцесса, застыв в дверном проеме детской гостиной. Она шла на кухню к Даррену Макгрейди и просила его приготовить ребятам то, что они любили больше всего: гамбургеры и жареную картошку.

Александру и Нику нравилось бывать во дворце. Они наперегонки бежали по подъездной дорожке к задней двери вбегали в буфетную и неслись по лестнице к Диане, которая как обычно, разговаривала с кем-нибудь по телефону.

— Привет, принцесса! — доносились до меня в буфетную их крики.

После посещения дворца они приходили домой довольные и радостные. Их ждала Мария, которая все еще была в немилости у принцессы. То, что мальчики играли во дворце, доставляло им огромное удовольствие, но обижало Марию. «Ты там пропадаешь целыми днями, а теперь она еще и мальчиков туда уводит», —

как-то раз пожаловалась она. А однажды утром, в воскресенье, Ник с детской непосредственностью спросил Марию:

— Мамочка, а почему ты больше не работаешь у принцессы? Почему ты ее не любишь?

— Пол, пусть она больше ничего не говорит обо мне мальчикам. Почему Ник меня об этом спрашивает? — разозлилась Мария.

Было такое впечатление, что я разрываюсь между бывшей женой и своей новой пассией. Однако именно Александр и Ник вновь сблизили старых подруг. Однажды, снова прибежав во дворец, мои мальчики приблизили заключение долгожданного перемирия.

Ник сидел с принцессой, и она спросила его о маме.

— Она тоже хочет сюда приходить, принцесса, — ответил он.

В тот вечер я освободился немного раньше. Зазвонил телефон. Мария взяла трубку. Это была принцесса. Раньше в таких случаях она сразу просила позвать меня, но не в этот раз. Диана обратилась к Марии, и вскоре обе уже непринужденно болтали, как будто ничего не случилось. Мария вернула доверие Дианы. Ей, в отличие от многих, очень повезло.

Нужно было снова восстанавливать контакты между Кенсингтонским дворцом и Флит-стрит [24], поэтому принцесса, желая отомстить принцу Чарльзу за то, что он публично признался в измене, стала налаживать связи со СМИ. Она начала приглашать редакторов газет и обозревателей во дворец на обеды. Ей казалось, что будет лучше, если журналисты увидят ее в естественной обстановке, и тогда, может быть, они станут лучше ее понимать. А она в свою очередь постарается разведать, что они знают и почему в статьях смотрят на происходящее под другим углом. Как видим, подобные обеды были полезны для обеих сторон.

«Если в Букингемском дворце об этом узнают, пресс-секретари впадут в панику!» — смеялась она.

Все сливки — и не сливки — Флит-стрит побывали в апартаментах № 8. Было забавно смотреть, с каким трепетом эти смелые журналисты, привыкшие работать в своих привычных кабинетах, входят на территорию принцессы Дианы. До этого она долгое время служила им неким объектом, при помощи которого они писали скандальные заголовки и статьи для газет. А теперь она усердно расспрашивала их о чем угодно в тиши своей гостиной или за обедом. Принцесса была просто неподражаема. Выпроводив гостей, мы со смехом обсуждали их в гостиной.

— Как забавно, что я могу заставить таких властных людей немного понервничать, — говорила принцесса, весело смеясь, а

потом добавляла; — Как восхитительно!

В разные дни у нас побывали самые разные светила британской журналистики: Чарльз Мур, редактор «Дейли Телеграф»; Пол Дакр, редактор «Дейли Мейл»; Пирс Морган, редактор «Дейли Миррор»; Стюарт Хиггинс, редактор «Сан»; Линда Ли-Поттер, обозреватель «Дейли Мейл» и даже журналист Би-би-си Дженни Бонд. Принцесса всегда одевалась для этих встреч так, чтобы сразить всех своей красотой. Мы с ней заранее договаривались, что я буду стоять у дверей в гостиную. У нас была целая система сигналов, отлично проработанная, которой мы пользовались много лет во время торжественных обедов. Если она бросала на меня быстрый взгляд, подняв при этом одну бровь, я знал, что надо побыстрее подавать обед из трех блюд. Одному несчастному гостю, известному ведущему на ТВ и по совместительству газетному обозревателю (не светской хроники), обед подали в рекордный срок. Его приняли, накормили, напоили водой и отправили восвояси… всего за сорок минут. Больше принцесса его не приглашала.

— Я чуть не заснула от скуки, Пол. Он такой зануда! — разочарованно сказала принцесса.

Редакторы и обозреватели были очень рады возможности побеседовать с Дианой и порасспрашивать ее. Принцесса была прекрасным дипломатом. Когда Стюарт Хиггинс из «Сан» спросил, что она думает о Камилле Паркер Боулз, Диана ответила: «Честно говоря, мне ее жалко». Журналист ожидал, что она отзовется о Камилле с презрением и насмешкой, и чуть было не упал с плетеного кресла. Принцесса добавила: «Эта женщина потеряла в жизни все, а что приобрела взамен?».

Когда Пирс Морган из «Дейли Миррор» спросил ее напрямую: «Как вы думаете, принц Чарльз станет королем?», принцесса ответила: «Он в это верит, но мне кажется, что ему было бы гораздо уютнее в Провансе или Тоскане».

На обеде с журналистом из «Дейли Миррор» присутствовал и Уильям. Он сидел рядом с матерью и с серьезностью, не свойственной детям его возраста, слушал все, о чем говорили.

Пирс Морган обратился к нему: «Как вы относитесь к прессе?»

Уильям посмотрел на мать, которая кивком позволила ему ответить. «Нормально. Я научился вычислять журналистов и теперь, когда вижу их, то могу избежать их внимания. Меня больше раздражают не британские журналисты, а фоторепортеры из Европы. Они сидят на берегу в Итоне, смотрят, как я гребу, только и выжидая, чтобы я свалился в воду!»

Корреспондентка Би-би-си Дженни Бонд была единственной

из всех приглашенных к принцессе журналистов, которая получила от нее подарок. Их официальный разговор очень скоро перерос в теплую беседу, которую ведут между собой обычные женщины. Журналистка попросила совета у женщины, которая одевалась лучше всех в мире. Дженни заметила, что у Дианы всегда великолепные чулки, и вскоре после ее ухода, тем же вечером, я упаковал шесть пар новых чулок и послал их журналистке с запиской от Дианы. Во время этого обеда Диана посоветовала Дженни Бонд, в какие цвета ей лучше одеваться перед камерами. Однако однажды, из-за того что она была в таких теплых отношениях с прессой, у журналистов, настроенных против Дианы, появился шанс выступить против нее. Ее тайно сфотографировали в машине с корреспондентом «Дейли Мейл» Ричардом Кеем. За этим последовал огромный скандал, граничащий с абсурдом. Принцессой впервые занялись служащие из Букингемского дворца и друзья принца Чарльза. Принцесса в ответ запустила встречную кампанию, чтобы ее правильно поняли. Для этого она прибегла к помощи своего влиятельного союзника. Впрочем, она не делала ничего ужасного. Тем же самым занимались эксперты по связям с общественностью из команды Тони Блэра или помощник принца Чарльза Марк Болланд, который, заигрывая с прессой после смерти принцессы, вдруг принялся выставлять в выгодном свете Камиллу Паркер Боулз. Больше всего пресс-секретарей из Букингемского дворца и Сент-Джеймсского дворца раздражало то, что Диана всегда была впереди — и всегда выигрывала.

Когда машина пересекла Шепардз Буш и направилась к Бейсуотер-роуд, к северному крылу Кенсингтонского дворца, мой пассажир с бегающими глазками демонстративно упал на правый бок и так и остался лежать, натянув на себя клетчатый плед. Я с раздражением закатил глаза и продолжил следить за дорогой. Я уже много раз провозил тайного гостя Дианы мимо дворцовой полиции, но этот пассажир, судя по всему, любил поиграть в опасные приключения.

Я включил поворотник и свернул направо. Проехал иностранные посольства на «улице миллионеров», которая находилась рядом с дворцом. Если бы кто-нибудь посмотрел в мою сторону, то подумал бы, что я в машине один и просто еду на работу.

— Мы где? Вы уже миновали полицию? — приглушенно спросил пассажир из-под пледа.

— Нет. Не показывайтесь. Я скажу, когда можно будет сесть нормально, — нетерпеливо ответил я, следуя строгим указаниям принцессы «провезти его во дворец незаметно».

Когда машина притормозила у шлагбаума, рядом с которым была охрана, охранник узнал мою машину и помахал, чтобы я проезжал.

— Просто не верится. Неужели они никогда не останавливают вас? — удивился пассажир.

Я проехал под аркой башни с часами и остановился напротив потайного входа в апартаменты № 9.

— Как все оказалось просто! — воскликнул пассажир, отбросив плед и выбравшись из машины.

Мартин Бэшир провел руками по пиджаку и рубашке, разглаживая складки, взял свой портфель и пошел за мной во дворец: по лестнице, мимо спальни принцессы, по коридору в детскую гостиную, где принцесса его ждала. Стояло лето 1995 года. Тележурналисты готовились к съемке интервью с королевской особой для «Панорамы» канала Би-би-си 1.

Должен признаться, что я тогда понятия не имел об интервью для «Панорамы». Кажется, об этом знали только Бэшир и Диана. Но тележурналист постоянно приходил в Кенсингтонский дворец, а я привык не задавать вопросов, и лишь время от времени обменивался с Дианой парой фраз.

Обычно я привозил журналистов либо на своем «вокс-холле», либо на темно-синем БМВ принцессы. «БМВ хорош тем, что он легко теряется среди таких же автомобилей в Лондоне», — часто говорила она.

Следовать ее указаниям было несложно. Остановиться возле белого здания рядом с офисным зданием Би-би-си, подождать на стоянке, пока появится Мартин Бэшир и сядет на заднее сиденье автомобиля. Потом, на подъезде к Кенсингтонскому дворцу, — «спрятать его». Я уже профессионально умел «прятать» посетителей принцессы; посетителей куда более непривычных к этому, чем Бэшир; посетителей, которые не устраивали из этого спектакля. Проводив его к принцессе, я отправлялся в буфетную и ждал, пока не придет время увозить его обратно.

— Пол, ты там? — кричала принцесса.

— Да. Он уже готов?

— Мистер Бэшир, шофер вас ждет, — улыбалась принцесса.

Во время этих визитов не делалось никаких намеков на то, что планируется какое-то важное интервью. Это была единственная тайна, которой принцесса не захотела со мной поделиться. Пока все не было готово. Бэшир был человеком умным и знал слабые стороны принцессы. Это он убедил ее в том, что в ее интересах дать пространное телеинтервью. Принцесса слушала этого обаятельного человека с мягким, успокаивающим голосом. Ей инстинктивно хотелось верить ему. Он сыграл на ее

жалости, рассказав, что дела у него в последнее время «идут неважно», что у него проблемы в семье и что жить в тесном домишке в Уимблдоне непросто. Позже она сказал мне: «У него тоже был проблемы в жизни. Мне нравится с ним разговаривать. Думаю, она убедила себя, что он ей друг.

Но принцесса не знала о том, что Бэшир регулярно названивал мне, в надежде заполучить какую-нибудь информацию частного характера. А он не знал о том, что однажды, когда он позвонил мне, принцесса оказалась рядом со мной в буфетной; это произошло вскоре после того, как интервью уже было готово.

Когда я, как обычно, попытался от него отделаться, принцесса спросила меня одними губами: «Кто это?».

Закрыв ладонью трубку, я тихо сказал: «Мартин Бэшир».

«Включи громкую связь», — она указала на кнопку селектора. Я нажал ее, и через несколько секунд в буфетной раздался голос журналиста. После этого разговора принцесса увидела своего «друга» совсем в другом свете.

Бэшир знал, что Диана согласится на «Панораму»: в то время она страстно хотела отомстить принцу Чарльзу за то, что он официально признался в измене в документальном фильме Димблби. Интервью для «Панорамы» снимали в воскресенье, выбрав день, когда Диана будет одна. Во дворце не было ни камеристки, ни повара, даже у меня был выходной. Принцессе пришлось пообедать салатами из холодильника и уведомить полицию о том, кто к ней приедет. Операторы во главе с Мартином Бэширом установили свою аппаратуру в детской гостиной. На следующий день я спросил, почему в детской гостиной передвигали мебель, но она ответила, что никто ничего не передвигал.

Позже, за неделю до показа, принцесса рассказала мне об интервью для «Панорамы». Она сказала, что все это держится в строжайшем секрете, и что она хочет, чтобы ее лучше поняли жители Великобритании. «Я уверен, что многие люди вас поддержат. Если вам самим понравится то, что сняли журналисты», — сказал я.

В понедельник вечером 20 ноября я сидел перед экраном телевизора у себя дома и вместе с еще двадцатью миллионами телезрителей смотрел передачу, в которой принцесса говорила о том, что она хочет стать «королевой людских сердец», что принц Чарльз не сможет справиться с обязанностями короля, что «в нашем браке трое», что ей нравился Джеймс Хьюит и что она не собирается уходить со сцены по-тихому. Из этого интервью я не вынес для себя ничего нового. Все мысли, которые она высказала,

я уже давно знал, но я очень беспокоился об ее имидже, особенно когда посмотрел «Вечерние новости» по Би-би-си 2, в которых политик Николас Сомс, друг принца Чарльза, напал на Диану, чего мы с ней с отвращением ожидали. Когда принц Чарльз нуждался в защите, на сцене тут же появлялся Николас Сомс и начинал делать выпады в сторону принцессы. На следующий день Диана была в прекрасном настроении — ее обрадовал собственный ход, которого никто не ожидал, а также положительная реакция и даже сочувствие со стороны прессы. Принцесса пошла на большой риск, но, к счастью, оказалось, что ее репутация в глазах общественности ничуть не пострадала. Однако, решив сотрудничать с Бэширом, она ни разу не подумала о том, что это может негативно сказаться на ее браке. Развод был уже не за горами. Но сейчас Диана оказалась на гребне успеха в глазах СМИ. Она стала практически неуязвимой. Ей казалось, что сейчас она может наконец бросить вызов всем, кто был против нее, и следующей в списке оказалась Тигги Легге-Бурк.

14 декабря 1995 года в Лейнсборо Хоутел на Гайд-Парк-Корнер состоялся рождественский обед для служащих принца и принцессы Уэльских. Именно в этот день принцесса решила нанести удар Тигги Легге-Бурк.

«Поехали со мной», — сказала Диана. Мы проехали мимо Найтсбриджских казарм, через Гайд-парк, под каменную арку — она нажала на кнопку в автомобиле, и шлагбаум под аркой поднялся. «Мне нравится ездить напрямик» улыбнулась она. Когда мы подъехали к отелю, оказалось, что мы опоздали и прием для сотни гостей уже начался.

Мы вошли в зал, и все взгляды устремились на принцессу. «Не отходи от меня. Смотри за тем, что происходит», — сказала она, не переставая улыбаться, и пошла через толпу к Тигги Легге-Бурк, которая стояла в противоположном конце зала. Я шел за ней по пятам.

— Здравствуй, Тигги. Как поживаешь? — спросила принцесса, улыбаясь.

И тут же, не дав ей ответить, добавила с притворным сочувствием:

— Мне *так жаль*. То, что случилось с твоим ребенком просто ужасно!

Лицо у Тигги исказилось от горя. В глазах застыли слезы. Она вышла из зала вместе с лакеем принца Чарльза Майклом Фосеттом. Я повернулся к принцессе, но она уже общалась с кем-то в толпе. Орудия Дианы дали залп по лагерю принца Чарльза. Отлично сработано, подумала она. — Ты видел, как она на меня смотрела, Пол? Она чуть не потеряла сознание! — сказала

принцесса.

То, что произошло в Лейнсборо, вызвало всеобщее смятение в обоих дворцах — и в Букингемском и в Сент-Джеймсском. Принц Чарльз позеленел. Слухи дошли до самой королевы, и она пришла в ужас. Служащих охватила паника из-за ядовитого замечания принцессы. На следующей неделе Тигги наняла адвокатов, чтобы опровергнуть заявление Дианы, и было официально заявлено, что «лживые слухи, которые муссируются в последнее время… крайне негативно сказались на моральном состоянии нашего клиента. Подобные заявления совершенно безосновательны».

Действия принцессы возымели должный эффект. В результате началось подпольное расследование, которое возглавил личный секретарь королевы сэр Роберт Феллоуз. Через четыре дня после случившегося в отеле он лично позвонил принцессе, своей свояченице, чтобы разузнать, что именно имела в виду принцесса и на каких фактах она основывалась, когда разговаривала с Тигги Легге-Бурк. Принцесса объяснила правой руке королевы суть своих заявлений: что у Тигги была любовная связь с принцем и что ей пришлось сделать аборт. Диана даже сообщила точную дату аборта.

— Ну вот. Теперь началось официальное расследование. Роберт пообещал все узнать, — сказал она после этого звонка.

Сэр Роберт Феллоуз был подходящим человеком, чтобы заниматься такими деликатными вопросами. Поговорив с принцессой, он вознамерился узнать правду.

Он выяснил, что Тигги Легге-Бурк — которую тоже «дотошно расспросили» — действительно дважды в 1995 году была у своего личного гинеколога, один раз летом, другой раз осенью. У нее были «женские проблемы». Еще она дважды побывала этой осенью в больнице.

Но сэр Роберт решил, что заявление принцессы беспочвенно. Вскоре во дворец пришел посыльный в униформе и вручил мне официальное письмо от сэра Роберта.

Принцесса вскрыла конверт серебряным ножом для резки бумаги и недовольно покачала головой, прочитав письмо. «Как обычно! — сказала она. — Ты только посмотри, Пол».

Сэр Роберт писал:

Ваши заявления относительно Тигги Легге-Бурк совершенно беспочвенны. Ее отношения с принцем Чарльзом всегда оставались сугубо деловыми.

В день предполагаемого аборта она была в Хайгроуве с Уильямом и Гарри. В ваших же интересах отказаться от подобных

заявлений. Вы неправильно все поняли.

Итак, расследование показало, что обвинения принцессы были ошибочны. Более того, сэр Роберт Феллоуз даже приложил к письму записку свояченице, в которой подчеркнул, что она была неправа: «Это письмо от человека, который полагает, что ты просто неправильно все понял должна это понять — *пожалуйста*, поверь мне».

Если посмотреть на это со стороны или непредвзято разумеется, принцесса действительно была неправа.

В конце 1995 года личный секретарь принцессы написал ей письмо. Патрик Джефсон решил уйти от Дианы. Он стал еще одним служащим, который ушел сам, не дожидаясь, когда его уволят. Он уже долгое время не мог нормально работать с принцессой. Было очень грустно смотреть, как они отдаляются друг от друга, — потому что, во-первых, он был настоящим профессионалом, а во-вторых, когда-то они с принцессой были хорошими друзьями. Как-то раз меня даже послали в фирму «Аспри & Джеррард» — к королевским ювелирам — чтобы я выбрал для него золотые запонки с его инициалами. Принцесса разрешала ему в пятницу уходить с работы пораньше и возвращаться аж в понедельник, чтобы он мог проводить побольше времени со своей семьей в Девоне. Но постепенно она стала сама принимать решения, не посвящая в них секретаря, и сама заниматься своей корреспонденцией — ее письма я лично посылал с факса в буфетной. У королевского служащего нет никакого будущего, если его перестают слушать и замечать во дворце. Последней каплей были для него интервью для «Панорамы» и эпизод с Тигги Легге-Бурк. В своем письме, которое однажды пришло в Кенсингтонский дворец, он выразил свои чувства по отношению к сложившейся ситуации: он сказал принцессе, что не может больше сотрудничать с принцессой, ему кажется, что он не нужен принцессе.

«Крысы всегда первыми бегут с корабля, Пол, — заявила Диана. — Похоже, тебе придется стать дворецким, секретарем и придворной дамой. Теперь ты у штурвала!»

К счастью, мне не пришлось заниматься связями с общественностью. Этим занялась новая служащая — Джейн Аткинсон. Ей было поручено повысить рейтинг Дианы, который стремительно падал после случая с Тигги Легге-Бурк. Ассистентка принца Чарльза требовала извинений, но принцесса не хотела идти на уступки. В то время она думала совсем о другом. Она только что получила ужасное известие. Перед самым Рождеством королева и принц Чарльз нанесли сокрушительный удар по

Кенсингтонскому дворцу. И правящий монарх, и наследник трона требовали развода.

Впрочем, слово «развод» не сильно напугало принцессу. Она часто пользовалась им, чтобы припугнуть мужа в последние годы их брака. Она много раз кричала о нем принцу Чарльзу, как ребенок, который в приступе гнева кричит родителям, что убежит из дома, даже и не думая этого делать. Я часто говорил с принцессой о том, что ее никто не понимает, как ей должно быть больно в этой ситуации, какие «муки» — по ее выражению — она испытывает, а также о том, что все это помогает ей стать сильнее. Но в таких разговорах она всегда давала понять, что все еще любит принца Чарльза, как бы он ее ни обижал. После разрыва с ним она обрела свободу и душевное равновесие, но Диана часто говорила: «Развод — не выход из положения».

И вот, за неделю до предполагаемой поездки в Сандринхем Хаус с Уильямом и Гарри на Рождество, она получила длинное письмо, в котором впервые официально упоминался развод. Причем о нем заговорила королева, а не принц Чарльз. Письмо, которое пришло 18 декабря 1995 года, нанесло ей сокрушительный удар. Принцесса в первый раз услышала слово «развод» из уст Виндзоров.

Королева видела одну книгу, которая вышла при сотрудничестве принцессы, одну книгу, которая вышла при сотрудничестве принца, посмотрела одно телевизионное признание принца, другое — принцессы. Проблемы в отношениях между принцем и принцессой Уэльскими стали достоянием широкой публики. Как глава государства королева решила, что пора лично заняться решением этой проблемы. Я отнес письмо принцессе в гостиную и спустился в буфетную. Через пару минут до меня донесся привычный возглас:

— Пол, иди сюда!

Диана сидела на диване. Казалось, она вот-вот расплачется. С большим раздражением она кивнула на письменный стол за своей спиной.

— Посмотри, что я только что получила, — сказала она. На столе лежало письмо — на том самом месте, где было прочитано. Это было письмо на гербовой бумаге Виндзорского замка. Я сразу же узнал четкий почерк королевы. Письмо начиналось как обычно: «Дорогая Диана», а заканчивалось «С любовью, от мамы». Однако само письмо сильно отличалось от тех, которые я читал до этого, а поскольку я раньше был лакеем королевы, мне было неловко читать его.

Я обратился к принцессе со спины, так как она все еще сидела на диване, но мне просто необходимо было сказать ей о

своем смущении.

— Может быть, мне не стоит его читать, тут ведь написано: «конфиденциально»?

— Брось, Пол, читай. Что же мне делать? Что все подумают? — со вздохом проговорила она

Я начал читать письмо, а она в волнении вскочила с дивана и заходила по комнате.

— «С премьер-министром и архиепископом Кентерберийским»! Мой развод сначала обсудили не со мной, а с Джоном Мейджором и Джорджем Кэри!

Принцесса пришла в ярость оттого, что королева сначала посоветовалась с правительством и церковью. Диану не волновали политические вопросы.

— Это мой брак! Никто не должен вмешиваться в наши с принцем проблемы! — закричала она.

Вспомнив другие строчки письма, принцесса сказала:

— В интересах страны, да? А как же мои интересы? Как же интересы моих детей?

Ей казалось, что с ее браком обращаются как с обычной деловой проблемой. Королева в письме явно сочувствовала ей, старалась быть деликатной и не показывать своего гнева, но все же по ее тону было понятно, что ее очень огорчает как поведение сына, так и поведение невестки. Королева делала основной упор на то, что после развода сыновья принцессы перестанут страдать из-за отвратительных отношений между отцом и матерью, как это было в последние годы.

Но принцесса ничего не хотела слышать. Она тут же позвонила королеве в Букингемский дворец. Она вежливо поинтересовалась у королевы, почему такое серьезное решение было принято в такой спешке. Королева успокоила ее и попыталась заверить в том, что никто не собирается навязывать ей никаких решений.

Но принцесса ей не поверила. Она села за стол, обмакнула ручку в чернила и написала королеве ответ, попросив дать ей время все обдумать. Но времени на обдумывание ей не дали. На следующий день принцессе нанесли еще один удар: во дворец пришло письмо от принца Чарльза, в котором он требовал развода.

Принцесса заставила меня прочитать и его. Принц Чарльз говорил, что их браку уже ничто не поможет, и что это «трагедия личная и государственная». Развод неизбежен, и они должны развестись как можно скорее, писал он. Принцесса подозревала, что изначально было задумано прислать ей два письма, одно за другим — из Букингемского дворца и из Сент-Джеймсского,

чтобы под таким давлением она не выдержала и уступила.

Она положила оба письма на письменный стол — красное от королевы и голубое из Хайгроува.

— Посмотри-ка. Видишь? — сказала она. Но я не понял, что принцесса имеет в виду.

— Посмотри же.

Она показала пальцем на фразу из письма королевы. Потом — на фразу из письма принца. Предложения были абсолютно одинаковыми, в них говорилось о «печальной и запутанной ситуации», в которой оказался их брак.

— Эти письма были продуманы и составлены одними и теми же людьми, — сказала принцесса с волнением человека, который только что совершил жизненно важное открытие. — Должно быть, они считают меня глупой.

Она села за стол и написала ответ своему мужу, не в силах поспеть за скоростью, с которой ее охватывал гнев. Ее ответ был четким: «Твои требования поставили меня в сложное положение. Я не согласна на немедленный развод!»

За неделю страсти достигли своего апогея — заявления против Тигги Легге-Бурк ни к чему не привели, а принц Чарльз и королева нанесли принцессе два сильнейших удара. Впереди ее ждали праздники, которые и без того проходили для нее очень грустно, а тут еще требование развода. Я еще никогда не видел принцессу такой подавленной и расстроенной: с одной стороны, она все еще любила принца Чарльза и не хотела развода, а с другой — выступила против него, сотрудничая с Мортоном, чтобы он написал о ней книгу, и с тележурналистами для интервью в «Панораме». Кажется, принцесса хотела сделать принцу больно, но вместо этого навредила себе. А принц Чарльз добился того, чего хотел.

Принц и принцесса практически не общались. Принцесса требовала встречи наедине, но принц хотел, чтобы на ней присутствовал третий человек, который бы конспектировал все, о чем они будут говорить. Диана отказалась, и под конец 1995 года их отношения окончательно зашли в тупик. Принц хотел развода. Принцесса хотела сохранить брак.

В это время я стал для принцессы человеком, на которого она всегда могла опереться. Она совсем отчаялась, ей казалось, что мир встал с ног на голову, и ей больше нет в нем места. Письма с требованиями развода просто уничтожили ее. Она лежала на диване, свернувшись калачиком, обхватив голову, и рыдала. Что же оставалось делать мне, ее дворецкому? Стоять и смотреть на нее?

Уильяма не было — а он всегда умел утешать мать, когда ей

было плохо. Я купил еще несколько упаковок бумажных платочков. Я старался всегда быть рядом, чтобы выслушать ее. Я не давал ей замыкаться в себе и думать, как она одинока. Когда она начинала плакать, я видел перед собой не принцессу Уэльскую, а несчастную, ранимую женщину, которую надо утешить. Королева никогда бы не стала показывать мне свои чувства, ни один из ее лакеев не осмелился бы обнять ее за плечи, посочувствовать. Но с принцессой у меня были гораздо более близкие, теплые отношения, и она была совершенно другим человеком. Когда ее обижали, принцесса становилась похожа на маленькую девочку. Я не мог стоять и смотреть, как она плачет. Я садился рядом, обнимал ее за плечи и говорил, что все будет хорошо, что она очень сильный человек, что она переживет и такое, что жители Великобритании ее поддержат. Я подолгу слушал ее, и в конце наших разговоров мы всегда смеялись — так же, как когда мы смотрели «Короткую встречу».

Я никогда не уходил домой, пока не убеждался, что сегодня она больше не будет себя казнить. Но даже вернувшись домой, я все равно о ней беспокоился. Иногда она просыпалась в два или три ночи и ей очень хотелось с кем-то поговорить. Я слушал ее и всегда приходил на работу вовремя, как раз чтобы подать ей завтрак.

В то Рождество принцесса написала мне письмо, датированное 27 декабря, которым я очень дорожу по сей день. Когда во время моего процесса в 2002 году некоторые плохо информированные, ничего не знавшие о наших отношениях люди предполагали, что я был для принцессы всего лишь дворецким, а наши теплые отношения — плод моего воображения, я несколько раз перечитал это письмо. В самые тяжелые минуты моей жизни принцесса через это письмо «утешала» меня:

В этом письме я хочу искренне поблагодарить тебя за все, что ты для меня сделал, в особенности в августе этого года. Когда я расстраивалась и плакала, ты всегда был рядом и утешал меня, и мне очень хочется, чтобы ты знал — твоя поддержка была для меня бесценна. 1996 год должен принести нам счастье, и я с нетерпением жду его наступления… Спасибо за все, с любовью, от Дианы.

Глава десятая

В ОЖИДАНИИ РАЗВОДА

Разговаривая с королевой в Букингемском дворце с глазу на глаз, принцесса осознавала, что у нее не будет более удачной возможности задать королеве один вопрос, который беспокоил ее с тех пор, как принц Чарльз публично объявил о связи с Камиллой Паркер Боулз:

— Неужели Чарльз собирается на ней жениться?

— Думаю, это маловероятно, — ответила королева.

Если принцесса и решилась на эту встречу, то лишь затем, чтобы получить заверения на высшем по поводу того, какое будущее ожидает ее в случае развода.

Утром 15 февраля 1996 года принцесса явилась в гостиную Ее Величества, чтобы узнать, каким видится принцу Чарльзу выход из тупика, куда зашло дело о разводе, которого хотели все, кроме принцессы. Накануне, в День святого Валентина, принцесса послала мужу открытку, подписанную «С любовью, Диана». Амур давно махнул рукой на столь безнадежное дело, но принцесса боролась за брак до конца, не желала сдавать позиций, даже когда против нее стала работать целая машина. Принцесса никогда не переставала любить принца Чарльза. И тем не менее понимала, что ее заставят отступить. Но не желала принять неизбежное.

А встреча с королевой была первой возможностью для принцессы откровенно поговорить со свекровью, с тех пор как на нее посыпались письма относительно развода, к тому же принцессе никого не хотелось вводить в заблуждение

— Я не хочу развода. До сих пор люблю Чарльза. Моей вины тут нет, — заявила принцесса. Ее позиция в этой, пускай деловой, но теплой беседе, была ясна с самого начала. Беседа не могла не быть деловой, ведь на ней присутствовал заместитель личного секретаря королевы Робин Джанврин. В Букингемском дворце перешептывались:

— Эти булимички за двадцать четыре часа перепишут всю историю.

Принцессе не хотелось, чтобы секретарь присутствовал при личной беседе, но королевская семья опасалась, что принцессу может поддержать пресса. А Роберт Джанврин как бы служил королеве поддержкой. Когда же принцесса вернулась в Кенсингтонский дворец, для той же цели ей послужил я.

Судя по всему, королева с пониманием выслушала рассказ принцессы, о том, как сильно ее расстроил распад брака.

Королева указывала на то, как много она и герцог Эдинбургский за эти годы делали для того, чтобы избежать развода.

Но принцесса, никогда не сомневавшаяся, что ее свекор и свекровь приложили все усилия для спасения брака, хотя их сын этого не желал, чувствовала, что все остальные были только рады видеть ее унижение, поскольку завидовали ее положению в обществе. Принцесса не впервые изливала королеве все, что накопилось у нее за долгое время — подозрения, гнев. Она знала, что может поговорить с королевой по душам. Ее Величество не всегда находила ответы и решения, но, по крайней мере, всегда с пониманием выслушивала принцессу, даже если сложность ситуации пугала ее. Меня всегда ужасно расстраивало, когда журналисты или «осведомленные» придворные эксперты заявляли, что королева и принцесса поливают друг друга грязью, или, как написала однажды «Дейли Мейл», «Диана с презрением отвергла предложенную королевой руку помощи… после чего они стали врагами». Врагами принцесса и королева никогда не были.

До самой гибели принцессы в 1997 году они с королевой часто переписывались. Два представителя королевской семьи из разных поколений пытались понять друг друга. Единственное, в чем их интересы полностью совпадали — это благополучие Уильяма и Гарри. Во время той встречи королева заверила принцессу, что она может не беспокоиться о благосостоянии и воспитании юных принцев.

— Что бы ни случилось в будущем, ничто не изменит того факта, что ты мать Уильяма и Гарри. Меня огорчает лишь то, что дети пострадают из-за развода, — сказала королева.

В течение этой беседы, пока мистер Джанврин прилежно вел протокол, принцесса в принципе согласилась на развод, но пожелала, чтобы в протоколе было упомянуто и о причиненных ей страданиях. Она промолвила:

— Мама, мне было очень тяжело получить ваше письмо и письмо Чарльза почти одновременно накануне Рождества. Тогда Чарльз впервые всерьез заговорил о разводе, да и в последующих письмах не оказалось ничего нового.

Королева согласилась.

— Последние письма ничего не изменили, но я стою на том, что писала перед Рождеством. Теперешнее положение не обещает ничего хорошего ни стране, ни семье, ни детям.

Королева дипломатично настаивала, чтобы бракоразводный процесс начался как можно скорее. Назад пути уже не было.

Но она прекрасно понимала, как беспокоило принцессу будущее. Королева проявляла не меньше участия и доброты, чем герцог Эдинбургский в письмах 1992 года. К весне 1996 года

принцесса осознала, что со свекровью она может вести куда более продуктивные разговоры, чем с мужем.

Далее разговор зашел о будущем и о титуле принцессы — это был щекотливый момент, который в это время широко обсуждался в прессе. Принцесса сказала, что не хочет отказываться от титула «Ее Высочество», поскольку он много для нее значит. После чего Букингемский дворец объявил, что «решение отказаться от титула принято принцессой лично».

Принцесса действительно сама первая подняла вопрос о своем положении в будущем. Она объявила королеве:

— Шестнадцать лет я старалась ради вас, мама, и не хочу, чтобы теперь у меня отобрали полжизни. Я хочу сохранить позиции в свете. Хочу иметь возможность постоять за себя. — После чего пояснила:

— Меня очень беспокоит будущее, и помочь мне можете только вы, мама.

Королева согласилась, но сделала оговорку:

— Я привыкла принимать решения, советуясь с Чарльзом. И о титуле тоже нужно с ним поговорить. — И добавила: — Между нами, я думаю, что титул «Диана, принцесса Уэльская» подойдет куда больше.

Так что вопрос о статусе принцессы не мог разрешиться, пока королева и принцесса не обсудят его с принцем Чарльзом. Несомненно одно: королева первая намекнула о том, что за Дианой должен остаться ее титул.

Много чего еще обсудили в тот день: принцессе не позволили иметь рабочий кабинет в Букингемском дворце, и она пожелала обговорить причины этого. Далее принцесса выразила беспокойство за безопасность Уильяма. Она переживала за старшего сына и принца Чарльза, которые летали одним самолетом, так что, если бы что-то случилось в воздухе, пострадали бы оба.

На что королева ответила:

— Ты напрасно беспокоишься, это угрожает лишь тем, кто летает обычными самолетами для всех. Королевские самолеты безопасны. Правда, не стоит волноваться.

К концу встречи королева решилась заверить принцессу, что всегда была на ее стороне.

— Мне самой очень тяжело, но ситуацию необходимо разрешить для общего блага, — объяснила она.

Обязанная по долгу службы защищать интересы государства, королева снова оказалась в незавидном положении между двух огней: сыном и невесткой. Принцесса понимала, что королеве необходимо сохранять твердость, но и не могла не заметить, как

тактично она действовала.

— Я хочу лишь дружеского участия, мама, — сказала принцесса. — Я не хочу вам досаждать.

Я не мог представить себе жизни без принцессы.

«Моя опора» — так нарекла меня принцесса в разговоре с друзьями, одни верили этому, другие смеялись. Мне она ничего подобного не говорила. Вот как она называла меня в Кенсингтонском дворце:

— Ты мое третье око, Пол. Ты стоишь у штурвала моего корабля.

А в разговорах с подругой Сьюзи Кэссем я был «магом Мерлином». Еще она часто говорила:

— Ты моя головная боль! — когда я предлагал неподходящее решение, некрасиво расставлял цветы в гостиной или просто попадался на пути.

Но я всегда чувствовал, когда принцессе нужно с кем-нибудь поговорить. Или — что ей хочется: кофе или морковного сока. Искусство хорошего слуги подразумевает способность предсказывать каждое движение, каждое желание хозяина или хозяйки до того, как они сами его осознают. Даже экономка миссис Уилсон в фильме «Госфорд Парк» говорит.

— Быть хорошим слугой — значит отказаться от собственной жизни. — Наверняка Мария согласилась бы с этим.

Я чувствовал, когда принцессе было плохо, когда у нее не хватало душевных сил, чтобы справляться с сыпавшимися на нее неприятностями. И тогда я просто старался быть рядом, на случай если ей понадобится моя помощь: заходил в гостиную, когда она сидела там на диване, поджидал под аркой, ведущей в будуар, стоял у буфета в столовой пока она ела, опирался о перила на втором этаже, когда она спешила из спальни в гостиную. В такие минуты она называла меня «эмоциональной отдушиной».

— Возвращаюсь домой, рассказываю тебе все, и словно гора с плеч, — призналась как-то принцесса.

Посещая бездомных, нищих, больных и умирающих, принцесса будто впитывала в себя их горе, боль, заботы и страдания и возвращалась в Кенсингтонский дворец с чувством глубокого удовлетворения оттого, что отдала свою любовь и внимание людям, которые в этом нуждались. А если прибавить к этому ее собственные волнения, страхи и проблемы, то естественным результатом станет эмоциональная перегрузка. Приезжая в Кенсингтонский дворец, принцесса обычно взбегала по лестнице и кричала:

— Удели мне пять минут, мне нужно поговорить с тобой!

Включаю чайник, готовлю две чашки кофе, и мы проводим за

разговором целый час. Иногда принцесса просто рассказывала мне грустные случаи: например, как больной ребенок широко открыл глаза, чтобы взглянуть на нее. Глаза принцессы наполнялись слезами, когда она рассказывала о раненых, которых видела в больницах или медицинских центрах. За разговором со мной она эмоционально отдыхала. Потом принцесса могла взять трубку и позвонить подруге, целительнице Симоне Симмонс или медиуму Рите Роджертс.

Когда Уильям подрос, принцесса решила серьезно поговорить с ним, как мать с сыном. Она считала, что он умен не по годам, и к тому же она всегда учила обоих мальчиков быть чуткими, заботливыми и прислушиваться к голосу сердца. Принцесса поверяла Уильяму свои жизненные горести. Уильям уже привык утешать мать, к тому же мыслил совсем по-взрослому. В самом нежном возрасте он научился сочувствовать матери, поэтому принцессе ничего не хотелось от него скрывать. Ей хотелось, чтобы он узнал от нее, как все было на самом деле, а не в искаженном виде от прессы или других членов семьи.

Помню, однажды в пятницу Уильям, как обычно, ненадолго приехал из школы вместе со своим другом Сэмом. Когда полицейский Грэм Крекер привез их во дворец, Уильям, ворвавшись через парадную дверь, бросился вверх по лестнице с криком «Мама!».

К тому времени Уильям был почти одного роста с принцессой и носил пластинки для исправления прикуса. Его мать, услышав шорох колес по гравию, бросилась во двор и крепко обняла сына. И неважно, что мальчики скоро перегонят ее по росту — принцесса по-прежнему будет окружать их любовью и заботой. Правда, выходные Уильям провел в основном с другом перед телевизором в детской гостиной, а не с матерью. Тишину Кенсингтонского дворца нарушали лишь звуки компьютерной игры и победные возгласы ребят. Принцесса очень любила, когда сыновья приезжали домой, ведь они наполняли дворец жизнью.

Другу Уильяма Сэму все в Кенсингтонском дворце было внове. Уильям и Гарри привыкли ко мне, я был для них предметом мебели. Только школьным друзьям принцев, таким, как Сэм, казалось странным, что дворецкий постоянно присутствует в покоях принцессы. С пятницы и до самого их отъезда в воскресенье Сэм встречал меня там и сям. Уильям с Сэмом влетели в гостиную без предупреждения.

— Ой, прости, мама, — воскликнул он. Я сидел рядом с принцессой, которая расположилась вполоборота ко мне на самом краешке дивана. Мы были погружены в беседу.

Когда Уильям еще раз вошел, соблюдая правила вежливости,

мы услышали, как Сэм спросил:

— Почему он все время с ней?

Уильям дал исчерпывающий ответ:

— А, это же Пол, он все время тут.

Чаще всего принцессу можно было застать за рабочим столом. Она много писала, это была ее стихия. В устной беседе принцессе не всегда удавалось отчетливо выразить свои чувства. Но на бумаге она всегда находила нужные слова. Принцесса учила меня, Уильяма и Гарри всегда благодарить других людей в письмах за уделенное время за подарки, гостеприимство, за советы и дружелюбие. Она также отмечала, что это я научил ее записывать свои мысли после одной или нескольких наших бесед.

— Анализируйте свои чувства. Это может быть полезно, — посоветовал я ей.

Я знал, как важно вести записи: королева, например, в своем дневнике излагала собственный взгляд на историю. Принцесса уже перестала быть столь важной персоной для королевской семьи, как это было в середине девяностых. Против нее действовало столько людей, что ей было просто необходимо аккуратно вести записи, чтобы когда-нибудь потом люди могли узнать правду.

Однажды утром, после очередной беседы, я вернулся в буфетную и обнаружил конверт, он лежал на книге в зеленом кожаном переплете у меня на столе. Внутри, на бумаге с красной полосой по нижнему краю, оказались записи принцессы. В них она обдумывала наш разговор, совет, который я ей дал, и говорила о своих взглядах, которые ни за что не изменит. Записи эти стали обязательным дополнением к нашим беседам.

Иногда принцесса просто показывала мне корреспонденцию — например, письма королевы или принца Чарльза касательно развода — а потом забирала обратно, но иногда, когда чувствовала, что истину надо тщательно скрыть, она отдавала письмо мне. Так мне доверили хранить правду, это помимо секретов личного характера, которые хранились у меня в голове и никогда не были записаны. Каждое письмо начиналось одинаково: «Сидя сегодня здесь…»

Теперь эти записи стали наследием принцессы, они надежно хранят память о ней и разоблачают мифы, которые, как грибы, стали появляться после ее смерти.

28 февраля 1996 года в Кенсингтонском дворце объявили: «Принцесса Уэльская согласилась на развод с принцем Чарльзом. Принцесса сохраняет за собой титул „Диана, принцесса Уэльская"».

За объявлением последовала встреча принца Чарльза и

принцессы. А перед этим принцесса получила от принца письмо, которое убедило ее уступить. Мнение его осталось неизменным, но он устал спорить о том, что именно не так и кто виноват. «Нужно жить дальше, а не останавливаться, доставляя друг другу неприятности», — убеждал он ее, и принцесса согласилась. После устранения всех препятствий адвокаты принялись за подготовку документов. Всю весну принцесса продолжала посещать королеву.

Казалось, принятое решение придало принцессе моральных сил. Месяцы и годы она и слышать не хотела о разводе, а теперь у нее будто открылось второе дыхание.

— Я полностью собрана, Пол, — заявила она. — Я осознала свой долг перед страной. Я все понимаю и хочу идти дальше наперекор преградам.

В мае, когда адвокаты уже проработали почти все вопросы касательно развода, Уэльская чета отправилась в Итон, где учился Уильям, — раз в году колледж принимал родителей своих учеников. Принцессе хотелось поехать туда ради старшего сына, но она боялась, что там окажутся также друзья ее мужа, Начбуллы и Ромзи, ведь их дети тоже учатся в Итоне. Принцесса хотела появиться там вместе с мужем, но получила отказ.

— Приехав туда, я всюду встретила холодный прием, даже у Чарльза, — сообщила она мне потом.

На фуршете принцесса всем улыбалась, со всеми разговаривала, скрывая под маской уверенности в себе то, как некомфортно ей было. Последней каплей стало распределение гостей во время концерта. Принцессе хотелось сидеть рядом с принцем Чарльзом, но ее посадили с ректором, а принц Чарльз оказался по другую сторону прохода с женой ректора. «Этого я не потерплю» — решила принцесса.

Она встала, перешла на другую сторону прохода и обратилась к жене ректора:

— Простите, нельзя ли нам поменяться местами так, чтобы я села с мужем?

Разумеется, жена ректора не могла отказаться, так что принцесса ловко провернула дельце, которого не заметил никто, кроме ее мужа. Однако принцесса продолжала держать себя с ним высокомерно. Она не позволяла себя унизить. К тому же знала, что снаружи поджидают репортеры Би-би-си и Ай-ти-эн. Когда принц и принцесса вышли из здания, изображая счастливых родителей, и должны были разойтись в разные стороны, принцесса вдруг устремилась к машине мужа, положила руку ему на плечо и, поцеловав в щеку, прошептала:

— До свидания, милый.

В ту ночь и на следующий день после этого удивительного

случая, все газеты пестрели заголовками: «Не больше чем поцелуй».

— Теперь-то Камилла поймет, что значит оказаться крайней, — сказала принцесса на следующее утро за завтраком. Покорившись бракоразводному процессу, принцесса не желала прощать обиды.

30 мая 1996 года развод герцога и герцогини Йоркских был признан окончательно. Герцогиня решительно явилась в Кенсигтонский дворец, утратив в тот день титул «Ее Высочество»; она жила теперь под именем Сара, герцогиня Йоркская. Она смеялась над тем, что писали газеты в то время.

— Мы им еще покажем, — заявила она.

Для обеих дам наступили трудные времена, а смех их — признак того, что они не желали становиться на колени перед «Семьей».

Как и принцесса, герцогиня почувствовала облегчение, вновь обретя свободу. Она тоже была полна решимости, что и помогало ей бороться против тех во дворце, кто ее недооценивал. Герцогиня понимала, что борется именно за то, чтобы соответствовать ожиданиям, возложенным на нее. В придворной жизни она «блуждала подобно судну без компаса», пережила ядовитые нападки прессы и жестокость врагов. Но она всегда побеждала. Знала это даже в день объявления развода.

— Мы все равно победим, Пол, ведь правда?

— Просто улыбайтесь и выше голову, — ответил я, и она вошла в гостиную к принцессе. В то лето принцесса и герцогиня с детьми отправились на горный курорт на юге Франции. У них никогда не было лучшей возможности поделиться опытом, переживаниями, горем. Они казались скорее родными сестрами, чем бывшими невестками: обе с одинаковым упорством боролись за жизнь. Кроме того, у обеих появились новые ухажеры, и казалось, они снова счастливы.

В планы принцессы входило обрести новое будущее, порвав с прошлым. Из-за Уильяма и Гарри она была навсегда привязана к Лондону и Кенсингтонскому дворцу, тем не менее, она стала искать себе и другое пристанище, откуда могла бы вести благотворительную деятельность в мировом масштабе.

— Пол, что ты думаешь об Австралии? — поинтересовалась принцесса в начале особенно жаркого июня 1996 года. Она спросила также, какие впечатления остались у меня от этой страны после поездок туда с королевой.

— Я побывал во многих странах, и, пожалуй, мое любимое место — Новый Южный Уэльс [25], — поведал я принцессе.

Сидя на диване, принцесса перелистывала брошюры и

деловые журналы, которые прислала ей Эйлин Виттакер — их общая подруга с герцогиней Йоркской.

— Ты бы согласился жить там? — спросила принцесса. Я знал, что принцессе нравится удивлять людей, но за долгие годы я привык, так что меня уже ничто не удивляло. До сих пор. Я взглянул на нее, думая, что это шутка.

— Я серьезно! — прибавила принцесса.

— Честно говоря, это для меня далековато — отозвался я.

— Знаю, знаю, — перебила она меня и, захлопнув брошюру, перевела разговор в другое русло.

Оживление в Кенсингтонском дворце ярко контрастировало с затишьем в Старых конюшнях. Там не было ни заместителя дворецкого, ни круглосуточной горничной, ни личного секретаря, так что мне непрерывно приходилось носиться туда-сюда. Я знал, что провожу на работе слишком много времени: выхожу из дома в восемь утра и возвращаюсь не раньше одиннадцати. Перед Марией я всегда представал душевно опустошенным, изможденным и раздражительным. Александр и Ник виделись со мной лишь по воскресеньям или когда принцесса приглашала их поиграть во дворце. Семейная жизнь, разумеется, страдала. С тех пор как в феврале принцесса дала согласие на развод, я неотлучно находился подле нее, разделяя с ней все горести и волнения, вызванные угрозой резких перемен.

— Пока ты наблюдаешь, как рушится одна семья, в другой уже забыли, как ты выглядишь, — возмущалась Мария. — Это не у принца и принцессы Уэльских брак втроем, а у нас: ты, я и принцесса. Я устала, Пол.

Под угрозой оказался и другой брак Баррелов. Мой брат Грэм сознался, что изменяет своей жене Джейн, и она ушла от него и забрала детей. В отчаянии, обливаясь слезами, он позвонил мне в буфетную — видимо, браку его и впрямь конец. Мы ведь одна семья, так что его ситуация беспокоила меня, пожалуй, больше, чем развод принца и принцессы. За обедом в тот день, когда позвонил Грэм, принцесса подметила мое подавленное состояние. Еще на барбекю в Хайгроуве она поняла, как близки мы с братом.

После обеда она обратилась ко мне:

— Не дашь мне телефон Грэма? Я позвоню ему. Вечером, сев за рабочий стол, принцесса набрала номер

Грэма в Грассмуре, в Честерфилде. В это время мой брат сидел на диване перед телевизором.

— Здравствуй, Грэм, это Диана. Пол очень переживает, и ты, думаю, тоже, — проговорила она.

Грэм поверить не мог, что с ним говорит Ее Высочество, да и на работе ему не поверили бы, расскажи он, что сама принцесса

Уэльская позвонила ему, чтобы дать совет относительно брака. Принцесса оказалась на высоте. Выслушала, нашла слова утешения, поделилась собственным опытом, рассказала как тяжело, когда брак распадается. Расспросила его о любви, о браке, о другой женщине, о будущем и впоследствии звонила ему еще трижды. Говорила без обиняков. Объяснила Грэму, как глупо он поступил, и уверила, что если он любит жену, то должен убедить ее вернуться. Грэм, опираясь на помощь принцессы, так и сделал. По сей день мой брат благодарит принцессу за спасение брака.

Вот только собственный брак принцессы, к ее глубокому сожалению, сохранить не удалось. Каждый вторник, по вечерам, у ворот дворца появлялся лорд Мишкон. По мнению принцессы, этот невысокий деликатный человек обладал недюжинным умом. К тому же он был невероятно обаятелен. В те зимние месяцы я отворял дверь и лорд Мишкон, входя, снимал шляпу. Пожимая принцессе руку, он часто говорил:

— Простите, что у старика рука холодная, мэм. Уверяю вас, сердце у него горячее.

Он еще не начал рассказывать о переговорах с адвокатами мужа, как на лице принцессы появилась улыбка. Летом хорошие и дурные известия приносил уже другой адвокат, Энтони Джулиус. К концу июня остались лишь мелкие формальности.

Бракоразводный процесс начался с того, что принцессе пообещали огромную сумму отступного: 17 миллионов фунтов. Условия принца Уэльского оказались таковы: взамен он желал получить несколько акварелей дальних немецких родственников, пару кресел (около 1780 года) и все столовое серебро времен Георга III, которым мы пользовались каждый день.

1 июля, в тридцать пятый день рождения принцессы, на нее нескончаемым потоком посыпались цветы, подарки и открытки. Какой-то фанат прислал ей два букета высоких красных роз — всего тридцать пять. Но два дня назад, в субботу, принцесса удивилась куда больше. В парадную дверь позвонили. Недоумевая, кто бы это мог быть — мы никого не ждали, — я повернул медную ручку.

Вот уж кого я не ожидал увидеть — так это наследника престола. Принц Чарльз вошел, не дожидаясь приглашения.

— Я могу войти, Пол? — спросил он, уже войдя. На лужайке возле конюшен, позади дворца, принца должен был ждать вертолет, но принц Чарльз пришел слишком рано, вот и решил заглянуть к бывшей жене.

— Думаю, вы знаете дорогу, Ваше Высочество.

Он улыбнулся и стал подниматься по лестнице. Если уж я так

удивился, то что же будет с принцессой?

— Диана, ты там? — позвал принц Чарльз, поднимаясь по ступенькам; я следовал за ним.

Принцесса в недоумении стояла на площадке второго этажа, они расцеловали друг друга в щеки. Через плечо принца Чарльза я видел, что глаза ее полны притворного ужаса. Но долго она выдержать не могла и, как обычно, разрядила обстановку шуткой:

— Ты, наверное, приехал за мебелью, Чарльз? Впервые за долгое время муж и жена, находящиеся

в неловком положении из-за тяжелого развода, дружно рассмеялись. «Ах, если бы они сделали это прилюдно!» — подумал я. Они хорошо ладили если не как супруги, то как друзья. Это была странная и, вместе с тем, печальная сцена. Я заметил, как волновалась принцесса. Энергия возвращалась к ней прямо на глазах. Все было сердечно, просто, благородно. Я спустился в буфетную, чтобы приготовить принцу чашку чая, как он любил: крепкий «Эрл Грей» и немного молока.

В середине июля Букингемский дворец объявил, что получено условное судебное решение о расторжении брака. Оно касалось одного-единственного пункта: титула «Ее Высочество» для принцессы. Королева предлагала титул «Диана, принцесса Уэльская», но что касается «Ее Высочества», то вопрос оставался открытым. Мне известно лишь, что принцесса позвонила зятю, личному секретарю королевы сэру Роберту Феллоузу, чтобы узнать, может ли она сохранить титул «Ее Высочество». Просьба принцессы была отклонена. Она получит 17 миллионов фунтов, но лишится королевского статуса. Принцесса не стала бы настаивать, но титул был для нее крайне важен, так как, по ее словам, она получила его при вступлении в брак и ей больно с ним расставаться. Титул — часть личности принцессы, к тому же именно будучи Ее Высочеством, она без устали трудилась много лет. Окончательное решение, принятое у нее за спиной, очень огорчило принцессу.

В расстроенных чувствах принцесса обратилась к Уильяму. Потом рассказывала мне, как в тот вечер, когда она лишилась титула, Уильям сидел, обняв ее, а потом сказал:

— Не расстраивайся, мамочка, я возвращу тебе титул, когда стану королем, — от чего принцесса еще больше расплакалась.

Вытерев слезы, принцесса принялась писать послания, адресованные в различные благотворительные учреждения и организации, в деятельности которых она принимала участие. В посланиях говорилось, что поскольку она перестала быть Ее Высочеством и больше не принадлежит к королевской семье, то не может продолжать им покровительствовать. Принцесса

прервала связь с Красным Крестом и Фондом помощи престарелым. Она решила, что правильнее будет сконцентрироваться на небольшом числе организаций, поэтому сохранила связь с Национальным фондом борьбы со СПИДом, с Сентер-пойнт, детской больницей на Грейт Ормонд-стрит, Центром помощи прокаженным и Английским национальным балетом.

Тем временем рабочий кабинет принцессы целиком и полностью переехал из Сент-Джеймсского дворца в Кенсингтонский дворец, на первый этаж апартаментов № 7. Принцессе отказались отвести помещение в Букингемском дворце, так как королева считала, что той лучше оставаться «независимой». Так что апартаменты № 7 стали еще и офисом Дианы, принцессы Уэльской, во главе со старшим бухгалтером Майклом Гиббинсом.

Лишившись титула, принцесса столкнулась еще с одной неприятностью: по протоколу ей полагалось делать реверанс титулованным членам королевской семьи. Когда-то будущая королева, принцесса теперь чувствовала унижение, вынужденная делать реверанс герцогу и герцогине Глостерским, а также принцессе Александре. Но неожиданно принцесса получила поддержку там, где ее не ждала. Ее соседка из апартаментов № 10, Ее Высочество принцесса Кентская написала ей трогательное письмо.

— Взгляни-ка, Пол. Какая прелесть, — проговорила принцесса.

Я ужаснулась, прочитав в газетах, что с утратой титула вы будете вынуждены делать передо мной реверанс… Уверяю вас, что меня это чрезвычайно смутит, так что, пожалуйста, не думайте делать этого. Я всегда восхищалась вашей стойкостью и силой. Если бы Чарльз любил вас с самого начала, ничего подобного бы не случилось. Во мне вы всегда найдете поддержку.

Письмо принцессы Кентской приободрило Диану. Все, что я мог сделать — это внушать принцессе вместе с остальными ее друзьями, что она должна быть выше каких-то титулов. Я убеждал ее:

— Вам ни к чему титул. Куда бы вы ни отправились, вас везде знают как леди Ди, и никто не в силах отнять у вас этого звания. Кроме того, для меня вы всегда Ваше Высочество.

И в этот год, оказавшийся последним для принцессы, я оставался верен слову. Каждое утро, подавая принцессе кофе, я приветствовал ее:

— Доброе утро, Ваше Высочество!

Но нет худа без добра: утратив статус Ее Высочества, принцесса могла теперь жить по-своему, полностью отдавшись благотворительной деятельности. А еще на нее посыпались предложения из мира кино.

Однажды июльским вечером зазвонил телефон. Это был актер Кевин Костнер. Звонок поступил мне в буфетную по прямой линии. Попросив его подождать, я позвонил принцессе в гостиную:

— Звонит Кевин Костнер. Хочет с вами поговорить. — Это звучало интригующе.

— Соедини меня с ним, Пол, и приходи сам.

Когда я вошел в гостиную, принцесса сидела за столом и внимательно слушала. Заметив меня, сделала знак подойти.

— Но я не умею петь, — хихикнула принцесса. — Что мне придется делать?.. Не уверена, но… да, пришлите мне его, я посмотрю. — Повесив трубку, она обратилась ко мне:

— Он хочет, чтобы я снялась в его новом фильме «Телохранитель-2»!

Речь шла о продолжении первого фильма, где снималась Уитни Хьюстон. Ей нужно будет сыграть принцессу, которой Костнер спасает жизнь. Обещал, что все будет исполнено со вкусом. Что он «все обеспечит». Он пришлет ей сценарий из Америки по почте.

— Ты можешь в это поверить? — воскликнула принцесса. — Он так любезен, но вряд ли говорил серьезно.

Но Костнер говорил серьезно. Он еще не сделал официального предложения, но принцесса не обратила на это внимания — так он польстил ей, так был очарователен.

— Такого просто не может быть, — уверяла она. Однако обещанный сценарий «Телохранителя-2» действительно прислали. Не думаю, что принцесса прочла его. Вслед за этим поступило более реальное предложение от американской косметической фирмы «Ревлон». Фирма предложила принцессе многомиллионный проект: возглавить благотворительную организацию.

— «Лицом» компании по-прежнему останется Синди Кроуфорд. Я же должна буду придать ему свой «дух и стиль», — сообщила она мне.

С середины февраля все мы готовились к утру 28 августа 1996 года, когда развод окончательно вступит в силу и Уэльская чета перестанет быть четой. В этот день в атмосфере царила смесь грусти и ожидания. Я стоял в коридоре, ожидая принцессу к завтраку, как вдруг мне пришло в голову, что раз она разводится,

то и я прекращаю вести королевское хозяйство, хотя занимаюсь этим с 1976 года, и вступаю на новый путь — вот почему грусть боролась во мне с ожиданием перемен.

Принцесса вышла полная решимости, уверенная в успехе, который принесет ей независимость. Принявшись за грейпфрут и мед, она заговорила о планируемых поездках: в сентябре — в Вашингтон, в ноябре — в Австралию. Принцесса все еще думала о переезде в Австралии».

Затем она стала расхаживать по гостиной, настраиваясь на то, что ее будет осаждать пресса всего мира. Зазвонил телефон. Сэр Роберт Феллоуз звонил скорее как зять принцессы, чем как личный секретарь королевы.

— Звоню просто пожелать удачи в этот непростой день. Это был прекрасный роман с трагическим финалом, — утешал он принцессу, но та и не была настроена на грустный лад.

— О нет! — взмолилась она, глядя на меня. — Просто начинается следующая глава. И помни, Роберт, я до сих пор люблю мужа. И так будет всегда.

Принцесса была в тот день в нежно-голубом и выглядела очень элегантно. Она взяла сумочку, глубоко вздохнула и стала спускаться по лестнице, при этом на пальце у нее все еще блестело обручальное кольцо.

— Разумеется, я сниму его, но не сейчас, — пояснила принцесса. Она помнила развод собственных родителей, и как больно было ей, совсем девочке, видеть как они снимают кольца.

— Кольцо такое маленькое, но так много значит, — проговорила она. Затем отправилась в Английский национальный балет.

Когда принцесса вернулась, ей захотелось поговорить. В гостиной, за чашкой кофе, она начала:

— Я не очень богата, но, думаю, мне следует повысить тебе жалованье.

И мое жалованье подняли с 22 тысяч до 30 тысяч фунтов в год, да и жалованье остального персонала — управляющего Даррена Макгрейди, секретаря Каролайн Макмиллан, бухгалтера Майкла Гиббинса и личного ассистента Виктории Мендхем — тоже. Принцесса от всей души благодарила нас за то, что мы поддерживали ее в столь нелегкое время.

Принцесса казалась вполне умиротворенной, когда я оставил ее. Мы говорили о том, как важен этот день, о ее любви к принцу Чарльзу, о том, как она противилась разводу, как хотела, чтобы все было иначе. И она предалась философским размышлениям — так принцесса, по ее словам, очищала ауру в доме. Философия помогала ей бороться с неуверенностью в себе, с беспокойством и

сомнениями, а слова поддержки придавали силы.

«Думай о внутреннем мире, а не о репутации, ведь внутренний мир — это ты сама, а репутация — то, что думают о тебе другие».

«Сохраняй спокойствие, пока по-настоящему не обретешь себя».

«Успех — результат правильных решений. Правильные решения — результат опыта. Опыт — результат ошибок».

«Трудности — это возможность что-то изменить в жизни». «Трудности придают мужества и мудрости».

«Учись приспосабливаться к требованиям времени».

«Учись верно оценивать себя, тогда сможешь верно оценить других и постичь Божественное».

А еще принцесса цитировала Бенджамина Франклина: «Что тяжело, то полезно».

Ночью накануне развода она повторяла, чтобы убедить себя, что все сделала правильно:

— «Только единство сердца и разума позволяет любить даже на расстоянии». Мне это известно, Пол, хорошо известно, — твердила принцесса.

Как много чепухи писали о принцессе и ее разводе! Так называемые друзья и советники лгали всему миру, что принцесса хотела развестись с принцем Чарльзом с самого 1990 года. А как много писали о ее мнимой ненависти к мужу.

— Мы с Чарльзом друзья и очень терпеливы друг к другу. Думаю, он осознает, что потерял. Я не чувствую к нему ненависти. Я столько выстрадала, поэтому я такая, какая есть, — говорила принцесса.

Что же касается Камиллы Паркер Боулз, то тут стоит говорить скорее о негодовании, чем о ненависти. Принцессе вновь потребовалось обратиться к философии, чтобы разобраться в чувствах к любовнице своего мужа. И вот к какому выводу она пришла:

— Негодование — это тщетная попытка что-то изменить.

Многие часы провела принцесса, пытаясь понять, почему их брак с принцем Чарльзом распался. Много раз мы беседовали об этом. Более того, принцесса часами пыталась разобраться в самой себе. Утверждала, что так становится лучше. Вот как друзья принца Чарльза отзывались о трудностях принцессы: «Диана капризничает». Но принцесса не разменивалась на мелочи. Она предавалась глубокому самоанализу. Таким образом она старалась понять, из-за чего именно их отношения начали

портиться. А виной всему была низкая самооценка принцессы, которая убивала не столько брак, сколько ее саму. Вот что принцесса говорила по этому поводу:

— Высокая самооценка не спасает человека, но она дает человеку возможность сомневаться в себе и не разрушать при этом свою личность!

Принцесса догадывалась, что ее низкая самооценка берет начало еще в детстве, когда она только стала осознавать себя. С такой заниженной самооценкой она и вступила в брак с принцем Чарльзом. Принц хвалил принцессу, что повышало ее мнение о себе. Когда же он перестал делать это, принцесса почувствовала себя отверженной.

— Мне стало неоткуда черпать душевные силы, — говорила принцесса.

Ссылаясь на некоего Мелвана [26] она заявляла:

— Он пишет, что «терпение — ключ к счастью». Знать бы об этом раньше!

Еще принцессе не мешало бы понять — думаю, многие говорили ей об этом, — что гнев — чувство естественное. Но она, как и другие женщины, считала, что злоба недопустима. Я убеждал ее, что принц Чарльз был того же мнения.

Принцесса даже стала приглашать в Кенсингтонский дворец тренера по боксу. Она говорила, что, когда бьет боксерскую грушу, освобождается от негативных эмоций. Удар у Дианы, принцессы Уэльской, был еще какой.

Теперь по ночам мы говорили с ней о чувствах, которые она испытывает. Однажды после разговора я отправился на кухню. Вернувшись в буфетную, я обнаружил записи мыслей принцессы после нашей беседы, а также краткую надпись «Спасибо» на листке линованной бумаги формата А4.

Единственное, чего хотела принцесса, — дать понять британскому народу, как ей было тяжело все эти годы. Она считала, что принц Чарльз заставил ее страдать, но даже из этих страданий извлекла урок. Принцесса покинула этот мир, любя принца. Я это точно знаю, потому что она сама об этом писала. Принц Чарльз говорил, что через двадцать пять лет королевские архивы поведают миру об их истинных отношениях с принцессой. Но по-моему, неправильно заставлять весь мир пребывать в неведении целую четверть века. Собственные слова принцессы помогут опровергнуть ложь уже сейчас. Вот что написала она мне в ту ночь:

Сегодня 28 августа 1996 года — пятнадцатая годовщина нашей свадьбы. Я никогда не думала о разводе, наоборот —

мечтала о счастливом браке и любви Чарльза. Пускай этому не суждено было сбыться, зато у нас два чудесных мальчика, которых мы оба очень сильно любим. Во мне всегда будет жить любовь к Чарльзу, а теперь я хочу, чтобы он, глядя на меня, гордился.

Это были бурные пятнадцать лет: я сталкивалась с завистью, ревностью, ненавистью друзей и семьи Чарльза — никто из них не понимал меня, и этим глубоко ранил мое сердце.

Мне бы так хотелось стать самым близким другом Чарльза, ведь я лучше других понимаю, в чем именно он нуждается.

Глава одиннадцатая

ВСЕ ДЕЛО В ДОВЕРИИ

«Ура, вот вы и дома!»

Эти слова были написаны на кремовом листе бумаги с красными краями. Мы только что вошли в свою квартиру в Старых конюшнях и втащили наши чемоданы — мы уезжали на две недели в Кентукки, и все время в этой поездке я мог проводить с женой и детьми. Один из конвертов, лежащих на коврике у дверей, сразу же привлек мое внимание. На конверте почерком Дианы было написано: «Полу».

Накануне нашего приезда принцесса пришла к Старым конюшням и подсунула под дверь это письмо. Я стал его читать. Судя по всему, ей было о чем мне рассказать: «В последние две недели было много неприятностей, ты будешь очень удивлен! Как хорошо, что ты вернулся. Увидимся в понедельник! С любовью, от Дианы».

Когда я утром пришел в Кенсингтонский дворец, принцесса с завистью посмотрела на мой загар. Мы с Марией очень загорели в этой поездке, и принцесса решила загореть еще сильнее. Два раза в неделю она отправлялась «загорать». На первом этаже, рядом с комнатой камеристки и гардеробной, поставили аппарат из солярия, похожий на космическую капсулу. «Пойди, разогрей его, Пол. Я спущусь через полчаса», — говорила принцесса. Ей не нравилось ложиться в него, когда он еще холодный. У меня как у «подогревальщика» были свои преимущества: прежде чем придет принцесса, я сам проводил в этом аппарате пятнадцать минут. Как-то раз она заявила, что чувствует себя «сандвичем, который сунули в тостер с ультрафиолетом».

Когда Уильям и Гарри вернулись из Балморала, в котором провели летние каникулы, принцесса сказала, что, должно быть, Уильяма вздернули на дыбу и вытянули. Он стоял рядом с ней в гостиной, и она не могла поверить, что он так вырос. Когда они встали спина к спине, оказалось, что он уже немного выше матери. Ему нужны были новые ботинки, и меня отправили купить пару ботинок тринадцатого размера для мальчика четырнадцати лет, который растет не по дням, а по часам.

— Все Спенсеры высокие, это у нас в генах, — сказала принцесса. — А у Виндзоров — синдром ЛОР: «людей ограниченного роста».

Уильям и сам знал, что быстро растет.

— Я глазам своим не поверил, когда приехал в Балморал. Бабушка и тетя Марго как будто становятся все ниже и ниже. Я

теперь выше папы, — хвастался он.

Маленький Гарри посмотрел на брата и мать. Принцесса взглянула на него:

— Гарри, в тебе ведь тоже течет кровь Спенсеров. Однажды ты станешь таким же высоким, как и твой брат.

Придет время, и Уильям станет королем, королем Вильгельмом V. Летом в 2003 году, в интервью по случаю его дня рождения — ему исполнился двадцать один год — он сказал о том, что очень серьезно относится к своим будущим обязанностям, а также о том, что очень хочет стать королем. Я хорошо знал этого мальчика, мне было очень приятно это слышать. Думаю, его мама тоже бы очень обрадовалась, потому что она знала, что этот робкий ребенок-интроверт всегда с ужасом думал о будущем престоле. На него возлагали большие надежды, а он очень боялся оказаться в центре внимания. Если бы принцесса увидела, как он изменился, когда поехал в Уэльс после своего двадцать первого дня рождения, она была бы ужасно горда. Я точно это знаю, поскольку видел, как она беспокоится о его будущем. «Уильям не хочет быть королем, и я очень переживаю из-за этого, — сказала она однажды, сидя в гостиной. — Он не хочет, чтобы за каждым его шагом следили». Она звонила своей подруге в Америку — Лане Маркс — и делилась с ней своими переживаниями.

Принцесса действительно беспокоилась за сына, который, как и его мать, был застенчивым и склонным к уединению. Этот мальчик был наследником трона. В то время, судя по характеру и пристрастиям, Гарри больше подходил для того, чтобы стать королем. Он был ребенком общительным и прагматичным.

— Гарри бы с радостью стал королем, — сказала как-то принцесса. — ДКГ! Так и будем его звать. ДКГ — Добрый король Гарри [27]. Здорово!

С тех пор, когда Гарри не было во дворце, мы называли его ДКГ. Так принцесса ласково звала его, и об этом знали двое ее друзей, а сам Гарри не знал. «Где ДКГ?» — спрашивала она, бродя по дворцу в поисках сына.

Разумеется, когда дети были во дворце, слугам были даны строгие указания, как к ним обращаться. Мы не должны были кланяться, несмотря на то что они были принцами. Мы не должны были называть их «Ваше Королевское Высочество». Мы даже не должны были называть их принцами. Они были просто Уильям и Гарри. Принцесса хотела, чтобы к ним относились, как к обычным детям, и делала для этого все возможное. Когда Уильям был маленьким, он больше всего на свете хотел быть обычным ребенком. Ему хотелось казаться веселым и простым, а

не человеком, которому уготована особенная жизнь и особые обязанности. Его мать сама была не готова к новой роли, оказавшись в центре внимания как будущая королева Англии, поэтому она отлично понимала страх своего сына. Но она не хотела, чтобы со временем этот страх стал еще сильнее. Поэтому Диана старалась ему все объяснить, подготавливала его, подолгу разговаривала с ним о его будущих обязанностях. Уильям мог также рассчитывать на мудрость и поддержку со стороны принца Чарльза и королевы. В Итоне он часто переходил по мосту через Темзу «в замок к бабушке» и пил чай с Ее Величеством, обсуждая свое будущее: как он станет королем, как это важно для страны и народа.

Принцесса начала разговаривать с ним об этом, когда он был еще совсем маленьким, — как и положено в таких семьях. Но она не хотела, чтобы в этот процесс вмешивались люди из Букингемского дворца. Она хотела справиться сама. Она сама воспитывала детей, и никакие няньки были ей не нужны.

Однажды, когда Уильяму было всего десять лет, принцесса уговорила его в первый раз выступить с речью перед публикой. Это случилось на Рождество 1992 года, слуги собрались в апартаментах на ежегодную вечеринку для прислуги. Уильям решил заранее подготовить свою речь. Он сел за письменный стол матери в гостиной и, нервно посмеиваясь, написал на розовой бумаге несколько слов. И вот теперь он должен был обратиться ко всем присутствующим. Он встал на ящик, чтобы его все видели, и сотня с лишним посетителей замолчали. «Леди и джентльмены», — начал он. Мать пристально смотрела на него. «Я знаю, как вы усердно работали в этом году, — присутствующие засмеялись — прислуга действительно работала не покладая рук, — поэтому я хотел бы поблагодарить вас за то, что вы пришли сюда». Потом, намекая на полицейских, которые тоже были на вечеринке, он сказал: «Должен вас предупредить, что здесь столько полиции, что, если понадобится, они возьмут пробу на алкоголь у всех присутствующих! С Рождеством вас и с Новым годом!». Все громко захохотали, а Уильям спрыгнул на пол. Мать крепко обняла его, отец весело взъерошил ему волосы.

Гарри был известен своей добротой. Однажды Александр пришел поиграть на приставке принца и сказал, что копит деньги, чтобы купить себе такую же. Гарри, отлично понимавшему, что у членов королевской семьи есть все, что они хотят, стало жалко Александра. Он сбегал в свою спальню и вернулся с банкнотой в пять фунтов: «Держи, Александр. Добавь к тому, что уже скопил».

Уильям часто присутствовал на обеде с гостями своей матери. Диана старалась сделать так, чтобы он тоже мог

побеседовать с ее друзьями. Она приглашала к себе Элтона Джона, чтобы обсудить проблемы, связанные с распространением СПИДа; редактора «Дейли Миррор» Пирса Моргана, чтобы укрепить связи со СМИ; Сару, герцогиню Йоркскую, чтобы побеседовать с ней о тяготах, которые выпали на долю обеих женщин.

Однажды Уильяму было разрешено уйти с занятий в Итоне, потому что мама приготовила ему сюрприз. Он сидел в комнате на втором этаже. Ко дворцу подъехал длинный черный лимузин. Из него вышли супермодели Наоми Кэмпбелл, Кристи Терлингтон и Клаудиа Шиффер — они приехали в Лондон на открытие «Фэшн Кафе». Уильям, в комнате у которого все стены были обвешаны постерами с этими женщинами, очень хотел их увидеть, поэтому принцесса пригласила их в Кенсингтонский дворец. Это произошло через два месяца после того, как она организовала для Уильяма встречу с Синди Кроуфорд.

Уильям, страшно переживая из-за пластинки на зубах, сел на диван, а модели встали вокруг него, позируя перед принцессой, которая держала в руках фотоаппарат, собираясь сделать пару снимков. Уильям покраснел и воскликнул: «Мама, не надо!».

Модели попытались его успокоить, они стали разговаривать с ним, и его мать с гордостью смотрела, как ее сын отвечает им и даже задает вопросы. Я думаю, что если сейчас он спокойно общается с красивыми женщинами, которые его постоянно окружают, то именно благодаря своей матери.

Когда Клаудиа Шиффер спросила его об Итоне, он ответил: «Мне не очень нравится картофельное пюре, которое там готовят, но зато у нас есть очень симпатичная преподавательница математики, мисс Поттер». Модели расхохотались. Он стал рассказывать им о Балморале, о собаках королевы, о том, что он любит и чего не любит. Когда супермодели уехали, принцесса спросила сына, как они ему. «Синди Кроуфорд приятнее», — ответил он.

Уильям, как и его мать, хотел быть обычным человеком. Женщина, которую фотографировали больше всех в мире, мечтала, чтобы ее перестали узнавать. Ей нравилось делать то, «что делают все обычные люди». Если ей удавалось прогуляться по зоопарку или просто по парку незамеченной, она приходила в восторг. Иногда Диана вставала в семь утра, чтобы побегать или покататься на роликах по тропинкам Кесингтонгского парка, зная, что в такое время она сможет насладиться полной свободой, ведь в парке еще не было посетителей.

Временами она набиралась смелости и переодевалась так, чтобы ее никто не узнал, а я должен был снабжать ее всем

необходимым. Как-то раз Диана послала меня в «Селфриджес» за париком — черные волосы до плеч. А потом я отправился в оптику на Кенсингтон Хай-стрит и купил огромные очки в круглой оправе, попросив оптика вставить в оправу простые стекла, а не оптические. Когда я вернулся во дворец, принцесса тут же стала примерять новый наряд.

Я сидел в буфетной, и вдруг появилась Диана. Впрочем, эта женщина была совсем не похожа на Диану. Она старалась не рассмеяться, а я открыл рот от удивления.

— Вас никто не узнает! Надо же! — воскликнул я.

Принцесса расхохоталась, да так, что по щекам потекли слезы.

В тот же вечер принцесса Уэльская, в парике, очках, черной куртке и джинсах, вместе со своими друзьями встала в очередь перед джаз-клубом «Ронни Скотт». На следующее утро она весело рассказывала о своих приключениях за завтраком: «У меня глаза заслезились от сигаретного дыма в клубе, даже в очках! — смеялась она. — Когда мы еще стояли снаружи, очередь была такой длинной, что мне стало скучно, и я заговорила с каким-то мужчиной рядом. Представляешь, он меня не узнал! Мне было так смешно! В этом одеянии я могу быть самой собой на людях!».

Но, к сожалению, принцесса не понимала то, что понимал я, — что она никогда не была «собой». Ей всегда приходилось быть другим человеком, этого требовали ее обязанности, поэтому, когда она с радостью описывала прошлый вечер, мне было очень грустно.

— Иди сюда. Я хочу кое-что тебе показать, — сказала принцесса в конце сентября 1996 года.

Я пошел за ней вниз по лестнице, стараясь не отставать. Мы подошли к гардеробной с ее белыми, огромными — от пола до потолка — дверьми. Она открыла их, и я увидел длинные вечерние платья, развешанные в определенном порядке, по цветам, начиная с черного и кончая белым.

— Посмотри на эти платья! — сказала она. — Как ты думаешь, сколько их здесь?

Она пошла вдоль гардеробной, считая свои платья. Их оказалось шестьдесят два, и это не считая тех, что висели в L-образной гардеробной на втором этаже.

— Каждое из них — память о чем-то и мой добрый друг, — сказала она, — но теперь настало время продать их.

Это было второй неожиданностью для меня за лето. Сначала принцесса сообщила, что собирается поехать в Австралию, а теперь вот хочет распродать свой гардероб. Принцесса наконец

получила свободу и решила избавиться от всего старого, заменив его новым. Она долго говорила с Уильямом, а потом с Элтоном Джоном, и эти разговоры натолкнули ее на мысль выставить свои вещи на аукцион а вырученные средства отдать на благотворительность. После развода она получила миллионы фунтов. А теперь если она продаст свои платья, то и другие получат деньги, особенно различные благотворительные организации по борьбе со СПИДом, которым всегда нужны деньги на хосписы и исследования.

Мы стояли и смотрели, как принцесса вытаскивает из гардеробной платья и предается воспоминаниям. Она бралась за вешалку, вытаскивала платье и рассказывала. «А-а, мое платье а-ля „Унесенные ветром"!» — Диана показала нам платье цветочной расцветки с глубоким вырезом. Затем вытащила еще одно платье: «А в этом я побывала в Белом доме, танцевала с Джоном Траволтой, смотря при этом совсем на другого человека». Платье было из темно-синего бархата.

Тут ее взгляд упал на серебристо-белое атласное платье с коротким пиджаком без застежки — от Виктора Эдельштайна. Принцесса надела его на торжественный банкет в Елисейском дворце, устроенный президентом Миттераном. «Пожалуй, с этим я не смогу расстаться. В нем я чувствовала себя настоящей принцессой». В июне, когда состоялся последний аукцион в Нью-Йорке, это платье оказалось зарегистрировано под номером 80, последним. Видимо, принцесса все-таки не хотела с ним расставаться. Однако ностальгия не остановила Диану. Она схватила два платья на вешалках, я тоже два, и мы пошли на второй этаж, потом снова спустились на первый и снова поднялись на второй — пока не очистили всю гардеробную.

— Позвони Марии и попроси Бетти придти сюда, — сказала принцесса, зная, что у нас в это время гостила мать Марии Бетти.

Когда пришла Бетти, я уже весь взмок. Я перенес пятьдесят платьев на второй этаж. А потом соорудил в детской гостиной стойку для вешалок с платьями. Вскоре детская гостиная уже напоминала забитый одеждой магазин секонд-хэнд. Принцесса и в этом предприятии хотела услышать дельные советы. Бетти, которая прекрасно вязала у себя в Северном Уэльсе, вдруг превратилась в законодательницу моды во дворце. Принцесса хохотала! Бетти была слишком доброй, ей не хватало жесткости; она увидела прекрасные платья, которые Диана собирается выбросить, и ужаснулась. Она, наверное, уже представила, как их выставляют в коробках на распродаже вроде тех, куда она иногда ходит в Кеньон Холле. «Ой, — сказала она, прижав руку к груди, явно в шоке, — не надо вот это выбрасывать!»

Одно за другим я показывал платья, и «безжалостная» принцесса спорила с добросердечной Бетти.

— Ну нет. Это вам тоже не стоит отдавать! — говорила Бетти. — Какое красивое платье! Зачем же его выбрасывать! — повторяла она снова… и снова.

Скоро принцесса уже заливисто смеялась. В выходные Уильям тоже принял участие в процессе. Он подошел к стойке с одеждой, которая появилась в его гостиной, и стал сам выбирать. Бесценный вклад в это мероприятие внесла Эйлин Джетти, дочь американского миллиардера Пола Джетти. У нее был СПИД; она несколько раз бывала в Кенсингтонском дворце. Принцессе не терпелось показать ей свои платья, которые она продаст, чтобы получить деньги для людей, оказавшихся в таком же положении, как и Эйлин.

Фирма «Кристис» послала во дворец своего эксперта — Мередит Этерингтон-Смит, которой симпатизировала принцесса, чтобы составить каталог и описать каждое платье. Поскольку лота 13 не было, семьдесят девять вечерних и других платьев ушло с молотка за 3 миллиона 258 тысяч 750 долларов — то есть за 1 миллион 850 тысяч фунтов — эти деньги были переведены на счет организаций по борьбе со СПИДом и раковыми заболеваниями по обе стороны Атлантики.

Однако вещи в одном из шифоньеров в гардеробной на первом этаже остались на месте. В день, на который был назначен аукцион, принцесса приподняла ткань, в которую было завернуто «особенное» платье: свадебное, которое она надела в 1981 году. «Это платье я не могу продать», — сказала Диана, вспомнив, как ее мать, Франсис Шенд Кидд, заплатила за него гинеями. «Я бы хотела подарить его музею Виктории и Альберта — для их национальной коллекции костюмов», — объяснила она. Принцесса сказала об этом за год до своей смерти, причем не мне одному: она высказала свое желание редактору «Дейли Телеграф» Чарльзу Муру, которого пригласила на обед. Сегодня это свадебное платье выставлено в Музее Дианы в Альторпе, на земле ее предков.

Некоторые платья не попали ни в музеи, ни на аукционы. Часть таких платьев раздали прислуге, другие костюмы и платья отнесли в магазины секонд-хэнд в Найтс-бридже и Челси, где они висели на вешалках до тех пор, пока их не купят. Это было сделано по приказу принцессы — она хотела получить некоторую сумму наличными на каждодневные траты, потому что у членов королевской семьи не всегда есть при себе наличные. Обычно принцесса пользовалась кредиткой, а чеки подписывала «Уэльская», а не «Диана». Когда у нее появились наличные, она

могла свободно тратить их на что хочет, водить Уильяма и Гарри в кино или в Макдоналдс, не переживая о том, что кто-то может узнать, на что она расходует деньги. Молодые принцы были очарованы бумажными деньгами, они часто разглядывали лицо королевы, которое украшает банкноты любого номинала. Банкнота в пять фунтов слыла у них «голубой бабушкой»; банкнота в десять фунтов — «коричневой бабушкой»; банкнота в пятьдесят фунтов — «розовой бабушкой». Когда принцесса раздавала им деньги, принцы скакали, пытаясь схватить банкноту получше, — как правило, «розовую бабушку».

Мы с личным ассистентом Дианы Викторией Мендхем, которая ушла из дворца в начале 1997 года, отнесли в магазины секонд-хэнд около двадцати костюмов и платьев. В магазинах к таким вещам прицепили этикетки — от Кэтрин Уокер, от Версаче, от Шанель, от Армани, не зная, кому они принадлежали раньше. Костюм, стоивший две тысячи фунтов, продавали за двести, и кто-то становился случайным обладателем костюма принцессы Уэльской.

От подобных распродаж принцессе поступило около одиннадцати тысяч фунтов, которые она сунула в конверт и положила его в нижний ящик. Однажды, в апреле 1997 года, Диана решила передать их старшему бухгалтеру Майклу Гиббинсу. По словам принцессы, когда он открыл конверт, он открыл рот от удивления. Он взял эти деньги и положил их в банк, понятия не имея, откуда у принцессы такая сумма. Даже бухгалтер не догадывался о том, сколько наличных у Дианы. До этого случая.

У красивой и недавно разведенной женщины появляется одна проблема: мужчины узнают, что теперь у нее нет мужа. В конце лета 1996 года многие влиятельные и богатые мужчины стали оказывать Диане знаки внимания. Конечно, она была польщена, но она уже была влюблена в одного человека. Ее ухажеры не знали об этом — она хранила в секрете свои чувства. Они стучали в дверь, и не сдавались даже после того, как им вежливо отказывали в приеме или придумывали повод, чтобы не встречаться. Мне иногда казалось, что моя жизнь стала похожа на жизнь соседа по квартире, который с замиранием сердца обсуждает со своей соседкой все эти ухаживания, понимая, что для него она недоступна. В то время мои основные обязанности состояли в том, чтобы отвечать на телефонные звонки мужчин, сраженных ее красотой, упорных и тех, кто находится в несчастном браке. Мне нужно было запомнить, с кем она согласна поговорить, а с кем нет, кому надо отказать в очень мягкой форме

а кому жестко сказать: «Нет».

Однажды во дворец прислали пятьдесят длинных красных роз, с непонятной запиской. Принцесса сначала спросила мое мнение, потом поговорила об этом с Кэтрин Грэм которой скоро должно было исполниться восемьдесят и которая по-прежнему прекрасно выглядела. Она была издателем «Вашингтон Пост». Принцесса восхищалась ее стойкостью: «Она вошла в мир мужчин и поднялась на самую вершину». Мисс Грэм, а также Анна Винтур, редактор «Вог», Барбара Уолтерз, одна из лучших ведущих-интервьюеров на американском телевидении, нью-йоркский фотограф Патрик Демаршелье и Марио Тестино стали главными союзниками принцессы в Америке.

Принцессе нравилось жить на Манхэттене: она ходила по магазинам на Пятой авеню, обедала в «Фор сизонс», а останавливалась всегда в отеле «Карлайл». Диана часто приезжала в Соединенные Штаты. Она также много времени проводила в Вашингтоне, останавливаясь в Бразильском посольстве и подолгу беседуя со своей самой близкой подругой, Люсией Флеча де Лима. Именно Люсия познакомила принцессу с Ланой Маркс, которая стала подругой Дианы в последний год ее жизни, — Лана была женой психиатра; владельцы целой сети эксклюзивных бутиков по продаже изделий из кожи, разбросанных по всем Соединенным Штатам, они жили в Палм-Бич во Флориде. Лане нравилось чувство юмора принцессы, а еще ей, как и Диане, нравилась мода и балет. Когда Лана в первый раз приехала в Лондон, мне пришлось незаметно провезти принцессу мимо охраны к отелю «Лейнсборо», где две женщины собирались пообедать. Принцесса все еще лежала на заднем сиденье, когда я остановил свой «Воксхолл-астра» у дверей в отель.

— На горизонте чисто? — спросила она.

Я оглянулся, но не заметил ни одного фоторепортера.

— Чисто, — ответил я.

Диана выпрыгнула из машины и забежала в лобби отеля.

Один голливудский актер, обладатель Оскара, с виду такой уверенный в себе, оказался на самом деле очень робким и не смог позвонить принцессе и пригласить ее на свидание. Поэтому он попросил друга написать письмо от его лица и послать его Диане. Принцесса ответила ему — тоже письменно, — вежливо отказавшись от приглашения, однако через месяц он снова пригласил ее на свидание. Принцесса согласилась. Они побеседовали немного, и она решила больше с ним не встречаться.

Он был не единственным мужчиной с благородными намерениями. Среди подобных людей были: известный

спортсмен, знаменитый музыкант, писатель, адвокат, предприниматель, миллиардер и очень известный политик. Но им не везло: принцессе иногда нравилось разговаривать с ними, но сердце ее было отдано другому.

Принцесса стала звать меня «распорядителем скачек», потому что я помогал ей справляться со всеми ухажерами: тщательно все обдумав, я решал, кто придет к финишу в числе первых, а кто доплетется последним. Теперь я имел доступ ко всем сферам ее жизни, но всегда относился к этому весело. Я подшучивал над ней. Она подшучивала надо мной. И всегда знала, какое место в ее жизни занимает тот или иной друг— принцесса отводила определенное место своим новым знакомым мужского пола. Мы называли это «системой боксов на скачках», как будто все эти мужчины были жокеями, которые, соревнуясь, несутся за принцессой с цветами и подарками. Бокс № 1 занимал всегда один и тот же человек, он был особенным в глазах принцессы, ему не страшны были никакие соперники. В течение дня я сообщал, из какого «бокса» звонили и когда. «Звонили из бокса № 5, хотят, чтобы вы перезвонили. Обитатель бокса № 8 хочет поговорить с вами, может, лучше снова сказать, что вы заняты?» На письменном столе принцессы лежал список боксов и тех, кто их занимает. У меня в буфетной на столе в ежедневнике имелся точно такой же список, который изменялся, если кто-то лишался доверия принцессы или, наоборот, приобретал его.

Иногда принцесса поверить не могла, сколько мужчин пытается за ней ухаживать. Она часто шутила, что в скачках стало участвовать «слишком много жокеев». Однажды я написал ей:

В забеге слишком много участников. Дело принимает серьезный оборот. Наведя справки, я узнал, что боксы 8 и 9 пусты, те, кто их занимал, дисквалифицированы. Один не прошел тест на допинг, другой не прошел строгий медицинский осмотр.

Принцесса в ответ написала:

Из-за того что в скачках участвует слишком много жокеев, судьи просят еще раз подвергнуть тех, кто занимает боксы, тщательной проверке, они просят мистера Пола Баррела помочь в решении этой деликатной проблемы!

После того, что я назвал бы «секретным расследованием», мне повелели запретить адвокату и политику участвовать в заездах.

Но в том, что я оказался втянут во все это, была и

отрицательная сторона — я все свое время проводил с принцессой. Когда друзья говорили, что всегда готовы быть рядом с ней, это означало, что она могла звонить им в любое время суток. Но я был не просто ее другом, а еще и дворецким. Как-то раз, в сентябре 1996 года, я пришел домой часов в одиннадцать ночи, мы с Марией сели на кухне выпить красного вина. Вскоре после полуночи зазвонил телефон — принцесса в слезах сказала, что у нее неприятности в личной жизни. Когда я говорил с ней, Мария всячески выражала свое недовольство. Принцесса попросила меня доставить записку одному человеку, с которым она только что поссорилась по телефону.

Она была так расстроена, ну как я мог ей отказать? Даже несмотря на столь поздний час, даже несмотря на то, что я ужасно устал, я должен был — и хотел — выполнить ее просьбу. Когда я положил трубку, мне пришлось сказать Марии, что принцесса хочет, чтобы я отнес кому-то записку.

— Ну все. С меня довольно. Ты просто ничтожество! — фыркнула она.

— Но, дорогая, как ты не можешь понять, я ведь ей нужен. Ей никто больше не поможет в такой час, — сказал я.

— Пол, ты все время носишься с ней. Она щелкнет пальцами, и ты уже мчишься куда-то. Ты уже достал меня. И ты и она! — Мария поднялась и пошла в спальню, а я надел туфли, натянул куртку и пошел выполнять поручение принцессы.

Выполнив задание, я вернулся домой и лег спать — была уже глубокая ночь. Утром я, как обычно, отправился на работу в восемь утра, размышляя о том, сколько часов мне удалось поспать. Но мои труды не прошли даром: на моем столе в буфетной лежало письмо от Дианы, написанное, судя по всему, в более радостном настроении:

Дорогой Пол, немногие отправились бы ночью выполнять чужую просьбу, тем более, если она личного характера. Но с другой стороны, редко кто так добр и отличается такими качествами, как ты, Пол. Я тронута тем, что ты для меня сделал прошлой ночью, и очень хочу, чтобы ты это знал. Времена меняются в этом доме, но одно остается неизменным: если бы здесь не было тебя, нам всем были бы гораздо тяжелее, да и смеялись бы нечасто. Огромное тебе спасибо за то, что снова спас меня. С любовью, от Дианы.

Я уже привык, приходя с утра во дворец, находить записки от принцессы. Эти записки она постоянно оставляла везде, где только можно. Указания, просьбы, короткие письма с

благодарностью — она все еще писала мне то, что могла бы сказать лично или по телефону.

Однажды один из ее поклонников уговорил принцессу поужинать с ним, хотя ей очень не хотелось встречаться с ним. Я шутливо посоветовал ей быть начеку. «Не беспокойся, Пол, я смогу за себя постоять», — ответила она.

Когда она ушла, я весь вечер беспокоился о ней, волновался, все ли с ней в порядке. Я попросил ее позвонить мне с сотового, который она всегда носила в сумочке, если у нее возникнут какие-то проблемы. Она должна была вернуться к одиннадцати, и я решил оставить на ее подушке веселую записку, в которой я как мужчина попытался отгадать каждый ход ее поклонника. Принцесса часто говорила, что я всегда бываю прав и что иногда это очень раздражает.

Вернувшись, она ответила на все пункты моей забавной анкеты и положила ее на табурет на верху лестницы, чтобы я сразу же увидел ее, когда приду во дворец. Вопросы я написал черной ручкой, а принцесса написала ответы зеленой.

Ваше К.В.,
У вас был ужин на двоих при свечах? Верно!
На столе были розы? Верно!
Он весь вечер нес всякую ерунду? Он как воды в рот набрал.
И настоял на том, чтобы вы выпили бокал шампанского? Два бокала.
ЗНАЧИТ, Я БЫЛ ПРАВ!

В то утро мы много смеялись. Я подал ей завтрак, придвинул стул к столу, сел и сказал:

— Ну, давайте, рассказывайте.

Именно это сказал мне один репортер из газеты, который откуда-то узнал номер телефона у меня в буфетной. Он позвонил, чтобы узнать у меня, правда ли, что мне предлагали стать дворецким у известного актера Мэла Гибсона в Америке. К 1996 году журналистов заинтересовали наши с принцессой отношения. Сначала об этом написала «Ньюс оф зе Уорлд» в статье под заголовком «Леди Ди доверяет только дворецкому». Это было в номере от 14 января. Потом в «Дейли Миррор» мне уделили целую страницу. Заголовок гласил: «Неужели это единственный человек, которому доверяет Диана?» В статье рассказывалось о том, что она просила меня «отправлять и получать ее письма по факсу» и «быть ее посредником» даже тогда, когда уезжала куда-то. Но сейчас меня поставил в затруднительное положение человек, которого я даже не знал.

На самом деле одно американское агентство действительно предложило мне поработать у Мэла Гибсона, но, конечно, я не собирался рассказывать об этом настойчивому репортеру. Мы разговаривали десять минут. Он пытался добиться от меня правды, а я сказал: «Мне очень нравится работать у принцессы».

Репортер гнул свое: «Но вы же не станете отрицать, что Мэл Гибсон предлагал вам стать его дворецким?».

«Мне нравится работать у принцессы», — повторил я. Я занервничал, потому что не говорил принцессе про Мэла Гибсона, — не хотел, чтобы она сердилась. И вот теперь статьи в газетах могут навлечь на меня неприятности, подумал я. Я поднялся к принцессе и рассказал ей о звонке. Она пришла в ярость. «Я этого не потерплю! Я не позволю им звонить тебе!» — воскликнула Диана, быстро спустилась по лестнице, вышла через черный ход, вошла в соседнее здание и заставила Каролайн Макмиллан перезвонить этому репортеру и сказать, что он перешел все границы дозволенного, попросить его в дальнейшем воздержаться от звонков ее служащим, а также повторить, что ее дворецкий никуда не собирается от нее уходить. На следующее утро я ужасно боялся открывать газеты. Мне было очень неловко читать заголовок на весь разворот: «Я предан леди Ди». В статье рассказывалось о том, как я обидел Мэла Гибсона, решив остаться у принцессы. Изначально неприятная ситуация, в которую я попал, сейчас предстала совсем в другом, более выгодном свете, и Диана целый день подшучивала надо мной. Я думал, что гроза прошла, но это оказалось не так. Как-то раз в Кенсингтонский дворец приехала известная американская ведущая ток-шоу Опра Уинфри. Принцесса очень нервничала перед ее приездом, говорила: «Она — большая знаменитость». Правда, принцессе даже в голову не приходило, что, может быть, Опра тоже нервничала.

Я провел Опру в гостиную и предложил ей чего-нибудь выпить. Она попросила воды. После этого я отправился в другую гостиную, где меня ждала принцесса.

— Какая она? — прошептала Диана.

— Она замечает каждую мелочь, ничто не ускользает от ее внимания. Она очень умна и носит сережки с *огромными* бриллиантами!

Это заинтриговало принцессу.

Она, как обычно, уверенно вошла в комнату.

— Простите, что заставила вас ждать, — сказала она, подходя к Опре, чтобы поздороваться с известной телезвездой.

Я подал обед в столовой и вскоре стал третьим участником в завязавшемся разговоре. Речь зашла об Америке.

— Нам нравится Америка, правда, Пол? — сказала принцесса. — Пол каждый год проводит там отпуск.

Опра тут же спросила:

— А вы никогда не хотели переехать в Штаты?

— Я бы хотела, чтобы мои дети съездили в Америку, это было бы чудесно, — дипломатично ответила принцесса, не упомянув о том, что сама подумывала о переезде в Австралию.

Тут вступил я:

— Я бы с удовольствием собрал чемоданы и уехал в Америку хоть завтра.

Я посмотрел на принцессу и подмигнул ей. Опра отреагировала мгновенно:

— Что ж, дворецкому мы можем помочь. Может, поедете в Чикаго и станете работать у меня?

Принцесса резко выпрямилась.

— Послушайте, Опра, — сказала она, смеясь, — он мой дворецкий и он останется здесь.

Пока мы пили кофе, между Опрой и принцессой шла шутливая борьба за меня: Опра постоянно возвращалась к этой теме, немало смущая меня.

После обеда мы с принцессой проводили ее до входной двери, за которой ее уже ждала машина. Сев в салон, Опра опустила стекло, высунулась из окна и сказала:

— Это твой последний шанс, Пол.

Принцесса, которая стояла рядом со мной на пороге, обняла меня за плечи и воскликнула:

— Эй, он мой парень — и останется здесь, со мной! Все засмеялись, и мы с принцессой помахали ей на прощанье рукой.

Кажется, я все время был с принцессой — утром, днем, вечером.

— Садись, Пол, надо кое-куда съездить, — сказала однажды принцесса летним вечером, после ужина.

Мы забрались в ее БМВ. Она поехала по узким улочкам Бейсуотера и Квинсвея, к Паддингтон Грин, который находился возле вокзала. Направо. Налево. Направо. Налево. Переулок за переулком. Она знала все короткие пути.

— Вам и карта не нужна! — пошутил я.

— Да уж. Я дам фору любому лондонскому таксисту, — улыбнулась она.

Козырек бейсболки бросал густую тень на ее лицо.

Мы остановились на углу. Принцесса не стала выключать двигатель. Она опустила стекло с той стороны, где сидел я. На углу болтали друг с другом две девушки в коротких юбках, сильно накрашенные. Когда наш БМВ остановился, они

замолчали, посмотрели на меня и, пошатываясь на своих высоких каблуках, пошли к нам. Ночные бабочки вышли на работу.

Та, что покрупнее, смотрела мне прямо в глаза, мне стало неловко, и я заерзал на сиденье. Девушка положила руки на крышу машины, наклонилась и сунула голову в окно.

— Привет, принцесса Ди. Как дела? — спросила она поверх меня.

Я повернул голову к Диане, а она уже нагнулась ко мне.

— Все в порядке… (имя девушки). Ну как работается?

Вторая, более хрупкая, тоже нагнулась и вступила в разговор.

— Плохо. Никого нет. Но мы еще немного постоим — работать-то надо, принцесса, — сказала она.

Господи помилуй, подумал я. Так принцесса знакома с ними!

— А это еще кто? — спросила одна из девушек, смотря на некоего субъекта, который нервно ерзал на сиденье и ничего не говорил.

— Это Пол, — представила меня принцесса.

Мы пожали друг другу руки. Все было очень вежливо. Потом принцесса сунула руку в карман и вытащила две банкноты по 50 фунтов.

— Идите лучше домой, проведите вечер с детьми, они ведь ждут маму, — сказала она, сунув каждой в руку по банкноте.

Принцесса спросила, как поживают их дети. Одного раньше мучил кашель. Ему уже лучше?

После этого та, что в теле, постучала ладонью по крыше машины, и вскоре «девочки» скрылись из виду, их приманили два красных стоп-сигнала — неподалеку остановилась какая-то машина. А принцесса только что дала им 100 фунтов! Бесполезная трата, подумал я.

— Вы с ума сошли! Ваше Королевское Высочество, вам не следует сюда приезжать! — воскликнул я.

Я уже представил себе газетные заголовки: «Леди Ди с дворецким снимают проституток».

— Эх, Пол, — сказала принцесса, когда машина тронулась, — перестань возмущаться. Этим девушкам нужна помощь, именно этим я и занимаюсь — помогаю им.

Конечно, принцессу можно было обвинить в наивности, но, вообще-то, она была права. Если бы принцесса однажды увидела лавину, думаю, она бы обязательно попыталась ее остановить. Она хотела помочь всем, кому плохо. Больным. Бедным. Бездомным. Голодающим. Зараженным ВИЧ. Немощным. Проституткам. Наркоманам. Алкоголикам. Если бы это зависело только от нее, принцесса занималась бы только милосердием. Сколько раз я слышал от нее: «Кажется, я могу помочь…» или «Я

отправлюсь туда, где люди страдают». Ей хотелось помочь страждущим во всем мире. Эта была одна грандиозная миссия милосердия, Невыполнимая Миссия.

Мы несколько раз приезжали к Паддингтону — летом и зимой 1996 года. В ноябре мы как-то остановились на той же улице. У одной из проституток было двое детей, она и пошла на панель, чтобы прокормить их, но у нее не хватало денег даже на то, чтобы купить себе теплое пальто.

Вернувшись в этот район, принцесса дала ей 100 фунтов. «Купи себе пальто, и чтобы в следующий раз, когда я сюда приеду, ты была уже в нем», — заботливо сказала она. Когда мы через пару недель снова увидели эту женщину, она была уже в толстой черной куртке до пояса.

В гардеробе у принцессы висела шуба до пола. Диане ее кто-то подарил. Она с благодарностью приняла подарок, но она не любила наряжаться в меха. Однажды я увидел, как она уходит из Кенсингтонского дворца с этой шубой подмышкой. А вернулась уже без нее. Она рассказала, что ехала по улице и, увидев контейнер для мусора, остановилась, опустила стекло и бросила в него шубу. «Кто знает, может, какой-нибудь бродяга подберет ее, и ему будет тепло», — сказала она.

Я привык ездить на БМВ, иногда на водительском сиденье, а иногда — на пассажирском. Чаще всего мы выезжали после полуночи, и на то были веские причины: во-первых, на улицах Лондона в это время было мало машин и людей, а во-вторых, принцесса знала, что, даже если за нами следят фоторепортеры, им все равно не удастся сделать снимки с приближением в такой темноте.

Иногда я целый час слушал радио в машине, ожидая принцессу в переулке рядом с Королевской Бромптонской Больницей в Челси. Принцесса выходила из машины со стопкой журналов, видеофильмов и компакт-дисков для пациентов, которым пересадили сердце или легкие, и тех, кто страдал кистозным фиброзом. Она и раньше сюда приезжала, хотя критики и говорят, что Диана стала делать это для того, чтобы поднять свой рейтинг в глазах общественности. На самом деле принцесса делала это потому, что ей было жаль этих людей и она искренне хотела им помочь Она поступала так же, как в 1991 году, когда умирал Адриан Уорд-Джексон, или когда в 1992 году я лежал в больнице в Суиндоне. Она знала, что некоторым людям ее визиты помогут больше, чем лекарства, а это было для нее самым главным.

Иногда мне было не так уж и скучно ждать в машине. Однажды она обедала со своим другом лордом Аттенборо в «Тант

Клэр» в Челси, и я приехал за ней в полтретьего. К счастью, перед рестораном была стоянка, так что, сидя в машине, я видел принцессу, которая сидела ко мне лицом, и лорда Аттенборо, который сидел ко мне спиной. Принцесса заметила, что я уже приехал.

В машине звучала песня из «Аладдина». Друзья нашей семьи Чак Уэб и Рон Рафф, которые жили во Флориде, регулярно присылали принцессе компакт-диски с песнями и мелодиями из недавно вышедших диснеевских мультфильмов: «Король-лев», «Покахонтас», «Красавица и чудовище», «История игрушек». Я давно собирал разные мультфильмы, и все, что связано с анимационным искусством, и даже ездил в Нью-Йорк на ежегодную ярмарку мультипликационной продукции, чтобы купить «кадры» — листы из целлулоида с рисунками, которые использовались в производстве известных мультфильмов. У принцессы тоже были такие листы, например из фильма «Кто подставил кролика Роджера?» — ей подарили их на королевской премьере на Лестер-сквер в Лондоне. Она покупала много мультфильмов Уильяму и Гарри и часто слушала песни и мелодии из мультфильмов, когда была за рулем. Больше всего ей нравились песни из «Красавицы и чудовища» и «Аладдина». Однажды одна песня из «Аладдина» — «Целый новый мир», которую она могла слушать много раз подряд> стала поводом для шуток. Принцесса знала слова этой песни наизусть и часто пела ее вслух, когда ехала одна или со мной. Именно эта песня играла в машине, когда Диана и лорд Аттенборо заканчивали обедать. Я начал повторять слова песни вслух и ожесточенно жестикулировать. Увидев это, принцесса рассмеялась, и лорд Аттенборо, должно быть, подумал, что она смеется его шутке. По пути домой мы с принцессой хором пели эту песню. Конечно, это не Рахманинов, но все же я на всю жизнь запомнил тот день.

К ноябрю 1996 года, после того как принцесса побывала в Сиднее, чтобы помочь собрать 1 миллион долларов для Фонда Виктора Чана по борьбе с раком, она решила не переезжать в Австралию. Австралийцы прониклись к ней большой любовью, но, к сожалению, ей самой Австралия не понравилась. Жизнь там показалась ей слишком простой и неинтересной по сравнению с Лондоном, Нью-Йорком и Вашингтоном. Диана сказала, что будет себя чувствовать там оторванной от мира и одинокой. Она начала думать о том, не перебраться ли в Южную Африку.

Рождество 1996 года стало последним для Дианы. Она провела его на другом конце света. Журналисты были уверены, что она едет в Австралию, чтобы отпраздновать Рождество со своим другом, и мне нужно было сделать все возможное, чтобы не

разочаровать их. Поэтому я забронировал два места на рейс компании «Квантас» в Сидней, зная, что журналисты обязательно заглянут в список пассажиров. Когда представители прессы толпились у стойки авиакомпании «Квантас» в Хитроу, принцесса отправилась на другой конец света — на маленький остров Барбуда, недалеко от Антигуа, вместе со своей ассистенткой Викторией Мендхем. Наш план сработал, но только на пару дней.

Уильям и Гарри заглянули в рождественские чулки в воскресенье, накануне Рождества. Уильям порадовался новой стереосистеме, а Гарри тут же бросился подключать к телевизору игровую приставку «Плей Стейшн-2».

На Рождество в Старых конюшнях постоянно звонил телефон. Мария настояла, чтобы я не брал трубку. Мы оба знали, что это звонит принцесса, но на этот раз я послушался жену и провел праздники в теплом кругу семьи.

На второй день Рождества я взял трубку. Принцесса стала звонить каждый день, она не могла дождаться, когда вернется во дворец, — Диана хотела быть дома на Новый год. В отличие от нее, Гарри совсем не хотелось возвращаться — он уехал вместе с отцом в Клостерс, в Швейцарию, и катался там на лыжах, что ему ужасно понравилось, несмотря на постоянное внимание со стороны прессы, хотя потом он и рассказывал матери, что присутствие журналистов его раздражало. Уильям отказался ехать с ним: ему исполнилось четырнадцать лет и он уже устал быть в центре внимания СМИ. Мне нельзя было отказаться от следующей поездки в Анголу. Я всегда был рядом с принцессой во всех ее благотворительных миссиях, и на этот раз я тоже буду рядом с ней.

Глава двенадцатая

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ

Со слепящего африканского солнца я вошел следом за принцессой в полумрак деревенской больницы. Впрочем, это трудно было назвать больницей, потому что вся она состояла из одной комнаты с голыми оштукатуренными стенами, в которой стояли шесть железных кроватей. Мы подошли к кровати маленькой девочки. За нашими спинами толпилась съемочная группа. Девочка, до самой шеи накрытая тонкой белой простыней, смотрела на нас своими огромными глазами.

Медсестра откинула простыню, и мы увидели самое ужасное зрелище, какое только можно себе представить. Живота не было — вместо него месиво из внутренностей. Девочка пошла за водой и наступила на одну из десяти миллионов мин, зарытых под землей в Анголе.

Огромные детские глаза и вывороченные внутренности — это просто не укладывалось в голове. Честно говоря, зрелище было отталкивающее. Но принцесса считала, что не имеет права испытывать отвращение к страждущим. Она старалась смотреть только в глаза девочки. Девочка не должна думать, что людям неприятно на нее смотреть, даже если теперь ей никто не может помочь — так считала принцесса Она взяла девочку за руку и закусила губу, чтобы не расплакаться. Затем она опять натянула девочке простыню до самой шеи и, повернувшись к журналистам, попросила: «Не надо больше снимать, пожалуйста». Лампочки на камерах погасли.

Это было 15 января 1997 года. В этот же день была сделана известная фотография, на которой принцесса идет через минное поле по дорожке, расчищенной от мин силами фонда ХАЛО. На ней белая рубашка, бежевый комбинезон, бронежилет и шлем. Этот снимок позволил британским циникам заявить, что принцесса «делает вид», что занимается политикой. Она присоединилась к кампании, требующей запрещения использования мин для того, чтобы привлечь внимание мировой общественности к забытым жертвам войны — мирным жителям, которые умирают всего лишь потому, что сделали один неверный шаг в своей собственной деревне. Они взрываются на минах, о которых забыла мировая общественность, как забыла и о том, что Британия, Канада и США все еще не присоединились к международному соглашению о запрете противопехотных мин.

Циники с Флит-стрит обвиняли принцессу в том, что она, чтобы привлечь к себе внимание, всего лишь позировала перед

объективами фото- и телекамер, на этот раз — на минном поле. Но они не видели глаз той девочки на больничной койке, потому что принцесса не захотела, чтобы они их увидели. Это был один из тысячи случаев, которому я стал свидетелем за время службы у принцессы, когда она — вне телекамер, не привлекая к себе внимания — сделала доброе дело для тех, кого она называла «настоящими людьми». Да, ее посещение африканской больницы не вернуло жизнь той девочке, но оно принесло надежду тем, о ком сильные мира сего совершенно забыли. Она привлекла внимание Красного Креста к скрытой трагедии. Те, кто считает, что деятельность принцессы была безрезультатной, пусть прочитают статью Кристины Лэмб в «Санди Тайме». В тот день Кристина разговаривала с девочкой после нашего ухода.

Циничная по натуре и не раз видевшая картины войны журналистка попыталась объяснить девочке, кто к ней сейчас приходил.

— Она принцесса из Англии, — объясняла ей миссис Лэмб.

— Значит, она ангел? — спросила девочка. В тот же вечер она умерла.

А в это время принцесса отвечала на вопросы журналистов и высказала им свою версию на тему того, кто она такая. Когда ее спросили, что она скажет по поводу обвинений в бесполезности ее действий, она ответила: «Я филантроп. Всегда им была и всегда буду».

Со времен поездки в Египет в 1992 году я больше не ездил с принцессой за границу, но тут она позвала меня сопровождать ее в четырехдневной поездке в Анголу, с 12 по 17 января. Предложение стало для меня полной неожиданностью. К тому же она сказала: «Поедем только мы с тобой и представители Красного Креста». На самом деле с нами отправились еще два полицейских. Правительство настаивало на том, чтобы у принцессы в ее поездках была охрана. Я не мог понять, какой от меня может быть толк.

— Ты всюду будешь меня сопровождать. Ты станешь моим секретарем, моим помощником, моей фрейлиной и моей камеристкой в одном лице! — пошутила она.

Так и получилось, что я просыпался, гладил ее одежду, а затем целый день сопровождал ее во всех делах. Это вызвало у прессы массу вопросов относительно причин, по которым дворецкий всюду как тень следует за принцессой. И среди королевских слуг появилось множество недовольных.

Принцесса восстановила свои связи с Красным Крестом (прежде она считалась покровителем этой организации но потом отказалась от этого почетного звания). Она поговорила с Майком

Уитлемом, тогдашним гендиректором Красного Креста, и он рассказал ей о кампании против использования мин. Он прислал ей литературу по этому вопросу и видеозаписи. Просмотрев и то и другое, принцесса решила: надо что-то делать. В Анголе на минах погибал каждый четвертый житель этой страны с населением в 12 миллионов, и именно отсюда принцесса решила начать свою собственную кампанию. Майк Уитлем ей во всем помогал.

Вооружившись планом будущей поездки, я отправился с принцессой за покупками. Сначала мы зашли в «Ральф Лоран» на Бонд-стрит, где принцесса выбрала себе рубашки, комбинезоны и бриджи (она купила и мне несколько новых рубашек). Потом мы отправились за джинсами от Армани, и в «Тодз» за кожаными туфлями на плоской подошве. Всю эту одежду предстояло упаковать вместе с платьями и юбками для посольства (уже был назначен прием, во время которого принцесса встретится с Аной Паулой дос Сантос). Еще я зашел в «Бутс» [28] за самыми необходимыми лекарствами и витаминами.

Бил Дидс — один из ветеранов «Дейли Телеграф» — должен был отправиться в Анголу вместе с группой журналистов, но принцесса настояла на том, чтобы он полетел в Луанду и обратно вместе с нами. Она говорила, что этот человек, активно участвовавший в Кампании против мин еще с 1990 года, сильно на нее повлиял. Дидс часто бывал и в Кенсингтонском дворце, где принцесса неизменно встречала его любимой шуткой по поводу сложности кроссворда в «Дейли Телеграф». «Мой дворецкий считает, что с вашей стороны это просто нечестно», — говорила она, кокетливо подчеркивая, будто бы это не она, а ее дворецкий не в состоянии разгадать их кроссворд.

Когда мы летели в Луанду, принцесса непрерывно что-то писала, снова и снова внося изменения в свою речь, которую она произнесла на взлетной полосе небольшого аэропорта в Луанде. Она заявила о своем требовании, «чтобы раз и навсегда запретили использование противопехотных мин».

Когда мы ехали в «лендкрузере» в британское посольство по неровной дороге, принцесса, глядя в окно, только качала головой. То, что мы видели, было ужасно. Почти у всех, кого мы видели по дороге в посольство, не было одной ноги, от домов остались одни бетонные коробки, носившие следы обстрелов из минометов. Все это казалось настолько невероятным, что у меня создалось впечатление, будто я еду мимо декораций какого-то боевика.

Подлинный интерес принцессы к заботе о страдающих начался с ее поездки в Калькутту в 1992 и визита в приют матери Терезы, целью которого была помощь голодающим, больным и

умирающим. Та поездка окончательно помогла ей найти свое призвание. В то время когда принцесса не находила больше поддержки в своем рассыпающемся браке, она нашла надежду и смысл существования в помощи несчастным. «Именно тогда я поняла, ради чего буду жить», — как-то сказала она мне.

Мы не раз говорили об уникальности Калькутты, а перед отъездом в Анголу принцесса подарила мне копию дневника, где записывала свои мысли и чувства во время визита в Индию. Видимо, она хотела, чтобы я понял, что для нее значит благотворительность и почему она считает эту деятельность необходимой. Еще одну копию она подарила Ооне Тоффоло, у которой проходила сеансы иглоукалывания. (Принцесса была также знакома с ее мужем Джо и не раз ездила к нему в больницу «Роял Бромптон».) Ее дневник раскрывает, как принцесса постепенно переживала в Калькутте духовное перерождение, благодаря которому у нее появились силы для ее будущих кампаний в поддержку страдающих.

Когда принцесса приехала в приют матери Терезы, сестры молились в часовне. Принцесса преклонила колени вместе с ними.

Она считала этих женщин святыми. Какие бы ярлыки на нее не навешивала пресса, себя принцесса святой не считала. Сестры, которых она встретила в Калькутте, были святыми. Английские принцессы — нет. Но она хотела, чтобы тепло и сострадание, которое жило в тех женщинах, проникло и в английский народ.

Ангола в 1997-м, так же как Калькутта в 1992-м, показала, как принцесса может заботиться о страждущих. Поездка в Индию стала для нее первым опытом такой заботы, на который она опиралась в своих будущих гуманитарных миссиях. Она никогда не забывала, каким важным может стать простой жест для детей, больных и умирающих.

В своем сердце она хранила один случай, который произошел во время ее посещения детского приюта матери Терезы и многому ее научил. Тогда она взяла на руки слепоглухого мальчика. Позже она писала: «Я прижала его к себе крепко-крепко, чтобы он почувствовал всю мою любовь и тепло». Она рассказывала об этом случае так горячо и с такой убежденностью, что я понял, сколько в ее сердце тепла, которое она искренне хочет отдать тому, кому оно необходимо.

В ее дневнике среди записей о Калькутте был рассказ о том, как она посетила приют для безнадежно больных. Читая ее записи, я понимал, что посещение приюта, равно как и смерть ее друга Адриана Уорд-Джексона в 1991 году, произвело на нее огромное впечатление. Я понял, откуда у нее нашлись силы,

чтобы так поддержать меня после смерти моей матери. Она дала мне свои записи именно для того, чтобы я понял, что дало ей толчок к благотворительной деятельности.

В этом приюте она увидела людей — мужчин, женщин, детей — которые смело смотрели в лицо неотвратимой смерти. «Умирать с достоинством» — вот как она это называла. Эти люди были счастливы умереть в приюте матери Терезы.

Думаю, ничто так не повлияло на принцессу в ее поездках по миру, как визит в этот приют. Она обходила кровати и предлагала каждому шоколадные конфеты. Одному человеку, ослабевшему от туберкулеза, она своими руками положила в рот конфету.

Я читал, что она писала о Калькутте, и о том, как эта поездка изменила ее взгляды на жизнь… и смерть. То, что она там увидела, так тронуло ее, что она решила помогать больным и умирающим во всем мире. Для нее это стало вторым рождением. Любой, кто перечитает речи принцессы после 1992 года, поймет, что ее все больше и больше интересовали духовные вопросы. Она искренне верила в то, что смысл существования состоит в помощи страждущим. Только помогая им, она чувствовала, что живет не зря. Она считала своим долгом использовать свое положение принцессы Уэльской, чтобы облегчить жизнь тем, кто в этом нуждается.

В Анголе я снова и снова перечитывал ее записи, а она каждое утро просыпалась с мыслью о несчастных и торопилась увидеть пострадавших от мин. Только ради того, чтобы как-то исправить ситуацию.

— За работу! — объявляла она, и мы отправлялись в Хуамбо или Квито, где принцесса стремилась выполнить работу, которую вот уже пять лет считала самой необходимой в своей жизни.

В июне того же года принцесса отправилась в Нью-Йорк, чтобы встретиться в Бронксе с матерью Терезой. Британские газеты писали: «Ангелы в Бронксе».

Для меня поездка в Анголу стала апогеем моей службы. Тут воплотились мои самые смелые личные и профессиональные мечты. Принцесса неофициально превратила меня из простого дворецкого в своего помощника. Окончательно мое превращение завершилось во вторую неделю января, когда я без формы дворецкого вошел в посольство Британии в Луанде с парадного входа. Когда принцесса говорила, что я буду везде ее сопровождать, она знала, что говорит. Только я не предполагал, что мне придется идти по мраморным коридорам посольства на встречу с Аной Паулой дос Сантос и министром иностранных дел.

В 1992–1993 годах в Пакистане, Чехословакии и Египте я

знал, что мое место на заднем плане. Я был сторонним наблюдателем. А в Анголе я стал участником встреч наравне с Дианой, принцессой Уэльской. Она знакомила меня со всеми, с кем знакомилась сама. Сомневаюсь, чтобы Ана Паула дос Сантос знала, что я всего лишь дворецкий. На той встрече все — и даже персонал посольства — подумали что я ее личный секретарь или придворный. Для меня это было странно, потому что я прекрасно знал свое место.

«Это должен делать личный секретарь, — думал я. — Но у нее нет личного секретаря. А это должна делать ее фрейлина, но у нее нет фрейлин». Так и получилось, что беседовать в первыми лицами в государстве о политике, о том, что необходимо запретить противопехотные мины, вместе с принцессой должен был человек, который стирал и гладил ее одежду, носил чемоданы.

Слава богу, я был неплохо подготовлен. Я привык на яхте «Британия» объявлять королеве о прибытии глав стран Содружества, и знал правила королевского этикета, знал, как себя вести, чтобы оставаться «на один шаг позади».

Когда я, естественно, волнуясь, стоял в зале посольства, я вспоминал, как в Виндзорском замке в самом начале моей службы мне не доверяли подавать мясо и овощи. И вот я стою рядом со своей хозяйкой — а потом и сажусь рядом с ней, с человеком, которому обязан таким взлетом моей карьеры. Я гордился собой. И, честно говоря, мне было даже приятно думать о том, что, увидь меня сейчас члены королевской прислуги, они бы это не одобрили. Мне становилось особенно приятно, когда я представлял, как они бы возмущались, что, мол, я «забылся» и «не знаю своего места». Именно с таким обвинением мне еще предстояло столкнуться, когда я стал работать в Мемориальном фонде принцессы Дианы.

Полагаю, посол Ее Величества Роджер Харт так и не понял, кто же я такой. Во время нашего пребывания в его резиденции он не раз видел, как я выхожу из комнаты принцессы, где мы с ней беседовали наедине. Принцесса требовала включать меня в списки приглашенных на приемы. И в итоге я сидел за одним столом с представителем Ее Величества в Анголе, его женой и принцессой и вел светскую беседу.

Но самое забавное, при воспоминании о чем принцессу охватывал приступ хохота — что когда ужин подходил к концу и она говорила, что устала и хочет пойти спать, то вместе с ней вставал и я. И мы вместе удалялись. За дверями мы начинали безудержно хохотать, вспоминая удивленные лица оставшихся за столом. Она терпеть не могла условностей, хотя и считала посла

и его жену хорошими людьми.

За время нашего пребывания в Анголе был устроен только один официальный ужин. В остальных случаях я подавал еду в ее комнату. Каждый вечер принцесса надевала махровый халат поверх купальника и шла по коридорам резиденции через кухню и в сад к бассейну. Я сидел на краю, свесив ноги в воду, и отсчитывал, сколько дорожек проплывет принцесса. Она проплывала кролем двадцать раз туда и обратно, прежде чем остановиться и отдохнуть.

Она стояла там, где было неглубоко, откидывала со лба мокрые волосы и спрашивала, облокотившись на край бассейна:

— Ну как тебе сегодняшний день?

Мы обсуждали происшествия дня, разговаривали о том, куда отправимся завтра, и она делилась со мной своими мыслями и переживаниями. Отдохнув, она проплывала еще двадцать раз туда и обратно под ночным небом.

Лорд Аттенборо выпустил свой новый фильм «В любви и на войне». Премьера состоялась в феврале в Лондоне. Перед самим фильмом должны были показать десятиминутныи документальный фильм для сбора средств в поддержку кампании Британского Красного Креста, направленной на запрет противопехотных мин.

В этот раз принцесса не возражала, чтобы ее окружали журналисты, потому что считала, что это поможет ее делу. Более того, к ее рубашке прикрепили микрофон, а сзади на пояс повесили передатчик. Журналисты услышали тогда больше, чем рассчитывали. Забыв о том, что на ней микрофон, принцесса позвала меня поболтать вдали от камер за зданием. Она хотела обсудить личные вопросы, поговорить о том, кому она позвонит, когда мы вернемся в резиденцию. Затем мы обсудили журналистов и операторов, разные смешные случаи. Она весело смеялась. И вдруг мой взгляд остановился на ее микрофоне. До нас одновременно дошло, что случилось. Улыбка сползла с ее лица, ее сменило выражение ужаса.

— Проверь! — приказала она.

Естественно, красная лампочка на передатчике горела. Звукооператоры слышали наш разговор.

В фургон мы вернулись с видом нашаливших школьников. Принцесса старательно поджимала губы, чтобы не рассмеяться. Я до сих пор не знаю, использовали ли телевизионщики нашу болтовню. Мы так и не решились спросить их об этом.

Поездка в Анголу была выматывающей и физически и эмоционально. Но все, кто в ней участвовал, вернулись домой довольные. Все понимали, что нам удалось привлечь внимание

общественности к очень важному вопросу. В конце поездки принцесса, проявив свою обычную щедрость, отблагодарила всех, кто помогал ей в этой поездке. Все служащие в посольстве Британии — водители, повара, горничные, секретари и сам посол получили в подарок бумажники и еженедельники в кожаных переплетах с выгравированной на них буквой D и короной, а также ее фотографии с автографами. По возвращении в Кенсингтонском дворце меня тоже ждал подарок: мраморный бюст африканки, который принцессе подарили в Анголе.

Однако щедрость принцессы в результате довела меня до громкого судебного процесса. Дело в том, что обычные люди, в том числе полицейские, не представляют, сколько всего члены королевской фамилии дарят своим слугам. В это не могут поверить те, кто не знает о дворцовой жизни. В сентябре за год до поездки в Анголу мой сын Александр поступил в лондонскую школу Оратори, что рядом со стадионом Челси. Принцесса спросила, как продвигается его учеба. Я заметил, что им очень много задают.

— Значит, мальчик все время проводит в своей комнате, склонившись над книгами? — спросила она.

— Нет, он сидит за столом на кухне, — сказал я. Принцесса ужаснулась, когда поняла, что у моего сына нет своего письменного стола. Кухонный стол — для семейных обедов, а для учебы и работы существуют письменные.

— У меня есть для него подходящий стол, — сказала она. В 1981 году на свадьбу принца и принцессы Уэльских жители Абердина подарили им от имени города конторку, но сами они ей никогда не пользовались. Конторка все эти годы стояла никому не нужная, и теперь принцесса решила найти ей применение. Мы с моим братом Грэмом пошли в кладовую на первом этаже Кенсингтонского дворца, вытащили конторку и погрузили ее в мой «Воксхолл-астра». Эта конторка была одной из тех вещей, в краже которых меня обвиняли на суде.

В последний год своей жизни принцесса старалась избавиться от всех предметов, напоминающих о ее несчастном браке. Она уже давно избавилась от ковров и фарфора с гербом принца Уэльского. Но теперь обстоятельства изменились. Тогда как отчасти она все еще любила принца Чарльза, она решила избавиться от предметов, с которыми были связаны самые сентиментальные воспоминания, таким образом избавляясь от своего прошлого. Ее подлинное счастье было теперь связано не с принцем. И наконец она убедила себя забыть принца Чарльза и жить дальше. В ее решении избавляться от вещей, напоминающих о нем, не было никакой враждебности. Ее отношения с принцем

Чарльзом еще никогда не были такими мирными, как теперь. Просто принцесса решила избавиться от своего прошлого, а потому на июнь 1997 года был назначен аукцион, на котором выставлялась одежда принцессы. Огромное облегчение приносила принцессе мысль о том, что вместе со своими старыми вещами она расстается со старой жизнью. Для нее это было очень важно, потому что так она лучше чувствовала, насколько изменилась за эти годы. Во время острых приступов булимии она всегда жаловалась, что ее начинает преследовать прошлое. Но теперь она победила. Она стала другой, нашла цель в жизни. Она сумела выжить. Она стала сильной. Теперь она знает, куда идти и какая светлая новая жизнь ее ждет.

— В новой жизни нам все это не понадобится, — говорила принцесса в гостиной своих детей. Она вытряхивала из ящиков старую одежду, безделушки, диски, книги, кассеты, ненужные подарки. Принцесса занималась этим либо поздно вечером на неделе, либо в воскресенье днем.

Мне она подарила часы «Картье». Их купил принц Чарльз, но принцесса посчитала, что их перламутровый циферблат и корпус из оранжевого и черного мрамора «отвратительны».

В центре комнаты сваливали все вещи, которые принцесса сочла ненужными, и она приглашала прислугу выбирать кто что хочет. Лили Пиччио, горничная-филиппинка, не могла поверить своему счастью и постаралась унести, сколько сможет, в свою скромную квартирку, где жила с сестрой. Ароматерапевт Айлин Малоун — мать известного парфюмера и эксперта в области средств по уходу за кожей Джо Малоуна — получила настенные часы, которые принцу и принцессе подарили на свадьбу. «Они всегда будут напоминать тебе обо мне», — сказала ей принцесса. Медиум принцессы Рита Роджертс получила чудесное ожерелье из золота высокой пробы в форме переплетающихся сердец фирмы «Ван Клиф энд Арпелз», стоимостью как минимум 8000 фунтов. Журналистка из газеты «Вашингтон Пост» Кэтрин Грэм на свое восьмидесятилетие получила от принцессы серебряную шкатулку от «Аспри», с выгравированной буквой К на крышке и надписью внутри: «С восхищением и любовью от Дианы». Даже эксперт фирмы «Кристис» Мередит Этерингтон-Смит испытала на себе щедрость принцессы. Решив отблагодарить ее за устройство того аукциона в июне 1997-го и зная ее любовь к морским звездам, принцесса заказала в ювелирной фирме «Гаррард» морскую звезду из цельного золота, усеянную бриллиантами. С нижней стороны выгравировали надпись: «С горячей любовью от Дианы».

Одеждой наполнялись целые мешки для мусора. Симона

Симмонс — целительница и подруга принцессы, которая приходила к принцессе почти каждый день, получила немало из вещей принцессы. Однажды, когда Симона была у принцессы, та предложила ей взять что-нибудь.

— Как? Вы предлагаете мне забрать эти мешки с одеждой? — спросила удивленная Симона.

— Нет, — ответила принцесса. — Это для Пола.

Я унес по крайней мере три мешка с одеждой, сумочками и туфлями для Марии. А наши сыновья донашивали одежду Уильяма и Гарри.

Принцесса делала подарки даже незнакомым людям. Как-то мои сыновья играли с американским подростком Биллом. Мы с принцессой шли мимо, и она остановилась поболтать с ним. Затем она велела мне найти для него ее фотографию, которую она подписала, а мне велела вставить в рамочку.

Как и горничная-филиппинка, полицейские не могли поверить своим глазам, когда у нас в гардеробе нашли костюмы принцессы, которые та отдала Марии, когда увидели коробку с дисками, статуэтки на моих полках, когда обнаружили письменный стол Александра. Они не могли поверить, что принцесса сама подарила мне более четырехсот вещей.

И даже родственники принцессы не представляли, насколько щедрой может быть Диана по отношению к почти чужим людям. Леди Сара Маккоркодейл позже сказала, что, по ее мнению, у меня, дворецкого, должна была быть лишь одна фотография принцессы с автографом и пара запонок. Странно, что после этого они обижались, когда я говорил, что друзья знали принцессу лучше, чем ее родственники.

На Пасху принцесса вместе с детьми вернулась в отель «К-Клаб» на Барбуда. В мае — отправилась на три дня в Пакистан в гости к Имран Хану и его жене Джемайме — дочери подруги принцессы леди Аннабел Голдсмит. Принцесса хотела больше узнать об исламе. Куда бы она ни поехала, она по три раза в день звонила мне, как, я полагаю, и другим своим друзьям. Не представляю, честно говоря, что бы она делала, если бы потеряла свой сотовый. Она болтала по нему почти без перерыва.

Пока ее не было, я помогал освоиться в Кенсингтонском дворце новому младшему дворецкому, которого принцесса наняла, чтобы было кому выполнять рутинные обязанности, на которые у меня не хватало времени. Его звали Крейг Уэллер. Ему было двадцать три года, и он был отлично вышколен в Букингемском дворце. С его появлением моя жизнь стала значительно легче.

Когда принцесса вернулась из Пакистана, она выдала мне

большой секрет. Она не должна была мне рассказывать об этом, но не смогла удержаться. Думаю, она честно боролась с собой минут пять, а потом сдалась и решила со мной поделиться радостью.

— Пол! Пол! — закричала она еще с лестницы. — Я расскажу тебе секрет!

Когда она добежала до буфетной, секрета уже не было. Я был озадачен. Обычно она делилась со мной тайнами не в такой форме. Помню, как принцесса, на которой в тот день был голубой костюм от Шанель, сказала: «Тебя наградят медалью, Пол!». Затем она рассказала мне, что, по личному распоряжению Ее Величества, меня наградят медалью королевы Виктории.

— Давно пора! — закончила принцесса. — Сам понимаешь, что ты пока не должен об этом знать. Но ты же знаешь все мои тайны, вот я и не удержалась. Я так за тебя рада, Пол!

Я был потрясен. В честь своего дня рождения в июне королева собиралась наградить меня за двадцать один год королевской службы. Значит, она, наконец, решила поощрить меня за то, что я выгуливал ее девять собак.

Кажется, принцесса радовалась даже больше, чем я.

— После награждения, — сказала она, — я поведу тебя к Маре (ресторан «Сан-Лоренцо»). Там мы отметим это событие шампанским.

Когда 17 июня официально объявили о награждении, принцесса, которая в это время была в Вашингтоне — она ездила поздравить с восьмидесятилетием Кэтрин Грэм, — прислала мне телеграмму: *«Тысяча горячих поздравлений в честь получения медали. Мы с мальчиками за тебя ужасно рады! С любовью, Диана, Уильям и Гарри».*

Утром 6 июня — в день, когда мне исполнилось тридцать девять, я вошел в свою буфетную и обнаружил на столе коробку с подарком, а на ней конверт. В коробке оказались золотые часы «Лонжин» на черном кожаном ремешке, а в конверте — послание: *«С днем Рожденья! Желаю счастья! С любовью, Диана».*

1 июля, когда принцессе исполнилось тридцать шесть, Кенсингтонский дворец снова стал похож на цветочный магазин. Цветы стояли во всех вазах, какие только нашлись во дворце. Джанни Версаче прислал шестьдесят белых роз, а Джорджо Армани — двенадцать крупных лилий. Принц Уэльский прислал из Хайгроува большую ароматическую свечу. Мохаммед Аль-Файед — владелец сети магазинов «Хэрродз» — кожаную сумочку. Первой ей позвонила мачеха, Рейн Спенсер, затем ее поздравила по телефону Люсия Флеча де Лима. У себя в Вашингтоне она специально проснулась в три часа ночи, чтобы

успеть поздравить принцессу одной из первых — в восемь часов по британскому времени. Вот что значит настоящие друзья.

По долгу службы я должен был догадываться не только о желаниях принцессы, но и о том, чего хотят молодые принцы. Уильям и Гарри знали, что подарки к Рождеству мать выбирала им вместе со мной, и, наоборот, в тайне от принцессы Дианы я выбирал от их имени подарки ей. Так что я, как всегда, выбирал ей подарок на тридцатишестилетие. Я знал, что надо купить. Ее подруга, целительница Симона Симмонс, рассказала ей о целебной силе кристаллов (она и сама носила на шее массивный хрустальный шар), и с ее подачи принцесса начала собирать прозрачные полудрагоценные камни. По совету Симоны я отправился к специалисту по камням и минералам в Челси. Его магазин находился недалеко от школы, в которой учился мой старший сын. Там все сверкало и переливалось. Но взгляд мой упал на каменную башню в восемнадцать дюймов высотой, которая стояла на одной из полок. Передней стены у нее не было, чтобы можно было заглянуть внутрь, где сияли фиолетовые и лиловые кристаллы. Я сразу понял, что принцессе это страшно понравится. И, не сомневаясь, купил башню, несмотря на цену в 500 фунтов. Когда Уильям приехал из Итона на выходные перед ее днем рождения, он пробрался ко мне в кладовую на первом этаже, пока принцесса была наверху в гостиной. Двумя руками я вытащил сверкающую башню из коробки. Уильям засиял.

— Это просто чудо, Пол! — объявил он.

Как только я завернул башню в подарочную упаковку, Уильям крепко схватил ее двумя руками и потащил наверх.

— Уверен, что донесешь, Уильям? — спросил я, глядя, как он пошатывается от такой тяжести.

Несколько минут спустя я услышал треск разрываемой бумаги, шорох — когда бумагу смяли, и радостный крик. Башня понравилась принцессе. Она поставила ее на каминную полку в гостиной.

По примеру принцессы мой младший сын Ник тоже начал коллекционировать кристаллы. Она показывала ему свои кристаллы и он как завороженный слушал ее рассказы об их магической силе. Ник принес с собой во дворец и свою коробочку, в которой на вате были уложены его кристаллы, чтобы показать принцессе. Я не мог сдержать улыбки, глядя, как мой девятилетний сын беседует с принцессой. Она сидела на краю дивана и разглядывала его сокровища. Оба они с головой ушли в разговор о камнях. Ник объяснял ей, как важно мыть, натирать и заряжать кристаллы свежей энергией.

— Их надо класть на свет, Принцесса, — «учил» он.

Принцесса поручила сыну своего дворецкого важное дело. Она выдавала ему кое-какие из своих кристаллов, он нес их домой, мыл в теплой мыльной воде, на ночь клал под яркий свет настольной лампы, а на следующий день спешил во дворец, чтобы объявить принцессе о том, что ее кристаллы теперь заряжены.

В награду за «работу» принцесса подарила ему розовый камешек и велела положить его на тумбочку у кровати, чтобы он навевал сон.

— Перед сном я кладу на тумбочку точно такой же кристалл, — пояснила она. — Теперь и ты так делай.

А затем она пообещала нечто, чего Ник стал ждать с нетерпением:

— Когда мы все вернемся после лета, я поведу тебя на фабрику и мы выберем для тебя большой-пребольшой кристалл.

* * *

Модельер Жак Азагури подарил ей на день рождения черное, расшитое бисером вечернее платье с глубоким вырезом и черными шелковыми бантами.

Глядя, как она в этом платье шагает взад-вперед по гостиной, я сказал:

— Надо к нему надеть вот это! — подошел к сейфу и достал оттуда украшения с сапфирами и бриллиантами.

— Нет, Пол. Я сегодня хочу изумруды.

В тот вечер она отправилась на торжественный прием в честь столетия галереи «Тейт», надев браслет с изумрудами и бриллиантами, который ей подарил принц Чарльз в честь свадьбы, такие же серьги, подарок принца Чарльза на день рождения (когда принцессе исполнилось двадцать два года), и колье из бриллиантов и крупных неограненных изумрудов — подарок на свадьбу от королевы.

После длительных переговоров принц и принцесса решили, что Гарри, как и его старший брат, закончив школу Ладгроув, отправится в Итон.

— Он будет отлично смотреться во фраке, не правда ли, Пол? — спрашивала меня принцесса. — Прямо как маленький пингвин!

Гарри хотел пойти в школу Харроу, куда отправлялся его друг из семьи Ван Штраубензее, а потому не пришел в восторг, когда узнал, что ему придется пойти в Итон, где он будет «прямо как маленький пингвин».

Уильяму тоже не удавалось делать то, что хочется. Однажды он захотел пойти на собрание любителей охоты и рыбалки, пообщаться с людьми, повеселиться, но принцесса ему не разрешила. Она посчитала, что «это неподходящее занятие для

принца». Как ни странно, Тигги Легге-Бурк туда пошла, и на следующее утро о ней писали все газеты. Принц понял, что его мать была права.

Однако я видел трех детей, которые сияли только оттого, что попали во дворец. К чаю пригласили семью из пяти человек: мать, отец и трое детей (десяти, семи и пяти лет). Семилетней девочке с четырех лет дважды удаляли опухоль головного мозга. Но недавно опухоль снова образовалась, и родителям сказали, что на этот раз операция не поможет.

Девочка мечтала попить чай с принцессой, и та решила воплотить ее мечту в жизнь. Меня отправили за воздушными шариками с нарисованной Барби и другими игрушками. Думаю, эта семья никогда не забудет чаепития, запечатленного на множестве фотографий.

Отказавшись везти детей на таиландский остров Пукет, принцесса решила отправиться с ними в Сен-Тропез. 11 июля принцесса с детьми вылетела на юг Франции в гости в Мохаммеду Аль-Файеду, его жене Хейни и трем их детям. Еще весной они приглашали ее на лето на свою виллу. Но окончательно принцесса решилась туда поехать после обеда в Королевском автомобильном клубе со своей мачехой Рейн Спенсер в первую неделю июля.

Владелец сети «Хэрродз» жил в Лондоне на Парк-Лейн в большом доме с собственной прислугой. Он был хорошим другом принцессы. Он был другом ее покойного отца — графа Спенсера, а также мачехи принцессы. Рейн не раз приезжала в его парижскую резиденцию в Булонском лесу, получившую название «Вилла Виндзоров», потому что она стала домом для герцога и герцогини Виндзорских, удалившихся сюда после того как герцог — король Эдуард VIII — отрекся от престола в декабре 1936 года.

Аль-Файед всегда восхищался всем королевским, поэтому в 1986 году, когда герцогиня умерла, он приобрел эту виллу. А одиннадцать лет спустя его имя снова замелькало в газетах рядом с именем члена Виндзорской династии — принцессы Уэльской. Долгие годы он оказывал ей знаки внимания. Когда бы она ни заходила в его магазин в Найтсбридже, он всегда выходил, чтобы лично помочь ей выбрать товары. Каждое Рождество он неизменно высылал в Кенсингтонский дворец разные вкусности. На дни рождения принцессы и юных принцев он всегда присылал им богатые подарки. Принцесса считала его настоящим джентльменом. Рейн Спенсер рассказала ему о том, как тяжело приходилось принцессе в середине девяностых, и он старался помочь ей, чем может, из уважения к ней самой и к ее покойному отцу, как он не раз говорил. До этого лета принцесса всегда

вежливо отклоняла его приглашения погостить. Но возможность провести лето на хорошо охраняемой вилле на Лазурном Берегу с вышколенной прислугой показалась принцессе слишком заманчивой. Уильям и Гарри могли покататься на катерах и скутерах, понырять с аквалангом. Их ждала яхта «Джоникал» длиной в двести футов со своей командой. Для египетского мультимиллионера она стала аналогом королевской яхты «Британия» Однако принцесса не знала, что он купил яхту специально к приезду принцессы с детьми. Как только она согласилась приехать на его виллу, Аль-Файед выписал чек на 15 миллионов фунтов и приобрел эту яхту. Не знала принцесса и того, что Аль-Файед, желая развеять ее скуку, пригласил и своего сына Доди — известного продюсера, который вот-вот собирался жениться на американской модели Келли Фишер. Мохаммед Аль-Файед потребовал, чтобы 15 июля его сын был на яхте.

Когда 15 июля Доди Аль-Файед взошел на борт яхты «Джоникал», журналисты взяли на прокат катер, чтобы следить за передвижениями яхты. В это время я был в Кенсингтонском дворце и следил за тем, как идет ремонт в гостиной принцессы. Она снова пригласила своего друга Дадли Поплака, чтобы он придал ее гостиной в розово-кремовых тонах более серьезный вид, более «профессиональный и зрелый», как она выразилась. В новом оформлении должны были использоваться в основном кремовый, золотой и синий. Полосатую обивку на диванах заменили на кремовую, персиковые диванные подушки сменили синие и золотые. Появился новый высокий табурет на гнутых ножках. Принцессе нравился розовый цвет. Даже листочки в ее блокнотах для личных записей были розовыми. Но в то лето она решила устранить этот романтический цвет из своей жизни.

По гостиной непрерывно ходили рабочие, мне постоянно звонила принцесса. Она жаловалась, что не выдержала и спросила журналистов, сколько еще они будут ходить за ней по пятам. На прощание она решила их подразнить: «В ближайшее время я собираюсь сделать заявление, которое потрясет весь мир».

В Кенсингтонском дворце Майкл Гиббинс пытался загладить последствия случайного заявления принцессы. С его помощью было составлено следующее: *«Диана, принцесса Уэльская, заявляет, что вчера не давала никаких интервью журналистам. Если она и говорила с некоторыми из журналистов, то с единственной целью: узнать у них, сколько еще они собираются пребывать на юге Франции, потому что присутствие прессы оказывает негативное влияние на детей. Вопрос о будущих заявлениях принцессы не обсуждался».*

С яхты «Джоникал» принцесса звонила мне в Кенсингтонский дворец по восемь раз в день. В один из этих длинных разговоров она сообщила мне, что решила все время ходить в одном и том же леопардовом купальнике, чтобы досадить журналистам.

— Буду ходить только в нем до самого конца поездки. То-то они разозлятся, ведь у них все фотографии будут одинаковые!

Так и вышло. Все газеты пестрели снимками, на которых принцесса везде — на пляже, на яхте, на скутере, в воде — в одном и том же леопардовом купальнике.

Однако посмеяться над этим не удалось. Стало не до смеха: в собственном особняке в Майами убили Джанни Версаче. Ближе к концу осени он должен был прислать принцессе новую одежду зимнего сезона. На обложке журнала «Вэнити Фэйр» за тот месяц она красовалась в платье от Версаче. Принцесса сильно переживала его смерть. Каждый час она звонила мне. «Надо разыскать Элтона Джона! — говорила она. — Он где-то на юге Франции. Позвони ему домой в Виндзор, там должны знать его телефон».

Я не успел сказать ей, что Элтон уже звонил в Кенсингтонский дворец и оставил свои координаты. Убийство Версаче примирило принцессу и певца, которые уже девять месяцев не разговаривали. Она отказалась с ним общаться после того, как ее фотография с сыновьями, которую она подарила Элтону Джону, появилась в книге Версаче «Рок и Короли». Принцесса пришла в ужас, когда увидела, что их семейную фотографию поместили рядом с полуобнаженными моделями-мужчинами. Ее беспокоило, что об этом подумает королева. Элтон Джон не имел никакого отношения к тому, что в книгу поместили этот снимок, но поскольку он, так сказать, был посредником, принцесса обвинила его, и они разругались. Но общее горе снова объединило их. На похоронах Версаче 22 июля принцесса обнимала Элтона за плечи и утешала его, как могла.

По телефону она сказала мне, что рада помириться с Элтоном. Ей кажется, что вернулись «прежние времена». Она сказала: «Он был таким милым и понимающим. Он сказал: „Жизнь жестока: потребовалась настоящая трагедия, чтобы возродить нашу дружбу". И добавил, что Джанни был бы очень рад. Правда, он прелесть?».

Принцесса была в панике. Оказалось, что в аэропорту Ниццы обнаружилась неисправность в частном самолете, на котором они с детьми должны были лететь домой.

— Пол, я должна вернуться сегодня! На завтра у меня запланирован важный визит в больницу.

Это было 20 июня. Они должны были вернуться в шесть часов

вечера, но в половине девятого она позвонила мне еще из Франции. Дома они были только в двенадцать.

— Как приятно быть дома! — сказала она. Принцесса любила возвращаться домой.

— Ну как отдохнули? — спросил я.

— Замечательно! Мы чудесно провели время, — ответила она и пошла спать.

На следующий день она приступила к своим обычным делам: обед с Мередит Этерингтон-Смит, чай с Майком Уитлемом из Красного Креста. Я не мог поверить в то, что читал в газетах. Все лето там старательно склеивались имена Дианы и Доди. Журналисты уверяли, что отношения принцессы с Доди стали ее «первыми серьезными отношениями после развода». Это была совершенная глупость. Принцесса беспокоилась, что люди поверят в это. Она познакомилась с Доди меньше двух месяцев назад, а принцесса всегда подолгу размышляла, прежде чем сделать выбор.

Ближайшие друзья принцессы отлично знали, кто тот единственный человек, с которым у нее был счастливый, долгий роман, который сделал ее счастливой после развода. И это был не Доди Аль-Файед. С тем, кто действительно давал ей радость, она строила отношения на глубоком понимании, уважении и любви. А это совсем не то, что у нее было с наследником сети «Хэррродз». Он провел в Кенсингтонском дворце в общей сложности не больше десяти минут. Утверждать, что она избрала Доди в качестве спутника жизни, неверно, а значит, и несправедливо по отношению к принцессе. Да, обаятельный Доди ей действительно нравился, ей нравилось проводить с ним время, ей были приятны его внимание и его щедрость. Но она не считала его тем, с кем хочет прожить всю оставшуюся жизнь. Я даже думаю, что, когда она была в Европе, ее сердце оставалось в Лондоне.

Мохаммед Аль-Файед, видимо, тоже поддался соблазну и вообразил, что у Доди с принцессой может быть что-то серьезное. По свидетельствам очевидцев, он говорил: «Я Диане как отец». При всем моем к нему уважении, я должен заявить, что он никогда не был принцессе «как отец». Глядя на все это из Кенсингтонского дворца, я видел, что грезы прессы об их романе останутся грезами. Муж Люсии Флеча де Лима Паулу был Диане как отец. Лорд Аттенборо был ей как отец. Мохаммед Аль-Файед мог претендовать максимум на роль доброго дядюшки. Он был очень добр к ней, но никак не мог быть ей «как отец», как Доди не мог стать ее спутником жизни.

Более того, для меня Доди был даже не Доди, а Сестра. Принцесса дала ему такое имя, чтобы мы могли говорить о нем,

когда рядом были посторонние. Принцесса спрашивала: «Как ты думаешь, что скажет моя Сестра?» или «Сестра не звонила?» — и я понимал, что она говорит не о леди Саре Маккоркодейл и не о леди Джейн Феллоуз, а о Доди.

Она была сражена щедростью Доди и его привычкой ни в чем себе не отказывать. Он привык вести роскошную жизнь, привык к королевским развлечениям, и при этом ему не приходилось мириться с ограничениями, которые налагает дворцовый этикет.

— Я хотел бы пригласить тебя на ужин, — сказал он ей, позвонив однажды в Кенсингтонский дворец.

— С удовольствием приму приглашение, — ответила принцесса. — А когда?

— Завтра вечером.

— И где мы будем ужинать?

— В Париже, — ответил он. Принцесса пришла в восторг.

Доди всеми силами старался произвести на нее впечатление. Он организовал перелет через Ла-Манш на частном вертолете, заказал лучший номер в отеле «Ритц», который принадлежал его семье. Я сложил все, что могло понадобиться ей в поездке, в сумку от Версаче, и она уехала, оставив меня и Ольгу Пауэлл присматривать за Уильямом и Гарри.

Это было в субботу 26 июля. Вечером она позвонила мне из номера.

— Пол, вечер получился просто чудесный! — она чуть не кричала от радости. — Он только что сделал мне подарок. Не могла дождаться, когда он уйдет, чтобы позвонить тебе и похвастаться. Он купил мне золотые часы с бриллиантами. Такие красивые! В жизни не видела ничего прекраснее!

Она радовалась, как шестнадцатилетняя девочка, так искренне, что трудно было не радоваться вместе с ней.

Именно в тот день они посетили «Виллу Виндзоров», где, как писали газеты, они с Доди планировали поселиться. Слова принцессы доказывали обратное.

— Мы пробыли там недолго. Там комнаты, как склепы. Не представляю, как там можно жить! Только призраки былого, — сказала она.

Она велела мне купить в «Аспри» черную рамочку в форме крокодила. Она хотела вставить в нее свою фотографию и подарить Доди. Он давно просил.

— Только лучше не подписывайте фотографию. Трудно предположить, кому он будет ее показывать, — предупредил я. Фотографию вставили в рамочку, но принцесса последовала моему совету и не стала ее подписывать.

В Кенсингтонский дворец она вернулась с подарками для нас

с Марией. Из своей сумочки она достала два махровых халата персикового цвета с эмблемой отеля «Ритц» на кармашках.

— Я уверена, Мария в нем будет выглядеть просто чудесно. А ты… даже не знаю, пойдет ли тебе персиковый, — пошутила она.

В последнюю неделю июля принцессе пришлось принимать трудное решение. Она решила подвести черту под своим предыдущим романом. Доди тоже разорвал помолвку с Келли Фишер. Теперь они оба были свободны. Уильям и Гарри на август отправились к принцу Чарльзу, откуда все трое вместе потом отправлялись в Балморал. Время с 31 июля по 4 августа принцесса снова провела на яхте «Джоникал» в Средиземном море, на этот раз без детей. Они плавали возле берегов Корсики и Сардинии, а затем принцесса вернулась к своим делам.

Карту мира, утыканную красными кнопками, прикрепили к прямоугольнику из картона и поставили к креслу в углу гостиной Кенсингтонского дворца. С помощью Майка Уитлема принцесса отметила на карте все страны, где проблема противопехотных мин стояла наиболее остро: от Грузии до Кореи и от Анголы до Вьетнама. Каждая красная кнопка означала опасную местность, которую предстояло посетить.

Вдохновленная успехом кампании в Анголе, принцесса задумала направиться в Грузию, но британское правительство посчитало, что такая поездка будет слишком опасной, поэтому планы изменились. Принцесса решила отправиться на 8—10 августа в бывшую Югославию. С ней поехал Билл Дидс из «Дейли Телеграф» и представители организации помощи пострадавшим от противопехотных мин.

В первый день мы остановились в Тузле. В тот вечер принцессе и ее дворецкому пришлось испытать свои способности по части техники. Дайте мне нож, вилку и план рассадки гостей за столом, и можете на меня положиться. Но в отношении техники я полный профан. Доди подарил принцессе спутниковый телефон, чтобы она могла звонить ему из Боснии, но ни я, ни она не имели представления, как им пользоваться. Мы стояли у домика в горах. Принцесса по компасу пыталась определить, в какой стороне находится спутник, а я, вытащив телефон из коробки и подготовив его по инструкции, принялся носиться с ним по кустам, ловя сигнал.

— Ну что, работает? — кричал я. Принцесса покатывалась со смеху. Наконец мы поймали сигнал, и ей удалось позвонить.

— Я дам тебе свое снотворное — оно не сильное. А то ты не заснешь после такого веселья, — сказала она, когда мы убирали телефон назад в коробку.

— Заснуть-то я засну, но могу не проснуться!

— Не бойся, с утра я буду шуметь, как обычно, и ты точно проснешься.

На следующий день мы отправились в Сараево. В «лендкрузере» нас было пятеро, и принцесса настояла, что сядет на переднее сиденье. Я сидел сзади вместе с американцами Джерри Уайтом и Кеном Разерфордом — основателями организации помощи пострадавшим от противопехотных мин. Они и сами пострадали от них. Джерри лишился ноги, Кен — обеих ног. И у Кена и у Джерри было отличное чувство юмора. Когда они с трудом забирались на заднее сиденье, принцесса повернулась к ним и сказала: «Можете отстегнуть свои ноги, ребята!». Этим она навсегда расположила их к себе. Ведь до этого они боялись, что в присутствии «королевской особы» неприлично снимать протезы.

Мы ехали по пыльным неровным дорогам, принцесса ела фрукты и пила минеральную воду. Говорили о том, что все пострадавшие от мин ясно помнят, при каких обстоятельствах и где произошел несчастный случай.

— Конечно, это остается в памяти навеки, — заметила принцесса.

Джерри рассказал о том, как он лишился ноги, потом свою историю поведал Кен. И тут принцесса сказала:

— А мой несчастный случай произошел 29 июля 1981 года, — и как всегда всех озадачила.

Даже я не сразу понял, что она имеет в виду. Потом до нас дошло и мы засмеялись. И тут принцесса заметила, что по кладбищу идет женщина с цветами в руках.

— Стойте, стойте! — закричала она. Машина остановилась.

Принцесса выскочила наружу, бросилась к дыре в кирпичной стене вокруг кладбища, пронеслась между рядами могил и наконец догнала женщину. Как она потом рассказывала, эта женщина потеряла своего восемнадцатилетнего сына во время гражданской войны в бывшей Югославии. Несчастная мать раскладывала цветы на могиле, а принцесса сидела рядом и разговаривала с ней. Минут через пять принцесса встала, и они обнялись на прощание.

В Сараево мы остановились в отеле «Элефант». Принцессе снова захотелось позвонить, и я полвечера провел на балконе, пытаясь поймать сигнал.

— Есть… нет… есть… нет… — говорила принцесса. Доди в это время купил себе новую машину (хотя и старыми можно было заставить крупную автостоянку). Он сказал принцессе, что приобрел серебристый «ламборгини», и сообщил, что готовит подарок ей. Его отец недавно приобрел коттедж на территории

футбольного клуба «Фулэм», который продавался за 7 миллионов фунтов плюс обязательство вложить в трансферный рынок игроков не менее 20 миллионов фунтов. В подарок Уильяму и Гарри он подарил широкоэкранный телевизор «Сони» за 5000 фунтов а также два ноутбука (один из них принцесса отдала моим детям). Мохаммед Аль-Файед всеми силами показывал, что денег он не считает, а его сын прямо расточал свою щедрость. Постепенно у принцессы начали закрадываться сомнения, которые стали отравлять ее счастье. Аль-Файеды стали переходить грань.

Из Сараево мы отправились в небольшую горную деревушку. Нас сопровождал священник. Мы подъехали к грубому кирпичному домику с крышей из гофрированного железа, где жила пятнадцатилетняя девочка. У нее не было родителей, а однажды, когда она рылась на свалке в поисках еды для своих младших брата и сестры, она наступила на мину и осталась без ноги. Журналисты и, конечно, принцесса считали, что жизнь этой девочки просто ужасна. Но пока журналисты и репортеры сосредоточили все свое внимание на очередной пострадавшей от мин, я перехватил взгляд принцессы: она смотрела на занавеску, закрывавшую вход в другую комнату. Оставив камеры позади, мы с принцессой прошли туда. Когда наши глаза привыкли к темноте, мы увидели на вонючем матрасе в углу комнаты тощую четырехлетнюю сестренку той девочки. Она была умственно отсталой. Закрыв глаза, она лежала в луже собственной мочи.

Мы молчали. Принцесса подошла к девочке и взяла ее на руки. Она прижала ее к себе и стала гладить тощее тельце.

Девочка открыла глаза. В них не было зрачков. Девочка была слепая. Стоя рядом с принцессой, я понимал, что здесь, без камер, я стал единственным свидетелем очень важного момента. Я увидел своими глазами безграничную любовь к людям, которая была самой важной чертой принцессы — женщины, которую мне так хорошо удалось узнать за годы службы. Здесь я по-настоящему понял, насколько важны те записи принцессы, в которых она рассказывала про переживания в Калькутте в 1992 году. Я вспомнил, как она писала про слепоглухого мальчика. «Я прижала его к себе крепко-крепко, чтобы он почувствовал всю мою любовь и тепло».

Еще не раз во время поездки в Боснию я видел, как принцесса делилась своим душевным теплом со всеми несчастными. Но именно этот случай, а также ту девочку на больничной койке в Анголе я не забуду никогда.

Когда мы летели обратно в Британию, я сидел рядом с принцессой и Биллом Дидсом. Принцесса предложила тост. Мы

подняли бокалы: «За следующую страну, в которую мы отправимся!».

Как только мы вернулись в Кенсингтонский дворец, она начала готовиться к поездке в Камбоджу и Вьетнам, которая была назначена на октябрь 1997 года.

Глава тринадцатая

ПРОЩАЙТЕ, ВАШЕ КОРОЛЕВСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО!

Зал взорвался аплодисментами, когда Красавица и Чудовище вышли на сцену поклониться публике в Лондонском театре «Доминион».

Был вечер 30 августа 1997 года, и у меня был последний шанс отдохнуть на полную катушку — пошел вместе с семьей посмотреть мюзикл. На следующий день Диана должна была вернуться из Парижа. Она проводила последний день своего импровизированного отпуска вместе с Доди в лучшем номере отеля «Ритц».

Вернувшись в Старые конюшни, Мария, мой брат Грэм, его жена Джейн и я налили себе кофе, уютно устроились в гостиной и стали вспоминать лучшие сцены одного из самых любимых мюзиклов принцессы.

Я первым отправился спать, чтобы завтра в семь утра уже быть во дворце, с нетерпением ожидая возвращения принцессы, которую не видел с 15 августа, и предвкушая, как она будет рассказывать мне последние новости. Ей было что рассказать. Она намекнула мне об этом во время нашего последнего разговора по телефону. А еще этой осенью принцесса планировала снова заняться кампанией по запрету противопехотных мин, и в связи с этим нам надо было многое обсудить.

Вскоре после полуночи зазвонил телефон. Звонила Люсия Флеча де Лима. Она была в панике. Она сидела дома в Вашингтоне, и вдруг ей позвонила Мэл Френч, глава протокольного отдела в администрации президента Клинтона, и сообщила о том, что принцесса попала в аварию. Она узнала это из новостей Си-эн-эн. У Люсии не было нового номера сотового принцессы. Я знал, что принцесса всегда носит его с собой, и даже не думал, что она может не взять трубку. Но она не взяла. В трубке послышались длинные гудки, а потом включился автоответчик. Мария снова заварила кофе. Я опять набрал номер принцессы. А потом еще раз и еще раз — много раз. Мы сидели за кухонным столом. Я все звонил и звонил.

Все эти годы я часто говорил принцессе, что если она когда-нибудь попадет в беду, то пусть сразу заходит в общественный туалет, закрывается в кабинке и звонит мне. «Я тут же приеду и заберу вас, где бы вы ни были», — повторял я. И вот она попала в беду, я звонил, но без толку. Я чувствовал себя беспомощным.

Я вышел во двор и побежал через парк, по дороге, ведущей

вдоль дворца к канцелярии. Там уже собрались старший бухгалтер принцессы Майкл Гиббинс, личный ассистент Джеки Аллен, шофер Колин Теббат и секретари Джо Гринстед и Джейн Харрис. По их лицам я понял, что они тоже взволнованы. Кто-то налил мне кофе. Майкл беспрестанно курил и звонил из своего кабинета личному секретарю королевы в Балморал, а мы с Джеки сидели в общем кабинете.

В первый раз позвонили около половины первого. На другом конце провода подтвердили, что принцесса действительно попала в аварию в Париже. Но, судя по всему, все обстоит не так уж плохо.

Через час нам позвонили во второй раз. Оказалось, что все очень серьезно. Доди погиб. Принцесса получила тяжелые травмы: как нам сообщили, у нее сломана рука и тазовая кость. Мне надо быть там, подумал я. Я ей нужен. Джеки Аллен уже пыталась заказать мне и шоферу Колину билеты на самолет. Колина решили отправить со мной потому, что раньше он работал в королевской охране, и мог принимать разумные решения даже в самых тяжелых ситуациях. Все офисы авиакомпании «Бритиш Эйрвэйз» в Лондоне были закрыты, так что билеты пришлось заказывать в офисах компании в Нью-Йорке.

В четыре часа утра Майкл снова взял трубку. Джеки зашла к нему в кабинет. Через несколько минут она вышла ко мне. Она попросила меня сесть и обняла за плечи. «Пол, крепись. Мне очень трудно произносить эти слова, но принцесса умерла».

Смерть принцессы констатировали час назад, в 3 часа утра по британскому времени и в 4 утра — по парижскому. Хирургическое вмешательство не спасло ее. Меня отбросило назад. Даже если я и закричал, то, скорее всего, из моего рта не вылетело ни звука. Я почувствовал, как во мне разливается пустота. И острая боль. Мы с Джеки сидели и плакали. Потом вдруг во мне сработало чувство долга и лишило меня всех эмоций. Теперь я нужен ей как никогда, подумал я.

Я позвонил Марии. «Любимая, принцесса умерла. Я вылетаю в Париж». Она зарыдала. Билеты были уже заказаны. Я бросился домой собрать небольшую сумку, а потом побежал в апартаменты № 8 и № 9. Я вошел через заднюю дверь туда, где все ждало возвращения принцессы. Тишина поразила меня. Всего через двенадцать часов эти комнаты должен был заполнить ее голос и смех. Но этого не будет никогда. Я прошел по комнатам. Здесь все было в точности так, как в день ее отъезда. Я подошел к письменному столу. Тихо тикали три пары маленьких часиков, показывая одно и то же время; в специальной подставке стояла

дюжина карандашей; на краю — баночка чернил; перьевая ручка; «список выражений», которым она пользовалась, когда писала письма. Она никогда не переживала, если допустит в письме ошибку.

Тут я наконец увидел то, что искал: четки, которые ей подарила мать Тереза, висевшие на небольшой мраморной фигурке Иисуса Христа, которая стояла рядом с двумя статуэтками Девы Марии, одна — белая, другая — желтоватая, под лампой. Я взял четки и положил их в карман. Потом направился в туалетную комнату и подошел к столику перед зеркалом, где она каждое утро приводила себя в порядок и где парикмахеры укладывали ей волосы. На столике стояли часы, по которым она определяла, не опоздала ли; наполовину пустые пузырьки с ее любимыми духами «Фабург-4» от «Эрме» и «Эритаж» от «Герлен»; лак для волос «Пантин»; стаканчик с ватными тампонами; арсенал губной помады в пластиковом чемоданчике. Я взял одну помаду и пудреницу и положил их в кожаную сумку с золотой буквой D и короной — эту сумку сшили по ее заказу в прошлом году. Больше я не брал никаких вещей. Я задернул все шторы, а потом убрал драгоценности принцессы в сейф.

После этого я вышел наружу, к Колину Теббату. Теперь надо было сделать кое-что еще, так как я знал, что, улетая в Париж, нельзя просто так оставить те комнаты, которые Диана любила больше всего, — гостиную, спальню и туалетную комнату. Здесь был ее мир. И его надо было защитить. Мы с Колином прошлись по апартаментам, закрывая все двери и запечатывая их специальной липкой лентой, к которой цепляли листок бумаги — на нем мы расписывались и писали, что доступ сюда запрещен. Не позже чем через сутки у дворца появятся журналисты.

Потом мы с Колином поехали в аэропорт Хитроу, чтобы успеть вылететь первым рейсом в Париж. Слава богу, со мной был Колин, который знал всю процедуру регистрации для VIP-персон. Во время полета я почти все время молчал. Я слышал только голос принцессы. Наш последний разговор. Ее образ стоял у меня перед глазами — какой я ее видел в последний раз. Я вспоминал о том, как она хотела побыстрее вернуться домой и увидеть Уильяма и Гарри.

Какой я ее увижу теперь? Как я смогу это пережить?

Париж. Она вообще не хотела ехать в Париж.

Ну почему? Почему? Почему?

Когда я пролетал над Ла-Маншем, Люсия Флеча де Лима садилась в самолет, чтобы вылететь из Вашингтона в Лондон.

Мария разбудила наших сыновей. Александр, которому было

двенадцать, уже услышал, что произошло, от тех, кто разговаривал на лестничной площадке, и теперь молча сидел в кровати. Девятилетний Ник тоже все понял. Он лежал вниз лицом, накрыв голову подушкой и горько плакал. «Она собиралась пойти со мной на фабрику! Она собиралась пойти со мной на фабрику!»

В то воскресенье Марии так и не удалось переодеться: в доме постоянно звонил телефон.

Я приехал в Париж, чтобы выполнить то, чего ожидала бы от меня принцесса.

Британский посол во Франции, сэр Майкл Джей, и его жена Сильвия встретились с нами в посольстве. У посла лицо было мертвенно-бледным от горя. После кофе я отозвал миссис Джей в сторону. «Я боюсь, что принцессу оденут в жуткий саван. Ей бы это не понравилось», — сказал я.

Миссис Джей меня поняла. «Идемте со мной, я что-нибудь придумаю», — сказала она.

Она привела меня в большую комнату и распахнула гардероб в стиле эпохи Людовика XIV. «Если вам что-нибудь подойдет, — пожалуйста, возьмите», — объявила она.

«Мне нужно что-нибудь черное, длиной в три четверти с неглубоким вырезом», — объяснил я.

Миссис Джей сдвинула вешалки и достала черное шерстяное платье длиной в три четверти, с отложным воротничком. «Замечательно», — сказал я. Черные туфли мы положили в сумку, которую я взял во дворце, платье — в специальный чехол, и отправились в больницу Пити-Сальпетрьер, находившуюся недалеко от посольства. Когда мы подошли к главному входу в восьмиэтажное здание больницы, миссис Джей, уже видевшая сегодня Диану, сжала мне руку. «Крепитесь», — сказала она.

Я навсегда запомнил эту духоту и длинные пустые коридоры. Казалось, всех людей эвакуировали. На третьем этаже мы вышли из лифта и сразу же окунулись в больничную суматоху. Мимо проносились врачи в белых халатах. Медсестры сновали туда-сюда. Тут же стояли полицейские. Нас пригласили в небольшой кабинет. На ломаном английском главный хирург выразил нам сочувствие и объяснил, что спасти принцессу было невозможно. Потом нас повели еще по какому-то коридору, по обе стороны которого находились пустые палаты. У палаты в самом конце коридора дежурили два жандарма. Значит, вот где принцесса, подумал я.

Мы прошли мимо полиции, зашли в первую палату справа, и нас представили католическому священнику, отцу Клошар-Боссюэ, и англиканскому священнику, преподобному Мартину

Дрейперу. Именно отец Клошар-Боссюэ провел обряд соборования перед смертью. Он рассказал мне о совершении миропомазания принцессы. Я вспомнил, как мы с принцессой ходили в церковь на Кенсингтон Черч-стрит, зажигали свечи и молились.

Мы с Колином сидели со священниками, пили кофе и ждали. Наконец в комнату вошла старшая медсестра Беатрис Умбер в белом халате. Было около одиннадцати. Она сообщила нам, что скоро мы сможем увидеть принцессу. Медсестра Умбер, маленькая, опрятная женщина, очень профессионально справлялась со своими обязанностями.

Я сказал: «Мне бы не хотелось, чтобы к ней заходил кто попало. Пожалуйста, информируйте меня обо всех, кто входит в палату, где лежит принцесса». Она поняла меня и вышла из комнаты, чтобы сделать соответствующие распоряжения.

И вот нам разрешили зайти к принцессе. Не знаю, как мне удалось встать. Медсестра Умбер крепко держала меня за руку, а Колин взял под руку. Мы вышли, прошли мимо жандармов, которые склонили головы. Дверь открылась. В палате было, сумрачно. Дневной свет с трудом проникал сквозь узкие щели закрытых жалюзи, которые скрывали окна. Главным источником света был настенный светильник. В углу стояли как статуи два представителя похоронного бюро, мужчина и женщина. Тишину нарушало лишь жужжание большого вентилятора.

И тут я увидел ее. Женщина, о которой я так долго заботился, лежала на кровати. Белая хлопковая простыня закрывала ее до самой шеи. Я пошатнулся, медсестра Умбер с Колином поддержали меня. Я хотел отвернуться, но я должен был находиться рядом с ней.

Тут я впервые осознал всю реальность произошедшего, зарыдал и подошел к краю кровати. Мне так хотелось, чтобы она открыла свои большие голубые глаза, так хотелось, чтобы она улыбнулась, так хотелось, чтобы сейчас она просто спала. Невозможно описать словами то, что я видел перед собой, поэтому я промолчу о картине, которая мне тогда представилась. Но, как бы она ни выглядела, я хотел обнять ее, как обнимал много раз до этого. Хотел все исправить, как делал много раз до этого. Вентилятор медленно повернулся, и на меня подул прохладный ветерок. У принцессы дрогнули ресницы. Я бы сделал все, что угодно, лишь бы только эти глаза открылись.

Я поднял голову и заметил, что в комнате почти не было цветов — только две дюжины роз от бывшего президента Франции Валери-Жискар Д'Эстена и его супруги. Я держался только потому, что помнил, как принцесса говорила о смерти. С тех пор, как она провела несколько часов рядом с умирающим

Адрианом Уорд-Джексоном, Диана не боялась смерти. Именно тогда началось ее духовное просвещение, именно тогда ее заинтересовала человеческая душа. «Когда человек умирает, его дух какое-то время остается с нами», — я слышал ее голос. Она сказала мне это давным-давно, когда умерла моя мать. Это было единственное, что меня сейчас утешало. Я верил, что ее душа все еще здесь, парит над ее изувеченным телом, душа, которая ждет, когда начнется ее «путешествие», как сказала бы принцесса.

Я смахнул слезы, собрался с силами и сообщил медсестре Умбер, что принес с собой черное платье и туфли, чтобы в них одели принцессу, а также ее помаду и пудреницу. Потом я достал из кармана четки матери Терезы и отдал их медсестре. «Вложите их, пожалуйста, принцессе в руку. Спасибо».

Теперь мне оставалось сделать кое-что еще: поехать в отель «Ритц» и забрать оттуда вещи принцессы. Колин Теббат, который помогал мне пережить горе и шок, хотя ему самому тоже было несладко, договорился о транспорте. Отель был рядом, и вскоре мы уже стояли у стойки портье. Я попросил сообщить мистеру Аль-Файеду, что я пришел забрать вещи принцессы. Портье сказал, что он сейчас наверху. Мы прождали в вестибюле около сорока пяти минут. В конце концов нам сказали, что мистер Аль-Файед очень занят, а вещи принцессы уже отослали в Англию.

Мы вернулись назад в больницу, у которой к этому времени скопилось много журналистов. Мы с Колином присели в комнате, где раньше сидели священники. На столике зазвонил телефон. Я поднял трубку и услышал, что со мной говорит принц Чарльз из Балморала.

— Ты держишься, Пол? — спросил он.

— Да, Ваше Королевское Высочество, спасибо, — ответил я, и мой ответ показался мне абсурдным.

Мне никогда еще не было так больно.

— Пол, ты вернешься с нами на королевском самолете. Мы приедем к тебе в шесть. Джейн и Сара (сестры принцессы) летят со мной, — сказал принц.

А потом он добавил еще кое-что, от чего у меня в горле застрял комок.

— Уильям и Гарри просят тебя держаться, а королева скорбит вместе с тобой.

Я попросил медсестру Умбер разрешения еще раз повидать принцессу. Я собрался с силами, на этот раз зная, что я увижу. Но, когда я вошел, принцесса уже изменилась. Теперь на ней было черное платье и туфли, а волосы красиво уложены. В руках у нее были четки матери Терезы.

К вечеру приехал принц Чарльз. Он подошел ко мне. Мы оба

были сражены горем. Он дотронулся до лацкана моего пиджака и спросил:

— Ты правда справишься?

Я кивнул.

Когда леди Джейн Феллоуз и леди Сара Маккоркодейл увидели меня, они обе обняли меня и зарыдали. Сейчас представитель Виндзоров, два представителя Спенсеров и дворецкий были объединены общим горем.

Незадолго до шести я в последний раз зашел к принцессе. Ее тело положили в гроб. Потом многие журналисты писали, что принцесса говорила мне, что хочет быть похороненной в гробу с окошком, чтобы можно было увидеть ее лицо. Но она никогда такого не говорила. Впрочем, ее тело действительно положили в гроб с окошком, а потом этот гроб поместили в классический дубовый гроб. Мне объяснили, что гроб с окошком понадобился для того, чтобы не возникло проблем на французской таможне.

Я сел в королевский самолет с принцем Чарльзом, Колином Теббатом, леди Джейн и леди Сарой. Мы везли принцессу домой.

Подумать только, я сидел рядом с Марком Болландом, помощником принца, который тогда был заместителем его личного секретаря — человеком, которого принцесса называла «ну и фрукт»; с тем, кому Сент-Джеймсский дворец впоследствии поручит проведение в СМИ специально продуманной кампании в пользу Камиллы Паркер Боулз как желанной невесты принца Чарльза. Я все думал, что он делает в этом самолете, и не разговаривал с ним. Когда подали чай, я вдруг с ужасом подумал о том, что принцесса сейчас лежит под нами, в багажном отделении. Теперь она превратилась в ценный груз.

Самолет приземлился на аэродроме Королевских ВВС в Нортольте, западный Лондон. Наш мрачный полет завершился. Мы выбрались из кабины и стали спускаться по металлическим ступеням трапа. Дул теплый ветер, который тут же взъерошил нам волосы. Был вечер, но солнце еще не село. Мы выстроились на взлетно-посадочной полосе. Восемь служащих военно-воздушных сил вытащили гроб из багажного отделения. Гроб был накрыт королевским штандартом. Они медленно понесли его к зданию аэропорта. Принц Чарльз отправился на север, к Уильяму и Гарри. Двум сестрам принцессы и дворецкому нужно было проследить, чтобы принцессу доставили в похоронное бюро, а потом — в Королевскую часовню в Сент-Джеймсском дворце.

Наш кортеж состоял из трех машин. Мы выехали с территории аэродрома и поехали по четырехполосному шоссе A40 к центру Лондона. Тут я увидел нечто такое, что вывело меня из задумчивости. Когда мы приближались к любой машине, она

останавливалась. Движение на этой дороге всегда было оживленным, но сегодня каждый водитель тормозил у обочины, вылезал из машины и стоял возле нее, склонив голову. Люди толпились на пешеходных мостах и бросали на дорогу перед нами цветы. Я подумал о том, что сказала бы принцесса, увидев такое зрелище. «Ой, неужели они останавливаются из-за меня? Не может быть!» Она была бы очень смущена.

Мы приехали в похоронное бюро, и я увидел врача принцессы Питера Уилера, который старался всех утешать. Он отозвал меня в сторону, зная, что я недавно пережил в Париже. «Если хотите, я дам вам снотворное…» Я кивнул. Я был не единственным, кому приходилось исполнять свой долг по отношению к умершей принцессе, сдерживая эмоции, и сейчас мне было жаль доктора Уилера. «Сейчас я произведу вскрытие, — сообщил он. — Это будет тяжело». «А зачем еще одно вскрытие?» — спросил я, зная, что вскрытие было сделано в Париже.

«То вскрытие производили на французской земле, по французским законам. Для спокойствия правительства нам тоже нужно сделать вскрытие», — ответил он, упомянув еще о судебной экспертизе и необходимых процедурах. Вскрытие произвели в 1997 году, но вплоть до 2003 года не было проведено никакого расследования. Тело принцессы осталось на ночь в похоронном бюро.

На следующий день мне надо было снова прийти в Кенсингтонский дворец. В восемь часов утра в понедельник я должен был сорвать с дверных проемов липкую ленту. Теперь я вернулся, чтобы охранять ее мир. Кроме меня в апартаментах № 8 и № 9 была только горничная Лили, которая не могла убирать в комнатах, а просто сидела на стуле, сломленная горем.

Ко мне пришел Майкл Гиббинс. «Пол, люди из Сент-Джеймсского дворца приказали мне забрать все ключи от заднего входа».

Не прошло и суток после того, как мы привезли принцессу в Лондон, а эти бессердечные люди уже хотят, чтобы я отдал ключи от того, чем я жил все это время, и они использовали для этого нашего же старшего бухгалтера. Ну нет, я не отдам ключи. Я отказался, и они не стали поднимать скандал.

Эти люди продемонстрировали свое бессердечие в полной мере немного позже. Мне рассказали о том, что произошло с камеристкой Анджелой Бенджамин, которую принцесса очень любила за доброту, непосредственность и чувство юмора. Она, как и многие из прислуги, пришла на работу, но ее тут же выпроводили полицейские. Ей велели собирать вещи, и даже проследили, как она достает свое белье из стиральной машины.

Им было наплевать на ее горе. К середине дня она уже ехала в Девон, размышляя о том что же такого она сделала, почему с ней так обошлись. Ответ был прост: она была добрым, чутким человеком в мире роботов, которым было все равно, что поощрить, что выгнать человека с работы.

В то утро я не подозревал о судьбе Анджелы. Я сидел за своим столом в буфетной и смотрел в окно, которое выходило во двор. Передо мной лежал ежедневник. Сегодня Уильям и Гарри должны были бы пойти к портному. Потом — примерка у Армани. Наверху без конца звонил телефон. Через час начал звонить телефон у меня в буфетной. Я отвечал на звонки целый день. Не успевал я положить трубку, как мне снова приходилось ее брать. Вот еще один из друзей принцессы хочет поделиться со мной своим горем. Звонили близкие друзья, друзья-знаменитости, специалисты по нетрадиционной медицине, астрологи, медиумы, тренеры по фитнесу, парикмахеры, кутюрье, члены королевской семьи. Список был бесконечным. Все, кто лично знал принцессу, позвонили мне в этот день. Ко мне обратились даже члены ее семьи — леди Сара, леди Джейн и мать миссис Франсис Шенд Кидд, — чтобы поделиться горем или расспросить о том, как к ним относилась принцесса. Кто-то вспоминал ее. Кто-то улыбался, вспомнив что-нибудь веселое. Кто-то чувствовал себя виноватым и хотел, чтобы его простили. Как будто я вдруг превратился в священника и вынужден был целый день слушать исповеди.

На следующий день я уже не в силах был ни с кем разговаривать, мне было слишком плохо. Майкл Гиббинс и Джеки Аллен решили, что меня больше нельзя подпускать к телефону, и стали сами отвечать на звонки, адресованные мне.

Эта неделя оказалась самой тяжелым временем в моей жизни. Только чувство долга помогало мне не сдаваться.

Мне было чем заняться, кроме того чтобы отвечать на звонки. С самого начала Спенсеры, прежде чем принять какое-либо решение, советовались со мной, доверяя моим суждениям и знаниям. Мне предстояло написать примерный список тех гостей, которые, по моему мнению, должны присутствовать на заупокойной мессе в Вестминстерском аббатстве. Я взял записную книжку Дианы и перечислил ее родным всех ее друзей. Леди Сара посмотрела на список и выразила сомнения относительно того, что на похороны приедут некоторые знаменитости: Джордж Майкл, Крис де Бург, Том Хэнкс, Том Круз, Стивен Спилберг. «Но они были близкими друзьями принцессы», — сказал я.

Думаю, то, что я, дворецкий, куда лучше ее родни знал всех ее друзей, говорит о многом.

В Старых конюшнях Мария старалась утешить миссис Шенд Кидд, которая курила одну сигарету за другой, беспрерывно пила вино и говорила о том, что ее дочке не надо было связываться с этими Аль-Файедами, что похоронами должны заниматься Спенсеры, а не Виндзоры, что ее сын Чарльз собирается произнести «незабываемую» речь и что она была принцессе прекрасной матерью.

Но я-то знал, в каких отношениях была Диана со своей семьей, и через несколько лет это стало известно всем. Если кто-то и окружал Диану настоящей материнской заботой, так это Люсия Флеча де Лима. Несомненно, принцесса всегда считала, что их отношения похожи на отношения матери и дочери. Люсия действительно относилась к ней, как к собственной дочери, и всегда утешала ее, когда у принцессы возникали серьезные неприятности. В понедельник утром я мечтал встретиться только с одним человеком — с Люсией, и наконец она приехала во дворец со своей дочерью Беатрис.

Четыре ночи принцесса лежала в английском дубовом гробу со свинцовым кантом в Королевской часовне в Сент-Джеймсском дворце, а на улице Мэл у стен дворца начали собираться люди со всего света, скорбевшие по Диане. Они зажигали свечи и клали цветы. Это были ночные бдения. То же самое происходило у ворот Кенсингтонского дворца.

Я был очень благодарен Люсии за то, что в то страшное время она была со мной. Мы решили пойти в часовню, она — в черном платье, я — в черном костюме. Дверь, скрипнув, открылась, и мы увидели проход с деревянными скамьями по обе стороны. Впереди, в сумраке этого священного храма, виднелся гроб. Он стоял на невысоком помосте перед алтарем. Меня поразила царившая здесь отчужденность и одиночество, но Люсия заметила кое-что еще. В часовне не горело ни одной свечи. Не было ни одного цветка. Снаружи стояли толпы людей, которые принесли море цветов, а на траве горело больше свечей, чем звезд на небе. Но внутри не было ни цветов, ни свечей.

Люсия тут же нашла королевского капеллана, преподобного Уилли Бута. «Прошу вас, пожалуйста, внесите внутрь немного цветов, что принесли ко дворцу люди», — сказала она. Капеллан ответил, что подумает об этом.

Но Люсию никоим образом не удовлетворил такой ответ. Жена посла поняла, что нужно сказать в данной ситуации: «Послушайте, если завтра, когда мы сюда придем, здесь не будет цветов, то я выйду к людям и сообщу им, что у гроба принцессы нет ни одного цветка!»

Королева еще не приехала из Балморала, и многие уже

обвиняли Виндзоров в том, что они не желают разделить скорбь всей столицы, не хватало еще сообщения Люсии о голой часовне без цветов. Чтобы туда все-таки доставили цветы, Люсия лично заказала несколько букетов у флориста принцессы Джона Картера. Он не взял с нее денег. На следующий день на гробе уже лежал букет белых лилий, который прислал принц Чарльз. Люсия принесла еще цветов. От лорда и леди Паламбо прибыли белые розы. Леди Аннабель Голдсмит каждый день разговаривала со мной по телефону. В Кенсингтонский дворец приехала Роза Монктон с мужем. Роза была лучшей подругой принцессы, они были друг другу как сестры. Мы с ней вспоминали Диану и плакали. Она тоже ходила в часовню.

Во дворец пришла Сьюзи Кассем. Она принесла с собой свечу. Мы вместе поднялись по лестнице и остановились напротив огромного портрета принцессы кисти Нельсона Шенкса. Сьюзи наклонилась и поставила зажженную свечу на ковер. Потом мы встали на колени и начали молиться, молча вспоминая принцессу.

Меня поддерживали все люди из узкого круга Дианы. Ее друзья, те, кто знал ее лучше всех, все сильнее сплачивались.

Майкл Гиббинс сообщил мне, что в Лондон возвращаются Уильям и Гарри вместе с принцем Чарльзом. Они прошли сквозь толпу людей, собравшихся у дворца, посмотрели на море цветов, которые люди принесли их матери. Я ждал их внутри. Гарри вбежал во дворец и обнял меня. У меня намокла рубашка от его слез. Уильям пожал мне руку. Оба мальчика демонстрировали непревзойденную стойкость. Они вдруг показались мне такими взрослыми в своих черных костюмах, при галстуках.

— Мы хотим кое-что забрать. Мы сейчас — только поднимемся наверх и вернемся, — сказал Уильям, и братья отправились в детскую и свою гостиную.

— Ну как ты, Пол? — спросил принц Чарльз, который тоже был подавлен из-за того, что произошло.

Он говорил спокойно и вежливо, но, казалось, был далеко отсюда. Он стал бродить по апартаментам, погруженный в свои мысли. Отправился наверх. Я пошел за ним, хотя он не просил меня об этом. В Хайгроуве он бы посчитал это верхом неприличия — когда я работал у него, принц желал видеть меня только во время обедов и ужинов. Но это были не его владения, и я мог делать то, что посчитаю уместным. Сейчас он был на моей территории. Я не отходил от всех посетителей, будь то друг принцессы или будущий король Англии. Я вошел вместе с ним в гостиную. Принц подошел к письменному столу и остановился возле него. Выдвинув верхний ящик, он вдруг заметил, что я

слежу за каждым его действием, и задвинул его обратно. Тут послышался голос Уильяма:

— Ты готов, папа?

Мы все вместе спустились на первый этаж.

— Увидимся, Пол. Мы скоро вернемся! — воскликнул Гарри, прежде чем они вышли из дворца.

В Кенсингтонский дворец доставили прозрачный пластиковый пакет. В нем лежала одежда принцессы, которая была на ней в тот самый миг, когда «мерседес» врезался в тринадцатую опору моста на площади Альма. Когда прибыл этот пакет, Люсия была со мной. Теперь у нас была одежда принцессы, которую прислали из Парижа: черный топ и белые брюки. Мы стояли у подножия лестницы с этим пакетом. Сейчас я не обращал внимания на пятна крови и то, что врачам пришлось разрезать одежду в нескольких местах. Это была она. Я не мог расстаться с пакетом. Я положил его в холодильник на первом этаже.

Честь принцессы надо было защищать даже после ее смерти. Меня коробило, что свою последнюю ночь перед похоронами она проведет в королевской капелле, и я сказал об этом леди Саре Маккоркодейл и Майклу Гиббинсу.

Домом леди Дианы был Кенсингтонский дворец. В нем она прожила много лет. Будет правильнее, если последнюю ночь она проведет дома и именно отсюда, через парадные двери, отправится в Вестминстерское аббатство. «Пожалуйста, дайте мне послужить ей во дворце в последнюю ночь, пусть она в последний раз покинет дворец через парадный вход», — умолял я. Леди Сара тоже хотела перевезти сестру домой, и королева согласилась на ее просьбу.

Было решено, что принцесса проведет последнюю ночь в холле своих апартаментов, на первом этаже. В этот день я попросил полицейских принести цветы, которые положили люди у стен дворца. Я два часа возился с этими цветами, а также с теми, которые прислали друзья принцессы, — белыми лилиями, белыми тюльпанами и белыми розами. Я поставил их в большие вазы, а вазы — на подставки или просто на ковер. Потом я вынес из дворца все свечи, которые нашел, и расположил их на лужайке и на ветвях деревьев перед входом в апартаменты.

Позже приехал священник Тони Парсонс из Кармелитской церкви, в которую мы ходили с принцессой. Он привез две огромные церковные свечи, которые я вставил в большие серебряные подсвечники, и окропил холл святой водой. Он вручил мне копии молитв, которые читают в таких случаях, и отрывки из Евангелия от Иоанна. Прежде чем уйти, он помолился

вместе со мной.

И я остался стоять один посреди комнаты, в черном костюме, вдыхая аромат цветов. Стояла тишина. Принцессу еще не привезли, и мне на миг показалось, что сегодня день ее рождения, и я жду, когда она вернется во дворец, полный цветов. Наконец входные двери распахнулись, и я услышал шорох шин — это подъезжал катафалк. Ее Королевское Высочество — ведь именно такой она осталась для меня навсегда — внесли в дом. Гроб был накрыт королевским штандартом.

Я не стал зажигать свечи — время еще не пришло. Я оставил гореть люстру под потолком. В тот вечер у гроба посидели миссис Шенд Кидд с внуками, леди Джейн и леди Сара. Граф Спенсер не пришел.

Но был еще один человек, которому очень хотелось прийти в тот вечер в этот холл — кто должен был бы прийти в тот вечер — Люсия. Всю неделю она просила меня позволить ей провести последнюю ночь у гроба принцессы. «Можно я вместе с тобой почитаю молитвы в эту ночь, Пол?» — снова и снова спрашивала она. Но, когда я сказал леди Саре, как много значила Люсия для принцессы и что ей нужно побыть в эту последнюю ночь возле Дианы, та не согласилась. Она посчитала, что в эту ночь с принцессой должны быть только родные. Единственной женщине, которая, как я считаю, была для Дианы подлинно родной, не разрешили проститься с принцессой в последнюю ночь перед похоронами.

Мария не хотела, чтобы я оставался в ту ночь во дворце. «Дорогой, ты очень устал, а завтра трудный день. Тебе надо выспаться», — говорила она, понимая, что это бесполезно.

«Нельзя бросать ее там одну. Мне нужно быть с ней» К десяти часам вечера с принцессой попрощались все ее родственники. Я запер на засов входную дверь, готовясь всю ночь просидеть с Дианой и почитать молитвы — я ведь так основательно готовился к этому. Вместо Люсии со мной остался человек, которого я совсем не знал: его преосвященство Ричард Чартерис, епископ Лондонский. Он сидел на стуле в коридоре, ведущем ко входной двери, и молился. Войдя в холл, я выключил свет и зажег свечи — все пятьдесят. На желтые стены легли неровные тени. Я сел на стул спиной к епископу и положил левую руку на гроб. Правой рукой я придерживал листки с молитвами и отрывками из Евангелия, которые лежали у меня на колене. Несмотря на свое горе, я понимал, что в эти минуты снаружи молятся около тридцати тысяч человек и только мне выпала уникальная возможность провести эту последнюю ночь рядом с принцессой. Я всю ночь не сомкнул глаз, потому что это был мой долг. Я в

последний раз поговорил с принцессой, зная, что она меня слушает. Я говорил с ней, читал ей и молился до семи часов утра.

Потом я отправился домой, принял душ, переоделся для похоронной церемонии и вернулся во дворец. Утро было чудесное. Цветы все еще благоухали. А свечи погасли. Я постоял в холле, пока не услышал, как перед дворцом остановился лафет, сопровождаемый Королевскими гвардейцами. В холл вошли восемь солдат в алой форме Уэльского гвардейского полка. Они подняли на руки гроб и медленно вышли из комнаты. Им предстояло пронести его две мили — до Вестминстерского аббатства. Была суббота, десять минут десятого.

Это было удивительное зрелище. Во дворе стояли шесть черных лошадей, на которых сидели шесть солдат в парадной форме. На голове у них были каски с торчащим вверх золотым пером. За ними находился лафет времен Первой мировой войны, на котором стоял гроб. На крышке лежали белые лилии. За ним стоял навытяжку Первый батальон Уэльских гвардейцев. Гвардейцы были в красных мундирах и меховых киверах. Я посмотрел через дорогу. Мария, Александр и Ник стояли вместе с остальными слугами.

Лошади двинулись, за ними поехал лафет. Две недели назад я стоял на этом самом месте, провожая принцессу, и махал рукой вслед ее БМВ. И вот она снова уезжала. В последний раз. Я не стал махать ей рукой — я ей поклонился.

Глава четырнадцатая

СТРАННОЕ ДЕЛО

Граф Спенсер стоял за кафедрой в Вестминстерском аббатстве и с высоты смотрел на гроб. Он читал свою речь по бумаге, а у меня в голове всплывали другие его слова — те, что он писал своей сестре:

Твои проблемы с психикой… Твое непостоянство… Я никогда не занимал в твоей жизни особого места, и меня это совсем не огорчает… С другими сестрами у меня отношения гораздо теплее, чем с тобой…

Именно это слышалось мне за его тщательно выверенной речью, которую он произносил «как представитель скорбящей семьи в скорбящем государстве на глазах всего мира, замершего от потрясения».

Я почти не слышал, что он говорил 6 сентября 1997 года, потому что мне невольно вспоминались те слова, которые он сказал принцессе 4 апреля 1996 года. Если бы люди, встретившие его речь у гроба принцессы овацией, знали что он говорил ей, когда она была жива, аплодисменты вряд ли были бы такими громкими.

Опустив голову, я сидел на хорах. Я не мог поверить своим ушам. Его искусно подобранные слова наносили удар монархии, а люди рукоплескали, не понимая, что этим они унижают несправедливо оскорбленную монархию еще больше. Лорд Спенсер как «кровный родственник» принцессы выбрал самый неподходящий момент, чтобы выставить напоказ свои высокие моральные принципы. Но только настоящая семья принцессы — такие люди, как я, которые лучше всех ее знали, ее друзья, которые видели, насколько натянутыми были отношения принцессы с братом — только они понимали, насколько лицемерна его продуманная речь.

Мне казалось, что за кафедрой стоит не брат, который должен был стать одним из самых близких людей покойной, а какой-то дальний родственник, который в детстве пару раз играл с ней и теперь говорит о том, каким человеком она стала, когда выросла, хотя совершенно не знал этого человека, хотя и любил, конечно. С тех пор как принцесса вышла замуж в 1981 году, в частном порядке они встречались считанные разы. В своем письме сам он назвал цифру 50, его принцесса зачитала мне на лестнице в Кенсингтонском дворце весной 1996 года.

Когда вся страна с восторгом слушала его слова в Вестминстерском аббатстве, у меня в голове смешались разные картины: граф за кафедрой, с нежностью говорящий о покойной; и принцесса, стоящая на лестнице и сжимающая письмо, написанное в совсем другом тоне.

В аббатстве в 1997 году он говорил: «В душе она всегда оставалась такой же, какой была в детстве, когда как старшая сестра заботилась обо мне…». А у меня в голове тут же вставало то письмо 1996 года:

Наши отношения с тобой давно стали более чем холодными. С другими сестрами у меня отношения гораздо теплее, чем с тобой… может быть, ты заметила, что мы с тобой вообще почти не разговариваем»; и еще: «я всегда буду любить тебя, как брат. Несмотря на то что за эти пятнадцать лет потерял с тобой всякую связь — дошло до того, что только из заметок Ричарда Кея (в «Дейли Мейл») я узнаю о том, что ты собираешься в Альторп…

В аббатстве: «Диана всегда была по-детски ранимой. Она стремилась делать добро людям, быть полезной. Ее всегда преследовало беспокойство, и пищевые расстройства были только внешним проявлением этого сложного состояния души». И в 1996-м:

Я боюсь за тебя. Я знаю, что вранье и коварство — необходимые следствия твоей болезни… Надеюсь, что ты проходишь курс лечения, чтобы избавиться от своего психического расстройства.

Принцесса могла бороться с булимией, но больше всего она боялась обвинений в психической неуравновешенности. Она думала, что такие обвинения будут исходить только от друзей принца Чарльза, предвзято о ней судивших.

В аббатстве: «Но люди понимали, насколько она ранима, и ценили ее за честность». В 1996 году:

Я никогда не занимал в твоей жизни особого места, и меня это совсем не огорчает… Так даже лучше для меня и моей семьи, потому что я знаю, какую боль твое непостоянство причинило тем, кто считал тебя своим другом…

Затем он заговорил об Уильяме и Гарри: «Мы не позволим им страдать от того, что не раз вызывало горькие слезы у их матери…» И опять мне вспомнилось письмо:

Прости, но я решил, что сейчас ты не сможешь вселиться в Гарден Хаус. На то есть много причин, одна из которых состоит в том, что это привлекло бы внимание полиции и прессы, а я не могу этого допустить.

Это письмо вызвало горькие слезы у принцессы. Ее страшно расстроило его требование вернуть диадему Спенсеров, а из-за письма, которое он ей прислал в апреле 1996, она снова плакала.

Многие комментаторы говорили о его речи в Вестминстерском аббатстве, как о попытке передать свою безграничную жалость к принцессе, которую замучила система. На мой взгляд, это были слова человека, которого мучает совесть, человека, вынужденного прибегнуть к воспоминаниям детства потому, что он не знал и не хотел ее знать, когда она стала взрослой. Но кое-что в его речи было правдой. Как, например, когда он сказал, что «эта удивительная, сложная, необыкновенная, уникальная женщина навсегда останется в наших сердцах. Никто не займет ее место. В наших душах навеки запечатлелась ее красота — и внешняя и внутренняя» и «счастье наполняло каждого, когда он видел твою сияющую улыбку и блеск твоих незабываемых глаз…».

И тем не менее, я никак не мог избавиться от ощущения, что не этому человеку, который за последние годы доставил столько беспокойства своей сестре, — не ему следовало говорить от ее имени. Он отказался дать ей пристанище в доме ее предков, когда она была жива, но теперь, когда ее дух покинул тело, он готов дать ей место на семейном кладбище. Я слушал его и думал: «Как он может так лицемерить в храме Божьем?».

Точно так же я не мог понять, как он посмел воспользоваться смертью сестры, чтобы в завуалированной форме уколоть королевскую семью, напомнив всем, что он, его сестры и их мать — вот кровные родственники принцессы, а значит, и ее настоящая семья, которая защитит Уильяма и Гарри, «не позволит их юным душам увянуть под жестким гнетом обязанностей».

В этот момент я посмотрел на королеву. Гарри тер лицо руками. Уильям смотрел прямо перед собой. Несчастные пешки в игре: Спенсеры против Виндзоров. Я представил, как бы ужаснулась принцесса, услышав такие слова. Ведь она больше, чем кто-либо другой, ценила влияние принца Чарльза и королевы на своих сыновей.

Я смотрел на гроб с четырьмя свечками по углам, накрытый королевским штандартом. На крышке, посреди венка из белых роз, была открытка от принцев. На конверте было написано:

«Мамочке». Я сжал руку Марии правой рукой, руку Ника — левой. Ник плакал, Александр, стоявший рядом с ним, по-мужски сдерживал слезы. Я посмотрел вперед и увидел Хиллари Клинтон. Мне вспомнилось, что рассказывала принцесса: в начале года она посетила Белый дом и беседовала с миссис Клинтон о своем возможном переезде в Америку, и та сказала, что американцы будут счастливы ее принять. Я снова сглотнул слезы.

Наконец граф Спенсер закончил свою речь. Раздались бурные аплодисменты. Хлопали и на улице и в церкви — горячо, страстно. Я оглядел сидящих. Увидел Элтона Джона и Джорджа Майкла — они тоже хлопали. Конечно, эти аплодисменты предназначались принцессе, а не графу Спенсеру, но получилось, что люди поддержали те оскорбления, которые он нанес королевской семье.

К тому же его речь приняли восторженно еще и потому, что на этой неделе люди были настроены против Виндзорской династии как никогда. Мне стало обидно: это было несправедливо. Принцесса любила и уважала королеву, и переписывалась с ней до самой смерти. Принцесса уважала и герцога Эдинбургского. Она понимала, что те жестокие письма он писал в 1992 году с благими намерениями. И если королева назвала этот год annus horibilis, то эти шесть дней перед похоронами принцессы надо признать «самой ужасной неделей» этого ужасного года. Королевская семья, потрясенная смертью принцессы, поспешила вернуться из Балморала в Лондон. Надо было решить много вопросов. Например, приспустить ли флаг на Букингемском дворце. Казалось, никогда еще монархия не находилась в таком опасном положении. Это был редкий случай, когда пришлось пересмотреть протокол. Речь графа Спенсера и бурные аплодисменты, которыми она была встречена, свидетельствовали о кризисе, в котором находилась монархия. В газетах рассуждали о том, как смерть принцессы углубила пропасть, лежащую между этим «анахронизмом» и современными людьми. Они говорили, что принцесса, пусть даже после смерти, поставила на колени династию Виндзоров, которые доказали свою никчемность. Вот такие и еще более республиканские суждения заполнили газеты.

Но самое печальное, что в этой суматохе ни у кого не было времени подумать о том, что принцесса перевернулась бы в гробу, который еще не опустили в землю, если бы услышала, что о ней говорят.

Журналисты явно представляли себе, как принцесса глядит с небес на то, как они порочат монархию — источник ее страданий и одиночества — и радуется. Они не понимали, что в принцессе

никогда не было ненависти и что она больше, чем кто-либо другой, хотела, чтобы Виндзоры продолжали править, оставаясь сильной и могущественной династией.

Она никогда не винила в своем одиночестве королевскую семью. Источником ее страданий был принц Чарльз, но даже к нему она не испытывала ненависти, и уж тем более к его родителям. Никто не понимал, что, если бы в те дни принцесса могла сказать свое слово, она бы стала защищать Виндзоров. Именно поэтому ядовитый тон речи графа Спенсера был совершенно неуместным. Если бы он знал свою сестру, он бы это понимал.

Принцессу не могли порадовать такие речи. Ведь сама она была другого мнения. «Мне никогда не удается найти слова, чтобы передать то, что я хочу сказать», — жаловалась она (именно поэтому у нее на столе лежал «список выражений»). За год до ее смерти, в октябре, мы с ней сидели на лестнице в Кенсингтонском дворце и она пыталась изложить на бумаге свои мысли. Она говорила о своем будущем, о своих страхах, размышляла о положении монархии в современном мире, стараясь взбудоражить свои мысли, чтобы они лучше легли на бумагу. На следующий день меня, как обычно, ждал в буфетной конверт. В нем было письмо, написанное на ее бумаге с красной полосой по нижнему краю.

Если бы можно было прочитать это письмо на похоронах, всем бы стало ясно, что принцесса всегда уважала монархию и ценила то, что сделали для нее члены королевской семьи. Чтобы ни у кого не осталось сомнений на этот счет, я привожу здесь это письмо, в котором нет ни капли злобы. Письмо, написанное самой Дианой.

Мне хотелось бы обнять свою свекровь и сказать ей, как хорошо я понимаю ее. Я понимаю, как ей одиноко, понимаю, что ей все время приходится сталкиваться с ложью и искажением фактов. Я понимаю, как ее это расстраивает, понимаю, что иногда она тоже теряется и не знает, что делать. Я хочу, чтобы монархия процветала (!), хочу, чтобы она благополучно пережила те изменения, которые ее ожидают и в результате которых она станет более сильной и здоровой. Я понимаю тот естественный страх, с которым королевская семья ждет этих перемен, но мы должны встретить их лицом к лицу, чтобы изменить ложное представление народа о монархии. Равнодушие людей пугает меня. Его надо преодолеть.

Я буду бороться за справедливость, буду защищать своих детей и монархию…

Королевский поезд ждал нас. Меня пригласили в поместье Альторп в Нортгемптоне (в семидесяти милях от Лондона), где в присутствии только членов семьи принцессы пройдут ее похороны. В то время как гроб с телом принцессы везли по улицам Лондона, а люди осыпали его цветами, я сел на поезд вместе с принцем Чарльзом, Уильямом и Гарри. Вагоны были красного цвета, а впереди поезда — два локомотива: «Принц Уильям» и «Принц Генри» Это было странное и печальное путешествие. Должно быть, я заснул, как только поезд тронулся, потому что не заметил, как прошли полтора часа дороги. Я сильно устал после ночных бдений, и проснулся только, когда поезд остановился у станции, ближайшей к Альторпу. В поместье нас провели через гостиную в столовую. Еще в холле меня потрясло, что пол из черных и белых мраморных плиток точно такой же, как в Вестминстерском аббатстве.

Граф Спенсер стоял во главе длинного стола красного дерева и указывал каждому, куда ему сесть. Меня, после некоторого колебания, поместили между матерью принцессы и ее бывшим мужем: слева от меня оказалась миссис Франсис Шенд Кидд, а справа — принц Чарльз. Принцу было нелегко оказаться на территории Спенсеров, особенно после того, как граф произнес свою речь, направленную против Виндзоров. Ему тяжело было сознавать, что все на него смотрят с неодобрением.

Разговор не клеился. И я, как единственный из сидящих за столом, кто знал, что отношения между принцем и принцессой в последнее время были вполне дружескими, взялся беседовать с принцем. Я отлично понимал, что если заговорить о Хайгроуве и его садах, то тема не исчерпается до самого конца обеда.

— Приезжай как-нибудь посмотреть сады, — предложил принц Чарльз.

— С удовольствием, Ваше Королевское Высочество, — ответил я, зная, что не приеду.

Уильям и Гарри сидели на другом конце стола. Несмотря на свое горе, они старались нет-нет да и поддерживать разговор. Когда подали кофе, дворецкий подошел к графу и что-то прошептал ему на ухо. Граф встал и вышел из комнаты. Его не было минут пять. Наконец он вернулся и объявил:

— Диана вернулась домой.

Мы снова прошли через холл с шахматной плиткой. Я шел следом за принцем Чарльзом и его детьми. И тут, через дверь, я увидел то, что меня потрясло. Королевский штандарт исчез с гроба, а на его месте, накрыв гроб только наполовину, появился красно-бело-черный с золотом флаг Спенсеров. Значит, когда

граф вышел из столовой, он заменил штандарт. До самого моего суда в 2002 году все думали, что принцессу похоронили под королевским штандартом. Похоронили как члена королевской семьи. Похоронили как принцессу. Так, как ей и хотелось. Своим необдуманным действием граф испортил всю серьезность церемонии, которая была так тщательно заранее продумана, и даже не понял этого. Принцесса гордилась тем, что принадлежит к королевской семье. Она плакала, когда ее лишили права называться Ваше Королевское Высочество. Какая жестокая насмешка: королевская семья, лишившая ее этого титула, устроила ей королевские похороны, но ее брат решил показать свою власть и все испортил.

Вдруг появились восемь солдат из полка принцессы Уэльской с гробом на плечах. Они медленно понесли его к озеру. Там, на острове, на который мы прошли по временному понтонному мосту, была приготовлена могила. Тут не было цветов, только трава и деревья, листва которых отбрасывала пятнистые тени, Я думал: «Как можно хоронить в таком месте женщину, которая не выносила одиночества?». У меня было ощущение, что похороны планировал человек, который совсем не знал принцессу (тогда как я знал ее прекрасно) и все сделал неправильно. Все ближайшие друзья принцессы сошлись во мнении, что место выбрано неподходящее. Когда принцесса при жизни искала убежища, граф ей отказал. А теперь, когда она умерла, он принял ее и похоронил в самом отдаленном и заброшенном уголке. Но пора было прощаться. Я понимал, что больше сюда не вернусь. На этот остров не смогут попасть друзья принцессы, если захотят возложить цветы на ее могилу. Сюда невозможно будет просто прийти, как принцесса приходила на могилу принцессы Грейс в Монако, а я сотни раз приходил на могилу своей матери.

Заупокойная длилась полчаса. Я не стану рассказывать о том, что там происходило, кто что говорил. Скажу только, что в конце я нагнулся, взял горсть земли и бросил ее в могилу. Земля рассыпалась по золотой табличке «Диана — принцесса Уэльская — 1961–1997».

Я сказал вслух:

— Прощайте, Ваше Королевское Высочество.

Потом я сидел с Франсис Шенд Кидд в беседке на берегу озера. Она курила.

— По крайней мере, Пол, в моей жизни были девять месяцев, когда она принадлежала только мне. Мне одной. Девять месяцев она была только моя, — сказала она.

Я развязал галстук и расстегнул верхние пуговицы рубашки. Я снял с шеи золотой крестик на цепочке, который она мне дала

перед ночными бдениями.

— Он защищал меня, но теперь я должен отдать его вам, — сказал я и опустил крестик ей на ладонь.

Она выкурила две сигареты, и мы вернулись в гостиную пить чай. Все разбились на группы и беседовали. Затем граф Спенсер включил телевизор. Все посмотрели на экран. На одном из каналов в это время показывали, как прошли похороны. Принц Чарльз и его сыновья молчали. Молчали и все остальные. «Зачем он включил телевизор?» — подумал я.

Затем из телевизора послышался голос графа Спенсера. Передавали речь, которую он произнес в Вестминстерском аббатстве. В жизни не чувствовал себя так неловко. Принц Чарльз решил, что повторное унижение — это уже слишком.

Он отставил свою чашку и сказал Уильяму и Гарри:

— Думаю, нам пора уходить.

На заднем плане слышался торжественный голос графа. Виндзоры вежливо прощались со всеми. Я ушел вскоре после них.

Весь сентябрь и октябрь я, совершенно потерянный, бродил по апартаментам № 8 и 9. Я плохо спал. Мне все время снился один и тот же сон: мы в Кенсингтонском дворце и принцесса спрашивает меня: «Когда мы всем расскажем, что я жива?». Я просыпался с четким ощущением, что она рядом. Мария говорила, что я плакал во сне. Я не мог сидеть дома, мне нужно было попасть в Кенсингтонский дворец. Только там мне становилось легче, потому что все напоминало о принцессе,

Я часами ходил по комнатам и представлял принцессу. Вот она сидит на диване в гостиной. Вот играет на фортепьяно Рахманинова. Поплотнее запахивает свой махровый халат и приступает к завтраку. В гардеробной выбирает, что бы надеть. За столом, склонившись над бумагами. Я садился на диване, на котором совсем недавно сменили обивку, и сжимал в руках подушку с вышитой на ней буквой D. Я смотрел на камин, на сером мраморе которого была приклеена табличка: «Я ЛЮБЛЮ ДИ», а рядом еще одна: «ОСТОРОЖНО: На борту Принцесса» — Диане они казались забавными. На крючке на внутренней стороне двери висели розовые пуанты. В углу на полу стоял ящик, в котором она в школе хранила сладости. На крышке была надпись: «Д. Спенсер».

Я сидел на лестнице и представлял, как она перегибается через перила и кричит вниз в буфетную: «Пол, ты внизу?». Я вспоминал, как мы вместе писали письма, вспоминал, как хлопала дверь, когда принцесса вбегала с какой-нибудь новостью.

Я сидел в кресле у нее в спальне и разглядывал мягкие

игрушки, наваленные на диване: горилла, панда, кролик, лягушка, розовый слоник, черная пантера, ежик… Их там было больше пятидесяти.

На тумбочках по обеим сторонам кровати стояли фотографии Уильяма и Гарри. На круглом столике у окна — еще пять фотографий, на которых были ее муж и дети, а на одной — только принц Чарльз. Были и другие снимки: ее отец которого она так любила, принцесса с Лайзой Минелли принцесса танцует с Уэйном Слипом в «Палладиуме», ее сестры Джейн и Сара, ее подруги Люсия и Роза.

Как-то Мария пришла в Кенсингтонский дворец и принесла мне сандвич.

— Дорогой, тебе не станет легче, если ты все время будешь сидеть здесь.

Но она была не права. В каком-то смысле мне становилось легче.

Однажды я проснулся посреди ночи. Мне снова приснился тот сон. Я не выдержал и пошел в Кенсингтонский дворец. Мне только что приснилась принцесса, и мне надо было почувствовать ее присутствие, оказаться среди ее вещей. Те, кто пережил смерть близкого человека, догадаются, что я сделал, когда пришел во дворец. Остальные, скорее всего, решат, что я сумасшедший. Я вошел в гардеробную, отодвинул занавеску, скрывавшую ее платья и костюмы, и забрался под вешалки. Я чувствовал запах ее одежды. Мне стало легче, и я заснул.

В середине октября в той же гардеробной я стоял вместе с сестрами и матерью принцессы: леди Сарой, леди Джейн и миссис Франсис Шенд Кидд. Они выбирали, какую одежду забрать. Они попросили меня принести чемоданы принцессы — три черных кожаных чемодана разного размера. Все три чемодана они набили блузками, юбками, кашемировыми свитерами принцессы, туфлями, косметикой, духами, солью для ванн и велели уложить чемоданы в багажники их машин. Эти вещи не успели оценить, прежде чем суд утвердил завещание. И теперь они как наследники могли делать все что хотят.

В то время я как раз составлял опись вещей принцессы: одежды, драгоценностей, постельного белья, безделушек и т. п. В этом нелегком деле мне помогала Мередит Итерингтон-Смит из «Кристис» (она же летом занималась организацией аукциона в Нью-Йорке, на котором так удачно были распроданы платья принцессы). Приходил также ювелир Дэвид Томас, чтобы оценить ее драгоценности.

Мы стояли в гардеробной. Леди Сара сняла с вешалки шелковую блузку принцессы. В манжетах были серебряные

запонки с красной эмалью в форме сердечек, которые туда вставила принцесса. Ни слова не говоря, леди Сара вытащила запонки и вложила их мне в руку.

— Если ты хочешь еще что-нибудь, Пол, — только попроси, — с улыбкой сказала она.

Я сжал запонки и ответил:

— У меня есть все, что мне нужно, а главное — воспоминания. Но все равно спасибо.

Из всех «кровных родственников» леди Сара была ближе всего к принцессе. Они с матерью Дианы были назначены исполнителями завещания. Их щедрость в тот момент не знала предела, и они использовали свое влияние, чтобы несколько изменить завещание и выделить мне 50 тысяч фунтов «в знак признательности за верную службу принцессе». Леди Сара продолжила перебирать вещи. Вдруг она достала черное платье от Версаче с жакетом и протянула их мне:

— Это для Марии. Пусть наденет на награждение. Дата уже была объявлена. 13 ноября королева наградит меня медалью королевы Виктории. А значит, спустя десять лет после того как я оставил службу у королевы, мне предстоит вернуться в Букингемский дворец.

Было немного странно въезжать на территорию дворца через главные ворота. Я проехал через арку во внутренний двор, усыпанный красным гравием. Здесь я вылез из машины и показал Александру и Нику окна под самой крышей, чтобы они знали, где я жил, когда работал в Букингемском дворце. Я приехал во дворец как посетитель в обычной одежде, а не в ливрее слуги. Кажется, не считая первого дня работы лакеем в 1976 году, я еще ни разу так не нервничал.

Было морозно, но солнце светило ярко. Мы вошли через застекленную веранду главного входа. Мария с мальчиками пошла в Бальный зал. До меня доносились звуки струнного оркестра. А я вместе с остальными, кого сегодня должны были наградить, прошел в картинную галерею. Мне вспомнилось, как здесь, в 1981 году, на своей свадьбе принцесса обнимала подружек невесты. В тот день воспоминания поджидали меня в каждом коридоре, в каждом зале, где часы отсчитывали минуты до одиннадцати. Затем нас стали вызывать по десять человек ко входу в Бальный зал. У входа собралось более пятиста человек, чтобы посмотреть на это традиционное британское действо.

Ожидая вызова, я заметил на диване под портретом короля Карла I работы Ван Дейка молодую девушку. Я подошел, представился и спросил:

— А вас чем наградят?

— Медалью святого Георгия, — тихо сказала эта двадцатидвухлетняя девушка.

Это высшая награда за храбрость, какую только может получить гражданское лицо. А передо мной была юная, симпатичная блондинка в красном платье и коричневой шляпке, которую наградят этой медалью. «Интересно, за что?» — подумал я. Оказалось, что это была воспитательница Лиза Поттс. Когда во время пикника в младшей школе Святого Луки в Вулвергемптоне на площадку выскочил сумасшедший с ножом и бросился на детей, она закрыла их собой.

Я поглядел на ее руки в ужасных шрамах.

— Это ерунда по сравнению с тем, что он сделал с детьми. Некоторым он перерезал горло от уха до уха, — сказала она.

Нас, Баррела и Поттс, пригласили в Бальный зал одновременно. Она была звездой этой церемонии, и я гордился тем, что мне выпала честь идти рядом с этой удивительно храброй девушкой. Она первая подошла к королеве и сказала ей несколько слов.

Затем настал мой черед. Принцесса говорила, что мне дадут награду за двадцать один год службы королеве, принцу Чарльзу и ей самой. Но меня ждал сюрприз.

Лорд-камергер объявил в микрофон:

— Медалью королевы Виктории за службу принцессе Диане награждается мистер Пол Баррел.

Меня не предупредили, но королева решила, что надо дать мне медаль за верную службу принцессе. Я поклонился, пожал ей руку, и она прикрепила медаль на лацкан моего фрака.

— Я счастлива, что могу наградить тебя этой медалью, — сказала королева. — Я рада, что могу отблагодарить тебя за все, что ты для нас сделал. Но что ты собираешься делать теперь?

Я посмотрел поверх ее плеча и заметил моего старого коллегу — королевского пажа Кристофера Брея.

— Ну, может быть, Кристоферу понадобится помощь, Ваше Величество…

Она усмехнулась.

Мы снова пожали друг другу руки. Я сделал два шага назад, затем повернулся и вышел.

А вечером компания в десять человек — я вместе с друзьями и родственниками — отправилась праздновать мое награждение в ресторан «Сан-Лоренцо». Как и хотела принцесса.

Две недели спустя мне пришло письмо от министра финансов Гордона Брауна, в котором он сообщал, что меня сделали членом

Мемориального комитета принцессы Дианы, который был создан для того, чтобы решать, каким образом лучше увековечить память принцессы. А значит, я буду работать вместе с друзьями принцессы — Розой Монктон и лордом Аттенборо. Комитет был создан как дополнение к независимому и недавно учрежденному Мемориальному фонду принцессы Дианы.

И раньше находились такие, кто считал, что я слишком превышаю свои полномочия дворецкого, а после того как меня назначили в Мемориальный комитет, эти люди, которые не очень близко знали принцессу, стали за моей спиной намекать, что отношения между принцессой и ее дворецким были чересчур близкими.

Скорее всего, они еще больше утвердились в своих подозрениях, когда в «Таймс» появилась статья под заголовком «ВЛАСТЬ ДВОРЕЦКОГО: решать, как следует увековечить память принцессы, поручили Полу Баррелу». Вот ее текст:

«Никто не является героем для своего лакея», — точно так же и принцесса не была героиней для своего дворецкого… Но лакеи и дворецкие — сами невоспетые безвестные герои. Они принадлежат к редкой породе людей, которые допущены к частной жизни тех, кого другим дано видеть только в официальной и торжественной обстановке. Назначение Пола Баррела… это тот исключительный случай, когда жизнь подражает искусству. В этот раз за советом решили обратиться к дворецкому… Дживс был бы доволен. Это непростое решение… правительство приняло, опираясь на прецедент, фольклор и искусство. Когда не знаете, что делать, спросите у дворецкого, ведь он лучше, чем кто-либо другой, знает своего хозяина.

Вполне извинительная гордость сделала меня глухим. Я не слышал, что за моей спиной уже точат ножи.

* * *

За две недели до Рождества Уильям и Гарри приехали в Кенсингтонский дворец. Я расставил везде цветы, чтобы было как можно уютнее. Мы с няней Ольгой Пауэлл ждали их в гостиной. Мальчики с радостными криками влетели во дворец. Они уже думали о том, как весело проведут Рождество в Сандринхеме.

С желтыми клейкими листочками в руках я вместе с принцами принялся обходить апартаменты и помечать, какую вещь куда отправить. Мальчики теперь будут жить с принцем Чарльзом в Сент-Джеймсском дворце, а в Лондоне — в Йорк Хаусе. Уильям и Гарри бегали по комнатам, собирая книги, игрушки, фотографии, плакаты, видеокассеты, рисунки. Затем

стали решать, что они хотят забрать с собой из мебели: диваны, стулья, ковры. В этом деле Уильям проявил большую последовательность, чем его брат. Он же заговорил и о драгоценностях, но сам себя оборвал:

— Ладно, с украшениями разберемся в следующем году, торопиться некуда.

Меня потрясла его вежливость. Даже выбирая из своих собственных вещей, он спрашивал: «Можно мне взять…», «Ничего, если я возьму вот это?».

— Уильям, тут все принадлежит тебе и Гарри. Вы можете брать все, что пожелаете. И незачем спрашивать.

Он вошел в гардеробную, где висели шедевры Шанель, Версаче, Жака Азагури и Кэтрин Уокер.

— А что мы будем делать с маминой одеждой? — спросил он.

— Ты, наверное, не знаешь, — принялся объяснять я, — что Спенсеры организовывают музей в Альторпе и хотят забрать туда самые известные ее наряды, в том числе свадебное платье.

— Ни за что! — возмутился Уильям. — Свадебное платье они не получат.

— Почему? — вмешался Гарри.

— Потому что я этого не хочу, — отрезал Уильям. — Но некоторые из маминых платьев им можно отдать. Ладно, это тоже подождет до следующего года.

Принцесса хотела, чтобы ее свадебное платье попало в Национальную коллекцию костюма в музее Виктории и Альберта. Старший сын принцессы ясно сказал, что он не хочет, чтобы платье оказалось в Альторпе. И где же оно сейчас? Именно там.

Затем Уильям продолжил обход: «Мне хотелось бы взять этот ковер, этот диван, тот стул… вот эти шторы, этот столик…». Мы вспомнили, как два года назад принцесса заплатила 30 тысяч фунтов за новые ковры.

Было горько смотреть, как братья ходят по своим собственным комнатам и выбирают: что возьмут, а что нет. Руководил как всегда Уильям.

— Пол, можно я заберу свою кровать, — спросил Гарри. — И комод?

— Зачем они тебе, Гарри?! — вмешался Уильям. — Там их некуда ставить!

— Нет, есть куда, — заспорил Гарри. И я представил, как бы улыбнулась принцесса, если бы видела эту сцену.

Но когда они вошли в свою гостиную, где стоял их огромный широкоэкранный телевизор, споров не возникло.

— Он слишком большой для Хайгроува, — решил Уильям. — Нельзя ли его отправить в Йорк Хаус? Он там займет всю стену!

Уильям отвечал за все, что касается разной электроники. Я улыбнулся, подумав, что принц Чарльз будет не в восторге. Он терпеть не мог, когда мальчики смотрели по телевизору всякие, как он говорил, «отупляющие» передачи. Сам он смотрел только новости.

Затем мы вошли в гостиную принцессы. Видимо, здесь, в комнате их матери, на мальчиков нахлынули воспоминания. Они примолкли. Уильям принялся разглядывать фотографии на столике у окна. Гарри рассеянно трогал вещи на письменном столе своей матери.

Через некоторое время Уильям решительно вывел всех из задумчивости:

— Я хочу большого бегемота, Пол, — сказал он.

Они с матерью не раз смотрели телевизор, сидя на полу и опершись на эту гигантскую мягкую игрушку.

Обход закончился. По всему дому были расклеены желтые бумажки: «У — Йорк Хаус», «Г — Йорк Хаус».

Пока мальчики выбирали свои любимые видеокассеты и диски, я вспомнил, что Рождество в 1997 году должно было стать первым, которое принцесса проведет наедине со своими детьми. Еще летом она договорилась с принцем Чарльзом и королевой, что они нарушат традицию и не поедут в Сандринхем. Она хотела повезти своих детей на остров Барбуда.

И несмотря на то что принцессы уже не было с нами, я решил сделать им подарки — как делал каждый год вместе с принцессой. Я хотел, чтобы в Сандринхеме им что-то напоминало о Кенсингтонском дворце. Я приготовил каждому по чулку с подарками. Когда мальчики попрощались со мной и уже бросились вниз по лестнице, я их окликнул:

— Поскольку я каждый год готовил для вас рождественские чулки, я решил, что нельзя прерывать традицию… — они удивленно обернулись. — Я даже зашил их сверху, чтобы вы не могли раньше времени посмотреть, что там! Хотя сомневаюсь, что они доживут до рождественского утра, — сказал я и протянул им вязаные чулки — точно такие же, в какие каждый год укладывала подарки принцесса.

— Доживут, — пообещал Уильям. — Спасибо, Пол, огромное спасибо.

Гарри бросился меня обнимать. Я проводил их до двери.

— Вы знаете, где меня искать. Если что, звоните.

— Позвоним, Пол, — пообещал Гарри. — Увидимся в январе, когда вернемся с папой после лыж.

Они сложили чулки в багажник «Лендровера-дискавери», туда, где уже лежали остальные вещи, которые они решили

забрать с собой. Дети сели в машину: Уильям впереди, Гарри — сзади — и опустили стекла.

— Пока, Пол! — закричали они, когда их охранник Грэм Крейкер завел двигатель. Они уехали.

Я так часто махал им, стоя на ступеньках вместе с принцессой, что и сейчас мне казалось, она вот-вот скажет: «Без них тут так тихо. Я буду по ним скучать».

Из самого сердца мира принцессы — из Кенсингтонского дворца — я с ужасом наблюдал за тем, что творилось вокруг.

Когда только организовали Мемориальный фонд, его возглавил Энтони Джулиус — адвокат, который занимался оформлением развода со стороны принцессы. Он, а с ним и Сара Маккоркодейл и Майкл Гиббинс вдруг стали ответственны за всю ее жизнь. Эти трое, почти не знавшие принцессу при жизни, стали теперь вести ее дела. В независимой благотворительной организации, учрежденной в память о принцессе, не оказалось ни одного из ее близких друзей. Когда принцесса была жива, я отвечал за все, что происходило в ее жизни, а теперь вдруг оказался не у дел.

Я привык к частым визитам в Кенсингтонский дворец Франсис Шенд Кидд. Она садилась в гостиной с бутылкой вина и принималась разбирать переписку своей дочери. Ни с кем не советуясь, она сама решала, какие письма уничтожить. Более пятидесяти писем были изорваны в клочья. На моих глазах уничтожали историю. И это делали те люди, которые, грубо оттеснив Виндзоров, предъявили свои права на мир принцессы. Мне все это не нравилось.

И Фонд, и изорванные письма. К концу 1997 года я почувствовал, что теряю контроль над миром принцессы, заботу о котором она мне сама доверила. Никогда в жизни я не чувствовал себя таким беспомощным, как тогда. Вдруг оказалось, что статья в «Таймс», где писали, что за советом надо обращаться к дворецкому, ничего не значила, Но не в моем характере спокойно смотреть, как все катится под откос. Мой долг — даже если я один считал это моим долгом — заключался в том, чтобы прекратить это безобразие. И тут я задумался: а кому можно довериться? Спенсеры меня не поймут — я не член семьи. Уильям и Гарри еще слишком юны, а принц Уэльский, скорее всего, даже слушать меня не станет. Оставался только один человек, с которым я мог поговорить: Ее Величество Королева. И я знал, как избежать длительной процедуры назначения аудиенции.

Я позвонил человеку, приближенному к королеве, человеку, которому я мог доверять.

— Как думаешь, королева сможет уделить мне пять минут? — спросил я.

— Я у нее узнаю и перезвоню.

На следующий день я получил ответ:

— Королева будет рада встретиться с тобой в два часа дня в четверг 19 декабря. Думаю, ты найдешь дорогу.

Я прошел во дворец с Букингем Пэлес-роуд. Полицейский у дверей уже ждал меня. Потом я прошел по коридорам первого этажа, пол которых был выложен плиткой, мимо кладовых, винного погреба, бельевой и цветочной. Затем поднялся наверх на маленьком — на два человека — лифте. Даже столько лет спустя я помнил, куда идти.

Выйдя из лифта, я нашел тяжелую дубовую дверь, за которой начинался застеленный красным ковром коридор — владения королевы. Я постарался подойти к Пажеской передней, где провел так много времени, когда служил у королевы, ровно в час пятьдесят пять. Там я сел и стал ждать, когда Ее Величество закончит пить чай. Ровно в два часа паж объявил:

— Королева вас ждет… Пол, Ваше Величество!

Она встретила меня в своей комнате. Я увидел хрупкую фигуру у стола в эркере. Она была как всегда в очках с полукруглыми стеклами. Всюду валялись бумаги и красные правительственные папки. Тут было также девять или десять собак. Некоторые — те, что появились после того, как я ушел от королевы, — подняли головы и зарычали.

Королева подошла ко мне, я поклонился, она протянула мне руку и сказала:

— Здравствуй, Пол! Как жизнь?

Она чуть постарела, седины стало больше, но улыбка осталась такой же, как прежде. Она была в синем костюме из украшений — три нити жемчуга и большая бриллиантовая брошь в форме сердца.

Тут она заметила, что у меня в руке.

— Это цветы для вас, Ваше Величество.

— Как мило! — сказала она, принимая цветы. — И как приятно пахнут!

Королева была дружелюбной и спокойной. Ее уже предупредили, что я хочу поговорить с ней о принцессе.

— Это очень странное дело, — начала она, отдавая цветы пажу.

— Знаю, Ваше Величество. Мне совершенно некому довериться. Вы — единственный человек, к которому я могу обратиться. Я очень рад, что вы дали мне возможность с вами поговорить. Это очень много для меня значит.

Мы стояли. Во время частной аудиенции у королевы не принято сидеть. Я это знал. Ее Величество спросила, как я живу. Я ответил, что стараюсь заниматься делами, чтобы отвлечься. Она спросила про Марию и моих сыновей. Я рассказал, что нового, и перешел к делу. Я рассказал ей, что теперь происходит в Кенсингтонском дворце, что за люди стоят во главе Мемориального фонда, объяснил, что меня тревожит. Мы поговорили об Энтони Джулиусе, о леди Саре, о Патрике Джефсоне, о моем будущем, о расходах Фонда: за один только октябрь было потрачено 170 тысяч фунтов. Затем мы заговорили о Доди Аль-Файеде и принцессе.

По всей вероятности, королеву, так же как и многих других, ввели в заблуждение газеты: она полагала, что их отношения очень серьезные.

— Ваше Величество, этот роман закончился бы слезами. Принцесса прекрасно знала, что у него были проблемы с деньгами, с наркотиками, с выпивкой, знала, что он пользуется услугами проституток. И все это, я думаю, вскоре сыграло бы свою роль, — убеждал я. — Я всегда говорил принцессе: «Не теряйте контроль над своим внутренним миром». Но на яхте с Доди она не могла ничего решать. Он, когда хотел включал кондиционеры на полную мощность, сам решал, куда им плыть, сам выбирал еду. Сам решил устроить ей ужин в Париже, и был уверен, что она не откажется. Она хотела вернуться домой, Ваше Величество. Ей не терпелось снова обрести свою независимость.

Королева слушала очень внимательно и, как и по другим вопросам, честно и прямо высказала свое мнение. Затем она рассказала мне, что с сентября ей много раз звонила Франсис Шенд Кидд.

— Осмелюсь сказать, Ваше Величество, что вы, должно быть, очень храбрая женщина, раз решились связаться с ними, — пошутил я.

Раз уж она сама ее упомянула, я рассказал ей, что меня беспокоит то, что происходит в Кенсингтонском дворце, что Франсис Шенд Кидд, ни с кем не советуясь, рвет документы, письма и личные записи принцессы, которые, как я считаю, могут иметь историческую ценность.

— Ваше Величество, я не могу спокойно смотреть, как уничтожают историю. Я буду защищать наследие принцессы, буду хранить ее тайны. И я намерен сохранить те документы и вещи, которые принцесса дала мне.

Королева молча слушала. Она не стала возражать. Думаю, она, как и я, считала, что мой долг — сделать что-то. Я не стал уточнять, о каких именно предметах идет речь и куда я их спрячу.

Одного того, что королева не возразила и не нахмурилась, было для меня достаточно. Теперь я знал, что могу действовать так, как считаю нужным.

Полагаю, она понимала, что я чувствую. Она сказала: «Помню, когда умерла моя бабушка, я приехала в Мальборо Хаус и увидела, что там к каждому предмету прикреплены бумажки. Все накинулись на ее вещи как стервятники… я знаю, что на это очень тяжело смотреть тем, кто любил умершего».

После этого мы заговорили об Уильяме и Гарри я рассказал, как они приезжали в Кенсингтонский дворец, чтобы забрать свои вещи. Никогда в жизни я не беседовал с королевой так долго. Это была большая честь — беседовать с королевой по-дружески, да еще так долго — мы разговаривали с двух часов и, насколько я помню, расстались почти в пять. И все это время мы провели на ногах. За десять лет накопилось многое, нам было что рассказать друг другу. Атмосфера нашей беседы была настолько неформальной, что, мне казалось, она была больше похожа на встречу родственников после долгой разлуки, чем на разговор дворецкого с королевой.

И конечно, после моего суда в 2002 году газеты писали: «это полная чушь, что дворецкий мог беседовать с королевой три часа подряд». Королевские эксперты, которые могли только мечтать о такой длительной аудиенции, с экранов телевизоров уверяли, что такая беседа «немыслима», «в высшей степени невероятна» и «является полным вымыслом».

«Даже премьер-министру королева уделяет лишь пятнадцать минут, а потому, сами подумайте, может ли она уделить дворецкому в десять раз больше?» — вопрошал один из бывших королевских слуг.

Газета «Сан», как обычно, «точная» в своих заявлениях, утверждала, что аудиенция длилась три минуты, по крайней мере, не больше часа.

Тогда Букингемский дворец решил прояснить этот момент и открыть публике правду. Королева сказала, что, насколько она помнит, «встреча длилась как минимум полтора часа».

Как бы там ни было, мы довольно долго простояли с ней и проговорили. Мне даже подумалось, что вернулись те времена, когда я кормил ее собак и мы по-дружески болтали.

Конечно, мы много говорили о принцессе. Я сказал королеве, что принц Чарльз был единственным, кого принцесса по-настоящему любила. Я знал, о чем говорю: принцесса сама об этом писала в феврале 1996 года. Когда мы заговорили о принцессе, общий тон разговора изменился. Я чувствовал, что королеве хотелось вернуть прошлое.

— Я так много раз пыталась протянуть Диане руку помощи. Ты не представляешь, Пол, сколько я написала ей писем.

Тут я вспомнил, как принцесса, сидя на лестнице или в гостиной, читала мне эти проникнутые любовью и заботой письма из Букингемского дворца или Виндзорского замка.

— Представляю, Ваше Величество. Я видел эти письма. Принцесса всегда на них отвечала. Но беда была в том, что вы говорили на черно-белом языке, а принцесса — на многоцветном.

Я имел в виду, что они принадлежали к разным поколениям, и, естественно, говорили на разных языках.

Впервые в жизни мне захотелось подойти к королеве и обнять ее. Но она — не принцесса, и с ней такое было немыслимо. Поэтому я просто стоял, слушал и думал о том, что, если бы британский народ увидел, с какой подлинной теплотой относилась королева к принцессе, никаких сплетен о плохих отношениях между ними не возникло бы.

Я вспомнил одно из писем, которое оставила мне принцесса:

Мне хотелось бы обнять свою свекровь.

И сейчас я своими глазами видел, что королева беспокоилась о принцессе как любящая свекровь, а не как недосягаемый монарх. Королева действительно пыталась ей помочь, и моя хозяйка об этом знала. Именно поэтому она никогда не считала своими врагами ни королеву, ни герцога Эдинбургского.

Королева все это понимала, однако добавила: «Но что бы я ни делала, она либо неправильно меня понимала, либо встречала мои действия враждебно как неуместные». Было видно, как это печалит королеву. «А ведь я просто пыталась ей помочь».

Беседа приближалась к концу, но на прощание королева, глядя на меня поверх очков, сказала еще одну вещь-«Будь осторожен, Пол. Ни один не был так близок к королевской семье, как ты. В нашей стране есть такие силы о которых ни ты, ни я не имеем понятия», — и она выразительно на меня посмотрела. Ее взгляд спрашивал: «Ты понял?».

— Хорошо, рада была с тобой поговорить, Пол, — закончила она. — Держи меня в курсе твоей деятельности, хорошо? А мне давно пора вести собак на прогулку.

Мы пожали друг другу руки. Я поклонился и вышел.

После моего процесса, когда я рассказал об этой встрече с королевой, было много разговоров относительно того, что могло означать «Будь осторожен», и вообще, могла ли королева такое сказать. Так что же она имела йФиду? Я знал только то, что она сказала. Она не пояснила и никак не уточнила свое

предупреждение. Более того, в ее предупреждении не было ничего театрального. Тогда я решил просто принять к сведению то, что услышал. Она велела мне быть осторожным, и я буду осторожным — вот к какому выводу я пришел. Я так понял, что она предостерегала меня не от кого-то конкретно, она хотела, чтобы я вел себя осторожнее со всеми без исключения, потому что никто не понимал сложность положения, в котором я оказался, лучше, чем королева, и никто, лучше, чем она, не знал, насколько я был близок к принцессе.

Ее слова о том, что «в нашей стране есть такие силы, о которых ни ты, ни я не имеем понятия» не раз всплывали у меня в памяти. И, честно говоря, очень меня беспокоили. Королева могла иметь в виду медиамагнатов, которые не раз уничтожали человека одним своим словом. Она могла намекать на так называемый «истеблишмент» — невидимую и не имеющую четких границ сеть социальных групп, которой правят сильные мира сего. Она могла иметь в виду службу государственной безопасности и военной разведки MI5, о тайной деятельности которой королева, без сомнения, не имеет понятия. Но зато она точно знает, что это могущественная организация, имеющая «лицензию» на любые действия, которые сочтет необходимыми для блага государства и монархии.

Что бы ни имела в виду королева, я могу сказать только одно: не прошло и четырех лет со времени нашей беседы, как меня арестовали и призвали к суду по обвинению в преступлении, которого я не совершал. Да и само обвинение не выдерживало никакой критики. Речь, конечно, шла не о краже, всех гораздо больше беспокоили тайны принцессы. Кто в них посвящен? Что это за тайны? Но, по совести, я не могу сказать, что именно имела в виду королева. Я сотни раз ругал себя за то, что не спросил об этом тогда же. Но ничего не поделаешь, и теперь я, так же как и вы, могу только гадать. Кому, как не мне, знать, насколько важная информация хранится в моей голове. Когда принцесса решила мне довериться, она хотела, чтобы я стал хранителем важных исторических сведений о ней. Я был для нее независимым свидетелем, как и «читчиком» почти всех писем, какие она получала или отправляла. Я видел бумаги, касающиеся ее развода, я видел ее завещание.

Она жаловалась мне, что за ней постоянно следят. Естественно, что с того самого момента, как она вышла замуж за принца Чарльза, все ее телефонные разговоры прослушивались, а все контакты проверялись. Это обычное дело — точно так же прослушивают и телефоны всех членов королевской семьи, а также правительственных чиновников. И принцесса это знала. В

этом смысле «силы» делали свое дело все время, пока я служил в Хайгроуве и в Кенсингтонском дворце. Она не раз говорила мне об этом и тоже просила быть осторожным. Пожалуй, это было единственное, что не нравилось принцессе в Кенсингтонском дворце: здесь она чувствовала, что ее все время подслушивают, что за ней все время следят. Поэтому, а также по ряду других причин, она и пыталась отказаться от охраны. Она не доверяла полиции как инструменту наведения порядка в государстве. И, честно говоря, она вообще подозрительно относилась ко всему, что имело отношение к государству.

Принцесса подозревала, что однажды, когда ни меня, ни ее не было в Кенсингтонском дворце, там установили «жучки». Как-то раз мы передвинули всю мебель в гостиной в одну сторону, убрали коврики в индейском стиле, закатали ковер, а затем, с отвертками в руках, стали проверять пол. Принцесса была уверена, что во дворце есть подслушивающие устройства, но мы ничего не нашли. Она подозревала, что «жучки» могут быть в розетках, в выключателях, в лампах. Конечно, многие могут подумать, что это признак навязчивой идеи. Я бы и сам с этим согласился, если бы у нее не было повода для беспокойства. Но те, кто поспешил обвинить ее в неадекватности, не знали всей ситуации. Она не была сумасшедшей, она была просто осторожной. В основе ее действий лежала информация, которую она получила от своего друга, в прошлом работавшего на британскую разведку. Принцесса ему доверяла, знала о его добром к ней отношении, знала о его компетентности в этих делах и следовала его советам.

Более того, один из членов королевской семьи тоже предупреждал принцессу: «Будь осторожной даже в собственном доме, потому что „они" все время тебя слушают». (Перед судом в 2002 году я узнал через моих адвокатов, что все время, пока шло следствие, все мои телефонные разговоры прослушивались и из-за меня прослушивали более двадцати телефонов моих знакомых.)

Однако я на основании собственного опыта могу посоветовать всем, кто окажется в таком же положении, как принцесса, не искать «жучки». После того как своими силами нам ничего найти не удалось, она позвонила тому самому другу, бывшему работнику спецслужб. И в выходные он инкогнито пришел во дворец. Он обыскал все ее апартаменты в поисках подслушивающих устройств. Проверил все комнаты. И ничего не нашел. Но пока он все обыскивал, а мы с принцессой убеждались, что там ничего нет, он рассказывал нам о современных методах слежки. Принцесса была потрясена, когда узнала, что

подслушивать не обязательно при помощи «жучков». Современные методы подслушивания позволяют вести слежку из фургона, припаркованного неподалеку, из которого подается сигнал так, чтобы, отразившись от зеркал, вернуться в фургон. Узнав об этом, принцесса сняла круглое зеркало, висевшее над мраморным камином в гостиной — как раз напротив окна. Она не была сумасшедшей. Она делала то, что ей посоветовал профессионал.

Последние два года жизни принцессу стала особенно беспокоить эта постоянная слежка. Принцесса чувствовала, что со времен развода в 1992 году она стала сильнее и была готова покорить мир своей благотворительной деятельностью. Права она была или нет, но она считала, что, чем больше проявляется ее сила, тем более «неудобной» она становится для многих. В некотором смысле будущее доказало, что она была права, когда в результате ее работы в Анголе в 1997 году ее обвинили в том, что от ее деятельности больше вреда, чем пользы. Она чувствовала, что система не ценит ее работу, потому что до тех пор, пока она не сойдет со сцены, принц Чарльз не сможет делать то, что хочет. «Я стала сильной, а им не нравится, что я способна приносить пользу людям, обходясь без чьей-либо поддержки», — говорила она.

Как-то в октябре 1996 года, когда у принцессы был очередной приступ подозрительности, она вызвала меня из буфетной и встретила на лестнице. Она рассказала мне о своем беспокойстве, я утешил ее, она задала еще один вопрос, и мы уселись на ступеньках — стало ясно, что разговор будет длинным. Она считала, что «свора противников Дианы», как она выразилась, готовила попытку унизить ее в глазах народа. Мы говорили о том, что Тигги Легге-Бурк все набирает вес. Мы говорили о Камилле Паркер Боулз, любит ли ее принц Чарльз по-настоящему. И конечно, принцесса снова стала жаловаться, что ее никто не ценит. Но больше всего ее страшило будущее. Она сказала, что ее пугают попытки сторонников принца Чарльза ее «уничтожить». У принцессы было плохое настроение и ей нужно было выговориться. Мы прошли в гостиную, где она села записывать свои путаные мысли. Не раз она убеждалась: если изложить свои страхи и опасения на бумаге, станет легче в них разобраться.

Я сидел на диване и смотрел, как принцесса яростно пишет.

— Я поставлю здесь дату. Я хочу, чтобы ты сохранил это… на всякий случай.

В тот день у нее была и еще одна причина записать свои мысли и отдать их мне на хранение. Обоснованно или нет, она боялась за свою безопасность. Она записала свои мысли, но не

стала говорить мне, почему именно в тот день ей это было так важно. Думаю, она боялась, что будет выглядеть глупо, если выскажет это вслух. Поэтому, ничего не говоря, она записала то, что думала. В некотором роде таким образом она хотела «подстраховаться».

Когда она закончила, то вложила листок в конверт, запечатала его, надписала «Полу» и отдала мне. Я прочитал письмо дома на следующий день. Помню, что никаких особенных чувств оно у меня не вызвало. Не первый и не последний раз она рассказывала мне — устно или на бумаге — о такого рода опасениях. Но когда она умерла, мне вспомнилось это письмо. Теперь оно воспринималось совсем по-другому. Вот что она написала за десять месяцев до того, как погибла в Париже в автокатастрофе.

Октябрь. Я сижу у себя за столом. Мне хочется, чтобы кто-нибудь обнял меня и вдохнул в меня силы, чтобы сказал — будь сильной. Сейчас я чувствую, что моя жизнь в опасности. Думаю, [принцесса указала, в ком именно она видит угрозу] хочет подстроить автокатастрофу — сделать что-то с тормозами моей машины, чтобы принц Чарльз смог снова жениться.

Вот уже пятнадцать лет система пытается меня доканать, оказывает психологическое давление. Но я не чувствую злости, во мне нет ненависти. Я устала бороться, но я никогда не сдамся. Я сильная и, может быть, именно это не нравится моим врагам.

Спасибо тебе, Чарльз, за то, что заставил меня столько страдать, потому что благодаря твоей жестокости я получила хороший урок. Я быстро пришла в себя, но никто не знает, сколько я пролила слез. Я чуть не умерла от той боли, которую ты мне причинил, но внутри я сильная, и меня так просто не сломаешь. К тому же многие помогали мне в трудное время. Разве это не счастье, что у меня были те, кто старался укрыть меня от бед?..

Это письмо стало частью наследия принцессы, которое осталось у меня после ее смерти. Я ломал голову, что с ним делать. Представьте только, что такое письмо пишет вам тот, кого вы любите, а потом, меньше чем через год, погибает в автокатастрофе. Вы пытаетесь осмыслить все это, и объяснения приходят в голову самые разные: от простых — вроде того, что это просто совпадение, — до самых фантастических. Я надеялся, что все прояснится, когда проведут расследование о смерти принцессы — с детальным осмотром места катастрофы, с выяснением в суде событий 31 августа 1997 года. Но по какой-то необъяснимой причине в столь исключительно важном случае

следствие не было назначено. Если бы разбился любой другой человек, без следствия не обошлось бы, но тут почему-то решили, что оно не нужно.

В конце лета 2003 года объявили о том, что начинается расследование обстоятельств смерти Доди Аль-Файеда. Но будет ли при этом расследоваться и смерть принцессы или нет, было неясно. Как бы там ни было, но именно отсутствие расследования обстоятельств смерти принцессы а также попытка Скотленд-Ярда опорочить меня в глазах общества, в результате которой я был отдан под суд в 2002 году, побудили меня предать огласке это письмо принцессы. Согласен, что это письмо ничего не проясняет, а только ставит новые вопросы. Но если эти вопросы приведут к тщательному расследованию смерти принцессы, это будет уже благо. Видимо, кому-то выгодно, чтобы расследование не проводилось. Тем больше причин его провести.

Глава пятнадцатая

СТУК В ДВЕРЬ

Принцесса была рада, что я стою «у штурвала ее корабля», но теперь, когда она умерла, те, кому поручили увековечивать ее память, мечтали выбросить меня за борт. Моя жизнь с 1997 по 2002 год доказала, что немногие понимали, какие отношения связывали меня с моей хозяйкой. Стало ясно, насколько неправильно все понимают эти отношения и насколько опасным может быть людское невежество.

Вся беда в том, что, когда ты входишь в чей-то закрытый, личный мир, люди со стороны не могут понять, насколько это важно. А если нарушаются обычные правила поведения, и люди не могут понять, что за этим стоит, — выдвигают самые дикие предположения. Я был дворецким, который выполнял свой долг, — ни больше ни меньше. Но в глазах многих я был дворецким, который слишком много о себе возомнил и «зарвался».

Вскоре после того как в феврале 1998 года меня назначили заниматься сбором средств и организацией мероприятий в Мемориальном фонде принцессы Дианы, стало ясно, что многим хотелось бы поставить меня на место и затолкать обратно в буфетную, где, по их мнению, мне и место.

Из тихих и закрытых для посторонних коридоров дворца я вдруг попал в Миллбэнк-Тауэр на юго-западе Лондона. Я хотел показать себя в этой новой роли и использовать средства Фонда так, чтобы принцесса могла бы мной гордиться. Фонд получал чеки от самых разных спонсоров: 2 миллиона долларов от фирмы-производителя игрушек «Тай Бини Бейбиз», 26 тысяч фунтов от «Тауэр Рекордс», несколько сот фунтов от группы молодых фермеров, живущих недалеко от Хайгроува. Я проводил благотворительные мероприятия по всей Британии, например Национальные Олимпийские Игры для инвалидов в Бирмингеме. Я встречался с представителями Мемориального комитета на Даунинг-стрит. С комитетом никаких проблем не возникало. «Борьба за власть» началась в Фонде.

Я надеялся, что мне удастся вдохнуть дух принцессы в свое дело. Я хотел, чтобы деятельность Фонда отвечала желаниям принцессы. Ведь я прекрасно знал Диану, понимал ее образ мыслей, сопровождал ее во время благотворительных миссий, вместе с ней мечтал — и записывал мысли о будущих акциях, говорил о том, чего бы ей хотелось, чем она еще хотела бы заняться.

В один из вечеров в Кенсингтонском дворце, когда мы беседовали о ее будущем, она жаловалась мне, что все ее намерения понимают превратно.

К ужасу Чарльза, я стала сильной. Я нашла цель в жизни. Она заключается в том, чтобы помогать тем, кто нуждается в помощи. Я никогда не подведу тех, кто верит в меня. Где бы я ни оказалась, я всегда буду нести свою любовь людям: и прокаженным, и больным СПИДом, и королям, и королевам, и президентам.

Я избрала свой путь, и я пойду по нему с гордостью и достоинством, с радостью даря любовь и понимание тем, кто в этом нуждается…

Я знал, в каком направлении она шла. Она говорила со мной о будущем, когда была жива, и я полагал, что должен от ее имени продолжать ту работу, которую она хотела выполнить, но не успела, что я должен приложить все усилия, чтобы деятельность Мемориального фонда была проникнута ее духом и ее идеями. Помощница принцессы Джеки Аллен и ее секретари Джейн Харрис и Джо Гринстед тоже вносили пламя подлинной верности принцессе в свою работу. Они старались понять, что можно, а чего нельзя делать от ее имени.

Как и меня, их отстранили от дел, упрекнув в том, что эмоции мешают им в работе. Я чувствовал, что начинаю всем надоедать со своими разговорами о том, что я знаю, чего хотелось бы принцессе. Но окончательно все настроились против меня, когда в прессе меня начали называть «голосом и лицом Фонда». Многим это не понравилось, если учесть, что президентом Фонда была леди Сара Маккоркодейл.

«Вспомни, откуда ты, Пол».

«Слушай, Пол, прекрати носиться со своим горем. Мы все скорбим, не ты один».

«Видимо, горе слишком сильно на него повлияло. Эмоциональные люди не в состоянии трезво принимать решения».

«Пол, почему бы тебе не найти другую работу? Хватит во всем этом копаться. О тебе ходят неприятные слухи».

Вот что стали говорить мне в лицо и за спиной. Но я старался не думать об этом. Я сосредоточился на том деле, которое принцессе не удалось завершить. Если мой долг заключался в том, чтобы служить ей при жизни, то я считаю своим долгом служить ее памяти и после ее смерти.

Я не раз вспоминал, как принцесса говорила: «Не высовывайся из окопа — застрелят!» Но сама она никогда не

сдавалась, и кто бы ни выступал против нее, она, не обращая ни на что внимания, делала свое дело. Я решил, что буду вести себя точно так же.

Записная книжка принцессы в кожаном зеленом переплете лежала на моем столе в отдельной комнате в Миллбэнк-Тауэр. Мы с Джеки Аллен каждый вечер запирали комнату. Но однажды, в самом начале существования Мемориального фонда, эта книжка исчезла. Там были имена и номера телефонов всех друзей принцессы. На этих страницах была вся ее жизнь. Во время бдения у гроба принцессы я читал ей имена людей из этой книжки.

Мы с Джеки доложили об исчезновении записной книжки администратору Брайану Хатчинсону. Он в свою очередь доложил об этом странном случае леди Саре Маккоркодейл. Полицию звать не стали. И даже внутреннего расследования произведено не было. Решили, что ее взяла уборщица, сторож или охранник, и на этом успокоились. Казалось, никого не волновало исчезновение такой важной вещи. Одно это заставило меня что-то заподозрить.

Новым исполнительным директором Фонда назначили доктора Эндрю Пёркиса. Мы с ним никогда не ладили, потому что и принцесса никогда бы с ним не поладила. Он дал мне понять, что он и есть «голос Фонда, единственный, какой только может быть». А ведь он никогда в жизни не видел принцессу. Меня потрясло, что хранить память о ней поручили совершенно чужому человеку. Он был личным секретарем архиепископа Кентерберийского в Ламбетском дворце. Итак, он представлял собой одновременно и верхи церкви и «истеблишмент» — все то, против чего восставала принцесса. Он получил этот пост потому, что считался умным человеком и талантливым менеджером. Но я чувствовал, что он понятия не имеет о том, как надо обращаться с бесценным наследием, которое оказалось у него в руках. Он не разделял страстной и преданной любви к принцессе, которой отличались все ее друзья. Если благотворительная организация имени великого человека не понимает и не хочет понять личность, от имени которой она действует, такая организация лишена вдохновляющей силы и не может вести свою детельность эффективно. Я в этом уверен.

Но когда я пытался донести до них мысль о том, что принцесса была уникальной, удивительной женщиной, они меня не слышали. Казалось, нас разделяло толстое звуконепроницаемое стекло.

Доктор Пёркис знал, что я не буду плясать от радости в честь его назначения.

— Я знаю, ты недоволен, что я занял этот пост. Но я не хочу, чтобы между нами была какая-то вражда. Я надеюсь, что мы без всяких разногласий будем вместе работать для общего дела, — сказал он мне.

К июлю 1998 года апартаменты № 8 и № 9 в Кенсингтонском дворце были пусты. Не осталось ни ковров, ни обоев, ни даже лампочек. Казалось, здесь вообще никто никогда не жил. Мебель и картины ушли в Королевскую коллекцию. Драгоценности вернулись в Букингемский дворец. То, что выбрали себе Уильям и Гарри, отправилось туда, куда они приказали. Остальное забрали в Альторп Спенсеры, включая портрет принцессы работы Нельсона Шенкса и свадебное платье. Даже БМВ принцессы где-то втайне уничтожили, чтобы никто не мог выгадать на продаже машины умершей принцессы.

Все это означало, что и мне пора покинуть Кенсингтонский дворец. С прошлого декабря я старался об этом не думать. Тогда меня и Марию предупредили, что, поскольку я больше не работаю на королевскую семью, мы больше не имеем права жить в Старых конюшнях. 24 июля мы попрощались с дворцом, с нашим домом, с друзьями, с нашим приходским священником, с моей пенсией, и даже наши дети вынуждены были распрощаться со своими школами и со своими старыми друзьями. В тот день мы потеряли все, что было у нас в жизни. Но самым тяжелым для меня было расставание с Кенсингтонским дворцом, чей уютный мир согревал меня со дня смерти принцессы. Это было почти физическое расставание, хотя я понимал: в духовном смысле я не покину его никогда.

Когда Франсис Шенд Кидд узнала о том, что нам пришлось выехать из Конюшен, она предложила нам 120 тысяч фунтов на квартиру в Лондоне, при условии, что она будет формально принадлежать ей и что мы выделим ей комнату, в которой она сможет останавливаться, когда будет приезжать в Лондон. Это было очень мило с ее стороны, но у нас был небольшой домик в Фарндоне в Чешире. Мы решили переехать на север и начать жизнь заново. Мария и мальчики все время были в Фарндоне в окружении родственников, а я выходные проводил с ними, а всю неделю жил в Лондоне у друга, чтобы иметь возможность работать в Мемориальном фонде.

В наш последний день в старом доме, когда Мария и мальчики уложили в коробки все вещи и освободили квартиру, они позволили мне пойти попрощаться с Кенсингтонским дворцом. Я пересек газон, прошел по дороге вдоль дворца, вошел на его территорию через главный вход, обошел здание и оказался у заднего хода в апартаменты № 8. Я обошел первый этаж. Тут

было пусто. Прошел в буфетную. В шкафчиках не осталось ничего, исчез телефон, исчез факс. От моих шагов, от скрипа дверей, которые я открывал, разносилось эхо. Я помнил этот дом полным жизни, а теперь тут все было мертво. Я обошел все апартаменты, по десять-пятнадцать минут проведя в каждой комнате, вспоминая. Я представлял, что здесь происходило, я прокручивал в голове все события пяти лет моей службы во дворце. Это время спрессовалось в один час мертвой тишины. Конечно, теперь это был склеп, но я как наяву представлял, как тут все было раньше.

Об этом я думал по длинной дороге на север по трассе М6 — дороге к новой жизни.

Я жил и дышал своей работой в Мемориальном фонде. Я ездил по всей стране, собирая средства: на показе мод в «Маяке» — лондонском центре для больных СПИДом; в гольф-клубе в Телфорде, Шропшир; на Соревнованиях инвалидов, которые организовывал бывший вратарь Питер Шилтон; на благотворительном матче по крикету в Ретфорде в Линкольншире; на Большом северном кроссе в Ньюкасле; на конкурсе волынщиков в Глазго. Я исколесил всю Британию вдоль и поперек, и никого не волновало, что я работал даже по выходным. Я старался лично принимать чеки, потому что мне казалось: людям важно знать, что представители Фонда благодарны им за пожертвования.

К октябрю Фонд переехал из Миллбэнк-Тауэр в Каунти-Холл в Вестминстере. Теперь из окон моего кабинета открывался прекрасный вид на Темзу, Парламент и Биг-Бен.

Но я понял, что мое положение стало еще хуже, когда изъявил желание принять участие в Нью-Йоркском марафоне в ноябре. Доктор Эндрю Пёркис в своем письме ясно дал понять, что не позволит мне делать, что я хочу.

Если вы поедете в Нью-Йорк… то только в частном порядке… в своих собственных интересах. Вы не поедете туда как представитель Фонда… не станете там заниматься делами Фонда и не будете давать никаких интервью, касающихся дел Фонда. Более того, любые интервью, даже если они будут только о Поле Барреле лично, неизбежно коснутся того факта, что вы работаете в Фонде.

А я «как частное лицо» пробежал марафон за четыре часа сорок минут.

Ближе к концу месяца в отеле «Гроувенор-хаус» на Парк-лейн состоялся бал-маскарад с целью собрать средства для

Мемориального фонда принцессы Дианы. Собралось множество знаменитостей. Брайан Эдамс подписал свою гитару, а бывший футболист, ныне актер Винни Джонс продал ее с аукциона. Но после такого блестящего вечера злые языки с особым усердием принялись болтать что у Пола Баррела «началась звездная болезнь» и что «он слишком увлекся шоу-бизнесом». Все было ясно.

В последнюю неделю ноября меня вызвал к себе доктор Пёркис. Все в его чистом светлом кабинете со стенами, обшитыми деревянными панелями, говорило о его профессионализме. На его столе все бумаги были в идеальном порядке. Над его головой висела фотография принцессы, которую сделал Марио Тестино для диска, в который вошли песни, посвященные принцессе Диане.

Доктор Пёркис, невысокий, нервный, сразу же перешел к делу. Он посоветовал мне начать подыскивать новое место работы, потому что они решили закрыть отдел сбора средств и организации мероприятий.

— В дальнейшем в нашем Фонде у вас будет очень мало возможностей для деятельности и карьерного роста, — сказал он.

Но я его не слушал. Он что-то объяснял, а я глядел на портрет принцессы. «Ничего он о тебе не знает», — мысленно говорил я ей.

— Вы хотите сказать, — перебил я его, — что увольняете меня? Но я не согласен. Я знаю свою работу, и лучше меня никто не сможет с ней справиться. Вам придется насильно выгонять меня из Фонда, и тогда я пойду, прихватив с собой ваше грязное белье…

— Пол, мне не нравятся такие метафоры. Я всего лишь хотел сказать, что считаю: тебе пора заняться чем-то другим.

Да как он смеет?

— Вам легко так говорить, — сказал я. — Вы не настолько на виду у прессы, как я. Если вы меня выгоните, это скажется на всем Фонде.

Доктор Пёркис не слушал.

Несколько дней спустя мне позвонила леди Сара Маккоркодейл.

— С тобой все в порядке, Пол?

— Нет. Честно говоря, нет, — ответил я.

— Тогда давай вместе пообедаем в следующий вторник. У меня как раз назначена встреча в «Мишкон де Рейя», вот там и поговорим.

Я согласился. Я думал, что мы с ней поговорим один на один в неофициальной обстановке. Поэтому во вторник 8 декабря,

приняв очередной чек от организаторов дня благотворительности, я отправился на встречу в баре возле Саутгемптон-роу. За столиком в углу я увидел леди Сару и адвоката Энтони Джулиуса, одно время стоявшего во главе Фонда и являющегося членом правления.

— Не знал, что будут такие серьезные люди, — пошутил я, пытаясь разрядить обстановку. Но по каменному лицу Энтони Джулиуса было видно, что он не намерен шутить. Принцесса многое мне о нем рассказывала, так что я знал больше, чем он мог себе представить. По крайней мере, одно у нас с ним было общее: мы были единственными людьми, которые занимались бумагами, касающимися развода принцессы.

Он начал с того, что объявил: ему и леди Саре поручено объяснить мне сложившуюся ситуацию. И пока он произносил фразы, с которыми люди обычно пинком вышвыривают тебя с работы, я думал о том, как забавно получается, что леди Сара, с которой я договаривался встретиться, молчит, а Энтони Джулиус, которого я вообще не ожидал увидеть, говорит без умолку.

— У тебя есть два варианта, Пол, — говорил он. — Либо ты уходишь, хлопнув дверью, и тогда нанесешь вред себе, своей семье и Фонду так, что сам об этом пожалеешь, когда оглянешься в прошлое несколько лет спустя. Либо ты пожмешь дружескую руку, которую тебе протягивают, и тогда Фонд использует все свои огромные возможности, чтобы найти тебе подходящую работу.

«Дружескую руку» — вот, значит, как это называется. Холодная аристократичность леди Сары и надменное могущество Энтони Джулиуса, казалось, физически душили меня.

Я сказал им, что не успел сделать все, что нужно. Тут наконец в разговор вступила леди Сара.

— Но чего ты добиваешься? — сердито спросила она. Твоя работа никому не нужна!

И снова вступил Энтони Джулиус

— Подумай, Пол, когда в Кенсингтонский дворец стали присылать деньги, мы с леди Сарой и Майклом Гиббинсом учредили Фонд. Если бы не мы, вопрос о твоей работе в Фонде вообще бы не стоял, потому что не было бы никакого Фонда.

Видимо, он хотел, чтобы я проникся благодарностью.

— Осторожно. «Если» — слишком опасное слово. Ведь если бы принцесса не умерла, мне бы тоже не пришлось работать в Фонде, — заметил я.

— Да, Пол, — раздраженно вмешалась леди Сара, — «если» — опасное слово. И очень полезное, — тут она решила успокоиться и попробовать подобраться ко мне с другой

стороны. — Разве Мария и мальчики счастливы, что ты все время в Лондоне и они совсем тебя не видят?

Почему, когда у людей заканчиваются аргументы, они начинают давить на совесть?

— Моя семья всегда поддержит меня, чем бы я ни занимался, — ответил я, закусив губу, зная, что Спенсеры в грош не ставят семейную близость.

— Пол, мы всего лишь пытаемся помочь тебе принять решение, — сказал Энтони Джулиус.

Я спросил его, записывается этот разговор или нет.

— Записывается, но если не хочешь, выключим, — ответил он. — Члены правления знают о нашей встрече и хотят получить полный отчет.

Леди Сара копалась вилкой в салате. Я даже не притронулся к рыбе, которую заказал. Я почувствовал, что вот-вот выйду из себя, попытался сдержаться, но не получилось.

— Я не узнаю вас, люди! У меня больше нет сил все это слушать, — голос у меня дрогнул. — Надеюсь, вы меня простите, но я пойду.

Я встал, взял свое пальто со спинки стула и пошел к двери.

— Значит, еще увидимся, Пол? — донесся до меня голос леди Сары. Ее сестра никогда бы так со мной не поступила. При этой мысли я заплакал и бросился к выходу.

Я поймал такси, вскочил на заднее сиденье. Тут я не выдержал и взвыл от досады.

— Эй, ты там как, ничего? — спросил меня водитель, глядя в зеркало заднего вида.

— Да, сейчас приду в себя. Просто только что узнал одну печальную новость. Можете отвезти меня к Кенсингтонскому дворцу?

Больше мне некуда было идти. Конечно, теперь я не мог пройти внутрь, но у меня всегда оставалась возможность побродить в парке. Там я собрался с духом, после чего оправился в кафе «Доум», где встретился с репортером «Дейли Мейл» Ричардом Кеем: он был один из тех, кто знал принцессу лучше, чем кто-либо в Фонде. Он был способен понять, как все это несправедливо и неправильно. В «Дейли Мейл» не появилось ни строчки о нашей встрече. Но к пятнице в «Ньюс оф зе Уорлд» Клайв Гудмен написал о моем скором увольнении.

А в понедельник доктор Пёркис вызвал меня в свой кабинет. У него на столе были вырезки из газет за прошедшие выходные. Он сказал мне, что из достоверных источников ему стало известно, что я встречался с журналистами и «обсуждал дела Фонда». Мне уже было все равно. Мы в очередной раз поспорили,

на прощанье он сказал:

— Ладно. Я позвоню тебе и скажу о своем решении.

Чтобы замять возмущение, которое вызвало мое увольнение, хотя бы среди своих, доктор Пёркис объявил сотрудникам Фонда: «Этот случай всего лишь буря в стакане воды. А бульварная пресса подняла шумиху из ничего».

В последнюю пятницу перед Рождеством, 18 декабря, доктор Пёркис позвонил мне домой и сказал, что у них «не осталось другого выбора, кроме как предупредить меня об увольнении». Я вернулся на работу 21 декабря, чтобы забрать свои вещи и поговорить с исполнительным директором. На этот раз он был сама доброта. Я вошел в его кабинет и сказал:

— Я пришел попрощаться. Доктор Пёркис ответил;

— Я хотел сказать тебе спасибо за все, что ты сделал за прошедшие десять месяцев. Ты хорошо поработал.

— Все, что я делал, я делал ради принцессы. Для того чтобы память о ней была жива, и ни для чего другого.

— Я знаю, как тебе сейчас тяжело.

— Нет, не знаете. Вы понятия не имеете, что я чувствую. Вы и ваше правление не смогли оценить мой внутренний потенциал, и насколько полезен я мог быть для Фонда.

— Это неверно, Под, — принялся защищаться доктор Пёркис. — И ты знаешь, что все члены правления радеют за дело нашего Фонда.

— Эндрю, этот Фонд не имеет ничего общего с той женщиной, у которой я служил. Его деятельность не отвечает ее желаниям, ее идеям!

— Мы так не считаем, Пол. И сделаем все возможное, чтобы Фонд продолжал существовать и с гордостью носил ее имя.

— Эндрю, мне неприятно отсюда уходить, но я желаю вам удачи, — тут я положил ему на стол рождественскую открытку. — Если эта открытка от вас, то я возвращаю ее обратно.

Снаружи на ступеньках меня ждала Джеки Аллен. Толпа журналистов уже приготовилась засвидетельствовать мой уход из Фонда. Джеки обняла меня. Это был знак солидарности. Через некоторое время из Фонда уйдет и она сама, и Джейн Харрис, и Джо Гринстед — так эта организация потеряла еще трех людей, знавших и любивших Диану.

— Что вы чувствуете, Пол? — прокричал один из журналистов.

— Мне грустно.

— Вы будете продолжать благотворительную работу принцессы?

— Постараюсь.

Я влез в машину, ждавшую меня, и уехал. Больше леди Саре Маккоркодейл не мешался надоедливый дворецкий. Но как оказалось, это было не последнее мое столкновение с сестрой принцессы.

Мы еще раз окажемся лицом к лицу. Четыре года спустя. В Олд-Бейли — центральном уголовном суде.

В первый день нового 1999 года мне позвонил Клайв Гудмен — репортер из «Ньюс оф зе Уорлд».

— Мне сказали, что пропали серьги, принадлежавшие принцессе. Ты не мог бы это прокомментировать?

— Извините, откуда у вас такие сведения?

— Ты же знаешь, я не могу этого сказать, Пол. Но, уверяю тебя, это очень надежный источник.

Мое беспокойство можно было понять. Ювелир Дэвид Томас, леди Сара Маккоркодейл и я лично отправили все драгоценности принцессы в Альторп. Я составил список всех серег и видел, как их увезли в поместье Спенсеров.

Я позвонил пресс-секретарю фонда Ванессе Коррингем и рассказал ей о разговоре с Клайвом.

2 января 1999 года я писал в письме своим друзьям из Кентукки Ширли и Клоду Райтам:

Мне тут пришло в голову, что кто-то сознательно старается подорвать мою репутацию, особенно теперь, когда я ушел из Фонда под сочувственные комментарии прессы. Мне кажется, кто-то хочет замарать мое имя грязью. Или я схожу с ума?

Мне было сорок четыре, и я лишился всего, что было смыслом моей жизни: я лишился принцессы, я лишился работы во дворце. Впервые с тех пор, как я в 1976 году поступил на службу во дворец, я оказался без работы. Но я не сдался, я решил использовать те знания, которые я получил за годы королевской службы. Я написал книгу об этикете и правилах поведения «Развлечения со вкусом». (В США она вышла под названием «В королевском стиле» [29]). Оказалось я все еще могу зарабатывать на своей профессии. Деньги которые я получил за книгу, позволили нам перебраться из нашего старого дома в Фарндоне, который оценивался в 110 тысяч фунтов, в более просторный георгианский особняк за 185 тысяч фунтов. Затем я стал ездить с лекциями о дворцовом этикете и королевских традициях. Иногда я получал за них до 3000 фунтов, но чаще всего читал их в благотворительных целях.

Именно эта деятельность привлекла ко мне внимание Скотленд-Ярда. Кому-то не понравилось, что я рассказываю

людям о королевской жизни. Проверив мой банковский счет, они не поверили, что там может быть так мало. По их мнению, два плюс два должно было получиться пять.

В четверг 18 января 2001 года чья-то рука взяла медный молоточек и постучала в синюю дверь дома. Было еще темно. Мария уже встала и готовила завтрак. Я посмотрел на часы на тумбочке у кровати — не было еще семи. Это прибыли полицейские из Скотленд-Ярда — особое подразделение по расследованию преступлений, известное как S06.

— Дорогой! — закричала Мария снизу. — Тут к тебе пришли.

Я надел белый халат, вышел из спальни и стал спускаться по нашей крутой и узкой лестнице. Снизу меня ждала Мария. Она была в синей ночной рубашке. Она вся тряслась.

— Это полиция, — шепотом предупредила она.

Я споткнулся на последней ступеньке, но удержался на ногах, прошел мимо кухни в холл, в котором на персиковых стенах висели фотографии из моих поездок с королевой, принцем Чарльзом и принцессой. За дверью меня ждали двое. Одеты с иголочки, лица мрачные: плотная блондинка, детектив-инспектор Максин де Бруннер и высокий мужчина с густыми черными волосами — детектив-сержант Роджер Милберн. Передо мной мелькнуло удостоверение в кожаной корочке.

— Вы арестованы по подозрению в краже золотого украшения. Вы можете хранить молчание, но если, отвечая на вопросы, не упомянете те факты, на которые собираетесь опираться в суде, это может подорвать вашу защиту. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас, — сказал Милберн.

Они арестовали меня по делу, расследование которого велось с прошлого года, когда стало известно, что был украден и продан золотой арабский кораблик в восемнадцать дюймов длиной, украшенный драгоценными камнями, — подарок на свадьбу принцу и принцессе Уэльским от эмира Бахрейна. Кораблик оценивался в 500 тысяч фунтов. Его выставили на продажу в антикварном магазине «Спинк» в Лондоне. «По непроверенным данным» полиция узнала, что это я распорядился корабликом. На таком дурацком основании они появились у моей двери. С этого начался кошмар для меня и моей семьи. С этого же началось одно из самых скандальных дел в английской судебной и политической истории.

Я сидел на подлокотнике дивана. Из кухни до меня доносился запах жареных сосисок. Мальчики еще спали. Белль — наш терьер — подошла и стала обнюхивать ботинки пришедших.

«У вас в доме есть предметы из Кенсингтонского дворца?», «Вы можете что-нибудь сообщить о местонахождении украденной

вещи?». Затем Милберн задал мне два совсем уж странных вопроса. Первый был таков: «Где находится рукопись мемуаров, которые вы пишете?».

Тут я окончательно понял, что полицейские сами не знают, что ищут. Не было никакой рукописи. Эту книгу я начал писать только в апреле 2003 года. Она стала плодом как раз того ареста. Я решил написать ее именно потому, что Скотленд-Ярд бросил тень на мои отношения с принцессой. Но в январе 2001 года я и не думал ни о каких мемуарах.

Затем они задали второй удивительный вопрос: «Леди Сара Маккоркодейл сказала, что шкатулка, принадлежавшая принцессе Уэльской, находится у вас. Она требует, чтобы вы вернули то, что в ней было. Вы забирали эту шкатулку из Кенсингтонского дворца?».

Как это? Я был потрясен. Последний раз я видел ее именно у леди Сары. Я знал, о чем идет речь: о вместительной шкатулке красного дерева, в которой принцесса хранила свои самые личные бумаги и документы. После ее смерти мы открыли эту шкатулку вместе с леди Сарой. И, насколько я помню, она тогда же забрала ее.

Мои мемуары. Тайны принцессы. Вот зачем пришли полицейские. А поиск «свидетельств продажи золотого кораблика» был только поводом. Стоит ли говорить, что таких документов у меня не было в помине?

Де Бруннер увела Марию на кухню, и я остался с Милберном.

— Если вы отдадите нам то, что мы ищем, мы уйдем отсюда. Если нет, нам придется обыскать дом, — сказал он мне.

А в это время ту же мысль попыталась донести до моей жены де Бруннер:

— Советую вам, миссис Баррел, убедить своего мужа отдать нам то, что мы ищем.

На суде в 2002 году оба полицейских уверяли, что они такого не говорили. «Это совершенно неверно», — сказал Милберн. «Это не соответствует истине», — сказала де Бруннер.

Я сказал, что у меня нет никаких документов относительно золотого кораблика, нет бумаг из шкатулки и нет никаких мемуаров; в дом зашли еще три полицейских, которые до этого ждали в машине, и начался обыск. Перерыли все шкафы, комоды, полки, тумбочки. Одному из полицейских поручили следить за мной. Он стоял у двери ванной, пока я принимал душ, охранял вход в спальню, пока я одевался. Полицейские обыскали весь дом: первый, второй и третий этаж, даже чердак. Десятки полиэтиленовых мешков набили вещами, которые попали в мой дом из Кенсингтонского дворца: разные мелочи, подаренные мне

принцессой на память; платья, костюмы, туфли, шляпы и сумочки которые она отдала Марии; фотографии; вещи, которые она поручила мне хранить; вещи, которые она просила выкинуть, но я не решился. Драгоценные воспоминания, дорогие сердцу вещи были уложены в мешки как предметы, которые Пол Баррел украл у Дианы, принцессы Уэльской, как только она умерла.

И снова я оказался не в состоянии защитить тот мир, который был призван охранять. В Мемориальном фонде меня не захотели слушать, там не поверили, что я хорошо знал принцессу. А теперь Скотленд-Ярд поставил под сомнение самое святое для меня: добросовестность моей службы у принцессы. В Фонде сочли, что ее смерть так потрясла меня, что я был не в состоянии работать, но, по крайней мере, они не сомневались в моей преданности принцессе. Зато полицейские не только разорили мой дом, но и обвинили в самом страшном, в чем только можно обвинить слугу.

Марии в тот день надо было срочно везти свою мать в больницу. В девять, как обычно, пришла моя племянница Луиза Косгроув, работавшая моим секретарем, и с удивлением обнаружила в доме полный хаос. Мария отправила мальчиков в школу, сказав им, что полиции «просто надо было кое-что проверить». Не помню, чтобы я их видел в то утро. Луиза стала звонить адвокатам. Незадолго до десяти пришел адвокат Эндрю Шоу. Он был местным судьей, а также адвокатом в своей собственной адвокатской конторе в Честере «Уокер Смит & Уэй». Его поддержка, трезвый подход к делу, а впоследствии и его дружба помогли мне пережить тот день и следующие полтора года.

Я сидел за столом в своем кабинете. За моей спиной стоял полицейский. Я рассеянно смотрел на фотографию принцессы в синей бейсболке на стене, на сингл Тины Тёрнер «Ты — самый лучший» с подписью «Диана» — подарок Марии на день рождения, когда ей исполнилось сорок. На столе, справа, стоял ее фотопортрет, сделанный лордом Сноудоном. Принцесса стояла в розовом, расшитом бисером платье. Я слышал шаги полицейских у себя над головой и грохот мешков, стаскиваемых по лестнице. Мне казалось, это я стал свидетелем ограбления.

Полицейские ушли наверх, чтобы «напасть на след золотого кораблика», как они выразились. Там они, по их мнению, нашли бесценные сокровища, которых не может быть ни у какого слуги: посуда, статуэтки, рамочки для фотографий и сами фотографии, одежда, картины, диски, сумочки, шляпы, туфли, письма.

Я слышал крики на лестнице; «Несите еще мешки! Еще мешки!»

«Лучше найдите для нас мебельный фургон!» — раздалось в

ответ.

«Боже мой! — подумал я. — Можно подумать, что детей запустили в магазин сладостей!»

Вечером меня арестовали во второй раз. «Мистер Баррел, вы арестованы по подозрению в краже тех предметов, которые были обнаружены в ходе следствия».

Вместо документации, подтверждающей продажу золотого кораблика, они нашли огромное количество вещей, так или иначе связанных с Королевским домом. Я не мог взять в толк, почему это их удивило. С восемнадцати лет я жил во дворцах и в замках, где прислуге отдают ненужную одежду и безделушки, делают щедрые подарки. Но полиции это было неизвестно. Для них это было уникальное дело: они поймали за руку вора, который обворовывал королевское семейство. А ведь пришли всего лишь за «свидетельствами продажи» золотого кораблика.

Обыск длился с семи утра до восьми вечера. Они перевернули весь дом.

Они нашли конторку, которую принцесса подарила Александру, увидели на ней табличку: «Подарено городом Абердин Его Королевскому Высочеству принцу Уэльскому и леди Диане Спенсер по случаю их бракосочетания 29 июля 1981 года». «Украл», — решили полицейские.

Они нашли хлыст Индианы Джонса, который мне отдала принцесса, зная, как я люблю все, что имеет отношение к кино. Прочитали и о нем: «Подарен Его Королевскому Высочеству принцу Уэльскому в день премьеры фильма „Индиана Джонс и последний крестовый поход" 27 июня 1989 года». «Украл», — решили полицейские.

Они нашли Библию, которую я читал над гробом принцессы во время бдений в Кенсингтонском дворце. «Тоже украл», — решили они. Так, ничего не зная о дворцовой жизни, полицейские радовались, что им удалось унести больше четырехсот предметов, принадлежавших королевской семье.

Я сидел за своим столом и плакал. Мне было страшно. Я был вынужден смотреть, как весь мой мир разваливается на кусочки, а это очень тяжело. В одно мгновение я понял, к чему это приведет, тогда как остальные еще не понимали. Я знал, какие будут последствия.

— Что они делают? — кричал я Луизе. — Они же не понимают, что делают!

Поговорить со мной пришел Эндрю Шоу. Он сказал, что я плохо выгляжу, и настолько обеспокоился моим состоянием, что вызвал полицейского врача. Тот приехал, отметил мое подавленное состояние, но сказал, что это «не исключает

возможности ареста». А я сидел и думал только о том, что полицейские сами не понимают, что творят. В этом обыске, которому я не мог помешать, они поставили под угрозу частную жизнь принцессы. Они просмотрели сотни писем, которые принцесса отдала мне именно потому, что боялась хранить их в Кенсингтонском дворце. Они открывали, ломая печати, запечатанные коробки с документами. Они забирали пленки, чтобы проявить фотографии. Полиция рылась в личной жизни принцессы, и это было отвратительно. Я считал, что подвел ее, когда впустил их в свой дом. Еще никогда я не чувствовал себя таким никчемным. Таким усталым. Таким больным.

Полиция не понимала, к чему это приведет, но я видел перед собой череду лиц: принцесса, принц Чарльз, Уильям, Гарри… и королева. Тот мир, который я защищал, вывернули наизнанку и выставили на всеобщее обозрение. Полицейские постарались, чтобы мой арест, а также те огромные мешки, которые они выносили из моего дома, привлекли внимание прессы.

Мою преданность принцессе поставили под сомнение на глазах у всего мира. Следствие не собирались вести тихо. Они хотели, чтобы оно шло на глазах всего народа, чтобы о нем говорили. Все, что я защищал, вытащили на базарную площадь на поругание.

«АРЕСТОВАН ДВОРЕЦКИЙ ДИАНЫ», — кричала «Дейли Мейл» на следующий день, а рядом была фотография: меня ведут в полицейский участок в Рункорне. Я был раздавлен.

— Вы понимаете суть выдвинутых против вас обвинений, мистер Баррел? — спрашивал полицейский сержант в участке Рункорна.

В этой голой комнате, похожей на подвалы Букингемского дворца, молча выкладывая вещи из карманов своего пиджака, я уже вообще ничего не понимал.

— Будьте любезны, снимите еще ремень, галстук и вытащите шнурки из ботинок, — добавил он. Они не оставляли мне ничего, на чем можно будет повеситься. — Так положено, мистер Баррел.

Тут меня взяла за руку взяла женщина в полицейской форме. У нее были коротко стриженные светлые волосы.

— Не волнуйтесь. Я буду о вас заботиться, — сказала она с сильным ливерпульским акцентом. Она повела меня по коридору к моей камере. Ее звали Кейт Мёрфи. У нее было очень доброе лицо, увидеть которое было очень приятно после стольких часов в обществе дуболомов Скотленд-Ярда.

За мной шел Эндрю Шоу. Стук наших шагов отдавался эхом по коридору. Эта суета привлекла внимание других заключенных.

Они принялись кричать, топать, стучать по дверям. У одной из тяжелых металлических дверей мы остановились. Кейт Мёрфи распахнула ее, пропуская меня внутрь. Я не мог поверить в то, что происходит. Это было тоскливое помещение с голыми крашеными бежевыми стенами и крошечным квадратным окошком. В углу был унитаз из нержавейки.

— К сожалению, изысков французской кухни тут не дают, — пошутила она. — Все готовят в микроволновке. Но карри рекомендую, — она улыбнулась.

Когда мой адвокат ушел, посоветовав «мужаться», я первый раз за тот день поел — то самое карри. Из пластикового контейнера пластиковой вилкой.

Я попытался заснуть, но не смог. Вместо кровати тут был широкий каменный выступ. Ни подушки, ни одеяла. А матрас был больше похож на мат, на которых занимаются легкоатлеты.

На следующее утро пришел детектив-сержант Роджер Милберн. Он засыпал меня вопросами, но я, по совету Эндрю Шоу, молчал. И снова его гораздо больше интересовало содержимое шкатулки, личная переписка принцессы и мои несуществующие мемуары. Можно было подумать, что четыреста предметов, вынесенные из моего дома, это такая мелочь, на которую даже не стоит тратить время. Пять часов я сидел и ломал голову: что происходит? Он задавал мне вопрос, а я отвечал: «Без комментариев».

Конечно, это какая-то ошибка. Когда королевская семья узнает о том, что произошло, весь этот кошмар закончится.

Когда меня выпустили под залог, я искренне полагал, что кто-нибудь из Скотленд-Ярда, из Букингемского, Кенсингтонского или Сент-Джеймсского дворца — королева, принц Чарльз, принц Уильям — что кто-нибудь поймет, что произошла ошибка. По всей Британии в королевских дворцах слуги получали сотни подарков. Трогательные вещицы которые напоминают о годах службы. Слуги традиционно рассчитывали на подарки от своих хозяев еще со времен Георга V. Это знали все, кто имел дело с Королевским домом. Это знали все члены королевской семьи.

Но вокруг — тишина, которая сводила меня с ума.

Глава шестнадцатая

ШПИОНСКИЕ СТРАСТИ

— Пол, старший сын желает с тобой встретиться, — услышал я по своему мобильному. Так слуги называли принца Чарльза. Принц Эндрю был «любимый сын», а принц Эдвард — «младший сын».

В месяцы, последовавшие за моим арестом, осторожность в разговорах была крайне необходима. Как позже оказалось, двадцать телефонов моих друзей и родственников постоянно прослушивались. Поэтому по телефону надо было стараться не упоминать имен и говорить только общими словами.

После долгих месяцев, когда я терзался вопросом, почему королевская семья забыла обо мне и позволяет так страдать, вдруг раздался звонок. Это было 2 августа 2001 года. Из Лондона звонил человек, который вел для меня переговоры с помощниками и советниками принца Чарльза. Вот уже месяц он пытался договориться с принцем о встрече со мной. Этот человек, имя которого я не хочу называть, оказался в незавидном положении, вынужденный разрываться между мной и дворцом. Причем обе стороны представляли, как важно это дело и какой ущерб оно может нанести.

Я не хотел выдавать полицейским тайны королевской семьи. Я хотел только поговорить с принцем Чарльзом один на один, чтобы все ему объяснить. Я хотел, чтобы он понял, что это какая-то страшная ошибка. Я хотел, чтобы Уильям и Гарри знали, что я невиновен.

Этот деловой звонок дал мне надежду. Наконец-то произойдет сдвиг, и причем очень скоро — меньше чем через сутки.

— Он согласился с тобой встретиться. Ты должен поехать в Глостершир. Там ты получишь дальнейшие указания. Встреча состоится в чужом доме. Там тебя будет ждать старший сын. Он хочет раз и навсегда во всем разобраться. После долгих месяцев, когда я мог только сидеть и жалеть себя, на меня вдруг нахлынула буйная радость. Как только принц Чарльз выслушает меня, он поймет, что я невиновен! Он все поймет. Всю весну и все лето мне казалось, что я, как в кошмарном сне, пытаюсь закричать, но из моего горла не вылетает щи звука. И теперь человек, на которого я когда-то работал, отец мальчиков, которые выросли на моих глазах, согласен выслушать меня, тогда как с января никто из Виндзоров не соизволил оказать мне этой чести. Мне пришлось ждать несколько месяцев, прежде чем у меня

появился хоть малейший повод для радости.

На первый осторожный контакт со мной Виндзоры пошли через две недели после моего ареста. К тому времени журналисты, расположившиеся вокруг моего дома, уже исчезли. Я был у себя дома в Фарндоне, когда мне в первый раз позвонил тот человек, который пытался говорить обо мне с приближенными принца Чарльза. В то время я еще пытался осмыслить то, что со мной произошло. Он сказал:

— Как мне сказали, он знает, что один из бывших слуг его жены оказался под следствием. Он также сказал, что ты по-прежнему занимаешь особое место в сердцах его детей. Его семья обеспокоена. Тебе предлагают написать ему письмо и объяснить, как все эти вещи оказались в твоем доме. Это может стать первым шагом.

Он позвонил мне в последнюю неделю января 2001 года. Это очень важно, потому что во время дополнительного расследования, которое по поручению принца Уэльского проводил сэр Майкл Пит, утверждалось, что я первым стал делать попытки связаться с Сент-Джеймсским дворцом, что это я умолял принца о встрече, наглым образом пытаясь создать базу своей будущей защиты. Никаких опровергающих доказательств не было, и они утверждали, что мои попытки встретиться с принцем Чарльзом начались в апреле 2002 года.

Но на самом деле, это они мне позвонили. А не я им. Тот человек, действовавший в роли посредника, после того как я рассказал ему, как обстояло дело, позвонил мне и предложил написать письмо. Причем предложил не от своего имени. Это предложение исходило от заместителя личного секретаря принца — Марка Болланда, проницательного человека, так же беззаветно преданного принцу, как я был предан принцессе. И он, и личный секретарь принца сэр Стивен Лампорт внимательно следили за ходом следствия, понимая, к какой вакханалии в прессе может привести публичное разбирательство этого дела. Но это неправда, что я первым стал искать встречи с принцем. Это была его инициатива, чтобы я написал принцу Чарльзу, и это он предложил мне позже написать принцу Уильяму.

Марк Болланд сообщил адвокату принца Фионе Шеклтон о переговорах, которые он вел со мной через посредника, но отказался открыть имя этого человека, действовавшего в интересах обеих сторон. Было ясно, что в те дни принц Чарльз старался сделать все возможное, чтобы его имя не звучало в суде. Я же лелеял слабую надежду, что он уверен в моей невиновности. Но, кроме того, у меня была еще одна дилемма.

С тех пор как меня выпустили под залог, на меня были

наложены ограничения, которые не позволяли мне свободно выражать свои мысли в этом письме. Окончательное объяснение всех фактов должно было состояться в суде, поэтому в переписке надо было соблюдать осторожность. Я сидел в офисе моего адвоката Эндрю Шоу в Честере, и мы составляли письмо, из которого принц Чарльз сразу бы понял, что у меня самые честные намерения и что в моей верности принцессе сомневаться нельзя. Вот о чем я хотел написать, но получилось довольно холодное письмо, написанное казенным языком. 5 февраля письмо оказалось в руках моего посредника. Через некоторое время он передал его Марку Болланду. Так мое письмо попало в Сент-Джеймсский дворец.

Я думал тогда, что это было самое важное письмо, которое я написал в своей жизни, что оно спасет меня от этого безумного кошмара. Принц Чарльз, конечно, все поймет, когда прочитает это письмо:

Ваше Королевское Высочество,

Я благодарен вам за то, что вы предоставили мне возможность высказать вам мое мнение о сложившейся ситуации… 27 февраля я буду вызван на очередной допрос.

Как вы знаете, за годы моей службы моя жена Мария, мои сыновья и я сам не раз получили доказательства щедрости членов королевской семьи. Чтобы быть точным, принцесса дарила мне подарки, а также доверяла мне некоторые свои тайны, выраженные как в устной, так и в письменной форме. Полиция забрала из моего дома множество предметов, которые были мне переданы членами королевской семьи и имели для меня особую ценность, напоминая о времени, когда я служил у принцессы. И самое главное, полиция забрала те материалы, которые принцесса поручила мне хранить в тайне. Кроме того, в моем доме были и некоторые вещи, принадлежавшие королевской семье, которые я хранил сначала в кладовой, а в последнее время перенес на чердак своего дома… На данный момент мне еще не предъявили обвинения.

Это ужасно, когда тебя публично обвиняют в подлости. Мне тяжело думать о том, что Вы, принц Уильям или принц Гарри можете решить, что я подвел вас или принцессу. Я всегда заботился о том, что считал «своим миром».

Может быть, наша встреча могла бы уладить все недоразумения и положить конец этой опасной ситуации, последствия которой с каждым днем становятся все более непредсказуемыми.

Ваш, по-прежнему преданный и покорный, слуга Пол.

Но этот жалобный вопль не был услышан. Долгие месяцы меня никто не хотел слушать, и даже последняя надежда донести до кого-то, что я чувствую, рухнула.

Мне снова позвонил посредник.

— Это письмо ничего ему не скажет. Оно ничего не объясняет. Боюсь, что его даже не передадут старшему сыну.

Сердце у меня упало.

Марк Болланд надеялся получить информацию, проливающую свет на это дело, вместо этого перед ним оказался жалобный вопль ложно обвиненного. Письмо мне вернули во вскрытом конверте. Оно дошло до Сент-Джеймсского дворца, но, как мне сказали, не попало к принцу Чарльзу.

Я упустил возможность оправдаться в глазах Чарльза. К тому же после суда меня обвиняли в том, что я никому не говорил, что брал вещи из Кенсингтонского дворца «на хранение».

Но это была неправда. Я говорил об этом королеве во время того разговора в 1997 году. Я сообщил об этом в письме принцу Чарльзу от 5 февраля 2001 года. А в апреле я говорил то же самое в письме к принцу Уильяму — наследнику наследника престола, письме, которое, без сомнения, прочитал не он один. Я сказал об этом трем самым важным людям в государстве, но никто не захотел меня понять. Никто не захотел меня слушать до тех пор, пока я не оказался на пределе физических и душевных сил.

3 апреля сэр Стивен Лампорт, Фиона Шеклтон и личный секретарь королевы сэр Робин Джанврин встретились в Сент-Джеймсском дворце со Спенсерами, представителями Скотленд-Ярда и Королевской службы уголовного преследования. Кто-то из последних сказал, что если меня признают виновным, то мне грозит как минимум пять лет лишения свободы. «Отягчающим обстоятельством будет то, что он воспользовался доверием королевской семьи», — сказал он собравшимся. Было высказано также еще одно интересное замечание: поскольку большая часть найденных у меня вещей принадлежала не принцу Чарльзу, а принцессе, то решение о приостановке дела могут принимать только душеприказчики принцессы. А значит, в роли «машиниста поезда» под названием Скотленд-Ярд, который несся на меня с бешеной скоростью, выступали Спенсеры, и не было никаких шансов, что они решат затормозить.

Никого не волновало, что ни леди Сара Маккоркодейл, ни миссис Франсис Шенд Кидд понятия не имели о безграничной щедрости принцессы. Но полиция прислушивалась к их не основанному ни на чем мнению: у Пола Баррела должны быть какие-нибудь запонки и пара фотографий — вот и все, что полагается слуге. Его надо судить. Поскольку душеприказчики

принцессы были на стороне полиции, в Скотленд-Ярде не возникало никаких сомнений, что мне вынесут обвинительный приговор. Они бы пришли к другому выводу, если бы удосужились опросить тех, кто, в отличие от матери и сестры принцессы, хорошо ее знал — ее настоящую семью, то есть ее друзей.

Люсия Флеча де Лима, которая была для принцессы как мать: «Принцесса говорила мне, что свою личную переписку отдавала на хранение Полу».

Дебби Фрэнкс — личный астролог принцессы с 1989 года: «Диана считала Пола членом семьи».

Роза Монктон, бывшая для принцессы почти сестрой: «Принцесса постоянно всем делала подарки… Она не раз говорила, что без Пола она как без рук».

Леди Аннабель Голдсмит: «Диана говорила, что могла во всем положиться на Пола… Она общалась с ним, как с подругой».

Сьюзи Кассем: «Пол был третьим по счету, кому она доверяла. После Уильяма и Гарри».

Лана Маркс: «Диана говорила мне, что отдавала Марии платья и аксессуары».

И даже если бы они спросили изготовителя обуви Эрика Кука, они бы узнали, что «Пол и Диана были скорее как брат и сестра, чем слуга и хозяйка».

Но Скотленд-Ярд слушал Спенсеров, которые на момент смерти принцессы даже не знали ее друзей. Полицейские не захотели добраться до сути дела и поговорить с теми, кто был ближе всего к принцессе, хотя есть золотое правило, применимое к любой профессии, — «знай свое дело». Полицейские ничего не знали о том, какой была принцесса Уэльская, и при этом пытались разбирать дело, которое было связано с ней теснейшим образом.

В начале апреля Марк Болланд передал мне через посредника еще один совет: написать принцу Уильяму. Юный принц в это время путешествовал по миру, но если отправить письмо в Сент-Джеймсский дворец, то ему могли переслать его по факсу. 19 апреля я написал ему следующее:

Я так жалею, что за последние несколько месяцев не мог с тобой поговорить один на один. Мне нужно многое тебе объяснить. Я должен был вернуть тебе те вещи, которые принцесса оставляла у меня на хранение и которые у меня изъяла полиция. Я верю, ты знаешь: я всегда ценил доверительное отношение ко мне твоей матери и никогда бы ее не подвел, тем более — не предал. Твой Пол, которого ты всегда знал как

честного человека.

И в этом письме я тоже указал, что брал на хранение некоторые вещи из дворца. Именно поэтому я так удивился, когда на суде в октябре 2002 года королевский адвокат Уильям Бойс положил в основу своих рассуждений тот факт, что, по его словам, «мистер Баррел никогда никому не говорил, что брал на хранение какие-либо вещи». Тогда как Служба уголовного преследования, представителем которой и являлся на суде Уильям Бойс, читала мое письмо принцу Уильяму еще за восемнадцать месяцев до суда. И даже один из их сотрудников, как показало расследование сэра Майкла Пита, *«говорил, что этим письмом… Баррел пытался получить дополнительные аргументы для защиты… и это письмо необходимо представить в суде».*

А значит, Служба уголовного преследования читала мое письмо, но в суде они утверждали, что не видели его.

Но самым важным для меня было то, что я знал: принц Уильям его читал. «Письмо было передано. На этот раз все удалось», — сообщил мне по телефону посредник. Это письмо читал также и принц Чарльз. Как сказала 30 апреля его адвокат Фиона Шеклтон: *«Марк Болланд посоветовал ему написать письмо… мы знали, что оно скоро придет, кто-то предупредил принца Чарльза».*

На той встрече, где были представители Службы уголовного преследования, Скотленд-Ярда и леди Сара Маккоркодейл, в свете моего письма принцу Уильяму встал важный вопрос: выступит ли принц Уильям на стороне обвинения. Когда леди заявила, что окончательное решение остается за ней, Фиона Шеклтон *«сказала, что она не хотела бы, чтобы принц Уильям действовал против душеприказчиков, потому что в таком деле необходима слаженность».*

Тогда у принца Чарльза была возможность защитить меня, подтвердив, что я преданно хранил вещи принцессы. Но он не стал этого не делать.

В свое оправдание принц Чарльз говорил, что он «предпочел бы, чтобы следствие прекратили». Это было то же самое, как если бы, увидев, что его дворецкого посреди улицы избивают какие-то бандиты, он сказал, что это нехорошо и пошел по своим делам.

Как показало впоследствии расследование, которое проводилось по его инициативе, если бы речь шла о ком-то из его слуг, он вел бы себя по-другому. Милберн вспоминал: «Сэр Стивен Лампорт сказал, что слуги принца Чарльза поддержат обвинение, поскольку в деле не замешан никто из его слуг. Это

значило, что они проявили бы меньше энтузиазма, если бы обвиняли слугу принца Чарльза».

Из всего этого создавалось впечатление, что у меня не нашлось ни одного друга в королевских кругах. Это так, но и в кругах профессиональных я вообще стал изгоем. Мой телефон вдруг умолк, а ведь, с тех пор как вышла моя книга «Развлечения со вкусом», он звонил не переставая. Никому не нужны были лекции дворецкого, обвиняемого в краже. Даже благотворительные организации, для которых я раньше бесплатно произносил послеобеденные речи на банкетах, теперь перестали меня приглашать. Единственная компания, которая не отвернулась от меня, была «Кьюнард». Как странно, что та самая организация, приглашение от которой моя мать бросила в огонь в 1976 году, по-прежнему давала мне работу. Я, как и раньше, выступал с лекциями на их лайнере «Елизавета II».

Но это не сильно утешало меня, когда жизнь наносила мне очередной удар исподтишка. Все остальные, с кем я работал, после моего ареста решили умыть руки. Я перестал вести колонку домашнего хозяйства в еженедельном приложении к газете «Дейли Мейл». Им больше были не нужны мои советы относительно приготовления блюд и приема гостей. Для компании «Проктор энд Гэмбл» я стал крупной рекламной катастрофой. Я подписал с ними контракт о том, что снимусь в рекламе бумажных полотенец. Фотопробы уже были сделаны, и все готовились к съемкам. Но тут меня арестовали. Компания решила, что я могу испортить им репутацию, и поспешила смыть пятно позора, выплатив мне 20 тысяч фунтов — часть того, что я должен был получить — и объяснив, что съемки не состоятся. Этих денег плюс наши сбережения было достаточно, чтобы мы смогли дожить до следующего года.

Одному Богу известно, сколько денег я потратил в то тяжелое для меня время на мерло и кьянти, и это тогда, когда нам надо было экономить. Мария отказывала себе во всем, даже перестала пользоваться косметикой. Она вспомнила свои навыки горничной и устроилась уборщицей в доме своей знакомой, чтобы получать хоть какие-то деньги. А я тем временем с каждым днем все больше и больше погружался в депрессию. Я лежал в постели до одиннадцати, потом садился за свой стол и думал обо всем, что случилось. Вечерами я выпивал по три бутылки вина, иначе мне не удавалось заснуть.

В четыре часа утра я просыпался, садился в кровати и смотрел сквозь щель в занавесках, нет ли под моими окнами подозрительных машин. Я просыпался от кошмаров в холодном поту. Почти два года меня не покидала мысль, что вот-вот на

моем пороге снова появятся полицейские. И до сих пор, когда почтальон стучит в дверь, я мысленно возвращаюсь в 18 января 2001 года.

Я сидел и жалел себя. Слава богу, что моя жена оказалась такой сильной женщиной. Ее стойкость, ее поддержка, бесконечные жертвы, на которые она шла: например, когда против своей воли согласилась переехать из Хайгроува в Старые конюшни; она мирилась с тем, что «теряла» меня, потому что я все время посвящал принцессе; она растила наших детей, тогда как я ушел с головой в свою работу, а когда служил в Фонде, целыми неделями жил в Лондоне. Когда мне было тяжело, я всегда знал, что могу рассчитывать на ее поддержку. Все те годы, когда принцесса опиралась на меня, я в свою очередь опирался на Марию. Забудьте о том, что принцесса звала меня своей опорой. Единственной по-настоящему надежной опорой была моя Мария. Она старалась утешить меня, она выносила бутылки из-под вина.

— Слушай! — говорила она. — Хватит себя жалеть. Вспомни о детях. Им нужен сильный отец. Они не должны смотреть, как ты разваливаешься. В этом доме у тебя тоже есть обязанности.

— Но я не могу со всем этим справиться! — кричал я. Тогда Мария хватала одну из фотографий принцессы и тоже начинала кричать:

— Ты сам выбрал *этот* путь! Так и иди по нему! Как я иду по нему и не жалуюсь. Когда она была жива, то хотела, чтобы ты все время был с ней. Ты и сейчас с ней.

Мария считала, что мне давно пора начать новую жизнь. Но мне было приятнее оставаться в 1997 году с воспоминаниями о моей хозяйке. Ее фотографии заполняли все стены, и, когда я глядел на них, мне становилось легче. Даже спустя четыре года после ее смерти она по-прежнему стояла для меня на первом месте. И только потом семья.

В октябре 2001 года полиция арестовала еще одного «подозреваемого» — моего брата Грэма. Как и ко мне, они пришли к нему на рассвете. И перерыли весь дом. Его арестовали и подвергли допросу на том основании, что у него были обнаружены две тарелки с королевским гербом, фотография принцессы с ее автографом, картина, на которой была изображена яхта Ее Величества «Сириус», а также литография в рамочке — игра в поло. Обе картины подарил мне принц Чарльз, когда я еще работал в Хайгроуве, а я — тогда же — отдал их Грэму. У нас даже была фотография, сделанная в одной из комнат нашего дома в Хайгроуве, где в кадре оказалась картина с «Сириусом». Снимок был сделан в 1994 году. Грэма обвинили в том, что все найденные у него предметы он украл в 1997-ом.

Грэм, так же как и я, тщетно пытался объяснить полицейским обычаи дворцовой жизни, и донести до них мысль о том, что принцесса была очень щедра. Он рассказал им как забрасывал ее воздушными шариками, наполненными водой, как она трижды звонила ему, чтобы утешить и дать совет, когда его брак был под угрозой.

С тем же успехом он мог сказать им, что только что прилетел с Марса.

— С какой стати принцесса вообще станет разговаривать с шахтером? — презрительно спрашивали полицейские.

Грэму не вынесли обвинения, но он был подозреваемым, и эта пытка длилась десять месяцев. Только тогда полицейские поняли, что у них нет против него доказательств. Но меня заклеймили позором как предателя королевской семьи.

В конце мая, когда я поехал в Честер за покупками, мне на сотовый позвонила Мария. Она чуть не визжала от радости.

— Никогда не догадаешься, что тебе пришло! Приглашение в Виндзорский замок!

Я поспешил домой. На кухонном столе меня ждал конверт с печатью кабинета лорда-камергера. Внутри оказалось приглашение на картоне с золотым краем и монограммой королевы. Вот его текст: «Лорду-гофмейстеру было поручено пригласить *мистера Пола Баррела и миссис Марию Баррел* на службу в часовне Святого Георгия и на прием в Виндзорском замке в честь восьмидесятилетия Его Королевского Высочества герцога Эдинбургского».

Мария была в восторге, я тоже был рад. На свой юбилей 10 июня герцог решил пригласить свою бывшую горничную. Но он был настолько добр, что пригласил заодно и меня. Тот день, ту неделю, тот месяц, тот год осветила для нас не только его внимательность, но и то, что он пригласил нас тогда, когда от нас все отвернулись. Думаю, никому не понять, какое счастье вселило в нас это приглашение, когда я все еще оставался под подозрением. Мне было больно оттого, что ни принц Чарльз, ни принц Уильям не ответили на мои письма. Я цеплялся за веру в то, что если есть на свете справедливость, то здравый смысл возьмет верх и это сумасшествие закончится. В конце концов, все, что я делал, — это заботился о своей хозяйке, когда она была жива, и продолжал защищать ее после ее смерти. Неужели это преступление? Я не надеялся, что люди меня поймут, но и не думал, что преданность теперь считается вне закона. А потому с этим конвертом нам пришло не только приглашение на торжественный прием, но и надежда. Мы увидели, что королева и герцог Эдинбургский протягивают нам руку помощи. Может быть,

настал переломный момент? Но 6 июня, в мой день рождения (мне исполнилось сорок три), зазвонил телефон. Низкий и важный голос произнес:

— Могу я поговорить с Полом или Марией Баррел?

Это был бригадир Хант-Дэвис — личный секретарь герцога Эдинбургского и наш бывший сосед по Старым конюшням. Он сразу перешел к делу.

— После долгих размышлений, посоветовавшись с некоторыми лицами, я пришел к выводу, что будет лучше, Пол, если ты не будешь присутствовать на праздновании в честь восьмидесятилетия Его Королевского Величества герцога Эдинбургского.

Я не мог вымолвить ни слова, настолько невероятным казалось то, что он говорил.

— Мы долго над этим размышляли, и решили, что, поскольку на праздновании будет присутствовать пресса, было бы неправильно отвлекать их внимание от Его Королевского Величества. Уверен, что ты понимаешь: нам нелегко далось такое решение. Но так будет лучше для всех.

Я был настолько потрясен, что не мог ничего ответить. Может быть, я испугался его высокопарного тона. Во всяком случае, быстро попрощавшись, я уставился в окно и попытался переварить услышанное.

«Ну нет уж, — подумал я. — Королева и герцог Эдинбургский меня пригласили. А значит, я все равно пойду, что бы там ни советовал его помощник. Мне нечего стыдиться». Я снял трубку и набрал номер Букингемского дворца.

— Я подумал над вашим советом, и решил, что все равно пойду в воскресенье на торжество вместе с Марией. Так что спасибо за вашу заботу…

— Пол, — перебил он. — Ты не понимаешь. Твое приглашение признали недействительным. Ты уже не приглашен.

Недоумение сменилось гневом.

— А что будет, если я все-таки приду и принесу свое приглашение?

— Тебя не пустят. Думаю, ты не захочешь ставить ни себя, ни королевскую семью в неловкое положение. — Но тут он, видимо, решил утешить меня. Только его утешение звучало просто возмутительно: — Если Мария хочет пойти, то ее приглашение никто не отменял.

Я дождался, пока он отсоединится, и со злостью швырнул трубку. Когда я рассказал об этом Марии, она рассердилась еще больше, чем я.

— Ну и ладно! — объявила она. — Раз они так с тобой

обращаются, то пошли они все к черту!

Вот и все. Еще одна рана добавилась ко множеству наших старых ран.

Мы сразу поняли, что приглашение аннулировала не королева. Это сделали «люди в сером», причем сделали, как они считали, в интересах королевской семьи. Многие из них упивались своей властью, думая, что без них не могло быть осуществлено ни одно дело. Позже я узнал, кто за этим стоял: Хранитель королевского кошелька сэр Майкл Пит — тот самый, кто возглавил королевское расследование, после того как меня оправдали в суде. Он увидел в списке приглашенных фамилию «Баррел» и велел бригадиру не допустить моего появления на празднествах.

Я также знаю, что это было сделано без ведома королевы. В ту неделю она в частной беседе дала понять, что ожидала увидеть меня и Марию. В глазах Ее Величества человек невиновен, пока его вина не доказана, и она не видела ничего особенного в том, чтобы пригласить на прием Баррелов, тем более что на тот момент мне даже не были предъявлены обвинения. Вот еще один печальный пример работы системы, в которой многие считают, что им лучше знать, чем королеве. Те же самые люди старались усмирить жизнерадостный дух принцессы.

Мне сказали, что, когда принц Чарльз узнал о том, что случилось, он выразил недовольство. Он указал на то, что моя фамилия была в списках четыре недели, и никаких возражений не поступало, так что же изменилось в последнюю минуту? Он удивился, что нас не было, так же, как и его мать. Но «люди в сером» решили позаботиться, чтобы я близко не подходил к королеве.

24 июля мой посредник организовал мне встречу с заместителем личного секретаря принца Марком Болландом. И опять же, именно мистер Болланд попросил узнать у меня, смогу ли я встретиться с ним в Лондоне. Мы с посредником доехали в метро до станции Ковент-гарден, продираясь сквозь толпу, повернули налево и направились к клубу «Гаррик». Возле телефонных будок у офисного здания Канала 5 нас ждал Марк Болланд. Втроем мы пошли по Сент-Мартинс-лейн в сторону Трафальгарской площади.

Когда мы проходили мимо театра Герцога Йоркского, у мистера Болланда зазвонил мобильный. Он ответил. Сразу стало ясно, с кем он разговаривает.

— Да, Ваше Королевское Высочество… Да, я сейчас как раз с ним… Да, конечно…

Это был принц Чарльз. Значит, он знал о нашей встрече. Марк Болланд внимательно его слушал.

— Да, сэр… Удачной встречи с премьер-министром, сэр.

К тому времени мы уже прошли мимо театра «Колизей» и оказались возле паба «Корни-энд-Барроу». Было три часа дня.

— Когда-то я тоже так свободно мог общаться с принцем Чарльзом, — сказал я, и он понимающе улыбнулся. Взяв стаканы, мы уселись на барных стульях у столика в нише у окна. Думаю, мы были похожи на бизнесменов, решивших немного расслабиться после трудного утра. И разговор получился деловым.

Марк Болланд сказал, что Уильям и Гарри расстроены тем, что со мной случилось, а также, что принц Чарльз намерен «положить конец этой истории».

— Принц Чарльз очень о тебе беспокоится. Он считает, что тебя слишком долго подвергали изоляции. Но ему нужно знать, откуда у тебя те предметы, которые полиция обнаружила в твоем доме.

Я повторил ему то, что уже говорил своему адвокату: эти предметы либо принадлежали мне, либо были отданы мне принцессой или принцем, либо находились у меня на хранении — и добавил:

— Это какая-то гигантская ошибка. То, что происходит, — ненормально. Я не понимаю, почему меня тогда арестовали, но знаю, что арест сломал мою жизнь и жизнь моей семьи. Если дело будет разбираться и дальше, то на поверхность может всплыть много неприятного. Мне нужно встретиться с принцем Чарльзом и все ему объяснить.

Мы провели в пабе минут сорок. За это время мистер Болланд говорил не меньше, чем я. Поэтому я так удивился, когда впоследствии он говорил: «Пол Баррел плакался мне в жилетку, жаловался, что его жизнь разбита». На это я могу только сказать, что, видимо, ему нравилось выступать в роли жилетки, потому что он с пониманием слушал мои жалобы. Мы пожали друг другу руки и разошлись. На прощание он заверил меня, что постарается убедить принца Чарльза встретиться со мной на следующей неделе.

Верный своему слову, Болланд организовал встречу в Тетбери неподалеку от Хайгроува. 2 августа тот посредник позвонил мне и сказал: «Старший сын желает с тобой встретиться». Встреча была назначена на завтра.

Как выяснилось на королевском расследовании, принц Чарльз считал, что *«если мистер Баррел принесет свои извинения и подтвердит еще раз… то, что писал принцу Уильяму… согласится*

вернуть все вещи и пообещает не раскрывать никакой информации, имеющей отношение к личной жизни принцессы, полиции не придется предъявлять обвинения мистеру Баррелу».

Было решено, что Фионе Шеклтон и Скотленд-Ярду незачем знать об этой встрече.

Я отправился на юг на машине. Чтобы поддержать меня, со мной поехал мой брат Грэм. Мы выехали 3 августа в 6 часов утра, прихватив с собой термос с чаем и бутерброды. День был жаркий. В такую погоду надо ходить в футболке и шортах, но я должен был выглядеть как можно достойнее, поэтому надел серый костюм, а манжеты рубашки заколол запонками в форме букв D, которые мне подарила принцесса. Я не знал, где именно состоится встреча, мне лишь сказали, что принц Чарльз встретится со мной после игры в поло. Он лично просил, чтобы встреча прошла не в Хайгроуве, чтобы мне не нужно было проходить через полицейский пост. Мне показалось, мы ехали целую вечность. Мы уже въехали в графство Глостер, когда у меня зазвонил сотовый. Было около полудня.

Звонил посредник.

— Ничего не выйдет. Произошел несчастный случай.

У меня екнуло сердце. Я припарковался на ближайшей заправочной станции.

— Ты что, шутишь?!

Принц Чарльз упал с лошади и потерял сознание. Его увезли в больницу. Получилось, что мы зря пять часов умирали от жары в машине; пришлось разворачиваться и ехать обратно в Чешир.

— Ну, значит, все. Теперь суд неизбежен, — сказал я Грэму.

Я тогда думал только одно: «Как подозрительно, что он упал с лошади как раз тогда, когда мы должны были встретиться».

Позже оказалось, что я был прав, заподозрив, что это не случайность. Утром 3 августа до игры в поло принц Чарльз вместе с принцем Уильямом встретились с Максин де Брукнер и коммандером Джоном Йейтсом из Скотленд-Ярда. Во время этой встречи принцу изложили обстоятельства дела, причем в сильно искаженной форме. Но им удалось ввести принца Чарльза и его сына в заблуждение. Они усомнились в моей невиновности.

8 августа полиция сделала ход, лишивший меня доступа к Сент-Джеймсскому дворцу. Милберн потребовал от Болланда, чтобы тот подписал бумагу, где говорилось, что Болланд будет выступать как свидетель обвинения. Теперь он не сможет общаться со мной.

Вот показания Майкла Болланда из расследования сэра Майкла Пита: *«В полиции мне открыто признались, что потребовали от меня подписать эту бумагу, чтобы воплотить*

некий хитроумный план. Таким образом они хотели предотвратить дальнейшие контакты между мистером Баррелом и мистером Болландом».

Полиции удалось заставить принца Чарльза и принца Уильяма сомневаться в моей невиновности, им удалось лишить меня единственного способа связаться с ними. Они хотели довести дело до скандального судебного разбирательства, на этом они и сосредоточились. Им было некогда смотреть по сторонам.

В четверг 16 августа я снова оказался в полицейском участке Вест-Энда. Мы с Эндрю Шоу пришли сюда, чтобы передать полицейским мои показания. Тридцать девять страниц текста — двадцать шесть пунктов, в которых объяснялось, насколько я был близок к принцессе, как некоторые из вещей попали ко мне, до какой степени она мне доверяла. Это была моя последняя попытка воззвать к здравому смыслу следователей. За казенным языком скрывался истерический призыв остановиться, оглядеться вокруг и понять, чем они рискуют, затевая это дело.

— Вот показания, которые мы готовы вам дать, — сказал Эндрю Шоу, положив пачку листов на стол в комнате для допросов.

Милберн ушел читать. Меньше чем через час он вернулся с ответом.

— Мистер Баррел, вы обвиняетесь в краже по трем пунктам…

У меня засосало под ложечкой. Меня обвиняли в краже 315 предметов из владений покойной принцессы Уэльской Дианы.

Меня обвиняли в краже 6 предметов принца Чарльза.

Меня обвиняли в краже 21 предмета принца Уильяма.

Выдвигая все эти обвинения, полицейские были уверены, что в какой-то момент между 1 января 1997 года (то есть за восемь месяцев до смерти принцессы) и 30 июня 1998 года я украл из Кенсингтонского дворца столько вещей, что ими можно было доверху заполнить кузов небольшого грузовичка.

Милберн читал мне обвинения, а я не понимал, что происходит. Почему королевская семья не вмешалась? Что все это значит? Чем я заслужил все это? Вот какие вопросы роились у меня в голове, когда напротив меня сел детектив-сержант и сказал: «Я считаю, что ты все это украл. И вот что я скажу: за двадцать лет службы в полиции я еще ни разу не видел такого гнусного злоупотребления доверием».

Но было видно, что он прочитал мои показания. Там я говорил о близких отношениях принцессы с разными людьми. Я, естественно, не называл имен. И сделано это было исключительно для того, чтобы доказать, как она мне доверяла.

— А были ли ваши отношения с принцессой такими уж возвышенными? — спросил Милберн. Видимо, мои показания не удовлетворили любопытства даже полицейских.

Меня вывели в коридор, провели в другую комнату. Там я повернулся к Эндрю Шоу и, сдерживая слезы, сказал:

— Я не могу в это поверить! Я просто не могу в это поверить.

Врач велел мне открыть рот, взял мазок для анализа ДНК. В другой комнате меня заставили окунуть пальцы в чернила для снятия отпечатков. Потом велели встать у стены, повернуть голову вправо, влево, анфас. Сделали три снимка, на которых отразилось все мое отчаяние. Я чувствовал себя одновременно и преступником, и зверем в цирке, который из-под палки выделывает трюки на потеху публике.

Вспышки фотоаппарата для меня плавно перешли в свет прожекторов, заливавший ступеньки у входа в суд Боу-стрит, где на следующий день разыгрывался первый акт того фарса, который решил устроить Скотленд-Ярд. В окружении полиции и прессы я пробирался к зданию, низко опустив голову. Я даже не увидел того, кто ударил меня в ухо, только почувствовал резкую боль. Это кто-то из толпы умудрился все же пробраться ко мне и выразить свое отношение.

— Не останавливайся, Пол! — кричал мне мой брат Грэм. Он вместе с полицейскими старался не подпустить ко мне толпу. До меня вдруг дошло, что многим не нужен был никакой суд, они и так уже решили, что я обворовал принцессу. Они меня ненавидели. Все будут меня ненавидеть. А сейчас мне придется пройти через унижение. Когда сидишь на скамье подсудимых, даже если ты чист перед законом и собственной совестью, то все равно чувствуешь себя преступником. Мне хотелось, чтобы это первое слушание скорее закончилось. Нигде не понимаешь так хорошо, как в суде, реальность ситуации, которая казалась раньше фантастической и невероятной. Вера в то, что я невиновен, которая поддерживала меня все это время, сменилась безграничным стыдом. Вот что делает с людьми скамья подсудимых. Она покрывает тебя позором и не позволяет даже поднять головы, чтобы взглянуть, кто указывает на тебя пальцем.

Чтобы сделать мое унижение полным, а заодно и подмаслить прессу, было решено, что уже на первом слушании дело изложат целиком. В другом случае приставы лишь кратко перечислили бы выдвинутые обвинения, но на этот раз все было по-особенному. Журналистам описали в подробностях все 342 предмета, изъятые из моего дома: каждую фотопленку, каждый диск с указанием исполнителей записанных на нем песен, каждый предмет одежды с указанием цвета и фасона. Выглядело это примерно так:

«Предмет № 193: черная кожаная сумка с серебристыми металлическими ручками, внутри — чек из аптеки «Бутс», черная пластмассовая зажигалка и губная помада». «Предмет № 3: металлическая мельница для перца». «Предмет № 240: Библия» (та самая, которую я читал во время бдений). *«Предмет № 245: блокнот со списком лиц, пострадавших от противопехотных мин».*

30 августа сэр Майкл Пит, недавно назначенный личным секретарем принца Чарльза, встретился с представителями Скотленд-Ярда и выразил сомнения в достаточности улик. Королевское расследование показало: *«Сэра Майкла больше всего беспокоили те последствия, которые может иметь этот суд… Он также выражал опасения, что доказательств недостаточно и суд может оправдать подсудимого. Он считал, что улик против Пола Баррела у полиции мало».*

Но как бы там ни было, путь назад был заказан. Спенсеры хотели, чтобы я испил эту чашу до дна.

На следующий день я с одиннадцатью своими родственниками отправился во Флориду. В аэропорте в Манчестере мой взгляд невольно ловил заголовки в газетах, в руках пассажиров: «Стойкий дворецкий вот-вот рухнет?» вопрошала «Дейли Миррор», «Дворецкого Дианы обвиняют в краже на сумму в 5 тысяч фунтов» говорила «Таймс». «Сенсационное дело дворецкого: после совещания в Хайгроуве ему вынесли обвинения», — кричала «Дейли Мейл». Когда мы приехали на виллу под Орландо, эмоции, которые я старался сдерживать последние сорок восемь часов, вылились наружу. «Плакал как дитя», — позже говорил обо мне мой брат Грэм.

В Британии я мог спрятаться от прессы, но мне некуда было деться от психологического давления. Это был ад. Это было невыносимо. Я все время себя казнил, у меня не было сил трезво оценить ситуацию. Так же и здесь: я не мог сидеть на месте, не говоря уже о том, чтобы отдыхать и наслаждаться солнцем. Я измучил себя своими волнениями и страхами. Но уже сам факт, что мне предъявили обвинение, выжег неизгладимый след на моем чувстве собственного достоинства, которое так много для меня значило.

Но я не хотел портить своей семье отдых. Я мужественно старался держаться, я съездил с ними в Диснейленд, посетил НАСА.

Но к середине поездки усталость и психическое истощение взяли свое. У меня на ступнях облезла кожа, я не мог ходить. Меня отвезли в больницу. Врачи сказали, что причина заболевания — нервы.

К концу 2001 года наша семья осталась почти без денег. В

банке нас предупреждали, что если нам не удастся в следующие три месяца достать денег, то придется перезаложить дом. Мария вернула в магазин кольцо с аквамарином, которое я подарил ей на Рождество. Дела стали совсем плохи. Нам нечем было выплачивать кредит за дом, мы уже просрочили очередной платеж. Не знаю, что бы мы тогда делали, если бы не щедрость наших друзей: семьи Эдвардсов из Рексхема, Райтов из Кентукки, Гинсбергов из Нью-Йорка, Сьюзи Кассем. Когда Скотленд-Ярд обнаружил, что на наш счет поступила крупная сумма от Гинсбергов, они решили, что тут и надо искать: и отправились допрашивать Гинсбергов в их квартиру на Пятой авеню.

— Но ведь это довольно крупная сумма, — говорили полицейские.

— Да, но мы обеспеченные люди, и нам нетрудно помочь другу, который нуждается в деньгах. Что в этом необычного?

Британским полицейским пришлось удовольствоваться этим ответом.

Нам даже пришлось расторгнуть договоры по полисам бессрочного страхования жизней Ника и Александра, чтобы получить дополнительные средства. Наконец, нам удалось набрать достаточно денег для того, чтобы открыть свой цветочный магазин в соседнем Хольте. Я вспомнил, как меня учили в Букингемском дворце составлять букеты, и мой маленький магазинчик стал источником моей жизни не только в смысле финансовом. Он спас меня, потому что теперь мне наконец было чем заняться. У меня есть гордость, и я не мог пасть в глазах своих покупателей: я должен был казаться сильным. Но каждый день в пять тридцать, когда я запирал дверь магазина и вывешивал табличку «Закрыто», у меня не находилось сил идти домой. Я сидел один в задней комнате и думал. Мария хотела, чтобы я был сильным ради детей. И я хотел, я пытался. Но у меня ничего не вышло. Я плакал в магазине, потому что моя семья уже устала от моих слез. А наедине с собой я мог плакать сколько угодно — никто не узнает… Конечно, Мария знала. Иногда я не возвращался домой до девяти вечера. Я придумывал какие-то отговорки про бухгалтерские дела.

Как-то Мария позвонила в магазин и сказала:

— Дорогой, когда ты придешь?

И я опять разрыдался. Мне было еще хуже оттого, что она опять стала свидетелем моей слабости. Некоторых людей трудности закаляют, но я слабел с каждым днем, а поскольку от природы я незлой человек, то все эти ужасы не обозлили меня, а только вогнали в глубокую депрессию Мария отправила ко мне своего брата Питера Косгроува. Увидев мое состояние, он крепко

обнял меня и сказал: — Идем. Идем домой.

Даже сейчас, когда я пишу об этом, я не перестаю ругать себя за то, что так раскис. Теперь я уже вышел из депрессии и все у меня хорошо, но ведь это только потому, что справедливость восторжествовала. А в то время я был никчемным человеком, никому не было от меня пользы. Уверяю вас, я понимал горькую иронию своего положения. Я так долго заботился о принцессе, ранимой, эмоциональной женщине, что, кажется, впитал ее отчаяние и ее слезы. Она не раз хвалила меня за то, что, когда ей трудно, у меня всегда найдется для нее нужный совет. Но теперь, когда было плохо мне, я не знал, что себе посоветовать и чем себе помочь. В таких обстоятельствах невозможно мыслить здраво. Я был плохим отцом. Плохим мужем. Я не смог защитить от Скотленд-Ярда мир, который мне доверила принцесса. Моя репутация уничтожена. Во всем, что я считал важным в жизни, я оказался ни на что не годным. Никогда в жизни мне не было так невыносимо плохо. Я думал только о том, что хочу снова увидеть принцессу. Хочу, чтобы этот кошмар закончился. Хочу перестать плакать. Хочу умереть. Тогда я снова ее увижу. Да, это был чистый эгоизм, но тогда мне приходило в голову только это. Я знал, куда надо ехать — на автостоянку возле A41 в Чешире. Тихое место. Природа.

Я сказал Марии, что должен отвезти цветы клиенту, и вышел из магазина. Я решил, что лучше ни с кем не прощаться. Через десять минут я припарковался на стоянке. Моя машина там была единственной. Солнце сияло. Небо было голубым и чистым, если не считать нескольких пушистых белых облачков. В поле неподалеку мирно паслась лошадь: она нагибала шею и с хрустом щипала траву. Рядом со мной на сиденье лежала бутылка воды и коричневый пузырек. Там было 60 таблеток парацетамола. Я глядел на лошадь и думал о том, какой сегодня чудесный день.

И вообще, у Александра и Ника есть Мария и ее родственники — наши соседи, которые обязательно о них позаботятся. Они все нужны друг другу. Я снова подумал о том, что у Марии есть наши сыновья, о том, что скоро увижу принцессу, что моя смерть положит конец судебному разбирательству. Подумал, что это легкий способ прекратить свои страдания и избавиться от позора.

Я сделал глоток воды и взглянул на нераспакованный пузырек с парацетамолом. Хватит ли таблеток? Но тут куда-то исчезло спокойствие, и снова подступили все те чувства, которые мучили меня со времени ареста. Трусость или что-то другое вдруг изменили направление моих мыслей так же легко, как меняется направление ветра. Я по-новому задумался о том, что смерть —

это навсегда. Назад дороги не будет. Я умру как человек, которого замучила нечистая совесть. Мария и мальчики никогда не смоют с себя этого пятна. А принцесса и сейчас со мной. Ее наследство я должен защищать. Я бросил пузырек на сиденье, завел мотор и поехал домой к Марии. Когда я пришел, она спросила, где это я столько пропадал.

Я спокойно рассказал ей, что хотел сделать.

Она схватила меня за руки и встряхнула.

— Ты должен думать обо мне! Ты не подумал обо мне и о детях? — тут она, должно быть, заглянула мне в глаза, и, не увидев в них никакой реакции, крикнула: — Пол! Ты должен идти вперед. Мы все должны. Что мы будем без тебя делать?

Этот случай можно считать поворотным моментом. Можете называть это озарением или как угодно. Мария заставила меня обратиться за помощью к специалисту, а это помогло мне выжить в аду, в котором я пребывал с 2001 по 2002 год.

Врач прописал мне антидепрессанты. Мария уговорила меня пойти к психологу. Каждый понедельник я шел в клинику, садился напротив этой доброй женщины, которую звали Джилл, и впервые с 1997 года стал рассказывать кому-то, что испытал, когда умерла принцесса.

Джилл слушала. Я говорил. Я слишком долго держал все в себе. Я чувствовал себя виноватым, особенно перед Марией, в том, что никак не мог забыть принцессу. За долгие месяцы я привык думать, что схожу с ума, потому что плачу из-за любого пустяка. И даже когда я рассказывал о своих переживаниях Джилл, мне было стыдно, что я плачу.

Но Джилл сумела меня успокоить:

— Твое поведение совершенно нормально, Пол, — сказала она.

От ее слов мне стало немного легче, и я приготовился ждать, что приготовил для меня 2002 год.

Скотленд-Ярд сделал «хитрый» ход и лишил меня связи с Сент-Джеймсским дворцом. Но полиция была не в силах лишить меня возможности общаться с другими представителями Дома Виндзоров. К весне я начал переписку с одним из важных членов королевской семьи, и тайная поддержка этого человека, давнего союзника принцессы, придала мне сил. В тот момент, когда мне было особенно тяжело, этот человек писал мне: «Если бы я мог, я кричал бы о твоей невиновности со всех крыш».

В первый раз я написал этому члену королевской семьи, чтобы рассказать, что чувствую себя *«одиноким и загнанным в ловушку»,* пожаловался, насколько *«полиция не в силах понять*

мир, в котором жила принцесса». Этот человек, знавший принцессу, знавший жизнь Кенсингтонского дворца, знал больше, чем весь Скотленд-Ярд. В своих письмах я ничего не просил. Я писал: «Почему принц Чарльз и принц Уильям бросили меня на произвол судьбы?.. Неужели никто не понимает, что 14 октября (день суда) станет столь лакомым кусочком для прессы, о каком она не смела и мечтать. И тогда все выйдет из-под контроля… Я прошу вас только об одном: молиться, чтобы оказалось, что в мире есть справедливость».

В ответ я получил письмо, содержавшее не только обещание молиться за меня. Я получил очень теплое письмо, в котором говорилось, что все знают о том, как я был верен принцессе, и многие верят в мою невиновность. В том же письме этот человек сделал мне очень ценное предложение. Мне предложили место, где я смогу жить во время суда, место, которое обеспечит мою безопасность и покой. Мне предложили поселиться в одной из королевских резиденций. А значит, моим прибежищем на время суда от имени королевы, станет поместье, находящееся в королевской собственности.

Я был ужасно рад, что меня понимают и поддерживают в Доме Виндзоров. Примерно в то же время кто-то во время телефонного разговора напомнил мне о том, что, пока вина человека не доказана, королева считает его невиновным. Такие слова подбадривали мой дух. А адвокат Эндрю Шоу, мой старший адвокат лорд Карлайл — бывший член палаты общин от либерально-демократической партии, а также младший адвокат Рэй Герман проводили по многу часов, прорабатывая все детали моей защиты.

Помню, моя первая фраза в разговоре с лордом Карлайлом была: «Моя жизнь кажется более невероятной, чем фантастическая повесть». Все трое были потрясены, когда я стал рассказывать, до какой степени мне доверяла принцесса. Я рассказывал этим замечательным профессионалам о своей жизни, объясняя, в чем состояла моя роль при принцессе, чтобы они поняли, что я невиновен.

— Ваша свобода висит на волоске, Пол. Мы ничем не можем вам помочь, — сказал лорд Карлайл.

По мере того как я рассказывал о своей службе в Кенсингтонском дворце, адвокаты все лучше понимали, насколько мне доверяла принцесса, какие теплые отношения были между нами, что я подходил к своим обязанностям не просто не формально, а считал своим долгом охранять личную жизнь принцессы.

Лорд Карлайл сказал:

— Твоя история похожа на трагедию Шекспира. Это бомба с часовым механизмом. Думаю, у нас есть основания надеяться на положительный исход дела.

Моя переписка с одним из членов королевской фамилии продолжалась. *«Ваше Королевское Высочество,* — писал я, — *я не хочу причинять Вам беспокойство».* Великодушное предложение остановиться в королевской резиденции оставалось в силе. До тех пор пока сэр Майкл Пит не узнал об этом. В конце лета 2002 года он узнал о том, что мне сделали такое предложение, и пришел в ужас. По его мнению, это было недопустимо в сложившихся обстоятельствах, особенно если учесть, что бывший слуга не имеет права без особого разрешения находиться в резиденции. Сделавший это предложение вынужден был отозвать его — точно так же, как когда-то аннулировали мое приглашение на празднование восьмидесятилетия герцога Эдинбургского. И снова руки члена королевской семьи оказались связанными «людьми в сером».

Точнее говоря, «человеком в сером», потому что и то и другое было инициативой одного человека — сэра Майкла Пита. Поэтому меня не удивило, что ему и королевскому адвокату Эдварду Лоусону поручили после суда вести от имени королевской семьи расследование обстоятельств провала обвинения в суде Олд-Бейли в 2002 году. Я отказался сотрудничать с ними. В своем отчете сэр Майкл Пит писал: *«Не знаю, по каким причинам и по каким соображениям, но мистер Баррел отказался давать показания следствию».* Он еще удивлялся.

Актриса Аманда Барри, снимавшаяся в сериале «Коронейшн-стрит», предложила мне свою квартиру в Лондоне. Я был очень тронут, но решил, что будет лучше, если я остановлюсь у своих старых друзей в Хемптоне, неподалеку от Ричмонда.

Лучшими свидетелями по моему делу могли бы быть две удивительные женщины, у которых я работал и которых прекрасно знал. Но одна из них умерла пять лет назад, а другую нельзя было вызвать в суд. Потому что судьба снова подшутила надо мной, как не раз в этом деле. Ее шутка заключалась в том, что королева есть Закон. Как глава государства она является единственным человеком в стране, которого нельзя вызвать в суд в качестве свидетеля.

Рискованность моей профессии выразилась в том, что я начал карьеру как лакей Ее Величества, а кончил обвинением в краже имущества Дианы, принцессы Уэльской.

Но не думайте, что моя защита была слабой. Скотленд-Ярд приготовился к тому, что дело будет легким, и смело повел в бой

своих свидетелей, Спенсеров: леди Сару Маккоркодейл, миссис Франсис Шенд Кидд и леди Джейн Феллоуз. Полицейские, да и следователи из уголовной службы, были рады положиться на слова наследников принцессы.

В мою же защиту выступили ближайшие друзья принцессы, которые знали, что это дело не будет легким и приготовились бороться за справедливость. Это были: Люсия Флеча де Лима, Роза Монктон, Сьюзи Кассем, леди Аннабель Голдсмит, Лана Маркс, Ричард Кей, лорд Аттенборо, доктор Мэри Лавдей, Симона Симмонс, Дебби Фрэнке, Жак Азагури, отец Энтони Парсонс, федеральный прокурор США Ричард Грин, сэр Джимми Сэвил и многие другие, имен которых я не могу назвать. Они сами знают, что помогли мне и что я безмерно им благодарен за то, что они вписали свои имена в список свидетелей, какого, я думаю, Британия еще не видела. Кроме того, я уверен, что если бы присяжные знали заранее, что скажут все эти люди, их уверенность в том, что я виновен, рассыпалась бы в прах еще до того, как они удалились на совещание.

Но в Сент-Джеймсском дворце больше всего опасались, что защита призовет в качестве свидетелей принца Чарльза и принца Уильяма. Служба уголовного преследования была настолько обеспокоена тем, что я могу призвать в суд наследника престола и его сына, что уже начали подумывать о рассмотрении дела в закрытом заседании. Один из документов следствия это подтверждал:

Мы имеем все основания полагать, что защита может поднять вопросы, касающиеся личной жизни принцессы Уэльской Дианы, Его Королевского Высочества принца Уэлъского и Его Королевского Высочества принца Уильяма. А потому важно ограничить число лиц, которые будут присутствовать на заседании до минимума, или, если это необходимо рассматривать дело в закрытом заседании.

Как было установлено в ходе королевского расследования, в феврале 2002 года коммандер Джон Йейтс из Скотленд-Ярда заверил адвокатов из Сент-Джеймсского дворца в том, что *следствие не допустит привлечения их к судебному разбирательству… вплоть до того, что, при необходимости, оно будет прекращено* (до суда).

По всей видимости, обоих принцев заверяли, что их не призовут в суд, потому что большая часть обнаруженных в моем доме вещей принадлежит принцессе. Но Скотленд-Ярд, да и Служба уголовного преследования, не понимали самого главного. Принц Чарльз знал, как много времени принцесса проводила в нашем домике на территории поместья Хайгроув. Он знал, как

часто я был вынужден разрываться между супругами, когда они оформляли развод. Он знал, что она всюду возила меня с собой, и его это удивляло. Однако он не знал самого важного: что принцесса сделала меня хранителем своего наследия, что я видел все бумаги, касающиеся ее развода, читал письма герцога Эдинбургского, письма, которые писались разным людям в тот период, когда принц и принцесса решили расстаться. И все это теперь выплывет на поверхность, потому что я должен был доказать, насколько она мне доверяла.

Что же касается Уильяма, то кому, как не ему, знать, какие у меня были отношения с его матерью. Он не раз видел, что мы сидели с ней на диване и беседовали совсем не так, как общаются работник и работодатель.

Вот поэтому, да еще вследствие тех тяжелых обстоятельств, которые не оставили мне другого выбора, случилось то, что случилось. К удивлению всего Сент-Джеймсского дворца, на суде в Олд-Бейли 14 октября королевский адвокат лорд Карлайл в какой-то момент произнес: «В зал суда вызывается Его Королевское Высочество принц Уэльский!». Последний раз член королевской семьи вызывался в суд для дачи показаний в 1891 году, но 111 лет спустя история повторилась.

Глава семнадцатая

КОРОЛЕВА ПРОТИВ БАРРЕЛА

Обо мне часто спрашивают: «Почему Пол Баррел был так предан принцессе?» Некоторые люди могут усмотреть в моем отношении к своим обязанностям некую нездоровую, рабскую одержимость. Другие — такие, как я, — считают, что все дело в преданности своему Другу; для меня — самой удивительной женщине в мире. Но, судя по моему судебному процессу, всех больше всего интересовали подробности наших отношений с принцессой.

Все дело в том, что я был бескорыстным в отношении работы, но, к сожалению, крайне эгоистичным отцом и мужем. В свое оправдание я могу сказать только одно: в жизни редко встречаются люди, которые способны оставить такой неизгладимый след в нашей душе. Принцесса была именно таким человеком. Она пустила меня в свой мир, а потом предложила и свою дружбу. Такими дарами не разбрасываются. Их хранят всю жизнь, любуются ими и носят с собой повсюду. И некоторые никак не хотят понять что я даже сейчас не хочу с ними расставаться.

Я никогда не был силен в самокопании и всяком там психологизме. Моя преданность принцессе, когда она была жива и когда уже умерла, может показаться здоровой или нездоровой — в зависимости от того, как на это смотреть Правда, следует оговориться, что те, кто не знает о жизни во дворце и в замке, всегда могут неправильно понять и по-своему истолковать такую преданность. Когда кто-то начинает зависеть от тебя, потому что не может один справляться со своими обязанностями, как это случается со всеми членами королевской семьи, то ты быстро привыкаешь к тому, что ты нужен и что все находится в твоей власти. Чем теплее отношения между слугой и его хозяином, чем больше первый привыкает к тому, что без него не могут обойтись, и ему все больше это нравится. В конце концов слуга и хозяин становятся нужны друг другу в равной степени.

Конечно, незаменимых людей не бывает, принцесса сама много раз почти полностью заменяла свой штат. Но, как она говорила своим друзьям, которые рассказывали об этом на суде, она не смогла бы обойтись без меня. Это ее слова, а не мои. Должен признаться, что я не представляю, как бы я жил без этой работы, — как бы туго мне порой ни приходилось. Она зависела от меня так же, как королева Виктория от Джона Брауна, как нынешняя королева — от Маргарет Бобо Макдональд, как принц

Чарльз от Майкла Фосетта. В этом смысле я ничем не отличался от других доверенных слуг. Но если Скотленд-Ярд не мог поверить, что можно быть в теплых отношениях с членами королевской семьи, что слугам могут дарить щедрые подарки, а некоторым полностью доверять, то поверит ли в это суд? Может быть, мои теплые отношения с Дианой, принцессой Уэльской, покажутся обычным людям слишком надуманными и они решат, что я говорю неправду? Именно этого я боялся больше всего, когда мы готовились к судебным заседаниям: что факты, которые будут приводиться в мою защиту, покажутся такими же фантастическими, как мир Льюиса Кэрролла. Чтобы проникнуть в мой внутренний мир и лучше понять ход мыслей, мои защитники послали меня к психоаналитику в Бекенхэм, в Кенте. Я провел в его кабинете пять часов. Даже сейчас то и дело возникают вопросы о моем психическом здоровье. Кажется, чтобы меня лучше поняли, следует привести цитату из отчета человека, который обследовал меня: доктора Эндрю Джонса. Так мне не нужно будет копаться в себе, а вы сможете увидеть заключение независимого эксперта. После пятичасовой беседы со мной он вынес заключение:

Пол тепло отзывался о своей жене, не раз повторял, что она его всегда поддерживала. Что касается его отношений с принцессой Дианой, то он сказал, что «очень уважал ее» и что она «доверяла ему больше, чем кому-либо другому». Он заявил, что с Марией у него совсем другие отношения.

Профессиональные отношения между мистером Баррелом и принцессой со временем становились все теплее. Она во многом полагалась на него… Он ежедневно заботился о ней и составлял ей компанию… Суть их отношений заключалась в следующем: она почти во всем доверяла ему, а он утешал ее, когда это было необходимо; когда она уезжала куда-нибудь, она ежедневно звонила ему; она обсуждала с ним свои личные проблемы, показывала ему свою частную переписку и время от времени просила организовывать встречи со своими друзьями мужского пола… Мистеру Баррелу было очень приятно, что она ему доверяет и считает его своим другом. Он все свое время посвящал заботе о ней, уделяя гораздо меньше времени жене и детям.

На мой взгляд, смерть принцессы Дианы в августе 1997 года сильно повлияла на мистера Баррела… Он несколько раз видел ее изувеченное тело… Еще одно потрясение он испытал тогда, когда получил пакет с ее личными вещами и с одеждой, которая была на принцессе в момент гибели. Ряд симптомов указывает на то, что Баррел находился в очень тяжелом психическом состоянии. Он

вдруг почувствовал себя беспомощным и существовал почти на автомате. Ему снились кошмары… Он часто плакал. У него был полный упадок душевных сил. Выражаясь медицинским языком, у пациента наблюдалась затяжная депрессия. Вполне можно предположить, что именно в таком эмоциональном состоянии находился Баррел, когда решил «взять на хранение» какие-то вещи принцессы, которые будили в нем воспоминания о ней.

По моему мнению, мистер Баррел не выказывает никаких признаков тяжелого душевного заболевания или расстройства личности. Его умственные способности находятся в пределах нормы.

Меня объявили достаточно вменяемым, чтобы предстать перед судом в понедельник, 14 октября 2002 года.

«Зачем вам театры Уэст-Энда? Приходите лучше на судебное заседание в Олд-Бейли, там дают лучшее представление в столице!» — гласил заголовок в одной из газет.

Королевское представление — «Королева против Баррела» — должно было начаться на центральной судебной арене Лондона. Даже прессу пускали сюда только по билетам, и уже было подписано около пятидесяти пропусков для журналистов. На улице выстроилась длиннющая очередь — люди стремились попасть на балкон зала суда, чтобы наблюдать заседание сверху. Весь мир припал к замочной скважине в дверях Кенсингтонского дворца, такую возможность людям предоставили Скотленд-Ярд и Королевская служба уголовного преследования. Теперь личный мир Дианы, который я должен был защищать, был открыт для публики. Мою жизнь и жизнь принцессы выставили на посмешище, подвергли тщательному и пристрастному разбору. Даже в этой книге я не рассказал о многих ее секретах.

Но я надеялся, что мое правдивое описание жизни в Кенсингтонском дворце и изложение сути моих отношений с Боссом поможет восстановить нашу репутацию и отмыть честное имя Дианы и мое честное имя от той грязи, которую вылили на нас обвинение, полиция, журналисты, королевские обозреватели и бывшие слуги принцессы. В результате меня обвинили в том, что я подтасовываю историю. Мои слова, моя жизнь, моя преданность принцессе — и, следовательно, все тайны, которые доверила мне принцесса, — все было растоптано и извращено.

Ночь накануне судебного заседания я провел в дешевом отеле возле вокзала Юстон. В Лондон к тому времени приехала целая армия родственников и друзей, которые хотели поддержать меня и Марию. Когда мы остановились возле отеля «Трэвэл Инн», я заметил на стене отеля огромный рекламный плакат Би-би-си. С

него нам улыбалось гигантское лицо принцессы. Под ним шла надпись: «Кто самый великий англичанин?» Даже если я не думаю о принцессе, что-то все равно непременно напоминает мне о ней.

В тот вечер в баре к нам присоединился мой приятель, журналист. Мне понадобилось несколько пинт «Гиннесса», чтобы успокоиться — я дрожал от одной мысли о том, что скоро мне придется предстать перед судом. Мария курила одну сигарету за другой. Мы пытались приучить себя к мысли, что завтра все теле- и фотокамеры будет направлены на нас.

Адвокат Эндрю Шоу позаботился о том, чтобы нас доставили в суд на «мерседесе» с шофером. За нами ехал микроавтобус с верными друзьями и родственниками, готовыми оказать нам поддержку. Кажется, в «мерседесе» за всю дорогу никто не проронил ни слова. Мария и я держались за руки. Эндрю и младший адвокат Рэй Герман размышляли о чем-то. От этой тишины, по мере приближения к пункту нашего назначения, я все больше нервничал. Во рту у меня пересохло, сердце бешено билось в груди.

Мы проехали по Ладгейт Хилл. Вдалеке виднелся собор Святого Павла. По этой самой дороге двигалась торжественная процессия, когда королева ехала на благодарственный молебен в честь восьмидесятилетия королевы-матери, только сейчас мы ехали не к собору. Мы свернули налево, проехав мимо офиса Службы уголовного преследования. Тут я увидел вдалеке большую толпу. Вскоре ее уже можно было четко различить. Это были журналисты. Десятки журналистов. Телеоператоры перебегали через дорогу с камерами на плече. Фоторепортеры застыли в самых разнообразных позах — кто-то сидел на корточках, кто-то стоял на коленях, кто-то — на маленькой железной лесенке. Здесь были радиокомментаторы, журналисты из разных газет, праздношатающиеся, а также стояли заграждения, чтобы сдерживать толпу, и полицейские, чтобы следить за порядком. Мария еще сильнее сжала мою руку. Когда «мерседес» остановился у обочины, я посмотрел налево и увидел сборный помост, который удерживали леса. Здесь должна стоять камера Би-би-си — прямо напротив входа в здание суда. При виде всего этого мы с Марией задрожали.

— Ладно, все равно придется пойти, — сказал я.

— Желаю всем удачи, — сказал Эндрю и вышел из машины, чтобы открыть нам дверцу.

Я глубоко вздохнул, проглотил комок, подступивший к горлу, и несколько секунд помедлил.

«Все приходит, все уходит, Пол. Все приходит, все уходит», —

услышал я голос принцессы.

Потом мы выбрались из машины. Первое, что я услышал, — щелканье затворов фотоаппаратов. Оно было похоже на хлопанье крыльев, как будто целая стая птиц вдруг взвилась в небо. Потом меня ослепили яркие вспышки. Я встал рядом с Марией и обнял ее за талию. Она никак не хотела отпускать мою руку. Двое полицейских открыли нам двери в здание суда, а Эндрю и Рэй Герман махнули рукой, показывая, что пора заходить. Мне было просто невыносимо думать, что Мария участвует во всем этом, но она упрямо заявила, что пойдет со мной во что бы то ни стало. Когда мы вошли, она повернулась ко мне и сказала:

— Ты мой муж. Я останусь с тобой, что бы ни случилось.

— Пол! — воскликнул кто-то. — Как ты?

Мне протянули руку. Это был Джеймс Уайтейкер, журналист из газеты «Дейли Миррор».

— Бывало и лучше, мистер Уайтэйкер, но все равно спасибо.

Я всегда называл его мистером Уайтейкером, а принцесса любя величала Помидорчиком. Потом я заметил в коридоре журналиста Би-би-си Николаса Уитчелла, еще одного джентльмена среди журналистов в здании суда. Принцесса звала его Морковкой. Но того человека, которого я искал, в здании не было. Журналистка Би-би-си Дженни Бонд, которую так любила принцесса, освещала поездку королевы в Канаду. «Посмотри, какой у нее браслет на ноге!» — говорила принцесса. Ей он ужасно нравился.

Что касается искусства поддержания добрых отношений с прессой, то тут принцессе не было равных. Она знала о журналистах все. Кто-то ей нравился, кто-то нет, кто-то — и она знала это — не очень-то жаловал монархию. И вот теперь те, кто так пристально следил за каждым шагом принцессы, обратили все свое внимание на ее дворецкого.

Около десяти мы сели в лифт и поднялись на третий этаж. Я шел за колыхающимися черными мантиями — мой адвокат лорд Карлайл и младший адвокат Рэй Герман шли впереди, держа в руках парики. Мы прошли из более современной части здания в викторианскую. Здесь все было отделано мрамором. Несколько защитников со своими помощниками собрались в стайки, другие сидели на дубовых скамьях. Мне вдруг вспомнился Музей естественной истории. Огромная фреска напомнила мне полотна Тициана, которые принцесса повесила в Кенсингтонском дворце.

Свет проникал сюда сквозь огромный стеклянный купол. Мне удалось прочитать слова, выбитые в камне: «Мудрые законы — основа жизни». У дверей зала заседаний № 1 столпились репортеры — некоторые приехали из Америки и Австралии.

— Не переживайте, — сказал лорд Карлайл. — Сегодня будут одни формальности, присяжные произнесут присягу. Само разбирательство начнется еще нескоро.

Я вошел в зал суда. Своими дубовыми сиденьями обтянутыми зеленой кожей, он напоминал палату общин Целых две недели, пока шли заседания, я сидел в стеклянном боксе — там находилась скамья подсудимых. Мария вместе с моим отцом села справа, там, где были места для родственников. Я подошел к скамье подсудимых, скамье для убийц, насильников и грабителей.

Женщина-охранник вежливо остановила меня, когда я уже собирался сесть на эту скамью. «Мистер Баррел, вам придется спуститься со мной на первый этаж», — сказала она. Видимо, так было положено: подсудимый должен занять свое место только после того, как войдет судья. Раньше миссис Джастис Рафферти обходилась без формальностей.

За моей спиной оказалась лесенка, которая вела в крохотную комнату со стенами, выложенными кафелем. Когда меня уже не было видно из зала суда, охранница остановила меня. «Стойте. Давайте подождем здесь», — сказала она, и мы сели на ступени. Казалось, она не хотела, чтобы я сидел в этой ужасной маленькой кафельной комнатке. Она заметила, как дрожат мои руки. «Все будет нормально, не переживайте, — сказала она. — Я здесь часто бываю. Я специально попросила, чтобы мне поручили отвести вас сюда, потому что это вы… Знаете, все это так странно». Ее звали Мишель, я никогда не забуду ее доброту и симпатию.

Послышалось три громких стука, и шум в зале стих. Вошла миссис Джастис Энн Рафферти. Мишель кивнула мне. Я поднялся по лестнице и занял свое место. Все взгляды устремились на меня. Справа публика на балконе наклонилась вперед, чтобы получше меня разглядеть. За моей спиной три ряда занимали журналисты. В левом углу тоже устроились журналисты — те, кому не хватило места в этих рядах. Передо мной была миссис Джастис Рафферти. Она смотрела прямо перед собой. Слева, напротив мест для адвокатов, была пустая деревянная скамья, на которой будут сидеть двенадцать присяжных. Они станут внимательно рассматривать все: меня, документы, вещественные доказательства и сотни моих фотографий с принцессой и ее сыновьями.

Когда стали зачитывать, в чем именно меня обвиняют, меня попросили встать. Ноги сделались ватными, и я с трудом мог держаться прямо. Мне казалось, я вот-вот упаду. Я ужасно нервничал.

Пункт первый: кража у Его Королевского Высочества принца Уэльского. Пункт второй: кража из поместья Дианы, принцессы Уэльской. Пункт третий: кража у Его Королевского Высочества Уильяма, принца Уэльского. В Олд-Бейли атмосфера была очень торжественная, поэтому все эти обвинения звучали гораздо серьезнее и убедительнее, чем в Международном суде. После каждого пункта я говорил: «Невиновен» — и бросал быстрый взгляд направо. Мария положила голову на плечо моему отцу и пыталась справиться со слезами. Потом присяжных привели к присяге, и они заняли свои места.

За последние месяцы в моем деле кое-что изменилось. Сначала меня обвиняли в краже 342 предметов, а сейчас их число уменьшилось до 310. Впрочем, причин для радости было мало — присяжным достаточно было решить, что я незаконно присвоил себе хотя бы один предмет, чтобы меня признали виновным. Прокурор Уильям Бойс объяснил, что такая коллекция вещей, принадлежавших королевской семье, «не может храниться у простого человека».

Я решил, что буду держаться с достоинством, что бы ни случилось. Эндрю Шоу напомнил мне, чего не должен делать подзащитный в зале суда; прямо как Сирил Дикман в первый день, когда я приступил к своим обязанностям в Виндзорском замке. «Когда окажешься в зале суда, не смотри на присяжных, не ерзай на скамье, не передавай нам слишком много записок и не давай им вывести тебя из себя».

Никто не видел, что я все время катал в руке два хрустальных шарика. Я позаимствовал их у Ника. Они наполняли меня той энергией, о которой часто говорила принцесса. На протяжении всего этого кошмара я твердо верил в то, что принцесса и моя мать рядом со мной.

Мамино обручальное кольцо висело на цепочке у меня под рубашкой. Я все время держал руку в правом кармане брюк — там лежала чудесная медаль матери Терезы, которую принцесса дала мне после своей встречи с матерью Терезой в Лондоне — Диана ходила на эту встречу с мамой Марии.

Очень тяжело было слушать, как мистер Бойс подробно описывает план нашего дома и где какие вещи были найдены. Он говорил долго: «Коварное, хорошо обдуманное решение… Что эти вещи делали в его доме?.. Туманные объяснения мистера Баррела кажутся нам очень противоречивыми… Задумайтесь, сколько может сейчас стоить компакт-диск с автографом принцессы Дианы…» Мне хотелось закричать. У меня дома были вещи гораздо дороже, чем компакт-диск с песнями Майкла Джексона или Тины Тернер, который подписала Диана: она всегда

подписывала диски, чтобы все знали, что это от нее — она так делала с детства. Если какой-нибудь посетитель Кенсингтонского дворца говорил, что ему очень нравится какая-то мелодия или песня, которые звучали во время его разговора с Дианой, принцесса тут же дарила ему этот компакт-диск. К тому же мистер Бойс упустил самое главное. Я никогда не продал ни одной вещи, которая принадлежала принцессе, так что бессмысленно было просить присяжных задуматься о потенциальной стоимости. Они все были дороги, бесконечно дороги мне только по одной причине — потому, что раньше принадлежали леди Диане.

Мне гораздо интереснее было смотреть на судью, миссис Джастис Рафферти. Она была словно зачарованная словами прокурора. Постоянно что-то записывала, то и дело заправляя ручку чернилами.

«Интересно, это такие же темно-синие чернила, которые любила Диана?» — думал я.

Иногда она подолгу вытирала кончик пера о промокашку.

Она вообще его слушает? Или ей тоже скучно?

Я был сражен ее алым одеянием и белым париком. Образец элегантности. Слишком прекрасна, чтобы быть судьей, думал я.

Каждое утро она входила в зал суда с почти королевским величием. У нее была очень добрая улыбка, но холодный взгляд тут же требовал тишины в зале, если журналисты за моей спиной начинали совещаться или обмениваться мнениями.

Я перевел свое внимание на королевский герб над головой миссис Джастис Рафферти. Я прочитал слова, которые знал наизусть: «Позор тому, кто замышляет зло». Как странно мне было смотреть на льва и единорога, защищавших королевский щит, со скамьи подсудимого.

Мария была свидетельницей защиты, поэтому ей нельзя было присутствовать на заседаниях, которые начались после соблюдения всех формальностей. Мы решили, что ей лучше пока отправиться домой в Чешир и занять себя работой в цветочном магазине, чтобы поменьше думать о суде.

Моим убежищем стал дом Кевина и Шарон Хартов — они были первыми, с кем мы познакомились, когда вернулись из Хайгроува в Лондон. Здесь, в их уютном викторианском доме в Хемптоне, недалеко от Ричмонда, я отдыхал от судебной суматохи и укрывался от внимания прессы. В те дни Кевин и муж моей племянницы Луизы Том Макмахон всегда были со мной. В те две недели меня очень выручила наша дружба.

Вечером, после первого судебного заседания, мы не смотрели новостей ни по Би-би-си ни по Ай-ти-эн. Телевизор вообще был

выключен, так как прокурор просто уничтожил меня в своей речи, и все это наверняка транслировалось по телевизору. Я сидел за столом с добрыми, хорошими людьми и ел спагетти под соусом болоньез. Так приятно было расслабиться и не следить за каждым своим жестом, ведь в зале суда за мной подмечали любую мелочь.

«Сегодня на нем опять был изящный галстук — на этот раз от „Эрме", за 65 фунтов, — писал Джеймс Уайтейкер в своей колонке на второй день. — … я сидел напротив него в столовой и видел, как он ест здоровую пищу — муссаку [30]… Он подражает в одежде принцу Чарльзу… а его рукопожатие очень крепкое».

Журналист «Дейли Миррор» Стив Деннис рассказал мне, какое обо мне сложилось мнение среди журналистов: «Ты слишком много улыбаешься, кажешься слишком спокойным — и это заметно».

Спокойным! Я еще никогда в жизни так не нервничал, но, выходит, мне даже не позволено делать «хорошую мину при плохой игре». Только дома у Хартов мы с их сыном Джо семнадцати лет и дочерью Эйми, которой было девятнадцать, могли открыть бутылочку вина и проболтать весь вечер — так приятно было побыть собой, когда никто не следит за каждым твоим шагом, не обсуждает тебя. Если Кевин замечал, что у меня угрюмое настроение, он тут же говорил: «Пойдем, выпьем пивка!», и мы отправлялись в ближайший паб.

— Это несправедливо, Кев! — жаловался я.

— Пол, в жизни вообще мало справедливости. Ты должен это вытерпеть. Ты должен держаться, — говорил он.

В ту первую неделю я получил чудесное теплое письмо от монахинь из Успенского монастыря в Голвэе, что в Ирландии. Мать Тереза, которая виделась с принцессой, когда та привела с собой мать Марии, заверяла меня, что монахини молятся за меня каждый день. «Нельзя недооценивать силу молитвы, а мы все молимся за вас», — было написано в письме. Меня поддерживало много людей. Я в буквальном смысле получал мешки писем. Мои друзья знают, как я благодарен всем за это. Тут следует упомянуть Ричарда Медли и Джуди Финниган. Ричард тоже однажды вкусил горькой несправедливости, когда его объявили вором, который совершил кражу в супермаркете «Теско» — это произошло, когда он работал ведущим программы «Сегодня утром» на Ай-ти-ви.

За все долгое время до суда он посылал мне много писем с выражением искренней поддержки. Даже когда он был завален работой, он умудрялся находить время и писать мне пару строк на обратной стороне своих текстов. От его слов у меня улучшалось настроение. Он был настоящий провидец. Например:

«Тебе может показаться, что ты попал в эпицентр бури, и все вокруг тебя ходит ходуном. Я тоже такое испытывал. Что ж, пусть суд завершится, и ты снова станешь отличным мужем и чудесным отцом, сильным и добрым человеком. — Ричард».

Мне было очень приятно знать, что многие на моей стороне, потому что Уильям Бойс во всех своих тщательно продуманных речах всегда сгущал краски до неузнаваемости. Кто-то заметил, как я в половине четвертого ночи тайком пробираюсь в Кенсингтонский дворец. Спенсеры заявили в полиции, что у меня дома просто не может быть столько вещей покойной принцессы. Я никому не сообщил о том, что взял вещи на хранение.

Но я-то сообщил. *Сообщил*. В письме принцу Уильяму, в апреле 2001 года. Что происходит с ними со всеми?

Я давал выход своему гневу и разочарованию в маленькой комнате для конференций на втором этаже. Здесь можно было немного расслабиться. В этой комнате хранились вещественные доказательства и важные бумаги, тут мы могли спокойно беседовать, не боясь, что нас услышит полиция или обвинители. «Спустимся вниз, Пол. Надо обсудить, как прошел сегодняшний день», — говорил лорд Карлайл в конце каждого дня заседаний.

Я наблюдал за своим старшим адвокатом в зале суда и все больше проникался к нему уважением. Он обладал острым умом и удивительной способностью замечать каждую мелочь. После заседаний он приводил меня в эту маленькую комнату, заставленную ящиками с папками и книгами. Эндрю сидел за столом и делился своими мыслями — он был прекрасно осведомлен обо всем, потому что занимался моим делом с самого начала. За ним стояла Шона секретарь, которая стенографировала все, что говорилось на заседании, сидя на задней скамье в зале. Я забивался в угол, тщетно пытаясь во всем разобраться и вспоминая слова Ричарда Медли: «Все вокруг ходит ходуном».

Я терял счет тому, сколько раз лорд Карлайл восклицал: «Это же смехотворно!» по мере того как мы все больше углублялись в аргументы прокурора, в то, как он вел линию обвинения, и часто то, чему мы не придавали значения, оказывалось у него уликой номер один.

Но потом, когда мы погружались в мрачные раздумья, юмор Эндрю спасал положение. Он так смешно пародировал некоторых участников заседаний, что мы все начинали громко хохотать. Я был рад, что можно немного расслабиться.

Иногда я покидал их и гулял по коридорам, читая имена подсудимых на листках других залов суда и думая о том, скольких еще невиновных людей здесь судят помимо меня.

На второй день заседаний нам всем стало понятно, что дело явно сфабриковано. В зал вошел какой-то полицейский в штатском и, показав свое удостоверение, сел среди публики. Вскоре одна женщина из присяжных наконец заметила его взгляд, узнала его, и они обменялись многозначительными взглядами. Это заметил лорд Карлайл. Присяжных попросили удалиться, миссис Джастис Рафферти заявила, что по этому поводу начнется неофициальное расследование, и нас всех распустили по домам на целый день. На следующий день присутствующие в зале заседаний № 1 были удивлены результатами этого расследования. Этим делом занялись следователи из Скотленд-Ярда.

Уильяму Бойсу пришлось объяснить, что полицейский в штатском просто заметил свою *жену* среди присяжных. У них была очередная годовщина свадьбы, и он пришел в здание суда, чтобы после заседаний вместе пойти пообедать. Но по пути выяснилось, что где-то между 1986 и 1989 годами этот человек был членом Королевской охраны: он работал при Королевском дипломатическом отделе и охранял иностранные посольства. Более того, он работал в нескольких посольствах, которые находились неподалеку от Кенсингтонского дворца, А еще в начале 90-х годов он работал полицейским в Пекхеме, причем вместе с детектив-инспектором Максин де Бруннер (!), которая проходила старшим следователем в моем деле. К тому же они вместе работали в полицейском управлении Метрополитан. А сейчас этот полицейский работает в Особом отделе. Я дар речи потерял от удивления.

— Но, согласно утверждению де Бруннер, она не разговаривала с ним уже пять лет. Она вообще с трудом его узнала, — оправдывался Уильям Бойс.

Но лорд Карлайл не хотел его слушать:

— Если среди присяжных есть жена этого полицейского, она может повлиять на мнение остальных присяжных. Между присяжными и полицией не должно быть никаких связей.

Потратив целый день на эту дискуссию, миссис Джастис Рафферти все-таки согласилась с лордом Карлайлом. Присяжных распустили. Суд над Баррелом должен был начаться заново, на этот раз с новыми присяжными — пятью женщинами и семью мужчинами.

Несмотря на то что в Олд-Бейли обнажилась вся жизнь принцессы, я старался делать все, что в моих силах, чтобы сохранить хоть что-то из того, что она предпочитала держать в

секрете. То, что я бы не хотел рассказывать в суде. То, что я не рассказал даже в этой книге. Когда против меня выдвинули обвинения, я вручил полиции отчет на тридцати девяти страницах, но это был объяснительный документ, который должны были увидеть лишь судья, адвокаты и присяжные. В нем были целые абзацы глубоко личного характера, касающиеся здоровья принцессы и ее любовных дел и моя осведомленность должна была доказать, что между мной и Дианой были подлинно доверительные отношения. Я вовсе не хотел, чтобы его читали в суде в присутствии прессы.

Во время своей первой речи Уильям Бойс разрешил тем первым присяжным ознакомиться с содержанием этого документа, но попросил читать про себя. Он сказал: «Защита хочет, чтобы некоторые абзацы не зачитывались вслух, и обвинение ничего не имеет против».

Но журналисты так не считали. Напротив, им очень хотелось взглянуть на этот отчет. К счастью, миссис Джастис Рафферти согласилась с нами и распорядилась, чтобы «по требованию суда» некоторые отрывки из документов, которые лежали в голубых папках перед каждым присяжным, остались не обнародованными, ради принцев Уильяма и Гарри. «Власть цензуры!» — кричала на следующий день «Дейли Миррор». «Правосудию нанесли оскорбление!»

Журналисты и подсудимые выходили из зала суда через одну и ту же дверь. В тот день, когда мы шли к выходу, какая-то дама-журналистка повернулась ко мне и сказала: «Никогда еще не видела, чтобы в каком-то деле было столько тайн! Никогда не знаешь, что будет дальше!»

Детектив-сержант Роджер Милбурн давал свидетельские показания в суде. Лорд Карлайл пытался добиться от него ответа, что на самом деле искала полиция, когда обыскивала мой дом. Документы, имеющие отношение к золотому кораблику, ответил тот.

Моего адвоката не удовлетворил такой ответ, и он продолжил задавать вопросы — ему хотелось узнать о содержимом шкатулки, о которой постоянно твердила полиция; шкатулки красного дерева с буквой D на крышке; шкатулке, в которой принцесса хранила очень личные бумаги; шкатулки, которую я якобы вынес из Кенсингтонского дворца.

— А что вы знаете о том, что предположительно хранилось в этой шкатулке? — спросил лорд Карлайл.

Казалось, журналисты все как один затаили дыхание и подняли ручки, приготовившись записать ответ свидетеля.

Милбурн помедлил.

— Тут речь пойдет об очень личном, — сказал он, а потом взглянул на судью и добавил:

— Можно я лучше отвечу письменно? Миссис Джастис Рафферти кивнула. Журналисты разочарованно вздохнули и положили ручки.

После этого заседание отложили из-за выходных, а на следующий день в газетах появились заголовки: «Тайны Дианы», «Что же в шкатулке?»

В понедельник все окончательно разъяснилось. Судья разрешил обнародовать кое-какие отрывки из материалов следствия. Оказалось, что Скотленд-Ярд искал перстень, который подарил принцессе майор Джеймс Хьюит; письмо об уходе личного секретаря принцессы Патрика Джефсона; письма, которые писал принцессе принц Филипп; и аудиокассету, которая потом стала известна как «Кассета с изнасилованием». Эту запись сделала сама принцесса в 1996 году, когда она расспрашивала бывшего слугу Кенсингтонского дворца, бывшего Уэльского гвардейца Джорджа Смита. Смит утверждал, что однажды ночью, когда он был в сильном подпитии, его изнасиловал слуга принца Чарльза. Это произошло, по его заявлению, в 1989 году. У Джорджа, который работал в Хайгроуве, в Сент-Джеймсском и Кенсингтонском дворцах, начались серьезные неприятности. Его мучили кошмары, он серьезно запил, брак развалился у него на глазах. Он считал, что всему виной тот страшный случай.

Принцессе нравился Джордж. Когда он рассказал ей об изнасиловании, она пришла в ужас. Вооружившись диктофоном, она отправилась навестить его в клинику, где ему помогали справиться с затянувшейся депрессией. Диана хотела записать его заявление на пленку. Принцесса сделала это, чтобы защитить интересы небезразличного ей человека. Она поклялась разобраться в этом деле. Она считала что Джордж — жертва, а его насильник все еще на свободе и по-прежнему работает у принца Чарльза. Не подписав кассету, Диана положила ее в шкатулку, потому что считала, что там она, как и многое другое, будет в безопасности. Но принцесса собиралась дать расследованию ход, поэтому она позвонила принцу Чарльзу и рассказала ему об этом случае — слово в слово, как рассказал ей Джордж, — умоляя немедленно уволить насильника.

Она звонила из гостиной Кенсингтонского дворца. Я как независимый свидетель сидел в это время рядом с ней и слышал каждое слово. Вскоре ее прямо затрясло оттого, что принц не видел ничего серьезного в этом происшествии, которое Диана считала преступлением. «Чарльз, ты что, меня не слышишь? Этот

человек — чудовище!», — воскликнула принцесса.

Я не слышал, что говорит принц Чарльз, но ясно было, что он не собирается в это вникать. Он сказал жене, чтобы она не слушала чепуху, которую говорят слуги.

— Ты должен его уволить. Ты должен что-то предпринять! — молила она, но принц ее не слушал.

Принцесса знала, о каком слуге идет речь. С этого момента она его возненавидела. «Я знаю, что сделал этот негодяй. Я знаю, что он сделал с Джорджем, и я никогда его за это не прощу», — сказала она сквозь зубы после неудачной попытки поговорить с принцем Чарльзом.

Было предпринято небольшое расследование. В октябре 1996 года Джорджа Смита пригласила к себе на беседу королевский адвокат Фиона Шеклтон. В результате слугу, о котором шла речь, так и не уволили, а стресс, который получил Джордж, приписали переживаниям из-за войны в Персидском заливе. Он бросил работу, и ему пообещали пенсию в размере 40 000 фунтов.

Принцесса позаботилась о том, чтобы кассету никто никогда не нашел. Но, когда полиция занялась мной, она заинтересовалась тем, куда делась эта кассета, а также, какую угрозу она может собой представлять. Леди Сара Маккоркодейл обратилась в Скотленд-Ярд с просьбой выяснить, что было в той шкатулке. Принцесса показывала мне кассету, о которой идет речь, но никогда мне ее не давала. После ее смерти мы с леди Сарой увидели в шкатулке кассету, на которой не было никаких пометок, но не стали ее забирать, и она осталась лежать в шкатулке, которая запиралась на замок. О том, где хранится ключ от шкатулки, знали только я и леди Сара. Однако, как сообщила полиция, замок кто-то взломал и забрал кассету.

Милбурн признался в суде:

— Я искал содержимое шкатулки.

Так неожиданно я наконец узнал, почему полиция пришла ко мне с обыском.

Место для дачи свидетельских показаний заняла Максин де Бруннер, и все присутствовавшие в зале суда мысленно перенеслись в Хайгроув. 3 августа 2001 года она вместе с коммандером Джоном Йейтсом отправилась поговорить с принцем Чарльзом и принцем Уильямом относительно расследования, связанного со мной. Это случилось еще до того, как против меня выдвинули официальные обвинения. Согласно заявлению де Бруннер, а также результатам расследования, проведенного после разбирательства сэром Майклом Питом, обоим принцам сказали, что у полиции есть «веские основания», так как «они могут продемонстрировать, что после смерти Дианы,

принцессы Уэльской, образ жизни и финансовое положение мистера Баррела сильно изменились», что у полиции «есть доказательства того, что многое из вещей, принадлежавших принцессе было распродано дельцам со всего света». Выяснилось также, что «некто снабдил полицию фотографиями, на которых слуги Дианы одеты в вещи, ранее принадлежавшие принцессе Уэльской…»

Все это было неправдой, и сама де Бруннер признала, что у них не было никаких доказательств и улик, достаточных для того, чтобы выдвинуть против меня обвинения, в результате которых я в глазах общественности предстал вором, который распродает украденные у принцессы вещи по всему миру, а его жена носит ее одежду. Бог знает, что обо мне подумали мой бывший хозяин и мальчик, который вырос у меня на глазах.

То, о чем говорили де Бруннер и принцы, чтобы прояснить ситуацию, не имело ничего общего с правдой. Было заявлено, что мое финансовое положение укрепилось благодаря тому, что я распродавал вещи из Кенсингтонского дворца. Но это было не так. Мое финансовое положение укрепилось только благодаря книге «Развлечения со вкусом», которую я написал, и лекциям, с которыми я выступал в качестве ее рекламы. А теперь приведу пример того, каким дотошным и серьезным было это расследование. В суде вдруг выяснилось, что де Бруннер понятия не имела ни об этой книге, ни о моих лекциях. Она сообщила, что причиной для разговора с принцами послужили не доказательства и улики, а некая информация, которую заполучила полиция.

Тогда миссис Джастис Рафферти, которая казалась не менее удивленной, чем все остальные, спросила:

— Правильно ли я поняла, что вы позволили принцам оставаться в заблуждении относительно этого расследования?

Де Бруннер, которая не приложила никаких усилий, чтобы рассказать принцам правду:

— Да, это так, — ответила она.

Лорд Карлайл продолжил опрос свидетеля: А вам не кажется, что ваше нежелание исправить свою ошибку причинило душевные страдания мистеру Баррелу? Де Бруннер:

— Я сожалею о том, что не сообщила принцу новых сведений.

Лорд Карлайл:

— Ведь вы вполне могли позвонить адвокату принца Уэльского, миссис Шеклтон, и сообщить ей о том, что непреднамеренно ввели его в заблуждение? Разве это было так трудно? Вы ведь вполне могли это сделать, да?

— Могла бы.

— Но не сделали?

— Нет, — ответила де Бруннер.

Как показало расследование, которое после суда провел сэр Майкл Пит: «Принц Чарльз прекрасно помнит, как удивился, когда ему сообщили о том, что есть доказательства, что Баррел распродает вещи Дианы… это сильно повлияло на его мнение».

Однако за два месяца до того как начался мой процесс, мои адвокаты, просмотрев материалы моего дела, попытались известить принца Чарльза об ошибке; мы стучали в двери, кричали в мегафон, зажигали яркие огни. Единственное, чего мы не сделали, так это не повесили напротив Сент-Джеймсского дворца гигантскую неоновую вывеску ПОЖАЛУЙСТА, ВЫСЛУШАЙТЕ НАС: ВАС ВВЕЛИ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ! Больше мы ничего не могли придумать, чтобы как-то привлечь к себе внимание обитателей дворца.

20 августа 2002 года лорд Карлайл встретился с Фионой Шеклтон и ее специалистом в области криминалистики Робертом Сибруком и предупредил их, что «решение принца Чарльза о том, чтобы поддержать обвинение, основывалось на необоснованной, заведомо ложной информации, которой его снабдили…» Через месяц, 30 сентября 2002 года, лорд Карлайл снова встретился с мистером Сибруком. Согласно материалам расследования, проведенного после судебного разбирательства, лорд Карлайл сказал: «…Наша защита строилась на том, что у Баррела были теплые, доверительные отношения с принцессой… эти отношения были своего рода бомбой замедленного действия… что было крайне опасно для королевской семьи, и полиция, введя в заблуждение членов королевской семьи, сделала все возможное, чтобы эта бомба взорвалась».

В коридоре у зала заседаний № 1 на доске объявлений висел небольшой лист бумаги с названием разбираемого дела. Запись гласила: «Королева против Баррела», что было надругательством над правдой. На скамье подсудимых меня мечтала увидеть вовсе не королева и не другие члены королевской семьи. На самом деле здесь слушалось другое дело: «*Спенсеры* против Баррела». Раньше у дворецкого были довольно неплохие отношения с семьей принцессы, но теперь они были испорчены.

Один человек, который был знаком с семьей принцессы, сказал мне, что Спенсерам «до чертиков надоело слушать о том, что Диана во всем полагалась на своего душку дворецкого». В Олд-Бейли Скотленд-Ярд предоставил им замечательный шанс доказать обратное.

Миссис Франсис Шенд Кидд медленно вошла в зал суда,

опираясь на трость и еле-еле переступая ногами. Она была воплощением слабости и хрупкости. Худая седовласая старушка с хриплым, каркающим голосом. Присяжные смотрели на нее с состраданием, но я-то знал эту женщину! Когда она встала на место для дачи показаний, миссис Джастис Рафферти нагнулась к ней и сказала:

— Миссис Шенд Кидд, вам как удобнее — стоять или сидеть?

— Да можно и постоять немного.

— Давайте договоримся: если вы устанете стоять, то присядете, хорошо? И наоборот.

— Спасибо, Ваша Честь, — ответила благодарная миссис Шенд Кидд.

Уильям Бойс приступил к опросу:

— Надеюсь, вы не посчитаете нас жестокими, невежливыми или неучтивыми, но во время заседания мы будем называть вашу умершую дочь Дианой, принцессой Уэльской…

«Не волнуйтесь, мистер Бойс, — подумал я, — сама она называла свою дочку куда более „обидными" словами».

Когда прокурор знакомил ее с материалами дела, я не сводил с нее глаз. Она ни разу не посмотрела в мою сторону. Мне бы очень хотелось, чтобы она повернула голову и посмотрела на меня. За что вы так жестоки со мной? Неужели вы забыли, как подолгу сидели у нас дома после смерти принцессы? Неужели забыли, что подарили мне ее крест и цепочку? Что предлагали купить для нас домик в Лондоне? Чем я заслужил то, что сейчас происходит?

Но я знал ответ на последний вопрос. Я стал слишком близким другом ее дочери, принцесса считала меня настоящим членом семьи и была со мной в гораздо лучших отношениях, чем со своими родными. И это задевало Спенсеров. Отвечая на вопросы прокурора, миссис Шенд Кидд называла меня «подсудимым» или «мистером Баррелом», но ни разу — Полом.

Следующий вопрос Бойса вывел меня из раздумий:

— Как бы вы описали ваши отношения с дочерью?

— Между нами были любовь и доверие, — ответила она, и я немного сполз со скамьи.

— Между вами всегда были любовь и доверие или случались и разлады?

Миссис Шенд Кидд откашлялась:

— Да, разлады у нас бывали. Но мне кажется, в этом нет ничего странного, в любой семье иногда возникает недопонимание… Только впоследствии это недопонимание никак не отражается на отношениях между членами семьи.

Я тут же вспомнил один случай в Кенсингтонском дворце, за

полгода до смерти принцессы, весной 1997 года. Я сидел у себя в буфетной и вдруг услышал рыдания на втором этаже.

— Пол! Иди сюда… быстрее! — закричала принцесса перегнувшись через перила.

Я взлетел по лестнице к принцессе, на которой был ее любимый белый халат. Она подняла телефонную трубку которую положила на ковер, перед камином, отделанным серым мрамором. На другом конце провода кто-то что-то говорил. Я часто слышал, как принцесса плачет от досады, когда ей становится жаль себя, но сейчас она рыдала совсем по другому поводу. Она села по-турецки на ковер, приложила трубку к уху и наклонилась вперед. Махнула мне рукой, подзывая. Я опустился на колени и тоже постарался прижать ухо к трубке.

Почти сразу я понял, что с Дианой говорит миссис Шенд Кидд. Принцесса хлюпала носом и качала головой, не веря собственным ушам. На нее обрушивался поток брани. Ее мать ясно давала понять, что она думает о том, что ее дочь ходит на свидания и близко общается с мужчинами-мусульманами. «Ты просто…» Она употребила слово, которым ни одна мать не назовет любимую дочь.

Принцесса бросила трубку и снова зарыдала. Я сел рядом и обнял ее за плечи.

— Пол, я больше никогда не стану разговаривать со своей матерью, — пообещала она.

Они действительно больше ни разу не разговаривали, а когда миссис Шенд Кидд посылала ей письма в Кенсингтонский дворец, принцесса узнавала почерк матери и отсылала назад, не вскрывая конверта, с пометкой: «Вернуть отправителю».

Настал черед лорда Карлайла задавать вопросы. Он делал это очень осторожно, тщательно подбирая каждое слово: — Я не собираюсь подробно расспрашивать вас о ваших отношениях с дочерью, но все-таки, если позволите, постараюсь прояснить ситуацию. Насколько мне известно, в последний раз вы разговаривали с дочерью Дианой весной 1997 года. Верно?

— Верно. Но это бывает в нашей семье. Она сама себя накрутила, и… — Тут миссис Шенд Кидд, сообразив, куда клонит мой адвокат, внезапно переключилась на меня, заявив о том, что я не так уж много значил для принцессы: — Мне кажется, мистер Баррел неверно понял… Я говорю о том, что она называла его «моей опорой». Она использовала это слово по отношению ко многим людям. Например, она часто называла меня своей «опорой» и «звездочкой».

— Но все-таки ваша дочь называла Пола Баррела, как вы выразились, «моя опора»? — спросил адвокат.

— Да»— ответила она, — но Диана и других так называла, в частности шоферов… охранников… и своих родных.

И вот присяжные услышали, что принцесса называла всех — даже тех, кто ее бросил — своей «опорой». А также, что миссис Шенд Кидд, из-за которой Диана так горько рыдала, якобы тоже была ее «опорой». Если бы только присяжные знали о той картине, которая всплыла в моей памяти. Как бы я хотел, чтобы лорд Карлайл сейчас рассказал об этом! Но я уже знал, что когда дело касается твоей свободы, лучше не рисковать.

Присяжные видели перед собой лишь хрупкую седовласую старушку, чье остроумие вызывало улыбки в зале. Она была матерью принцессы и нападать на нее сейчас было бы верхом глупости. Это могло настроить присяжных против меня. Лорду Карлайлу приходилось быть очень осторожным, буквально идти по лезвию ножа. Истина откроется потом, после суда. А на суде миссис Шенд Кидд растоптала мою репутацию и отдалила в глазах общественности меня от Дианы.

Лорд Карлайл спросил:

— Вы знали, что Пол Баррел был с вашей дочерью, когда бы она ни позвала, — с раннего утра, когда она просыпалась, и до поздней ночи, когда она ложилась спать?

Миссис Шенд Кидд ответила:

— Может, так и было. Дочь не обсуждала со мной свой распорядок дня.

— Но вы допускаете, что такое возможно?

— Нет, это вряд ли. Моя дочь очень часто отлучалась и дворца, уезжала, — судя по всему, миссис Шенд Кидд было приятно верить в это.

Но я не мог поверить в то, что слышал. Дальше — больше: она стала рассказывать о жизни во дворце, о том, как и кому там дарят подарки. Относительно принцессы она сказала так:

— Она очень бережно относилась к королевским вещам. А еще она всегда с большой осторожностью принимала подарки… И могу вас уверить, она никогда не дарила ничего, кроме подарков на Рождество и дни рождения.

Зато миссис Шенд Кидд объяснила, почему разорвала тогда документы. Она так яростно уничтожала историю, что мне пришлось даже поднять этот вопрос в разговоре с королевой, который состоялся в декабре 1997 года. В своем отчете я написал вот что: «После смерти принцессы я боялся, что существует целый заговор с целью исказить ход истории и вычеркнуть из нее некоторые этапы жизни принцессы. Миссис Франсис Шенд Кидд две недели подряд разрывала на клочки личные письма принцессы и документы».

Лорд Карлайл спросил;

— Вы в течение нескольких дней разрывали документы вашей дочери, так?

Миссис Шенд Кидд ответила:

— Это так.

— Сколько документов вы в итоге разорвали?

— Что-то около ста.

— И вы не сообщали Полу Баррелу, что именно вы разрываете, верно?

— Думаю, что не сообщала, — ответила она.

Теперь лорд Карлайл сосредоточил свое внимание на том, что я спас наследие принцессы;

— Вы знали о том, что Пол Баррел искренне заботился о репутации принцессы Дианы, и о том, чтобы сохранить ее наследие для истории?

— Да.

— Вы знали, что Пол Баррел не хотел, чтобы историю перекраивали, и в итоге леди Диана была выставлена в дурном свете?

— Нет, этого я не знала.

Она держалась до конца. Потом, когда допрос кончился, она прошла мимо, так и не взглянув мне в глаза.

В последний раз я виделся с леди Сарой Маккоркодейл спустя полгода после вынужденного увольнения из Мемориального фонда. Она шла по Вестминстерскому мосту, и мы обменялись парой фраз. Но по-хорошему после той встречи с ней и Энтони Джулиусом в баре возле Саутгемптон-роу, мы в первый раз встретились только в Олд-Бейли.

Давая в суде показания, она была, как всегда, уверена в себе, что характерно для аристократов. Я не сводил с нее глаз, в надежде, что она заметит мой взгляд. Вот уже второй Спенсер собирался свидетельствовать против меня.

Из всей семьи принцесса ближе всех была с леди Сарой. Диана часто говорила, что ей нравится ее чувство юмора. Именно поэтому принцесса часто брала ее в качестве придворной дамы в зарубежные поездки. После смерти Дианы мы с леди Сарой стали надежными союзниками. Я вспомнил, как она вложила мне в руку запонки, как она отдала Марии платье от Версаче, как она перевела на мой счет 50 000 фунтов из того, что им с матерью оставила принцесса, в знак благодарности за мою преданность. Может быть, у меня с ее сестрой были под конец слишком теплые отношения, и я слишком часто пускался в воспоминания о ней. Впрочем, сейчас, слушая ее, я думал только об одном: «Как наши отношения с леди Сарой могли дойти до такого?»

Она говорила практически об одном и том же: как возмущала ее моя уверенность в том, что я якобы обязан хранить все тайны ее сестры.

Уильям Бойс спросил ее;

— Что, по-вашему, могло законно оказаться во владении мистера Баррела?

Леди Сара ответила:

— Запонки, фотографии в рамках, шкатулки, булавки для галстука, галстуки, вот, пожалуй, и все.

Сидя на скамье подсудимых, я мысленно отмечал тех друзей и коллег, которые согласились дать показания против меня. А еще я замечал, сколько людей, которые могли бы выступить в мою защиту, молчали, не решаясь этого сделать.

Например, я всегда считал старшего бухгалтера принцессы, Майкла Гиббинса, своим другом. Выяснилось, что я ошибался. Этот бухгалтер начал работать у Дианы за год до ее смерти. Но, несмотря на это, он согласился выступить как свидетель обвинения и объяснить, насколько близкими у нас были отношения. Это было абсурдно. Его кабинет находился не в Кенсингтонском дворце, а в Сент-Джеймсском. Он ничего не знал о том, как проходила жизнь Дианы, что она делала у себя в гостиной, в столовой. Но из-за того что я один раз пожаловался ему, что очень устал под конец дня, он посчитал возможным говорить о том, что я чувствовал себя «незащищенным», работая у Дианы.

Уильям Бойс сообщил, что мистер Гиббинс рассказал полиции, будто наши отношения с Дианой были не такими уж теплыми. «Да, Диана относилась к нему тепло, но не до такой степени, как это описывает мистер Баррел», — сказал прокурор. Он даже предположил, что я подумывал переехать в Америку. Что ж, это правда. Я действительно подумывал переехать в Америку — потому что принцесса думала о том же.

Майкл Гиббинс явился в суд в пятницу, 25 октября. В этот же день королева, герцог Эдинбургский и принц Чарльз ехали на богослужение в собор Святого Павла в память погибших при бомбардировках на острове Бали. «Роллс-ройс» Ее Величества проехал по Ладгейт Хилл и пересек улицу, которая вела к Олд-Бейли. Через несколько дней все узнали, что разговор, который произошел между тремя персонами в этой машине, существенно повлиял на исход судебного разбирательства «Королева против Баррела».

В следующий понедельник меня неприятно удивила

приходящая няня Ольга Пауэлл — она тоже выступила в качестве свидетеля обвинения. Ее очень любили принцесса, Уильям и Гарри. Уж ее-то я никак не ожидал здесь увидеть! Мы часто разговаривали о работе в Кенсингтонском дворце. Перед началом судебного разбирательства мы поговорили с ней, и она сказала, что не собирается быть ни свидетелем обвинения, ни свидетелем защиты. «Я уже старая, мне не нужна вся эта суета, беготня, волнения», — сказала она мне.

Когда она стояла в суде и рассказывала о принце Уильяме, я удивился, почему она вдруг решила выступить против меня. Вообще-то я понимал почему. Она хотела помочь Уильяму и Гарри. Но, делая это из благих побуждений, Ольга Пауэлл помогала обвинению занести надо мной молоток, который мог прибить меня к стене.

Из многочисленных камеристок принцессы, с которыми я работал, Хелен Уолш была, пожалуй, самой набожной, истинной католичкой, как моя Мария. Может быть, именно поэтому она рассказала суду правду. Как только она заняла место для дачи показаний, я заметил, что ей не хочется выступать в качестве свидетеля обвинения. Она говорила объективно, что случилось впервые за время этих заседаний, когда выступал свидетель обвинения. Хелен рассказала, как принцесса бросала на пол одежду, которая ей надоела, как она раздавала слугам разные безделушки и подарки, которые по каким-то причинам ей не подошли. Хелен она тоже подарила много разных вещей.

Удивившись, мистер Бойс спросил ее, что именно подарила ей принцесса.

— Ну, вообще-то, это мое личное дело, — ответила Хелен, и я с трудом смог подавить смех.

Мои адвокаты услышали, как кто-то из обвинения сказал:

— А я и не знал, что она на его стороне. Обвинение подходило ко всему с такой дотошностью,

что иногда это оборачивалось против них. Наконец-то все услышали о том, что в королевских семьях слугам принято дарить подарки, и что этой традиции уже много сотен лет. Выйдя из зала суда, я увидел Хелен в мраморном коридоре. Подсудимый и свидетельница обвинения бросились друг к другу и крепко обнялись.

— Хелен, спасибо тебе за столь честные слова, — поблагодарил ее я.

— Я всего лишь сказала правду, Пол. Вот и все.

В этот же день адвокат принца Чарльза Фиона Шеклтон долго проговорила с коммандером Джоном Йейтсом из Скотленд-Ярда. О том, к чему привела эта беседа, мы узнали только на

следующий день.

Вторник 29 октября начался как обычный день. Накануне вечером мои адвокаты пришли к выводу, что в результате суд понял, что наши доказательства и доводы были более вескими, чем у обвинения, что сейчас мы завоевали расположение суда и, можно сказать, одержали верх. Завтра у меня будет возможность самому выступить в суде и рассказать всем правду. Лорд Карлайл договорился об этом. Через двадцать четыре часа начнется выступление защиты.

Никто из нас не мог даже предположить, что произойдет, когда мы войдем в зал суда. А произошло следующее: прессу, лорда Карлайла и других адвокатов попросили покинуть зал суда. Обвинение в это время беседовало за закрытыми дверями с миссис Джастис Рафферти. Рассмотрение дела отложили на час.

— Что все это значит? Это плохо, да? — спрашивал я лорда Карлайла. Но он и сам не знал.

Когда миссис Джастис Рафферти вернулась в зал суда, ее слова потрясли всех. Она сказала присяжным:

— Дамы и господа, прошу прощения за задержку. Сегодня заседание не может состояться. Я вас распускаю.

Вот и все. Она распустила присяжных по домам и отложила разбирательство до особого уведомления. Лорд Карлайл спросил у нее, в чем причина отсрочки. Миссис Джастис Рафферти отказалась ответить на его вопрос. Она встала. Все встали. Сегодня больше ничего в зале суда не произойдет. Было начало двенадцатого.

— Что происходит? Все нормально? — спрашивал я Эндрю Шоу.

— Гм, нет. Это все довольно странно.

Я не знал, что и думать. У меня голова кружилась от разных мыслей. За дверями суда толпились журналисты, столь же озадаченные, как и мы. В воздухе пахло тайной, какой-то интригой. Что-то произошло, но никто не знал, что именно.

В отведенном нам помещении на первом этаже мы ломали головы, что же стряслось.

— Может, у них появились новые доказательства? Что, если окажется, что они еще что-то раскопали? — паниковал я.

— Нет, Пол. Если бы дело было в доказательствах, нам бы сообщили. Тут что-то посерьезнее, — сказал лорд Карлайл. Немного подумав, он спросил: — Пол, может быть, ты забыл рассказать нам о чем-то, что имеет отношение к делу? Не вспомнишь?

Мы — я, лорд Карлайл, Рэй Герман, Эндрю Шоу и Шона —

мучительно копались в деле, стараясь найти какую-нибудь зацепку. Мы были похожи на следователей из кино, которые зашли в тупик. Лорд Карлайл знал о том, что мне предлагали пожить на время суда в королевской резиденции, все знали о моей встрече с Марком Болландом. Может, это касается принца Чарльза? Или принца Уильяма? Или той встречи с королевой?

Как видите, я уже рассказал о том, что встречался с Ее Величеством. Об этом сообщалось еще в моих показаниях на предварительном расследовании. О встрече также упоминалось в показаниях на шестидесяти четырех страницах, которые были предназначены только для глаз моих адвокатов. Там говорилось: *«Создавалось впечатление, что все, кого принцесса знала, хотели поделиться со мной своим горем. Даже королева… позволила мне встретиться с ней в Букингемском дворце. Аудиенция в ее личных апартаментах длилась три часа (!)».* Вот и все, что там было об этой встрече. Просто потому, что мне и в голову не пришло написать подробнее. Я не видел смысла пересказывать весь разговор.

После того как разбирательство неожиданно отложили, я думал только об одном: что это значит? Мы начали прикидывать, что будет, если обвинение вызовет в качестве свидетеля принца Чарльза.

А что, если в качестве свидетеля они привлекут принца Уильяма? Мне стало плохо, когда я представил, как старший сын принцессы стоит в зале суда и дает показания против меня. Как только я представил себе такую картину, я уже не мог взять себя в руки. Мне стало казаться, что эта задержка может значить только одно: они готовятся представить в качестве свидетеля особу королевской крови. Я уже не контролировал свой страх.

К вечеру нам сообщили, что новое судебное заседание состоится только через два дня — в пятницу.

Я всю ночь не спал. С каждым часом мне в голову лезли все более ужасные мысли. Я сходил с ума оттого, что не знал, что происходит. Это была страшная пытка. Я зверел, когда думал о том, как надо мной глумится судебная система.

Все утро я мерил шагами свою комнату в доме Хартов. Мне нужно было на свежий воздух. Я уже несколько дней лелеял надежду, что меня могут оправдать, а эта задержка ее разрушила. Мне не было так плохо с того первого дня в суде. Я сказал, что схожу за молоком, и пошел гулять.

Я шел куда глаза глядят. В какой-то момент заметил, что я хожу по парку, идет сильный дождь, и люди пробегают мимо, пригнув головы. Я слышал хлюпанье шин по лужам, стук капель

по зонтикам. Я один не спешил укрыться от дождя, не боялся промокнуть. Я посмотрел на часы: я «ушел за молоком» три часа назад. Я смотрел на людей и думал о том, что должен сейчас быть в суде и защищать свою честь, а не трястись тут в парке от страха. Мне хотелось кричать. Но поскольку это выглядело бы странно, я решил позвонить своему другу-журналисту, который занимался освещением дела, и высказать ему все, что накопилось у меня на душе. Я говорил со Стивом Денисом целых пятнадцать минут.

— Не знаю, сколько еще выдержу… Я схожу с ума. Как они могут так жестоко со мной обращаться? Что они такое нашли, что им нужно целых два дня? Я знаю: случится что-то ужасное. Я это чувствую.

— Пол, ты не знаешь, в чем там дело, — сказал Стив. — Может быть, появится очередной свидетель. Может быть, это конец. Может быть все, что угодно… и может быть, это что-то хорошее.

Он пытался утешить меня, но у меня не было сил даже сказать ему спасибо.

— Этого не может быть. Не говори мне об этом. Даже во сне я не надеюсь на хорошее.

Неизвестность убивала меня.

Кевин Харт отправился искать меня. Он нашел меня в парке, обнял за плечи и сказал:

— Идем. Надо чего-нибудь выпить.

В четверг вечером мы собрались на совещание в лондонском офисе лорда Карлайла. И снова мы сидели и ломали головы. Мы опять поговорили о письме, которое я послал принцу Уильяму, и о встрече с королевой.

— О чем вы говорили с ней? — спросил лорд Карлайл

— Обо всем. О Марии и моих сыновьях, о ее семье о принцессе, об Уильяме и Гарри. Я рассказал ей, что происходило в Кенсингтонском дворце. Мы много о чем говорили.

— Вы ей рассказали, что миссис Франсис Шенд Кидд рвала бумаги принцессы?

— Да.

Тут все посмотрели на меня.

— И… — начал лорд Карлайл. Он явно даже не знал, что сказать. — Почему же ты не сказал нам об этом раньше?

— Это был частный разговор. Мы тогда много о чем говорили.

Думаю, даже тогда мы все-таки не осознали, насколько важен был тот разговор. Это был очень серьезный козырь, защита могла его использовать еще в начале. Но и сейчас можно было включить

его в показания, которые я дам в суде в пятницу. Вот о чем мы тогда думали. Никому тогда не пришло в голову, что у нас в руках такое оружие, которым можно легко уничтожить все обвинения.

О той моей встрече с королевой много чего говорили, высказывали предположения, давали циничные оценки. Да, я сказал королеве, что у меня хранились бумаги принцессы. Но я сказал ей не больше чем написал в письме принцу Уильяму 19 апреля 2001 года, а Служба уголовного преследования видела это письмо. Они видели там выражение «на хранение», но это их не волновало. Из моего письма принцу Уильяму, молчания Сент-Джеймсского дворца, обвинений, которые выдвинул против меня Скотленд-Ярд, можно было сделать только один вывод — мои письменные призывы к здравомыслию никого не интересовали.

И какая разница, в конце концов, сказать о том, что ты взял вещи на хранение, королеве — или принцу Уильяму? Более того, 5 февраля 2001 года я написал об этом и в письме принцу Чарльзу. Мне сказали, что письмо ему не передали. Но заместитель личного секретаря Марк Болланд точно его видел. Именно поэтому мне и в голову не приходило, насколько важно, что я заранее предупредил королеву.

И до сих пор я не могу взять в толк, почему это стало такой неожиданностью для Службы уголовного преследования, ведь они видели письмо, в котором я говорил принцу Уильяму, что взял вещи на хранение. То, что в пятницу сказал на суде Уильям Бойс, стало для меня ярчайшим доказательством фарсовой природы этого разбирательства. По-моему, его заявление ясно показало, насколько слепа была полиция и какое невнимание она проявила к обстоятельствам этого дела с самого начала — с января 2001 года.

* * *

В пятницу 1 ноября — в День Всех Святых — атмосфера была пропитана любопытством. Журналистов собрались сотни, столько, наверное, никогда еще не видели в Олд-Бейли. Я старался не думать о том, что принесет мне этот день. Выдержав две недели судебного разбирательства, я снова оказался в исходной точке. Меня переполнял страх.

— Произошло что-то очень важное, — сказал накануне лорд Карлайл.

Как назло, утром в Олд-Бейли сработала пожарная сигнализация, и всех спешно заставили покинуть здание. Я стоял рядом с лордом Карлайлом и Эндрю Шоу, а вокруг толпились журналисты, фотографы, операторы. Я старался выглядеть спокойным, пытаясь сосредоточиться на том, что говорили вокруг

меня, но ничего не получалось. Я никак не мог справиться со своим нервным напряжением, и оно мешало мне собраться с мыслями.

Потом нас пригласили обратно в зал суда.

А за несколько минут до этого лорд Карлайл сказал:

— Полиция засуетилась, видимо собирается разъезжаться. Это хороший знак.

Он был первым в тот день, кто меня немного приободрил. Когда я ждал у зала суда, зазвонил мой сотовый. Это был журналист Стив Денис. Голос у него дрожал. Он стоял с другой стороны двойных дверей, возле лестницы.

— Пол, у них все рухнет. Никто не знает почему, но дело явно подходит к концу. Тут появились пресс-секретари из Службы уголовного преследования и лондонской полиция.

Я не понял, что это должно означать.

— И что?

— А то. Это значит, что они приехали, чтобы прикрыть своих. Пол, все знают, что сегодня вынесут решение!

Я не мог в это поверить.

— Нет… не верю! Быть не может. Мне пора идти, — я закончил звонок.

— Пол, пора, — позвал лорд Карлайл.

Я вдруг стал смотреть на все как-то отстранение Я вошел и сел на скамью подсудимых. Мне улыбнулась охранница, Мишель. Троекратный стук в дверь. В зал вошла миссис Джастис Рафферти, все примолкли.

Тут поднялся Уильям Бойс.

— Ваша честь, обвинение в своих утверждениях базировалось преимущественно на отсутствии доказательств того, что Баррел сообщал кому бы то ни было о том, что у него находятся вещи, принадлежащие наследникам принцессы Дианы…

В этот раз мне так не терпелось узнать, что он скажет дальше, что я пропустил мимо ушей его очередную ложь.

— Более того, свидетелей обвинения опрашивали и подвергали перекрестному допросу, предполагая, что у следствия нет доказательств того, что Баррел поставил кого-либо в известность о том, что у него находится кое-что из имущества принцессы Дианы…

«Опять неверно, — подумал я. — Письмо принцу Чарльзу все время было у вас под носом».

Бойс продолжал:

— В прошедший понедельник полиция уведомила следствие о том, что во время частной аудиенции у королевы, состоявшейся через несколько недель после смерти принцессы Дианы, мистер

Баррел упомянул о том, что он…

Мистер Бойс стал подробно объяснять, что, таким образом, предпосылки для рассмотрения дела были неверными. Оказалось, что на прошлой неделе герцог Эдинбургский сообщил принцу Чарльзу, когда они ехали на богослужение в память о погибших при бомбардировках на Бали, что я говорил королеве, что хочу забрать документы на хранение. Принц Чарльз на следующий же день позвонил своему личному секретарю сэру Майклу Питу. Затем спросил на всякий случай королеву. Только тогда Сент-Джеймсский дворец поставил в известность Скотленд-Ярд.

Уильям Бойс закончил свою речь так:

— В свете этих фактов самым правильным было бы остановить разбирательство дела и рекомендовать присяжным признать Баррела невиновным.

А я сидел и пытался осмыслить его торопливое заявление. Я взглянул на лорда Карлайла. Тот улыбнулся. Я посмотрел на Эндрю Шоу, который не покидал меня с того самого дня, когда полиция устроила обыск в моем доме. Он откинулся на спинку скамьи. В нашем лагере все облегченно вздохнули. И тут она сказала — я никогда не забуду этих слов:

— Мистер Баррел, вы свободны, — миссис Джастис Рафферти улыбнулась.

Секунду или две я не мог пошевелиться. Потом опять поглядел на лорда Карлайла. Он кивнул и шепотом сказал: «Выходи».

Я поднялся, не зная, смогу ли вообще устоять на ногах. К горлу подступил комок. Все смотрели на меня. Когда я отодвигал стул, его ножки с грохотом проехали по полу, потом я пошел к выходу, и мои шаги отдавались в гулкой тишине. Охранница Мишель подала мне руку. Журналисты молча на меня смотрели. Я сел в зале. Оттуда я слушал как судья в отсутствие присяжных объявила о том, что по всем трем пунктам обвинения снимаются.

Затем миссис Джастис Рафферти вышла из зала суда. Журналисты бросились трубить на весь мир об удивительном вмешательстве королевы. Тот самый свидетель, которого я не имел права просить прийти в суд, протянул мне руку помощи. Королева, которой я служил много лет, выступила в мою защиту ради памяти другой удивительной женщины — принцессы Уэльской. Журналисты бросились к выходу, а я подошел к лорду Карлайлу.

— И все?

— Все, Пол. Все закончилось.

Я не смог сдержать рыданий и уткнулся в плечо моего адвоката. У этого человека хватило смелости бросить вызов

обвинению в таком сложном деле, и даже теперь он не бросил меня одного. На его мантии уже расплывалось пятно от моих слез. Он похлопывал меня по спине.

— Думаю, пора отправиться обедать. Я знаю хороший ресторан на Ковент-гарден, — сказал он.

Тут Эндрю Шоу передал мне свой сотовый, пояснив:

— Это Мария.

Я взял телефон и услышал, что она плачет от счастья. Кажется, я смог сказать только:

— Дорогая… — и тоже разрыдался. — Это все королева. Это королева, — говорил я ей. Вокруг меня стояли улыбающиеся адвокаты. Наконец-то это дело, вымотавшее всех, подошло к концу.

Мария была в таком состоянии, что вряд ли понимала мои слова. Она сказала:

— Вот, слушай!

Она отняла трубку от уха, и до меня донеслись радостные крики. Это в наш цветочный магазин пришли наши родственники и покупатели, чтобы выразить свою радость за меня.

Мы с Эндрю Шоу вышли на улицу. Мне казалось, что я не иду, а лечу. Вокруг меня толпились журналисты, фотографы, телеоператоры. Полицейские, взявшие меня в кольцо, пытались их оттеснить. Мне приходилось хвататься за полицейских, чтобы не упасть.

— Пол! Пол! — кричали фотографы. — Пол! Смотри сюда!

Я споткнулся о ногу поваленного на землю репортера и сам чуть не упал. Я поднял голову и увидел, что из всех окон на меня смотрят люди, в некоторых офисах даже пооткрывали настежь окна, а сотрудники высунулись и машут мне руками. Я хотел помахать в ответ, но в тисках толпы было невозможно пошевелиться.

Затем Эндрю Шоу от моего имени сделал заявление для прессы. В конце улицы было заранее подготовлено место для пресс-конференции — огороженный пятачок. Он всех поблагодарил, сказал, что я чувствую огромное облегчение. А вокруг все кричали «Пол! Пол!». Я чувствовал себя опустошенным и усталым, но, если бы у меня были силы, я бы закричал на весь мир: «Господи! Какое счастье быть свободным!».

Мы все отправились в ресторан на Ковент-гарден. Там было тихо. Во всем зале кроме нас было только четверо. Но, как только я вошел, они принялись хлопать и бросились пожимать мне руку.

На нашем победном пиру присутствовали два особых гостя: друзья принцессы Ричард Кей и Сьюзи Кассем. Думаю, я никогда в жизни не обнимал Сьюзи так крепко, как в тот раз.

— Она смотрит на тебя с небес, — сказала она, и мы расплакались.

Когда мы уселись, в ресторан вошла Фиона Брюс с Би-би-си. На улице шел дождь, она промокла насквозь, но судя по всему, ей было все равно. Она принесла мне в подарок бутылку шампанского.

— Я хотела поздравить тебя, Пол, — сказала она, поцеловала меня в щеку и ушла. А мы стали праздновать мое освобождение.

Вечером я вернулся домой, в Чешир. В конце концов я получил возможность высказаться, хотя мне и не удалось сделать это в суде. Все, что я хотел сказать в свою защиту в суде, я повторил для «Дейли Мейл». Тут на меня накинулись и другие газеты Британии и США. Я пережил уголовное преследование, а теперь еще две недели вынужден был переживать преследование прессы. И опять меня обвиняли в том, что я продался, что я предал принцессу, так что мне снова пришлось столкнуться с воинствующим неведением.

Даже написав эту книгу, я не предал принцессу. Потому что, прежде чем решать, что является предательством, а что — нет, надо осознать объем этой информации. Именно поэтому я смело могу сказать, что остался верен принцессе. И она бы это поняла. Вы, может быть, захотите узнать, что было дальше?

Дальше меня ждала новая жизнь. Я вышел из Олд-Бейли навстречу своему будущему. Но я ни за что не откажусь от прошлого. Не знаю, недостаток это или наоборот — сильная сторона. Я смог отстоять себя в суде, и теперь мой долг — защитить от поругания репутацию принцессы и не дать людям забыть об этой удивительной женщине. Я бережно храню все воспоминания о ней. Некоторые думают, что мое нежелание забыть принцессу нездорово, но мне просто хорошо жить с ее образом в своем сердце.

Я стал сильнее, чем прежде. Но, несмотря на усилия полиции, не утратил веру в людей. Я знаю, что есть миллионы таких, как я, кто считает: память о принцессе должна быть такой же живой и трепетной, как тот волшебный след, который она оставляла в душах всех, с кем соприкасалась.

Начну ли я новую жизнь? Начну. Забуду ли когда-нибудь принцессу? Нет. Принцесса оставила мне ценный дар своего тепла и доброты. Делясь с вами кое-какими из своих воспоминаний о ней, я надеялся, что мне удалось в этих записях отразить ее светлую личность. Что бы ни случилось, я всегда буду защищать память принцессы. Потому что она хотела бы именно этого.

Я знаю, какие отношения нас связывали. Знаю, насколько они

были глубокими. Я знал, что нас ждало в будущем. И никто никогда не отнимет у меня ее последнего письма, которое она оставила на столе в буфетной в августе, незадолго до смерти.

Я часто его перечитывал, потому что оно придавало мне сил и утешало в трудные минуты. Как оказалось, это письмо стало ее прощанием со мной. Думаю, оно подойдет и для конца книги:

Дорогой Пол,

Ты, мой провидец, наверное, понял, что эта поездка очень важна для меня.

Я и сама это знаю. И сейчас хочу признаться тебе на этом листке бумаги, как мне приятно, что ты разделяешь со мной эту радость. Какой чудный секрет!

Ты — просто чудо! Ты каждый день умудряешься выполнять все мои поручения и капризы, хотя меня ужасно раздражает, что ты всегда оказываешься прав!

Но, если говорить серьезно, твоя поддержка, как всегда, была для меня бесценна. Только благодаря тебе мне удалось не потерять рассудок во всем кошмаре тех лет…

Теперь времена меняются, и скоро мы все сможем отдохнуть и отправиться навстречу новой, прекрасной жизни в новых краях!

Пол, спасибо тебе за твою невероятную стойкость и преданность.

С любовью, Диана

А что за секрет?

Простите. Но это останется между дворецким и его принцессой.

= = = =

[7] Пьюджин, Август Уэлби Нортмор (1812–1852) — знаменитый британский архитектор, один из идеологов неоготики.

[8] Популярные желтые газеты в Великобритании.

[9] Ирландская Республиканская Армия.

[10] Начальные буквы имен: Королева Елизавета II (Elizabeth II Regina) и Филипп (Philip).

[11] Английские инициалы имен: Чарльз (Charles) и Камилла (Camilla).

[12] Английские инициалы имен: Чарльз (Charles) и Диана (Diana).

[13] Жаркое из риса, мяса и карри.

[14] Дэвис, Бетт — знаменитая американская актриса 20—30-х гг.

[15] Ступня — символ лакейского звания от англ. footman — лакей, букв. «человек у ног».

[16] Алкогольный напиток на основе джина.

[17] Желтые издания в Великобритании, популярные среди рабочего класса.

[18] Ужасный год (лат.)

[19] «Короткая встреча» (A Brief Encounter) — фильм английского режиссера Дэвида Лина, 1945 г.

[20] Бригадир — в Великобритании младшее генеральское звание в сухопутных войсках и в морской пехоте.

[21] «Маркс энд Спенсер» (Marks & Spencer) — сеть универмагов одежды для среднего класса.

[22] «Смит» (WH Smith) — широкая сеть книжной, аудио- и видеопродукции в Великобритании.

[23] Героиня мультфильма «101 далматинец».

[24] Улица в Лондоне, где традиционно располагались редакции крупнейших газет Великобритании.

[25] Штат в Австралии.

[26] Мелван Джалал ад-Дин Руми, афганский поэт-мистик XIII века.

[27] Историческое прозвище английского короля Генриха V.

[28] Самая крупная аптечная сеть в Великобритании.

[29] Entertaining with Style, Carlton Books Limited, 1999; In the Royal Manner, Warner Books, 1999.

[30] Южное блюдо из баклажан с сыром.